

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

К 300-летию Санкт-Петербурга

Петровский Петербург глазами иностранцев

Либерально-демократическая общественность
Петербурга в 1860–1870-е гг.

Городские головы Санкт-Петербурга 1873–1903 гг.

Промышленность Ленинграда в годы блокады

Вспоминая Великую Отечественную...

Интервью с В.С. Емельяновым и И.Т. Пересыпкинским

Формирование и развитие государств на территории
восточных славян в IX–XIII вв.

О происхождении «холопства» Московской знати

Русское присутствие в Святой Земле. *Окончание*

Консерватор у власти: губернатор Н.П. Муратов

Пришел ли постмодернизм в Россию?

Советская авиапромышленность накануне
Великой Отечественной войны

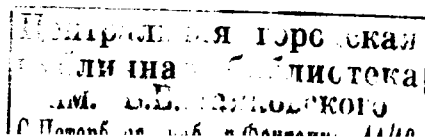
Ровесники Великой Отечественной войны

Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина

3

май
июнь

2003 * 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*),
А.И. АКСЕНОВ, В.Я. ГРОСУЛ, П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ,
А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.А. КУЧКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК,
В.А. НЕВЕЖИН, Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР,
Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.В. ТРЕПАВЛОВ

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Наша электронная почта:

otech_ist@mail.ru

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова

Тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S.V. TIUTIUKIN (*Editor-in-chief*),
A.I. AKSIONOV, V.Ya. GROSUL, P.N. ZYRIANOV, A.E. IVANOV, A.V. IGNATIEV,
A.P. KORELIN, Yu.S. KUKUSHKIN, V.A. KUCHKIN, V.S. LEL'CHOUK,
V.A. NEVEZHIN, L.N. NEZHINSKII, Yu.A. PETROV, E.I. PIVOVAR,
Yu.A. POLYAKOV, M.A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A.N. SAKHAROV, S.S. SEKIRINSKII, V.V. TREPAVLOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova

Tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКИХ ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСКЕТА И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКЕТА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

ПЕТРОВСКИЙ ПЕТЕРБУРГ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Появление в устье Невы русского города-крепости, основанного 16 мая 1703 г., изначально вызывало оживленный интерес за рубежом. Уже в первые годы существования Петербурга сведения о нем появились в донесениях иностранных дипломатов, а к 1710-м гг. в Европе возникла потребность в более разносторонней информации о граде Петра. В результате на Западе в рукописном и печатном виде стали распространяться о нем различные сообщения очевидцев. Частью они входили в сочинения о России, частью представляли собой отдельные брошюры с описанием города. Первым таким самостоятельным произведением стало «Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург...» 1710–1711 гг. неизвестного автора, которое увидело свет в Лейпциге в 1713 г. В предисловии издателя указывалось, что «этот важный город до сих пор верно... не отмечен ни одним из новейших географов», а далее уже автор сообщал, что «о С.-Петербурге на протяжении нескольких лет говорят и пишут часто» и при этом многие спрашивают не является ли он прежним Ниеншанцем¹. Но спустя всего несколько лет за Петербургом закрепилась характеристика «всемирно известного и высоко прославленного» (так писал о нем в своих «Странствованиях» швейцарец Хр. Гассман²), а в одном из немецких университетов о новой русской столице даже читались лекции³.

В столь стремительном распространении сведений о Петербурге, помимо донесений иностранных дипломатов⁴, особую роль сыграли мемуарные сочинения. С 1710 г. город на Неве описывали посетившие его европейцы. Упомянутое «Точное известие...» неизвестного автора⁵, изданное неким Н.Г. и по сути дела явившееся путеводителем по городу, задавало некий образец описания Петербурга и открыло серию сочинений, посвященных «парадизу». На основе «Точного известия...» с добавлением личных впечатлений 1716–1717 гг. другой немец, Геркенс, создал свое описание Петербурга и в 1718 г. опубликовал его во Франкфурте и Лейпциге⁶. Затем произведение Геркенса в сокращенном варианте без указания автора, места и года издания было напечатано под заголовком «Краткое описание большого императорского города С.-Петербурга»⁷ и в переработанном виде легло в основу «Приложения о городе Петербурге...» к сочинению «Преображенная Россия» ганноверского резидента Х.Ф. Вебера⁸.

К работам подобного рода можно отнести также «Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями» шведа Л.Ю. Эренмальма, запечатлевшего город в 1710–1713 гг.⁹ Наконец, в 1720 г. специальное описание новой столицы России под названием «Петербург в 1720 г.: записки поляка-очевидца» создает неизвестный участник польского посольства в Петербурге, возглавлявшегося Ст. Хаментовским. Составленное после возвращения посольства в Польшу на основе петербургских записей, оно, как и труд Л.Ю. Эренмальма, было известно современникам только в рукописи¹⁰.

Помимо указанных специальных произведений описание петербургских событий и характеристики новой столицы содержат дневники и воспоминания побывавших в Петербурге выходцев из Западной Европы. Судьба этих произведений различна. Некоторые из них становились известны лишь узкому окружению авторов, другие, будучи

* Агеева Ольга Гениевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

опубликованы, активно формировали представление о новом городе европейского общества в целом. Последнее касается прежде всего сочинения английского военного инженера Дж. Перри (опубликовано в Лондоне в 1716 г.)¹¹, «Преображенной России» дипломата Х.Ф. Вебера (вышла из печати с приложением о Петербурге частями в 1721 и 1729 гг. в Ганновере и в 1738 и 1744 гг. во Франкфурте-на-Майне)¹², а также «Странствований» швейцарского каменщика Христиана Гассмана (изданы в Цюрихе в 1725 г.)¹³. Помимо этого ценные сведения о городе, отражающие взгляд на него современников петровских преобразований, сообщил в своих записках-дневнике 1709–1711 гг. датский посланник Ю. Юль¹⁴. Очевидцем петербургских событий 1714–1721 гг. являлся шотландец П.Г. Брюс¹⁵, ряд событий 1716–1725 гг. осветил в «Записках при Петре Великом» служивший голштинскому двору саксонец Г.Ф. фон Бассевич¹⁶, а в 1721–1725 гг. подробный дневник с многочисленными петербургскими записями вел голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц¹⁷. Наконец, значительно позже, в 1737 г. по записям, делавшимся в России в середине 1710 – начале 1720-х гг., создал свои воспоминания переводчик прусского посольства И.Г. Фоккеродт¹⁸.

Перечисленные авторы мемуарных сочинений оказались в России в силу разных обстоятельств. Капитан Дж. Перри находился на русской службе с 1698 по 1715 г. В России он занимался строительством каналов и верфей в Поволжье, Воронеже, Петербурге, Москве и на территории от Ладоги до Волги; Петербург посещал в начале 1710-х гг. По военной линии служил в России в 1710–1724 гг. П.Г. Брюс – родственник русской ветви знаменитого семейства Брюсов. В 1714–1716 и 1717–1721 гг. он жил в Петербурге.

Некоторые сочинения о Петербурге принадлежат перу дипломатов. Так, датский посланник Ю. Юль был аккредитован при русском дворе в 1709–1711 гг., свое произведение о России он написал по дневниковым записям после возвращения на родину (в 1715 г. погиб в морском сражении). Посланник ганноверского курфюрста Ф.Х. Вебер находился при царском дворе в 1714–1719 гг. и до 1717 г. вел дневник, затем около 1720 г. в преддверие публикации дополнил свои записи и создал упомянутое выше приложение о Петербурге. По дипломатической линии находился в России и Г.Ф. Бассевич. Со свитой своего патрона герцога голштинского Карла-Фридриха оказался в России и прожил здесь до 1727 гг. камер-юнкер герцога Ф.-В. Берхгольц (свой дневник он вел до 1725 г.). Упомянутый неизвестный польский автор записок 1720 г. прибыл в Петербург на несколько месяцев с посольством, направленным королем Августом II. По контракту служил у частных лиц (Я.В. Брюса и Д.К. Кантемира), а затем в качестве секретаря прусского посольства И.Г. Фоккеродт, проживший в России с 1712 по 1737 г.

Хр. Гассман, каменщик из Швейцарии, учившийся в нескольких городах Германии, оказался в России с армией Карла XII. Попав в плен под Полтавой, он жил в различных частях страны, в том числе в Поволжье и в обеих столицах. В качестве военнопленного, после взятия Выборга в 1710 г., находился в России и финляндский швед Л.Ю. Эренмалм, вернувшийся на родину в 1714 г.

Сведения этих людей о Петербурге, их личные впечатления о городе, а также сообщения английских, французских и немецких дипломатов сформировали в европейском обществе образ новой столицы России. При этом несколько сюжетов, характерных для оценок Петербурга с точки зрения его геополитического значения, появились уже в 1700-е гг. Подогреваемые заявлениями русских властей и сообщениями газеты «Ведомости», в которой уже в августовском номере за 1703 г. основание Петербурга «недалече от Шлотбурга при море» подавалось как строительство военной крепости на Балтике и центра будущей международной торговли Европы с Азией (сюда должны были приходить товары, привозимые с Запада к Риге, Нарве и Ниеншанцу, а с Востока – «персидские и китайские»)¹⁹, дипломаты с 1705 г. регулярно информировали о происходящем на Неве свои правительства. Хорошо осознавая стратегическое значение балтийского форпоста России, они пытались предсказать последствия появления русских на Балтике, сообщали о планах и действиях царя по заведению здесь морской торговли, о строительстве русского флота и коммуникаций, соединяющих Петербург с центром страны, Волгой и Каспийским морем.

Так, в 1705–1706 гг. английский посланник Ч. Уитворт (Витворт) неоднократно повторял в донесениях, что царь «горячо стремится положить начало торговле Петербурга», что «царь страстно желает открыть торговлю в этом крае», что он «хочет видеть несколько английских судов в русских портах Балтийского моря». В 1706 г. Ч. Уитворт писал в Лондон, что «царь... склонен к миру..., для достижения этой цели он охотно поступится Дерптом... и самую Нарвою...; он только желает оставить за собою Ингрию и свой возлюбленный Петербург – местность настолько близкую его сердцу, что он лучше рискнет всем царством, чем выпустит из рук эту добычу»²⁰. Почти в тех же выражениях об особом пристрастии царя к Петербургу в начале 1710-х гг. сообщал и швед Л.Ю. Эренмалм: «...Царь так привязался своим сердцем и чувствами к Петербургу, что... без сильнейшего принуждения вряд ли сможет с ним расстаться. Он... неоднократно говорил, целую крест, что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург»²¹.

В период интенсивного развития города с начала 1710-х гг. постоянной составляющей описаний строений царской резиденции («Точное известие...» 1710–1711 г., сочинения П.Г. Брюса, Х.Ф. Вебера, Ф.-В. Берхгольца и др.) стали гавани, Гостиный двор на Петербургском острове, склады, рынки и другие торговые сооружения. Иностранцы описывали и многонациональную купеческую среду Петербурга, причем не только западноевропейскую, но и азиатскую: например, П.Г. Брюс сообщал, что на Петербургском острове проживали «азиатские купцы» – «армяне, персы, турки, татары, китайцы и индусы»²².

В начале 1710-х гг. внимание мемуаристов привлекло массовое переселение на Неву «лучших купеческих домов» со всей страны и особенно предполагавшаяся застройка о. Котлин, для которого был составлен план регулярного города (не был осуществлен). О спроектированных 7 тыс. каменных домов и сети каналов (как в Голландии) в 1712 г. писал в Лондон английский посол Уитворт, полагавший, что именно здесь, на Котлине, царь «решил строить город-резиденцию для купечества, который в несколько лет богатством и красотой должен сравняться с Амстердамом, стать северной Венецией и сосредоточить в себе всю русскую торговлю». Интересно, что при этом Уитворт докладывал о первом проекте защиты Котлина от наводнений – возведении плотины, «которая обогнет город»²³. О проекте заселения Котлина – этого «нового Амстердама», о строительстве «множества магазинов и кладовых для купцов» в «новой любимой столице» царя, о переводе в устье Невы всей русской торговли (в том числе из Архангельска), а также персидской, китайской и части индийской, сообщали Дж. Перри и Л.Ю. Эренмалм²⁴.

Законодательство по переводу торговли из Архангельска на Балтику и привилегии «порту и городу» Петербургу, которые должны были сделать его «цветущим», привлекли внимание французского консула Лави²⁵. С особым интересом мемуаристы относились к торгово-дипломатическим контактам России. Так, очень подробно П.Г. Брюс и Х.Ф. Вебер описали пребывание в Петербурге в 1714 г. посольства хивинского хана – «Узбекской Татарии», в результате которого Россия должна была получить удобный торговый путь в Китай через Среднюю Азию. Послу показывали Кронштадт с гаванями для торговых морских судов, русский флот²⁶. Та же демонстрация морской мощи России в Кронштадте и ее новых торговых возможностей – на сей раз посланнику польского короля Августа II – представлена неизвестным участником посольства в 1720 г.²⁷.

С особым вниманием иностранные авторы наблюдали за строительством коммуникаций Петербурга. Уже через два с половиной года после его основания дипломаты подробно докладывали о создании водного пути Азовское море – Каспий – Волга – Нева. О состоянии работ по этому проекту в июле 1705 и январе 1706 г. доносил в Лондон Уитворт, также сообщивший о поручении английским математикам Фергюсону и Гвану составить проект прямого пути между Петербургом и Москвой. Спустя шесть лет, в 1712 г., он рассказывал о сложностях строительства канала, соединяющего Петербург с Волгой, и о деятельности Дж. Перри, занимавшегося «канальным делом». Позже и

сам Перри подробно описал результаты своей службы²⁸. За строительством системы каналов внимательно следили дипломаты и других стран. В 1717 и 1720 гг. сведения о Ладожском канале, который сделает петербургскую торговлю «одною из лучших в свете», сообщал в письмах в Париж Лави, в 1723–1724 гг. о выдающейся роли в завершении стройки Б.К. Миниха доносили польско-саксонскому двору легационный секретарь Мюллер и посланник Лефор²⁹.

В круг петербургских тем вошли создание русского морского флота, пристрастия Петра I к морю и кораблям. Иностранцы, отмечавшие, что «достижение морского могущества составляет преобладающую страсть царя...» (Лави), неоднократно описывали флот русского монарха, указывая численность и вооружение его кораблей. Именно увлечением Петра морем многие из них объясняли само основание Петербурга и перенос в него столицы. Впрочем, И.Г. Фоккеродт дополнил этот фактор «желанием Петра увековечить имя свое построением города, подобно Александру Македонскому или Константину Великому», и ненавистью к Москве, которую Петр был готов «сравнять с землей»³⁰.

Однако в сознании европейцев высокая оценка деятельности Петра и слава Петербурга сочетались с опасениями и враждебностью. Так, уже в 1706 г. английский посол Ч. Уитворт в переписке с Лондоном, констатируя, что впереди непримиримая схватка за устье Невы между Петром I и Карлом XII («один решился удержать Петербург, другой же вряд ли без последней крайности позволит врагу утвердиться там или в каком бы то ни было пункте балтийского побережья»), прямо поставил перед своим правительством вопрос о том, насколько Англии и Голландии «выгодно будет отворить царю дверь к европейским делам и торговле», а далее призвал к противодействию России: «Если... интересы Англии требуют удаления русских от Балтийского моря, необходимо обдумать, каким путем удобнее и благовиднее достигнуть такого результата». Интересно, что и в случае шведской победы Уитворт рассчитывал извлечь выгоду для своей страны и разрабатывал план превращения детища Петра I в зону, благоприятную для английской торговли. В возвращенном Швеции Петербурге, – писал он, – «русские, англичане и все вообще иностранцы получили бы право свободной торговли с уплатой небольшой пошлины...»³¹

Швейцарец Хр. Гассман, рассказывая о ситуации середины 1700-х гг., также сообщал об «угрожающем всей Европе Петербурге» и о той неосторожности, с которой Карл XII «допустил царя стать твердой ногой в Ингерманландии... и заложить к величайшему вреду для Швеции ныне на весь свет знаменитую крепость Петербург»³². Подробно «вред» Швеции от появления Петербурга раскрыл в своем сочинении-предостережении соотечественникам побывавший в плену Л.Ю. Эренмальм. Он четко обозначил потери от прекращения шведского посредничества в торговле русскими товарами на Западе, большой ущерб лифляндских городов от запрета возить туда русские товары, а также то, что «наибольший ущерб, если Петербург отойдет к России и останется в руках царя, понесет безопасность Швеции, поскольку она подвержена опасности нападения с моря со всех сторон». Особый страх у Эренмальма вызывали совместные русско-датские планы блокирования шведского флота и высадки десанта на территории самой Швеции. По его мнению, Швеция не может чувствовать себя в безопасности, «покуда это разбойничье гнездо находится в пределах России и держит в руках своих Выборг»³³.

В 1710-е гг. сугубо политико-экономический взгляд на Петербург дополнился темой создания на Неве европейского чудо-города и просвещенной новой русской столицы. Теперь иностранцы описывают панораму застройки и само строительство города, отношение к нему русского общества и культурную жизнь царского «парадиза»-рая. В эти годы существенно дополняются сведения о местонахождении Петербурга (в 1716 г. Дж. Перри опубликовал точные координаты Петербурга – 60°15' северной широты), его климате и почве. При этом впервые было рассказано о ставших впоследствии знаменитыми петербургских белых ночах и наводивших ужас новских наводнениях³⁴. Мемуаристика отразила, в частности, внимание к политике Петра I по массовому пересе-

лению людей в город на Неве. Впервые о существовании таких планов иностранные дипломаты сообщили в 1710 г., когда узнали и о намерении царя перенести на Неву столицу. Это зафиксировано в донесении в Лондон секретаря Л. Вейсброда, сообщившего, что в частном разговоре царь упомянул о желании перенести свою резиденцию в Петербург и отдать приказ большинству знатных лиц о строительстве здесь их домов³⁵.

Перенесение столицы, как известно, состоялось два года спустя, и тогда же вышел первый указ о массовом переселении сюда людей (от 16 января 1712 г.), что сразу попало в письма дипломатов. Так, в мае 1712 г. Уитворт, уже переехавший в новую столицу, сообщал, что 18 апреля в Москву отправлен царский указ о переселении в город 1000 дворянских семейств, 1000 семей купеческих и торговых людей, 2 тыс. ремесленников и что всего предполагается выселение в Петербург к следующей зиме 5 тыс. семей. Об одном из повторных законодательных актов на эту тему в 1715 г. сообщил в «Записках» Х.Ф. Вебер («... в Россию послан указ о выселении из оной еще 12000 семейств в Петербург на жительство»), а об указе 1717 г. упомянул консул Лави, по данным которого предполагалось переселение 6 тыс. человек (обе цифры – 12 тыс. и 6 тыс. явно преувеличены)³⁶.

Ярким показателем роста города была численность его домов. «Всякий с удивлением и восхищением смотрел на быстрое развитие и рост этого города, в котором за краткое время было уже построено много тысяч домов», – сообщал о Петербурге середины 1710-х гг. П.Г. Брюс. Более точные данные старались узнать дипломаты. В январе 1712 г. Уитворт сообщил, что Петербург «сильно растет по числу домов», которое составляет уже 1500. В 1714 г., по результатам только что проведенной переписи, Вебер сделал запись, в Петербурге «найдено» 34550 «больших и малых» домов. В 1717 г. Лави отметил, «по последнему исчислению», что количество домов в этом городе «простирается до 59000, считая в этом числе дворцы и прочие здания». Ту же преувеличенную цифру – 60 тыс. в начале 1720-х гг. назвал читателю в приложении к «Преображенной России» Х.Ф. Вебер, подчеркнувший, что новая столица теперь не уступает по численности жителей и домов «какому-либо германскому городу»³⁷. Как определяли иностранцы численность петербургских домов, сказать трудно, ибо в русских источниках было принято указывать не отдельные строения, а дворы, которых в 1710 г. в Петербурге насчитывалось около 750–800 при населении свыше 8 тыс. человек, в 1717 г. – около 4500, в 1725 – около 6 тыс. К концу царствования Петра I население новой столицы приблизилось к 40 тыс. человек³⁸.

Будучи показателем мощи государства, рост города не означал еще его «цивилизованности». Это хорошо показывают оценки мемуаристами внешнего облика Петербурга, его архитектуры и культуры, которые не так однозначны, как характеристики военного, политического и экономического значения города, ибо последние могут быть точно «измерены» количеством кораблей и пушек, оборотом торгового капитала и т.д. Подход к внешнему облику русских городов, в том числе невольской столицы, отражал не поддающуюся подсчетам и в значительной степени субъективную систему ценностных ориентаций выходцев из европейских стран³⁹. Как известно, ранний, достоличный Петербург, несмотря на наличие в нем новшества регулярных крепостей, отдельных прямых улиц и некоторых зданий в «новом» вкусе, в целом строился в соответствии с древнерусской градостроительной системой. Районы города, слободы имели гнездовую планировку, искривленные неравной длины и ширины улицы, состоящие из деревянных домов-дворов. Следы этой традиционной застройки оставались и в период интенсивного строительства Петербурга по европейским нормам. Поэтому первое, что бросалось в глаза иностранцам, – это не соответствующие западным нормам черты пространственного решения русской столицы. Не знакомые друг с другом Х.Ф. Вебер, Ф.В. Берхгольц, Хр. Гассман увидели в царском регулярном «парадизе» не город (на Западе – огороженный крепостной стеной единый массив построек), а комплекс отдельных селений, районов-слобод. В феврале 1714 г. Ф.Х. Вебер разочарованно писал: «Вместо воображаемого мною порядочного города, я нашел тогда кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения американских колоний». Швейцарец Хр. Гас-

сман отметил, что Петербург «можно сравнить не столько с городом, сколько с сельской местностью из-за многочисленных лежащих одно около другого поселений, отделенных друг от друга водным пространством». Даже в 1721 г. Ф.В. Берхгольц не смог пройти мимо того факта, что город «во многих местах... еще неплотно застроен», и добавил: «Но эти промежутки не замедлят заполниться, если царь еще долго будет жить»⁴⁰.

Объяснить устойчивое внимание выходцев с Запада к «разорванной» планировке града Петрова, как и к ряду других его черт, можно только одним – острым восприятием «чужого», в основе которого лежало различие самих принципов градостроения в России и на Западе. В чем же оно состояло? В отечественном зодчестве строительство «привязывалось» к природному ландшафту и главным законом являлось достижение гармонии, синтеза природной и рукотворной среды. Такие черты планировки хорошо сочетались с излюбленной радиально-концентрической системой, присущей застройке $\frac{3}{4}$ всех русских городов⁴¹. В основе новоевропейского градостроительства лежал принцип преодоления природы, господства над ней разума человека. Созданная в XVI–XVII вв. (идеи А. Палладио, Д. Фонтана, Ф. Блонделя) модель идеального «регулярного» города строилась на математически правильных пропорциях улиц с прямой трассировкой, геометрически правильных кварталов, площадей, парков и домов, объединенных общим планом⁴². Именно такой город считался в Европе начала XVIII в. прекрасным и имманентно присутствовал в сознании европейцев, оценивающих русские города с их средневековой естественно разросшейся застройкой, живописными, но искривленными и неравной длины улицами. Естественно, что увиденное в России, обладавшей своей многовековой культурой зодчества, воспринималось ими негативно, как некрасивое и безобразное. Иностранцам не нравились: «отсутствие известного порядка» домов, разбросанность больших и каменных домов «там и сям» – среди небольших и деревянных, то, что дома не выходили на улицу и были построены внутри дворов, а сами улицы были «выведены беспорядочно»⁴³.

Все это было присуще раннему Петербургу и исправлялось там по царским указам. Начиная с 1710-х гг. в новой столице проводилось выпрямление улиц и перенос домов на красную линию, централизованно делалась разметка геометрически правильных участков, на которых здания строились по «правильным» чертежам архитекторов (были созданы типовые проекты домов для людей разного достатка), в с начала 1710-х гг. составлялись правильные планы для отдельных районов, а затем и всего города (Д. Трезини, Ж.Б.А. Леблон). В глазах выходцев из Западной Европы все это, но особенно «правильные» проекты застройки, знаменовало приход в «варварскую» Россию «цивилизации» – «знаний и искусств» (на их отсутствие в допетровское время как на один из признаков «варварства» русских указывал И.Г. Фоккеродт⁴⁴) и вызывало исключительный интерес. Уже отмечалось то внимание, которое было проявлено в 1712 г. к регулярному плану о. Котлин. Так же тщательно в 1717 г. отслеживали французские дипломаты ситуацию с планом строительства Васильевского острова, когда при уже начавшихся по проекту Д. Трезини работах был составлен новый генеральный план Петербурга французом Ж.Б.А. Леблоном (принят не был). В январе Лави доносил в Париж, что «г. Леблон приготовил новый план Петербурга со всеми предварительными работами... План этот будет послан царю, и если он его одобрит, то город этот будет одним из самых правильных и укрепленных в Европе». В июне он же сообщал, что Леблону поручено сделать план Кроншлота, а «на Васильевском острове продолжают строить город по плану, составленному итальянским архитектором и инженером Фрезини... Я ухаживаю за ними обоими, чтобы получить от них копии этих планов». В ноябре того же года Лави доносил об осмотре царем работ Леблона в Кроншлоте, Петергофе, Стрельне (архитектор теперь сосредоточился на пригородах) и о том, что Петр «остался ими доволен»⁴⁵. Отметим, что деятельность зарубежных архитекторов А. Шлютера, Д. Трезини, Ж.Б.А. Леблона, Г. Маттарнови всегда находилась в центре внимания иностранцев, но особо они отмечали большую роль в планировке Петербурга самого Петра. Так, относительно самого раннего его периода польский мемуарист

писал, что тогда «царь чертил план города и измерял берега реки, ее рукава и каналы»⁴⁶.

Критическое отношение было у иностранцев не только к пространственному решению города, но и к архитектуре отдельных зданий, улиц, площадей. Неоднократно описанная разными авторами панорама Петербурга состояла не только из его отдельных районов и основных сооружений – Петропавловской и Адмиралтейской крепостей, церквей (Петропавловской, св. Троицы, Исаакиевской, Воскресенской на Васильевском острове), административных и общественных зданий (Главной канцелярии, Гостиного и Мытного дворов, типографии, трактира, Почтового дома и др.). Авторы обязательно описывали царские Летние и Зимние дворцы и сады. Их внимание привлекали также рынки, площади (Царицын луг), городские предприятия (литейня, галерный двор и пр.) и частная застройка – наиболее значительные дома-дворцы царских вельмож и военных, а также «русских», Татарской, Немецкой и других слобод. С середины 1710-х гг. особо выделялись описания домов на Московской стороне, на будущей Петровской и Дворцовой набережных, проект регулярной застройки Васильевского острова, дворцовые комплексы в Ораниенбауме, Петергофе и Стрельне. Исключительное внимание привлекала Невская перспектива (по словам Г.Ф. Бассевича – «великолепное предместье, названное проспектом»⁴⁷).

При описании отдельных зданий авторы, как правило, оперировали простыми родовыми характеристиками (цвет, размер, форма, материал строения, общая оценка эстетического плана): «красивый», «великолепный» – «плохой»; «старинный», «старый» – «в новом вкусе»; «правильный», «регулярный» – «нерегулярный»; «большой» – «маленький»; «каменный» («кирпичный») – «деревянный»; «темный» – «светлый» и т.д. Однако даже за этими определениями скрыто присутствовало противостояние западноевропейских («свое») и русских («чужое») культурных норм. Анализ лексики мемуаров показывает, что для европейцев отрицательными являлись традиционное пространство русских домов (по европейским стандартам они были маленькими) и их планировка (свободная, несимметричная комбинация разных объемов); как низкая оценивалась освещенность (темные), и совершенно неприемлемым было широко используемое в качестве строительного материала дерево. Интересно, что постройкам, сложенным из бревен по «московскому способу», прямо давалось определение «варварские»⁴⁸. Соответственно красивыми в глазах представителей западноевропейского сообщества являлись каменные здания больших размеров и симметричной планировки, с большими окнами и ордерной системой фасадов.

Хр. Гассман, описывая Петербург середины 1710-х гг., сожалел, что он «не построен лучше и более правильно», «запущен и грязен» и что «большинство домов построенные еще очень плохо, так как они сложены просто из бревен, обтесанных топором только с внутренней стороны...», с крышами из драни или покрытыми дерном⁴⁹. В то же время мемуаристы отмечали среди деревянных построек отдельные фахверковые (мазанковые) и каменные дома⁵⁰. Согласно дневнику Ф.-В. Берхгольца, в начале 1720-х гг. к их числу относились «большие» и «огромные» здания Адмиралтейства («огромное здание») и дворец, заложенный в Стрельне по проекту Ж.Б.А. Леблона («большой, еще строящийся», «обширный дворец»), новые дома на Васильевском острове и некоторые другие⁵¹. Однако, если обратиться к дневнику того же Ф.-В. Берхгольца, в целом оценившего застройку Петербурга как превосходную, то можно обнаружить одну особенность. В столице и ее пригородах голштинский камер-юнкер посетил в саду Екатерины I «*небольшой* (здесь и далее курсив мой. – О.А.), но красивый домик, в котором прекрасная танцевальная зала»; в Екатерингофе он увидел «*небольшой домик*» с «прекрасным *маленьким* каналом»; в Ораниенбауме отметил, что «комнаты во дворце *малы*, но красивы»; Монплеизир в Петергофе – «*очень небольшой*, но хорошенький домик», а в самом же Петергофском дворце – «большие прекрасные сени», но «комнаты вообще *малы*, но не дурны»; в Петербурге «как Зимний, так и Летний дворцы царя очень *малы*» и т.д.⁵². На небольшом размере петербургских помещений акцентируют внимание и другие авторы. Таким образом, даже в выполненных на западноевропейский ма-

нер сооружений русские очень часто воспроизводили небольшое внутреннее пространство, т.е. привычные им российские пространственные нормы жилья.

В свете сказанного совершенно нормальным выглядит широко известное пристрастие самого Петра I к маленьким помещениям. Интересно, что И.Г. Фоккеродт объяснял, почему царь «так плохо строился и имел такое жалкое помещение» и вообще обладал «очень плохим вкусом к архитектуре» именно тем, что Петр «любил маленькие низкие покои и длинный ряд (анфиладу) многих, но тесно расположенных комнат... Просторный, высокий покой затруднял его: когда при постройке Зимнего дворца ему необходимо, должно было дозволить ярусы выше против своей привычки для уравнивания с соседними домами, он велел подбить под потолок другой подзор..., чтобы они не были слишком высоки». Другой иностранный автор, Ф.-В. Берхгольд, просто констатировал: царь «не может жить в большом доме»⁵³.

Остро чувствовали иностранцы и допускавшие русскими нарушения европейского стандарта в симметричности планировки зданий. Например, по мнению И.Г. Фоккеродта, царские дворцы были построены «без всякой правильности и соразмерности»: Зимний дворец был «прислонен к одному частному дому и не имел никакого отличия от прочих домов, с ним рядом стоящих... Летний дворец состоял из трех отдельных частей без всякой соразмерности одна с другой». «Маленький» дом, по западным меркам, не соответствовал статусу дворянина и тем более монарха. Не случайно, в представлении И.Г. Фоккеродта, царский дом в Петергофе – «это жалкий дом... до того тесный, что зажиточный дворянин, наверное, не захотел бы поместиться в нем для жизни»⁵⁴.

Сказанное, разумеется, не отвергает основного вывода, который позволяют сделать записи о петербургских впечатлениях европейцев: петровский Петербург, реальный и представленный в планах на бумаге, успешно пропагандировал новый образ России как страны европейского просвещения. Так, не склонный к особому расположению к России Х.Ф. Вебер неоднократно на страницах своего сочинения исключительно высоко оценивал невскую столицу и предрекал, что когда все намеченное царем в Петербурге будет завершено, то «в дикой прежде Ингерманландии возникнет восьмое чудо света»⁵⁵.

Высокая оценка Петербурга в мемуарных сочинениях и дипломатической переписке иностранцев удивительным образом сочеталась с записями, в которых сообщалось о **негативном** отношении русского общества к своей новой столице, а точнее многочисленных высказываниях «за» и «против» города и жизни в ней. Находясь в России, европейцы с удивлением отмечали порицание преобразований Петра I и среди простых людей, и среди русской элиты. Как писал И.Г. Фоккеродт, о царе и его делах у высокопоставленных русских «совсем другое понятие, нежели какое составили о том за границей», «все его новые распоряжения и учреждения они умеют превосходно обращать в смешную сторону, кроме того Петербург и флот в их глазах мерзость»⁵⁶. И далее: «Петербург обязан теперешним цветущим положением своей торговли одному только пристрастию Петра I и его горячему желанию сделать этот город великим и цветущим во всех отношениях... Ненависть же к нему русских так велика, что они никогда не завели бы там значительной торговли...», и «сколько бы усилий ни употреблял русский двор и какие бы ни выдумывал средства, чтобы русских привязать к Петербургу, он никогда... не дойдет до того, чтобы они добровольно предпочли это место так нежно любимой Москве»⁵⁷.

Мнение И.Г. Фоккеродта подтверждается и донесением прусского посла Мардфельда к королю от 12 июля 1727 г. В нем подробно изложены взгляды «старорусской партии» – кн. Д.М. Голицына и его брата фельдмаршала М.М. Голицына, которые «видят в основании этого города, флота и в других учреждениях и расходах покойного императора причину разорения всей России и, вместе с большинством русских, готовы бросить все это, если бы им только удалось вернуться в Москву и пользоваться там в спокойствии своими домами и имениями»⁵⁸. По свидетельству И.Г. Фоккеродта, многие русские называли Ингерманландию «неплодородной» и говорили, что земля их «довольно велика и потому распространять ее не для чего... Завоевания, сделанные

Петром I, не дают России ничего такого, чего бы не имела она прежде, не умножают и нашу казну...»⁵⁹

Справедливости ради следует сказать, что, вникая в доводы русских сторонников старины, выходцы из Европы в некоторых случаях соглашались с ними. Это, например, касалось сравнения и оценки Москвы и Петербурга как центра страны. Так, Хр. Гассман, метко назвавший Москву «природной» столицей России, а также И.Г. Фоккеродт подчеркивали, что Москва была более удобным центром управления всеми частями земли и обладала, с точки зрения содержания войск и обороны государства, явными преимуществами по сравнению с Петербургом, находившимся «на конце государства»⁶⁰. Не выдерживал сравнения с московским и уровень жизни невиской столицы. Дж. Перри, например, писал, что в Петербурге все съестные припасы дороже московских в 3–4 раза, а корм лошадей в 6–8 раз и что именно требование царя жить здесь является одной из причин недовольства «большой части дворянства», а также купечества, в Москве же «все господа и почетные люди имеют для жилищ своих не только огромные здания в самом городе, но также дачи и деревни, где устроены у них пруды и сады... и всякие увеселительные места», «Москва – их родина и самое любимое место»⁶¹.

О почве города и его окрестностей автор описания Петербурга в 1710–1711 гг. сообщал: «Земля в этом краю везде холодная из-за обилия воды, болот, пустошей...», «домашний скот... прежде можно было приобрести задешево, но теперь из-за множества народа в Санкт-Петербурге все съедено, и очень бедным людям стало даже нечем жить...», а так как продовольствие в основном доставляется из Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, «все стоит весьма дорого»⁶². Уже в Новгороде попавший туда с берегов Невы Ф.-В. Берхгольц отмечал, что здесь продукты были «едва ли не в половину дешевле, чем в Петербурге». В Москве же, по свидетельству Х.Ф. Вебера, продукты и дома были «чрезвычайно дешевы», и прожить в ней можно было «на третью часть расходов, которые требуются в страшно дорогом Петербурге». Как писал Хр. Гассман, «окрестности города очень неплодородны, и съестные припасы нужно привозить за сто миль, вследствие чего они очень дороги... Петербург подходит по вкусу только немногим, жизнь очень дорога, и жить там очень неудобно». «Сейчас из-за скверного сообщения все дорого», – сообщал польский автор «Краткого описания города Петербурга» 1720 г.⁶³ Любопытно, что составивший описание города швед Л.Ю. Эренмалм отметил, что «царь использует также Петербург в качестве исправительного дома для большей части русского дворянства» и стремится «обессилить» его, доведя до разорения дорогой жизнью в этом городе⁶⁴. Вместе с тем иностранцы отмечали, что петербуржцы с восторгом приветствовали царя на улицах города и что «насколько русские вельможи боятся его, настолько же простой народ его обожает»⁶⁵.

Таким образом, при всей мозаичности сведений и противоречивости оценок Петербурга, которые нашли западноевропейские читатели в сочинениях мемуаристов и письмах своих дипломатов, сочинения начала XVIII в. показывают, что в последнее десятилетие правления Петра Великого новая столица заняла одно из ключевых мест в высокой оценке Западом общего хода европеизации нашей страны. Произошло то, что ожидал сам царь-преобразователь и ради чего он затевал новое «регулярное» строительство на Неве. Будучи в 1716 г. за границей и приглашая блистательного европейского архитектора Ж.Б.А. Леблона возглавить новую застройку города, Петр прямо поставил перед ним задачу создать на берегах Невы город «величайший... более всех градов в свете», город, целью которого являлось служить «для славы во всем мире»⁶⁶. Замысел преобразователя в целом оказался удачным. Новый, по-европейски «цивилизованный» Петербург заставил говорить о себе Европу и стал неотъемлемой частью образа «просвещенной» России.

Примечания

- ¹ «Точное известие о новопостроенной... крепости и городе Санкт-Петербург...» // Б е с п я т ы х Ю.Н., Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 47, 48.
- ² Г а с с м а н Хр. Странствования Христиана Гассмана / Предисл. М. Тростянский. Париж, 1971. С. 87.
- ³ Лекции о Петербурге в университете г. Грайфсвальда читал А. Вестфаль. См.: Р а а б Г. Вклад Грайфсвальда в изучение России немцами в петровскую эпоху // XVIII в. Вып. 4. М.; Л., 1959. С. 325–326.
- ⁴ См.: Сборник РИО. Т. 3, 15, 34, 39, 49, 50, 61.
- ⁵ В 1860 г. сочинение под название «Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах» (СПб.) перевел и издал А.Ф. Бычков.
- ⁶ «Описание... столичного города С.-Петербурга» на русском языке / Публикация С.П. Луппова (пер. Е.Э. Либталь) в сб. «Белые ночи» (Л., 1975. Вып. 4. С. 197–247). Авторство установлено Ю.Н. Беспятых (Указ. соч. С. 7).
- ⁷ Краткое описание большого императорского города С.-Петербурга // Б е с п я т ы х Ю.Н. Указ. соч. Прил. 3. С. 263–265.
- ⁸ В е б е р Х.Ф. Из книги Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия»... // Б е с п я т ы х Ю.Н. Указ. соч. С. 102–138.
- ⁹ Э р е н м а л ь м Л.Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Б е с п я т ы х Ю.Н. Указ. соч. С. 91–101. Являлось приложением к 7-частным «Заметкам о силе и мощи русского государства».
- ¹⁰ В конце XIX в. издано на польском В. Кентшинским. На русский язык переведено С.Л. Пташицким под заголовком «Петербург в 1720 году: записки поляка-очевидца» (Русская старина. 1879. Т. 25. № 6. С. 263–290). Более точный перевод см.: Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем [польского посольства] в 1720 году // Б е с п я т ы х Ю.Н. Указ. соч. С. 139–161.
- ¹¹ П е р р и Дж. Состояние России при нынешнем царе / Пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой, предисл. М. Семева // ЧОИДР. 1871. Кн. 1, 2; Отд. изд. 1871.
- ¹² В е б е р Ф.Х. Записки Вебера / Пер. П.П. Барсова // РА. 1872. № 6, 7, 9.
- ¹³ Г а с с м а н Хр. Указ. соч.
- ¹⁴ Ю л ь Ю. Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом, 1709–1711 гг. / Пер. Ю.Н. Щербачева // РА. 1892. Вып. 3, 5, 7–11. Отд. изд. М., 1899 (1900). (С комментариями Г.Л. Граве датского издания 1893 г.)
- ¹⁵ П.Г. Брюс автор мемуаров о пребывании в ряде стран, в том числе в России, опубликованных в 1782 г. на английском и в 1784 г. на немецком языках. Часть записок за 1714–1716 гг. см. Б р ю с П.Г. Из «Мемуаров...» // Б е с п я т ы х Ю.Н. Указ. соч. С. 162–191.
- ¹⁶ «Записки о России при Петре Великом» Г.Ф. Басевича были опубликованы в 1775 г. в т. 9 «Магазина новой истории и географии» пастора А.Ф. Бюшинга. На русском языке см.: Б а с с е в и ч Г.Ф. фон. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича / Пер. И.Ф. Аммон // РА. 1865. Вып. 1, 2, 5, 6; Отд. изд. М., 1866.
- ¹⁷ В 1785–1788 гг. дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца был опубликован в 4 тт. «Магазина новой истории и географии» А.Ф. Бюшинга. Русский перевод см.: Б е р х г о л ь ц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца: В 4 ч. М., 1902–1903. (1-е изд. М., 1857–1860).
- ¹⁸ Произведение было создано по повелению кронпринца Фридриха Великого для М.Ф.А. Вольтера, собиравшего материалы для сочинения о Петре Великом. На русском языке см.: Ф о к к е р о д т И.Г. Россия при Петре Великом / Пер. А.Н. Шемякина, вступит. ст. Е. Германа. [М.], 1874.
- ¹⁹ Ведомости времени Петра Великого: В 2 вып. М., 1903–1906. Вып. 1. С. 73–74. Шлотбург – переименованный Ниеншанц.
- ²⁰ Сб. РИО. Т. 39. № 18. От 2.V.1705. С. 83; № 22. От 23.V.1705. С. 99; № 54. От 23.I.1706. С. 220; № 57. От 13.II.1706. С. 240.
- ²¹ Э р е н м а л ь м Л.Ю. Указ. соч. С. 95.
- ²² Б р ю с П.Г. Указ. соч. С. 163.
- ²³ Сб. РИО. Т. 61. № 55. От 17.VI.1712. С. 225–226. См.: Л у п п о в С.П. История строительства Петербурга в 1 четверти XVIII в. М.; Л., 1957. С. 25–28. План Котлина – рис. 3.
- ²⁴ П е р р и Дж. Указ. соч. С. 27; Э р е н м а л ь м Л.Ю. Указ. соч. С. 94, 96.
- ²⁵ Сб. РИО. Т. 40. № 41. От 18.XI.1720. С. 123.
- ²⁶ Б р ю с П.Г. Указ. соч. С. 165–166; В е б е р Ф.Х. Записки... № 6. Стб. 1079–1085.
- ²⁷ Краткое описание города Петербурга... С. 149–150.
- ²⁸ Сб. РИО. Т. 39. № 54. От 23.I.1706. С. 220–221; Т. 61. № 55. От 17.VI.1712. С. 227; П е р р и Дж. Указ. соч. С. 28–29.

- ²⁹ Сб. РИО. Т. 34. № 77. От 23.VIII.1717. С. 237–238; Т. 40. № 44. От 22.XII.1720. С. 128. Т. 3. № 47. От 23.IV.1723. С. 362; № 48. От 31.V.1723. С. 362; № 54. От 31.XII.1723. С. 367; № 58. От 10.IV.1724. С. 370–371; № 63. 19.VIII.1724. С. 376–379; № 69. От 31.X.1724. С. 385–386.
- ³⁰ Там же. Т. 34. № 89. От 29.XI.1717. С. 263; Краткое описание города Петербурга... С. 141; Эренмалъ Л.Ю. Указ. соч. С. 95; Вебер Ф.Х. Из книги... С. 102–103; Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 94.
- ³¹ Сб. РИО. Т. 39. № 54. От 23.I.1706. С. 222–224.
- ³² Гассман Хр. Указ. соч. С. 20–21, 25.
- ³³ Эренмалъ Л.Ю. Указ. соч. С. 96–98.
- ³⁴ Перри Дж. Указ. соч. С. 168; Точное известие... С. 59; Вебер Ф.Х. Из книги... С. 121. О наводнениях см.: Эренмалъ Л.Ю. Указ. соч. С. 93; Сб. РИО. Т. 3. № 12. От 17.XI.1721. С. 337; № 13. От 24.XI.1721. С. 338; Т. 34. № 82. От 20.IX.1717. С. 245; Т. 40. № 97. От 21.XI.1721. С. 347; Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 150–154, 160–162, 168.
- ³⁵ Сб. РИО. Т. 50. № 141. От 14.IX.1710. С. 362.
- ³⁶ ПСЗ. Т. 4. № 2467. От 16.I.1712. С. 778; Сб. РИО. Т. 61. № 53. От 26.V.1712. С. 205–206; Вебер Ф.Х. Записки... № 7. Стб. 1334; Сб. РИО. Т. 34. № 27. От 2.I.1717. С. 110.
- ³⁷ Брюс П.Г. Указ. соч. С. 163; Сб. РИО. Т. 61. № 35. От 22.I.1712. С. 124; Вебер Ф.Х. Записки... № 6. Стб. 1067; его же. Из книги... С. 104; Сб. РИО. Т. 34. № 27. От 2.I.1717. С. 111.
- ³⁸ См.: Луппов С.П. Указ. соч. С. 23, 45; Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 25; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 102.
- ³⁹ Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология [Теоретические и экспериментальные фрагменты]. Самара, 1994. С. 46.
- ⁴⁰ Вебер Ф.Х. Записки... № 6. Стб. 1062; Гассман Хр. Указ. соч. С. 85; Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 97.
- ⁴¹ См.: Мокеев Г.Я. Типология древнерусских городов // Архитектурное наследие. Вып. 25. М., 1976. С. 3–11; Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. М.; Л., 1953.
- ⁴² См.: Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX вв.: Эстетические и теоретические предпосылки. М., 1987. С. 65–81, 130–139.
- ⁴³ Вебер Ф.Х. Указ. соч. № 6. Стб. 1356–1359; Гассман Хр. Указ. соч. С. 74.
- ⁴⁴ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 1.
- ⁴⁵ Сб. РИО. Т. 34. № 28. От 29.I.1717. С. 115; № 71. От 11.VI.1717. С. 223; № 88. От 17.XI.1717. С. 261.
- ⁴⁶ Краткое описание города... С. 139.
- ⁴⁷ Бассевич Г.Ф. фон. Указ. соч. С. 57.
- ⁴⁸ Гассман Хр. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁹ Там же. С. 85–86.
- ⁵⁰ Вебер Ф.Х. Из книги... С. 107, 109–110.
- ⁵¹ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 29, 94, 97.
- ⁵² Там же. С. 65, 67, 90, 91, 92, 95.
- ⁵³ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 89; Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 95.
- ⁵⁴ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 88, 89.
- ⁵⁵ Вебер Ф.Х. Записки... № 6. Стб. 1062; его же. Из книги... С. 102, 131.
- ⁵⁶ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 106.
- ⁵⁷ Там же. С. 71, 100.
- ⁵⁸ Сб. РИО. Т. 15. № 47. От 12.VII.1727. С. 364–365.
- ⁵⁹ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 107–108.
- ⁶⁰ Гассман Хр. Указ. соч. С. 72; Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 98.
- ⁶¹ Перри Дж. Указ. соч. С. 168.
- ⁶² Точное известие... С. 57.
- ⁶³ См.: Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 187; Вебер Ф.Х. Записки... № 7. Стб. 1384–1385; Гассман Хр. Указ. соч. С. 86, 87; Краткое описание города Петербурга... С. 140.
- ⁶⁴ Эренмалъ Л.Ю. Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁵ Сб. РИО. Т. 49. № 59. От 22.III.1723. С. 324–325.
- ⁶⁶ РГАДА, ф. 198, д. 696. Письма, доношения... архитектора Леблона, л. 66.

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПЕТЕРБУРГА В 1860–1870-е годы (по материалам семейного архива Стасовых)

С отменой крепостного права в России наступила эпоха общественного подъема, связанного в первую очередь с культурно-просветительской деятельностью широкого слоя российской либеральной и демократической интеллигенции. «В 1860-х гг., вслед за освобождением крестьян..., – вспоминал известный адвокат и общественный деятель Дмитрий Васильевич Стасов, – возникло в обществе то движение, которое выразилось чрезвычайно разнообразно: в устройстве кружков для взаимной помощи и поддержания друг друга, по доставлению средств для образования, в складчинах для устройства библиотек, частных курсов, школ, чтений в частных домах, в распространении образования и в низших классах, устройстве типографий, печатания брошюр, книг, распространения их в народе»¹. Вместе со своим родным братом, видным деятелем культуры Владимиром Васильевичем Стасовым Дмитрий Васильевич отдал немало сил и времени служению на общественных началах делу народного просвещения и, в частности, высшего женского образования, оказывая огромное содействие руководителям женского движения – своей жене П.С. Стасовой и сестре Н.В. Стасовой.

Такой разветвленный «нераздельный стасовский клан» (как они сами себя называли), в который также входили братья Дмитрия Васильевича – участники кружка петрашевцев Н.В. и А.В. Стасовы и две его дочери – писательница В.Д. Комарова (псевдоним Вл. Каренин) и член ЦК партии большевиков Е.Д. Стасова, приводил в замешательство даже их современников. Публицист П.В. Анненков в свое время писал по этому поводу: «Я совершенно растерялся, столько мужских и женских Стасовых, что не знаешь, который и которая из них голос подал или подала...»².

Одни исследователи считают, что с осени 1859 г. в целях содействия народному просвещению к юридическому кружку Д.В. Стасова «примыкает кружок, сложившийся вокруг М.В. Трубниковой, уделявшей большое внимание организации воскресных школ», другие полагают, что это в ее кружок «влились Надежда Васильевна Стасова с братьями Владимиром и Дмитрием»³. На самом деле, в то время в работе подобных кружков различной направленности имелось немало точек соприкосновения, а их участники нередко входили в несколько обществ, координируя таким образом свою совместную деятельность. «Время это ярко врезано в память моей души, – отметила П.С. Стасова, – как время сильной умственной работы, пробуждения всяких общественных вопросов и задач, споров, самоуглубления для каждого из нас...»⁴.

При организации воскресных школ Стасовых больше всего сокрушало отсутствие книг для чтения учениц. Устранить это затруднение помог Д.В. Стасов, который имел тогда все издания Вольной русской типографии Герцена и охотно давал их в воскресные школы. Не случайно в июне 1862 г. министр внутренних дел П.А. Валуев создал особую комиссию по воскресным школам, так как «в них преподается учение, направленное на потрясение религиозных верований, распространение социалистических понятий о собственности и возмущение против правительства», что в конечном счете и привело к их временному закрытию.

Значительную помощь молодежи в общественных начинаниях Д.В. Стасов оказывал в качестве адвоката, составляя уставы артелей, необходимые для их легализации, и доброжелательного и опытного советчика по юридическим и хозяйственным вопросам. Такое содействие оказалось весьма полезным, когда с участием Стасовых стали

* Легкий Дмитрий Максимович, кандидат исторических наук, доцент Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Республика Казахстан.

создаваться Общество женского труда, Общество дешевых квартир, Издательская женская артель, Детская помощь и, наконец, Высшие женские (Бестужевские) курсы⁵. В этом общественном порыве участвовали и революционные круги. Так, автором устава Общества женского труда был П.Л. Лавров⁶, а для артели переводчиц «Рассказы о свободных людях» написал И.А. Худяков⁷.

Верный семейным традициям Д.В. Стасов еще молодым человеком начал работать на ниве женского образования. В России женщины долгое время были лишены права получать профессиональные знания в отечественных университетах, и только широкая общественная поддержка помогла им добиться успеха в борьбе за высшее образование. Так, 27 декабря 1874 г. лица, сочувствовавшие высшему медицинскому женскому образованию (В.А. Арцимович, А.П. Философова, М.В. Трубникова, А.П. Бородин, Д.В. Стасов), организовали Общество для вспомоществования медичкам и педагогичкам⁸, которое позднее было переименовано в Общество для пособия слушательницам Императорского педагогического и С.-Петербургского женского медицинского института. В 1874 г. членами-учредителями общества выступили 37 видных представителей столичной интеллигенции, а в 1880 г. в его состав входило уже 673 человека, а членами комитета избирались, кроме указанных лиц, А.С. Суворин, В.П. Буренин, Н.Н. Тютчев, П.С. Стасова, В.Н. Герард и др.⁹ «Сначала председателем был В.А. Арцимович, – вспоминала В.Д. Комарова-Стасова, – затем мой отец (бывший вначале товарищем председателя), А.П. Бородин был долгое время казначеем; мать моя тоже деятельно работала на пользу Общества, особенно по приисканию работы и уроков нуждающимся в заработке слушательницам и по устройству благотворительных вечеров. И к моим родителям, и к Бородину постоянно приходили слушательницы курсов...»¹⁰ В лице Д.В. Стасова Общество приобрело умелого и чуткого руководителя. «Благодаря авторитету и обаянию своей личности он привлекал и работников, и средства, и общие симпатии», и поэтому в среде молодежи эта организация получила наименование «Стасовского общества»¹¹. В адресе слушательниц женских педагогических и медицинских курсов к 40-летию Общества с благодарностью отмечалось, что оно устраивало общежития, дешевые столовые, организовывало врачебную помощь, вносило плату за необеспеченных слушательниц, назначало стипендии и т.д. В заключение, обращаясь к Д.В. Стасову, они писали: «Вы всегда будете жить в образе поборника истины и справедливости»¹².

В 1870 г. Д.В. Стасов вошел в состав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, в 1880 г. стал членом комитета Невского попечительства для призрения и воспитания детей убитых и раненых воинов, а в начале XX в. был избран председателем общества «Помощь в чтении больным и бедным» и вошел в состав Комиссии по народному образованию, где состояли многие его коллеги-юристы – П.А. Потехин, К.К. Арсеньев, А.Ф. Кони, А.Л. Боровиковский, В.Н. Герард, А.А. Герке, В.А. Гаевский, А.И. Урусов. Все эти общества отнюдь не носили революционного характера, но у политических чиновиков было свое мнение об их деятельности. Поэтому в личном деле Д.В. Стасова неизменно указывалось: «Стасов навлекает на себя обвинение в том, что принимал участие в разных филантропических обществах., и вообще личность весьма неблагонадежная в политическом отношении»¹³.

В период подготовки и проведения отмены крепостного права Д.В. Стасов был одним из деятельнейших корреспондентов герценовского «Колокола»¹⁴, убежденным противником самодержавно-крепостнических порядков и сторонником демократических реформ, хотя при этом его больше интересовала «общечеловеческая дорога, т.е. будущее торжество правды». Он возлагал свои надежды на подъем общественного движения, полагая, «что мирно дело не обойдется и что наше море расколется так, что не скоро уляжется потом». «Я бы к этим мерам желал не прибегать, но, с другой стороны, – открыто писал Стасов одному из участников юридического кружка, – как не пожелашь, чтобы произошло что-нибудь и заставило протереть глаза». Подводя итог, он заявлял, что «мы живем в революционное время, что ни неделя, что ни шаг, то мы натываемся на какое-нибудь движение, на какую-нибудь вспышку»¹⁵. Та-

ким образом, Стасов был одним из ярких представителей левого крыла либерально-демократического движения, что и давало агентам III отделения основание предрекать ему летом 1863 г. даже неперменное вступление в «тайное общество, имеющее целью совершить переворот в России»¹⁶. Однако революционером Д.В. Стасов так и не стал, что нашло, в частности, отражение в решительном осуждении им в июне 1862 г. известной прокламации «Молодая Россия», которую он характеризовал как «ярко-красный, нападающий на всех и на все» леворадикальный листок, где «предлагалась резня». Тем не менее Д.В. Стасов был хорошо осведомлен о взглядах А.И. Герцена и Н.П. Огарева и летом того же 1863 г. сообщал своему шуруину А.С. Кузнецову об их реакции на «Молодую Россию»: «Герцен положительно писал против нее, и я знаю из некоторых источников, что он был очень огорчен и этой прокламацией и главное, что не мог довольно энергически писать против нее, потому что Огарев и Бакунин стояли за эту прокламацию; и Бакунин... вполне с нею соглашается. Что было делать Герцену?»¹⁷ Такие подробности Д.В. Стасов, вероятно, мог узнать от своего брата В.В. Стасова, в присутствии которого 24 июня 1862 г. Герцен читал свою статью «Молодая и старая Россия»¹⁸.

Зато с большим одобрением в письмах Д.В. Стасова характеризуются появившиеся весной 1863 г. прокламации «Земли и воли», например «прокламация под названием “Свобода”, написанная весьма недурно, спокойно, разумно». «Эти и подобные прокламации, – продолжал он, – хотя сами собою, разумеется, не могут произвести решительных результатов, тем не менее важны, как и “Колокол”», как и все запрещенные издания, потому что не «позволяют установиться торжеству силы, царству обыденности и пошлости». По мнению Д.В. Стасова, «тайные общества... посредственно оказывали и оказывают всегда пользу»¹⁹.

Выступая в качестве адвоката на знаменитом процессе нечаевцев 1871 г., Д.В. Стасов заявил, что не видит ничего преступного в том, «что человек, прочитав прокламацию, передал ее другому»²⁰. На политическом процессе «193-х», защищая участников народнического «хождения в народ», он отстаивал права любого человека «читать сочинения Чернышевского и Бакунина, Ткачева и Кропоткина, журнал “Вперед” Лаврова», так как «всем хочется знать, что пишут русские, живущие за границей». Подводя итог, он спокойно добавил, что «сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще»²¹.

Д.В. Стасов не мог спокойно ждать, пока в России все «не кончится какою-нибудь большою катастрофою», и не раз задавался вопросом, «можно ли предотвратить все это брожение и всей вспышки дарованием большей свободы?» Сам он считал, что «если дать больше работы, т.е. самостоятельности каждому», а не безропотно надеяться, что «за всех думает и действует отечественное правительство», то взрыва можно избежать. «Открой оно (правительство. – Д.Л.) клапан, – был убежден Стасов, – сколько выйдет испертого воздуха разных сил, которые пойдут прямой разумной дорогой». Когда он задумывался, «каким же образом приобретается свобода, должна ли она завоевываться или приходиться сверху?», то приходил к выводу, что нельзя «всегда ожидать всё только сверху, а самим ничего не делать», хотя проявление «либеральствующих порывов» после отмены крепостного права, например, было для него «не больше, как пена, происшедшая от слишком скорого появления одних перемен за другими», тем более что очень скоро «все впали в совершенную безучастность, потому что боятся». «Поляки в этом отношении почестнее, – заметил он 14 января 1863 г. в период польского восстания, – они по крайней мере чего захотели, того добивались не на жизнь, а на смерть». В отличие от либерального общества, Стасов вынужден был признать, что польским повстанцам «для уничтожения врага все средства позволительны..., что же делать слабому против сильного?» Правда, в то же время он решительно заявлял, что «не пошел бы за них драться против русских», о чем прочитал в «Колоколе» декламацию Огарева. Когда его знакомый офицер Генерального штаба Сераковский «перешел на сторону своих соотечественников», Стасов вынес ему свой вердикт: «Я виню не его – он

поляк, а русских офицеров, которые переходят в польский лагерь и дерутся против русских»²².

Следуя во многом линии «Колокола» и не раз признавая, что «заслуги Герцена несомненны», в польском вопросе Стасов не перешел на его сторону, но и патриотическая позиция пассивного сопротивления (зачем драться против своих же русских – «выходи в отставку»), считал он, вполне заслуживает уважения и понимания. Характерно, что еще накануне польского восстания и задолго до защиты участников «хождения в народ», Д.В. Стасов выразил свое кредо: «Если это делается только из молодости, от бушевания сил, мои симпатии не за них, я их могу извинять, но не встану за ними, но когда к этому приходят вследствие выстраданных убеждений или испытаний, то я и ненависть, и мщение оправдываю и не брошу в них камня с высот олимпийского величия или равнодушия». В немалой степени такая радикальная для либерального деятеля точка зрения мотивировалась тем, что «из-за тупоумия этих придерживающих власть... навсегда расстроены жизнь и будущность»²³.

Твердые либерально-демократические убеждения честного, порядочного человека неизбежно приводили Стасова к оппозиции существующему строю, но его пример убедительно свидетельствует, что прогрессивно настроенным людям вовсе не обязательно было уходить в подполье и «звать Русь к топору». Тем не менее причастность Д.В. Стасова к революционному подполью на протяжении более полувека была значительной: в 1859 г. он устраивал в Лондоне известную встречу А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, а летом 1917 г. укрывал в своей петроградской квартире В.И. Ленина²⁴. Но наряду с этими яркими фактами, указывающими на достойное место Д.В. Стасова в летописи освободительного движения в России, надо обратить внимание и на мало заметные повседневные деяния этого незаурядного человека. В 1860-е гг. он был тесно связан с такими видными деятелями либерального лагеря, как К.Д. Кавелин, А.М. Унковский, С.И. Зарудный, П.В. Павлов, а в 1870-е гг. его друзьями были известные юристы К.К. Арсеньев, В.Д. Спасович, Г.В. Бардовский, С.А. Андреевский, А.Ф. Кони. Д.В. Стасов мог одновременно поддерживать хорошие отношения с представителями самых различных политических воззрений – Н.Г. Чернышевским и И.С. Тургеневым, А.И. Герценом и М.М. Стасюлевичем, А.С. Сувориным и С. Сераковским. Всю свою сознательную жизнь, следуя простым гуманистическим принципам добра и справедливости, он оказывал всевозможное содействие репрессированным деятелям литературы и искусства, руководителям революционного движения от народников до социал-демократов.

После ареста Чернышевского Д.В. Стасов с горечью писал: «Когда Чернышевский, Серно-Соловьевич и др. сидели в крепости более полугода, очень немногие интересуются их участью, отчего же вдруг такое безучастие?»²⁵ Только через 100 лет Е.Д. Стасова опубликовала данные о том, что «Д.В. Стасов оказывал Чернышевскому материальную помощь»²⁶. Когда в апреле 1879 г. гр. Лорис-Меликов обвинил Стасова в том, что «он собирал деньги для нелегальных людей», беседовавшая с генералом П.С. Стасова аккуратно записала в мемуарах, что «Дмитрий действительно собирал и посылал деньги сосланным», а тот, в свою очередь, на полях скромно добавил: «Чернышевскому»²⁷. Как неоднократно сообщал в 1860-х гг. в своих письмах Стасов, «на каждом шагу теперь идут пожертвования в пользу разных дел», «теперь вообще такая масса подписок с подобною целью». «Вчера был устроен литературно-музыкальный вечер под фирмой в пользу литературного фонда, но собственно в пользу Михайлова и Обручева, – подробно описывал он 4 марта 1862 г. нашумевший на всю страну эпизод, сбор был великолепный... Фурор был произведен Павловым... “Тысячелетие России”, – как говорят, замаскированный и страстный перефраз “Великорусса”». На этом же вечере, добавлял Стасов, «Некрасов... прочитал что-то свое, а потом объявил, что прочел стихотворение одного приятеля, причем какую превосходную вещь, вызвав и громы рукоплесканий, а когда все смолкло, кто-то замечает: Михайлов»²⁸.

По воспоминаниям Н.В. Шелгунова, еще до отправки поэта М.Л. Михайлова в ссылку «в разных кружках пошла подписка»²⁹, о чем по горячим следам Стасов сообщал:

«Собрали, по слухам, до 600 руб., из них в руки ему (Михайлову. – Д.Л.) дали 100 руб., несколько отдали в руки жандарму..., а остальное отправили прямо в Тобольск». «Сверх того, – отмечается в этом же письме, – до 1 500 руб. оставили здесь у Шелгуновых на будущее время». Причем адресат Д.В. Стасова – высокопоставленный судебный чиновник из Екатеринослава не только благодарит за передачу 3 руб. 60 коп. в пользу Михайлова, но и выражает полную солидарность с подсудимым: «К м[олодо-му] п[околению]» направлено не против личности государя, а против установившегося образа правления». Вообще зимой и весной 1862 г. кампания по сбору средств достигла своего апогея. Так, в феврале в стасовском окружении была объявлена подписка в пользу Бакунина, в марте после «великолепного сбора в пользу Михайлова и Обручева» единодушно было предложено «устроить концерт и литературный вечер в пользу изгнанных..., русских и поляков». Тогда же в защиту высланного в Ветлугу за нашедшую речь профессора П.В. Павлова «адрес подписали до 500 человек..., тут же произошла денежная подписка в пользу его». В мае на заседании юридического кружка в доме Д.В. Стасова принимается решение «сделать снова полезную складчину (по примеру прошлых дней) в пользу Берви»³⁰. (В.В. Берви-Флеровский пострадал тогда за открытое выражение протеста в связи с арестом тверских мировых посредников, которых еще в дореформенном суде защищал Д.В. Стасов.)

Председатель С.-Петербургского совета присяжных поверенных Д.В. Стасов никогда не отказывался выступать защитником на громких политических процессах ишутинцев, нечаевцев, участников «хождения в народ», народовольцев, что, естественно, вызывало недовольство властей. На процессе «193-х», где лучшие представители общества присяжных поверенных защищали участников «хождения в народ», на воспоминаниях жены Д.В. Стасова, «Д[митрий] В[асильевич] взял на поруки Пономарева, Доброва и Кротонова и поселил их у нас в свободной одной комнате..., жили они дружно, на полном нашем иждивении, Добров давал уроки истории нашему Сереже...» Стасов делал для своих подзащитных много такого, что далеко выходило за пределы его адвокатских обязанностей. «Сабелькина, больного чахоткой, поместил в Мариинскую больницу, – отмечала в своих мемуарах старшая дочь Дмитрия Васильевича В.Д. Комарова, – наш домашний доктор А.Н. Оппенгейм навещал и лечил его, и мы с мамой часто к нему ездили, возили крепкий бульон, бифштексы, вино. Милый был, кроткий, угасающий юноша. Он вскоре умер, и папа хоронил его». Другого подсудимого Кротонова, по словам П.С. Стасовой, «Д.В. поместил на лечение в лазарет медицинской Академии, где он скоро и скончался», причем «его не позволили хоронить иначе, как тайком из Академии ночью». Еще один пропагандист «Пономарев называл меня и Д.В. матерью и отцом»³¹.

Помощь осужденным революционерам оказывалась Стасовым без рекламной шумихи, незаметно для окружающих и в массовом порядке, что подтверждается благодарственными письмами в его адрес известных революционных деятелей В.Н. Фигнер, М.Ф. Грачевского, Ф.Н. Лермонтова, С.В. Мокиевского-Зубка. Наиболее типично письмо его подзащитного Н.А. Виташевского, оказавшего с товарищами первое вооруженное сопротивление жандармам (процесс И.М. Ковальского 1878 г. в Одессе): «Когда Вы выступили на суде моим защитником, я был слишком юн, – признавался в 1916 г. бывший террорист. – Всецело поглощенный своими идеалами (которым, впрочем, остаюсь верен и по сей день), вращаясь в среде таких же, как и сам, крайних идеалистов и людей партии, я к тому времени не успел еще заметить, что вне тесного круга ближайших соратников есть и еще люди высоких идеалов и возвышенных чувств. В Вашем лице я встретил впервые одного из таких людей»³².

В итоге с 1861 по 1890 гг. за действительным статским советником Д.В. Стасовым был учрежден секретный надзор, и он трижды подвергался арестам и в административном порядке высылался из столицы. Интересно отметить, что в списке поднадзорных за 1867 г., подписанном шефом жандармов П.А. Шуваловым, значились: «Ф. Достоевский, Е. Утин, И. Крамской, К. Маковский, Д. Стасов, Д. Писарев и другие деятели литературы и искусства»³³. Такая пагубная практика выискивания политически неблаго-

надежных в среде творческой интеллигенции была обычной для того времени (как, впрочем, и для последующей советской эпохи). Нередко целые семьи в полном составе значились в жандармских списках (здесь, например, указывалось, что «у Стасовых противуправительственное направление – семейный недуг»³⁴). В справки на Стасовых, составленные в III отделении, поместили всех четверых братьев А.В., Н.В., В.В. и Д.В. Стасовых, причем там же оказались их сестра Н.В. Стасова и жена Дмитрия Васильевича П.С. Стасова³⁵ «как сочувствующая началам вредных нигилистических учений»³⁶.

За участие «в приглашении к подписке... об облегчении участи студентов» (арестованных осенью 1861 г.) Д.В. Стасов был уволен со службы в Сенате, а в период нового общественного подъема 1879–1881 гг. генерал М.Т. Лорис-Меликов весьма галантно предложил ему выбрать местом высылки Калугу или Тулу, так как «ехать туда не за тридевять земель». Всесильный временщик привел при этом истинную причину столь суровой меры: «Плунуть не дают, извините за выражение, чтобы не приплетали имя Стасова, сказал мне на днях его величество»³⁷. Таким образом, клеймо политически неблагонадежных стояло на семье Стасовых почти всю их жизнь. Они занимали свое привычное место в «Алфавитном указателе лиц, состоящих под надзором полиции», начиная с привлечения к дознанию по делу петрашевцев А.В. и В.В. Стасовых в 1848–1849 гг. и кончая внесением Д.В. Стасова в 1905 г. в список подозрительных лиц, «приглашенных на частное совещание земских деятелей» в Москве³⁸.

Царское правительство своей недальновидной политикой и неадекватными карательными мерами против инакомыслящей интеллигенции фактически отлучало ее лучшие умы от служения Родине, отталкивая их от активного участия в общественно-политической жизни. Это невольно ставило людей, подобных Д.В. Стасову, в оппозицию к самодержавию. В годы первой русской революции он стал знаменем Партии демократических реформ (как Ф.Н. Плевако – партии октябристов). В конечном итоге Дмитрий Васильевич Стасов по праву может быть назван ярким представителем либерально-демократического крыла освободительного движения России. Именно к его судьбе идеально подходит утверждение современного историка о том, что во второй половине XIX в. гуманизм, революционность и социализм в сознании передовой интеллигенции сливались воедино³⁹.

Дмитрий Васильевич Стасов дожил до установления Советской власти, не принесяшей российской интеллигенции того, за что она боролась с самодержавным режимом. И это была одна из многих трагедий российской истории XX века. Но память о честных и благородных борцах за свободу и права человека, среди которых была и замечательная семья Стасовых, навсегда сохранится в летописи истории Петербурга и всей России.

Примечания

¹ Стасов Д.В. Каракозовский процесс // Былое. 1906. № 4. С. 247.

² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 5 т. Т. 3. СПб., 1912. С. 413.

³ Цит. по: Б а з и л е в а З.П. К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 205. Ср.: П а в л о ч е н к о Э.А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 104.

⁴ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 435, л. 6.

⁵ См. архивы этих обществ: ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 5, д. 300–392, 420, 661–712.

⁶ См.: Н о в и к о в а Н.Н., К л о с с Б.М. Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981. С. 75.

⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 5, д. 349, л. 1.

⁸ Там же, оп. 4, д. 564, л. 4.

⁹ ЦГИА СПб., ф. 2112, оп. 1, д. 97, л. 71, 276.

¹⁰ К о м а р о в а В.Д. Из детских воспоминаний о великих людях // Музыкальное наследство. Т. 3. М., 1970. С. 257.

¹¹ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 604, л. 124–125.

- ¹² Там же, л. 594–598.
- ¹³ ЦГИА СПб., ф. 2073, оп. 2, д. 81, л. 19, 33.
- ¹⁴ См.: Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева, 1892. С. 10; Коротков Ю.Н. Господин, который в субботу был в Фулеме // Прометей. Вып. 8. М., 1978. С. 184.
- ¹⁵ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 181, л. 21.
- ¹⁶ ГА РФ, ф. 109, 1861 г., д. 289, л. 15.
- ¹⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 182, л. 69.
- ¹⁸ Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. Т. 3. М., 1983. С. 335.
- ¹⁹ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 183, л. 18.
- ²⁰ Правительственный вестник. 1871, 1 августа. С. 2.
- ²¹ ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 800, л. 240–245.
- ²² ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 183, л. 3.
- ²³ Там же, д. 181, л. 49.
- ²⁴ См.: Троицкий Н.А. Корифеи русской адвокатуры // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 122; Легкий Д.М. К истории лондонских переговоров А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского летом 1859 г. // История России: диалог российских и американских ученых. Саратов, 1994.
- ²⁵ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 183, л. 29.
- ²⁶ Стасова Е.Д. Воспоминания. Л., 1969. С. 14.
- ²⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, д. 414, л. 59.
- ²⁸ Там же, оп. 6, д. 181, л. 25.
- ²⁹ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 162.
- ³⁰ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 6, д. 181, л. 25–27.
- ³¹ Там же, оп. 5, д. 415, л. 63; оп. 8, д. 324, л. 95.
- ³² Там же, оп. 4, д. 602, л. 17.
- ³³ Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 113.
- ³⁴ Салита Е.Г., Суворова Е.И. Стасов в Петербурге. Л., 1971. С. 233.
- ³⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 230, д. 7949–7954.
- ³⁶ ЦГИА СПб., ф. 253, оп. 6, д. 217, л. 1.
- ³⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 5, д. 414, л. 36–37.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 109, оп. 1, д. 888, л. 24.
- ³⁹ Карпачев М.Д. Истоки российской революции. М., 1991. С. 128.

© 2003 г. В. А. НАРДОВА*

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. 1873–1903 годы

Руководители городского общественного управления – городские головы – законодательством были наделены широкими полномочиями. В одном лице были соединены функции председателя как исполнительного органа – управы, так и распорядительного – думы. От личности руководителя во многом зависели направление деятельности органа общественного управления и результативность работы обеих ветвей власти. Фигура городского головы вместе с тем играла решающую роль и в складывании взаимоотношений общественного управления и административных структур. Учитывая потенциальную оппозиционность городских дум, правительство возложило на их руководителей всю ответственность за деятельность органов общественного управления.

Властные функции городского головы в качестве председателя думы были весьма значительны. Он мог лишить слова гласного, запретить обсуждение внесенного предложения, не допустить присутствия (или удалить) посторонних, закрыть собрание и т.д. Злоупотребление головы своими «диктаторскими» правами могло привести к обостре-

* Нардова Валерия Антониевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

нию обстановки в думе. Поэтому на таком посту крайне важен был человек, умевший находить разумный баланс в интересах общественного управления.

Особая значимость должности городского головы Петербурга определялась прежде всего статусом столичного города, предъявлявшим повышенные требования к управлению городским хозяйством (внешнее благоустройство, санитарное состояние и т.д.), а также представительными функциями руководителя органа общественного управления. Должность городского головы была выборной. Избирало его собрание гласных. При этом в столичных думах избирали двух кандидатов, один из которых по Городовому положению 1870 г. «утверждался» императором, а по Положению 1892 г. «назначался». Победу на выборах могли определять не столько личные достоинства кандидата, сколько соотношение сил между конкурирующими группировками в думе.

На страницах периодической печати перед очередными выборами не раз излагалось мнение общественности о том, какими качествами должен обладать кандидат, достойный занять пост городского головы столицы. В числе главных требований назывались высшее образование, а также готовность отстаивать интересы не узкосословные или профессиональные, а городского общества в целом (быть человеком «общественным в широком смысле слова»). Вместе с тем выражалось пожелание, чтобы городской голова был фигурой достаточно авторитетной для представителей правительственной администрации и независимой от партийных группировок в самой думе.

Некоторое представление о том, в какой мере этим качествам соответствовали городские головы, руководившие Петербургской думой в рассматриваемый период, могут дать краткие очерки об их жизни и деятельности.

Погребов Николай Иванович (1817–1879). Впервые вступил в должность городского головы в 1860 г., еще при действии Городового положения 1846 г., и занимал этот пост непрерывно в течение 18 лет. Он происходил из купеческой семьи. Род Погребовых пребывал в купечестве с 1780 г., сам Николай Иванович значился купцом с 1854 г. Фирма Погребовых вела торговлю текстильными товарами, с 1825 г. регулярно поставляла мануфактурные изделия (обивочные и шелковые ткани, ковры) императорскому двору. Фирма пользовалась безупречной репутацией. В 1882 г. вдове Погребова Софье Ивановне, к которой перешло дело, было разрешено именоваться поставщицей высочайшего двора и иметь на вывеске изображение государственного герба¹.

Н.И. Погребов получил высшее юридическое образование. После окончания Петербургского университета некоторое время состоял на службе по ведомству Министерства внутренних дел. В начале 1850-х гг. в чине титулярного советника вышел в отставку и возглавил семейное дело. Тогда же началась и его городская общественная служба. В 1857 г. он был избран «вторым» кандидатом в городские головы. Это послужило основанием для назначения Погребова в 1860 г. на вакантную должность городского головы, освободившуюся в связи с досрочной отставкой В.А. Алферовского².

Н.И. Погребов пользовался поддержкой гласных, принадлежавших к разным условиям и слоям городского общества. Именно это сделало возможным многократное избрание его городским головой. «Он умел, – писал один из его современников, – расположить к себе ту разнокалиберную массу, которая до 1873 г. носила название Общей, а теперь носит имя просто Городской думы. Прежде... дворянин, чиновник, купец, мещанин сидели каждый за своей загородкой и через нее не перелезали; теперь эти перегородки сломаны и сделаны другие, чтобы отделить толстый карман от тощего. Ни те, ни другие не облегчали положения городского предводителя. Покойный голова при благоприятных особенностях личного характера имел еще и две другие особенности, которые привлекли к нему главные группы думского состава. Принадлежа по происхождению к купечеству, Николай Иванович был естественно свой человек среди гласных купцов и ниже их стоящих мещан и ремесленников. Вся эта сила стояла за него горой. С другой стороны, как человек с университетским образованием, он мог понимать думскую интеллигенцию и сам был ей понятен»³. Об этом же говорил гласный В.И. Лихачев на заседании думы, посвященном памяти Н.И. Погребова: он был «дей-

ствительно всесословный городской голова..., ни одно из сословий, имевших своих представителей в думе, не могло считать его исключительно своим человеком»⁴.

Служба Погребова как городского головы начиналась и заканчивалась при совершенно различных условиях функционирования органов общественного управления. В первый период его руководства (1860–1872), когда действовало Положение 1846 г., задачи думы были несложны, а сфера самостоятельных действий крайне ограничена. Однако в обстановке начавшихся преобразований, общественного подъема в стране, формирования новых представлений о роли и значении местных органов общественного управления сохранение прежнего стиля работы столичной думы было невозможно. Н.И. Погребов приложил немало усилий к тому, чтобы и в рамках Городового положения 1846 г. существенно активизировать работу столичной думы.

В 1860-е гг. Общая дума стала собираться не от случая к случаю, как то было раньше, а регулярно. Были созданы специальные комиссии: о пользах и нуждах, санитарная и др. С 1863 г. начало выходить периодическое издание думы «Известия С.-Петербургской городской общей думы». На его страницах дума не раз заявляла о себе как об органе общественной власти, которую уже не удовлетворяют пределы предоставленной ей компетенции и рамки самостоятельных действий. И хотя о значительных результатах деятельности думы в 1860-е гг. говорить не приходится, тем не менее позитивные сдвиги все же наметились. И в этом действительно была большая заслуга городского головы.

На одном из последних заседаний Общей думы перед ее роспуском (в декабре 1872 г.) гласные устроили Погребову овацию. Ему был преподнесен адрес с благодарностью за труды на пользу городского общества и за деятельное участие в работе комиссии по подготовке нового Городового положения⁵.

Энергия Погребова, преданность городским интересам обеспечили ему поддержку вновь избранных гласных реформированной думы. На выборах 1873 г. он получил 195 голосов из 215. Н.И. Погребов стал первым городским головой столицы, которому предстояло провести в жизнь новое Городовое положение, реализовать на практике права, полученные органами общественного управления в результате реформы. Именно первому составу гласных во главе с городским головой необходимо было на совершенно новых основаниях организовать работу как распорядительного, так и исполнительного органов. В первые годы после проведения городской реформы весьма непросто складывались отношения между органами общественного управления и административной властью, не готовой ограничить свои командные функции. Н.И. Погребов сумел проявить известную гибкость, позволившую ему избежать обострение отношений с администрацией и вместе с тем не уронить достоинства руководителя общественного управления.

Современники характеризовали Погребова как человека «доброго», «доступного всем», «чуждого всяких интриг и зложелательства», «бескорыстного, честного, добрейшего». В выступлении одного из гласных после кончины Погребова отмечалось, что, прослужив 18 лет, он никогда не использовал своего положения и умер не богаче, а может быть, беднее, чем был, когда вступил в должность городского головы. Но вместе с тем современники отмечали и его слабохарактерность, которая особенно в последние годы сказывалась на положении дел общественного управления. Анонимный автор, оставивший нам портретную галерею гласных петербургской думы, в очерке о преемнике Погребова П.Л. Корфе писал, что последний прежде всего обратил внимание на исполнительный орган – управу, которая «при добром, честном и крайне бесхарактерном Н.И. Погребове дошла до крайней распушенности»⁶. Известный публицист К.А. Скальковский в очерке о городском голове В.И. Лихачеве вскользь отметил, что добрейший Н.И. Погребов 16 лет «служил игрушкой в руках думских дельцов»⁷.

Несмотря на недостатки Н.И. Погребова как руководителя, следует помнить, что первые шаги в становлении городского самоуправления столицы были сделаны думой в тот период, когда он был городским головой. Сами гласные признавали большие заслуги Погребова на этом посту. В ознаменование 15-летия его службы городская дума

приняла постановление ходатайствовать об учреждении в университете двух стипендий его имени⁸.

В 1878 г. Погребов по болезни вынужден был оставить свою должность. Дума единоголосно приняла постановление возбудить ходатайство о присвоении бывшему городскому голове звания почетного гражданина Петербурга – самой высокой награды, которая могла исходить от общественного управления⁹. Из 6 почетных граждан Петербурга, которым городская дума до 1917 г. присвоила это звание, только Погребов был городским головой.

Н.И. Погребов скончался 19 мая 1879 г. в Стрельне под Петербургом. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря¹⁰. В память о нем по постановлению городской думы в Петербурге были открыты 2 начальных народных училища.

Корф Павел Леопольдович (1837–1913) был избран городским головой 6 ноября 1878 г., утвержден 1 декабря 1878 г. Он происходил из дворян Петербургской губ. Его отец, Леопольд Федорович – генерал-майор, был директором Аракчеевского кадетского корпуса. Мать – урожденная гр. Голенищева-Кутузова¹¹. П.Л. Корф окончил Пажеский корпус в 1854 г., после чего был определен в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1860 г. вышел в отставку и всецело посвятил себя общественной деятельности. Был мировым посредником первого призыва и в этом качестве участвовал в проведении крестьянской реформы в Шлиссельбургском уезде Петербургской губ. В 1866 г. избран Шлиссельбургским уездным предводителем дворянства. В этой должности он состоял 3 выборных срока. С открытием в Петербургской губ. земских учреждений Корф избирался вначале членом Петербургской уездной земской управы, затем ее председателем, а в 1868 г. – председателем губернской земской управы. Этот пост он бессменно занимал до избрания его городским головой. Оценивая впоследствии его земскую деятельность, журнал «Исторический вестник» писал: «Барон П.Л. Корф посвятил земской работе всего себя, всю свою удивительную энергию и работоспособность. Деятель просвещенный и благожелательный, он старался развить в губернии сеть народных школ, обставить местную юстицию мировых судей наиболее образованным и безукоризненным составом, увлекался и поддерживал все идейное, что могло дать хорошие результаты для экономического подъема местной жизни и оздоровления местности. Его полезная работа была у всех на виду и когда в 1874 г. он вновь баллотировался в председатели Петербургской губернской управы, то был избран закрытой баллотировкой единогласно»¹².

До вступления в должность городского головы П.Л. Корф дважды избирался в состав гласных Петербургской думы (1873 и 1877). Городским головой был избран на досрочных выборах в связи с отставкой Н.И. Погребова. В своей первой речи в думе в качестве городского головы Корф признался, что предложение баллотироваться на этот пост вызвало у него первоначально большие колебания и даже страх перед чрезвычайной сложностью и обширностью городского хозяйства столицы. Однако он посчитал невозможным уклониться от участия в выборах, так как «общественные учреждения занимают такое важное место в нашем государстве, в нашей государственно-народной жизни, что требуют величайшего к себе усердия, даже самоотвержения всех благомыслящих граждан». Именно в Петербурге, продолжал он, «развились и окрепли первые начатки общественного самоуправления. Надо желать, чтобы на будущее время семья, положенное нашими предшественниками и вашими (гласных. – В.Н.) трудами, продолжало развиваться на пользу нашего города»¹³.

П.Л. Корф сумел изменить порядок и стиль работы думы, сложившиеся в последние годы пребывания на посту городского головы стареющего и больного Н.И. Погребова. Внимательно следивший за работой думы корреспондент одной из столичных газет отмечал, что ранее дела залеживались по нескольку лет, а все жалобы на управу клались под сукно и никогда не доходили до думы. Совершенно иной характер, по наблюдению этого автора, приняли заседания думы. Раньше они часто откладывались из-за отсутствия законного числа гласных. Из стоявших в повестке дня вопросов редко уда-

валось рассмотреть более двух-трех, иные дела, не задевавшие прямо ничьих интересов (иначе говоря, не связанные с получением подрядов, платных должностей и т.д.), назначались к рассмотрению до 30 раз. В результате новых порядков, сообщалось в очерке, в течение года было рассмотрено 160 дел, из них разрешено 149, 11 переданы в управу для пересмотра. Но при этом автор констатировал, что «энергия барона Корфа и честное отношение его к делу вооружили против него многих, привыкших ловить рыбу в мутной воде. И в думе, и в подчиненной голове управе образовались враждебные ему партии»¹⁴.

Уже после кончины П.Л. Корфа, подводя итоги его деятельности на посту городского головы, «С.-Петербургские ведомости» писали: «Его недолгое руководительство столичной думой отмечалось небывалым оживлением городской производительной работы, направленной к удовлетворению бытовых нужд и к столичному благоустройству»¹⁵. Действительно, при нем был построен городской арестный дом, начата постройка барачной больницы и скотобойни на Обводном канале, закончено сооружение моста императора Александра II (ныне Литейный), образована исполнительная комиссия общественного здоровья, учреждено при городской управе статистическое отделение, ставшее одним из важнейших участков деятельности общественного управления¹⁶.

В 1881 г. П.Л. Корф согласился снова баллотироваться в городские головы, поскольку имел определенную программу по усовершенствованию механизма хозяйственной деятельности думы и был уверен, что на этом посту сможет принести городу пользу. Но на новый четырехлетний срок П.Л. Корф избран не был. Еще раз и тоже неудачно он баллотировался в 1885 г. Известный журналист В.О. Михневич, весьма скромно оценивавший деятельность Корфа в роли городского головы, тем не менее выразил удивление по поводу неизбрания его на очередных выборах. «При нем в нашем городском управлении, — писал он, — по возможности, все обстояло благополучно, но в то же время ординарно, рутинно, потихоньку и полегоньку. Как всегда, так и ныне. Впрочем, с точки зрения думской политики и думского прогресса решительно необъяснимо, почему барон Корф был забаллотирован при выборах головы... Он... безукоризненно приличный и просвещенный голова, гораздо приличнее и просвещеннее многих сих и оных»¹⁷. Надо полагать, что причина заключалась не в личности П.Л. Корфа, а в усилившемся к этому времени противостоянии между торгово-промышленной и дворянско-интеллигентской группировками думы. Неформальным лидером последней Корф продолжал оставаться и в дальнейшем.

Находясь в составе гласных до 1897 г., П.Л. Корф принимал самое деятельное участие в работе думы. Он состоял членом многих комиссий: по народному образованию, по составлению списка кандидатов на выборные должности, по изысканию системы удаления нечистот из С.-Петербурга, комиссии для выяснения отношения г. Петербурга к губернскому земству, по расходованию средств, предназначенных на нужды военного времени, и др.

После ухода с поста городского головы Корф недолгое время был председателем Вольного экономического общества, продолжал активно заниматься земскими вопросами. В 1888 г. была опубликована его работа «Ближайшие нужды местного населения», которая не осталась без внимания общественности¹⁸.

С начала XX в. П.Л. Корф включился в земское либеральное движение (участвовал в земских съездах, входил в состав принятой царем в июне 1905 г. депутации от земств и городов, выдвинувшей ряд либеральных требований). П.Л. Корф был одним из учредителей партии «Союз 17 октября», членом ее Центрального комитета¹⁹. После реформирования Государственного совета в 1906 г. он дважды избирался в его состав от петербургского земства. Получила признание многолетняя деятельность Корфа в качестве председателя Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промысловых товариществах.

П.Л. Корф не оставался в стороне и от участия в благотворительной деятельности: был членом-попечителем колонии им. Александра III, членом попечительства о работ-

ных домах. Корфа считали человеком «безукоризненной репутации», «безупречной честности», человеком, видевшим смысл своей жизни «в общественном служении».

П.Л. Корф умер в 1913 г., похоронен на станции Ириновская под Петербургом²⁰.

Глазунов Иван Ильич (1826–1889) избран городским головой в 1881 г. В это время он был купцом 1-й гильдии, главой известной книготорговой и издательской фирмы Глазуновых, статским советником. Он происходил из купеческой семьи. Закончил 6 классов 2-й Петербургской классической гимназии. Делами фирмы стал заниматься с 1841 г., в 1849 г. ее возглавил. Много внимания уделял филантропической деятельности. Его имя значилось в списках разных благотворительных учреждений и обществ, что позволило впоследствии охарактеризовать его как «одного из самых отзывчивых на добро граждан Петербурга». Глазунов состоял почетным членом детского приюта принца П.Г. Ольденбургского, членом совета петербургского Коммерческого училища, членом Попечительного комитета Елизаветинской детской больницы, членом и директором Дома милосердия в Лесном. Кроме того, он был членом-сотрудником Дома призрения малолетних бедных Человеческого общества, директором правления Общества улучшения жилищ нуждающегося населения Петербурга.

После преобразования городского самоуправления Глазунов 4 раза избирался гласным городской думы (1873, 1877, 1881, 1885). В 1873 и 1877 гг. он был избран «вторым» кандидатом в городские головы. В 1878 г. (на досрочных выборах) был выдвинут «первым» кандидатом на эту должность. В тот год впервые перед кандидатами в городские головы дума поставила условие – посвятить всю деятельность исключительно городскому общественному управлению, иначе говоря, отказаться от прочих оплачиваемых должностей. Между тем Глазунов с 1861 г. являлся директором Городского кредитного общества, что приносило ему немалые доходы, поэтому требование думы его не устраивало. Глазунов принял участие в баллотировке, но избран не был. По выражению современника, он метил в городские головы, но «споткнулся о кресло председателя Городского кредитного общества»²¹. В качестве гласного Глазунов участвовал в работе многих думских комиссий: училищной, санитарной, о пользах и нуждах общественных и др. В 1875 г. от думы был избран в губернское земское собрание.

В 1881 г. ради кресла городского головы Глазунов все же отказался от должности в Городском кредитном обществе и в состязании за пост городского головы с П.Л. Корфом одержал победу. Среди думцев ходила эпиграмма: «Даже дико, глазу ново, / Что мы голову с плеча / Вдруг избрали Глазунова / Душку Ваню Ильича»²².

В 1885 г. Глазунов снова был избран в гласные, но в городские головы баллотироваться не стал. Как писали «Русские ведомости», он «подобно Гладстону удалился в частную жизнь..., чтобы сводить счеты со следственной властью в качестве одного из бывших директоров Кредитного общества»²³. Газета намекала на то, что Глазунов оказался привлеченным к суду в связи с делом о растрате и хищениях в Кредитном обществе. Правда, 3 года спустя все обвинения с него и его товарищей по управлению Обществом были сняты. Но на следующее четырехлетие Глазунов в думу уже не баллотировался.

По оценкам современников, деятельность Глазунова на посту главы муниципалитета не была яркой. «По части общественной деятельности в думе, он, сколько известно, – писал журналист В.О. Михневич, – ни пороку не выдумал, ни Калифорнии не открыл, напротив, вся его многолетняя думская деятельность носит печать полной бесцветности и разве в том только выразилась, что он всегда почти высказывался против нововведений»²⁴. Последнее заявление оставим на совести автора, поскольку оно ничем не подтверждается. Но сохранились и доброжелательные отзывы о Глазунове на посту руководителя городского общественного управления. «Как городской голова и председатель управы Иван Ильич, – по словам гласного думы М.И. Семевского, – отличался полным добродушием и... отзывчивостью на всякое доброе учреждение и каждую благотворительную мысль в обширной деятельности общественного самоуправления столицы. Если ему ставилась иногда в упрек некоторая слабость и мягкость характера,

то, поверьте, и такой недостаток в основе своей имел добрый источник: Иван Ильич по свойству своего характера сторонился от борьбы, от партий, интриг, он всей душой желал видеть в нашей Думе отсутствие партий и замкнутых кружков...»²⁵ Правда, при всей благожелательности тона отзыва, в нем не упоминается о каких-либо достижениях в развитии городского хозяйства. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что в годы управления Глазунова не наблюдалось никакого прогресса в городском хозяйстве. Именно в эти годы дума делает первые шаги на пути перехода к новым его формам – от концессионной к муниципализации. В 1882 г. было сооружено первое городское предприятие – скотобойни. В ведение общественного управления в 1884 г. поступают городские больницы. По-прежнему приоритетным направлением для думы остается начальное народное образование. В 1880–1884 гг. число городских училищ увеличилось вдвое.

Но безусловно, свое имя Глазунов сделал известным благодаря не столько работе на ниве городского общественного управления, сколько обширной и полезной издательской деятельности. В 1883 г. Глазунов отпраздновал 100-летие фирмы и получил звание потомственного дворянина. В знак признания заслуг он был награжден многими российскими орденами.

И.И. Глазунов скончался 19 декабря 1889 г., погребен в Троице-Сергиевой пустыни²⁶.

Лихачев Владимир Иванович (1837–1906) стал городским головой в 1885 г. (дворянин, председатель Петербургского мирового съезда, действительный статский советник). Юрист по образованию (окончил Императорское училище правоведения), он начал служебную карьеру в 1856 г. в Сенате, где дослужился до обер-прокурора 2-го (апелляционного) департамента. После введения судебных уставов был последовательно товарищем председателя, председателем Петербургского окружного суда, членом Петербургской судебной палаты. В 1881 г. избран председателем столичного мирового съезда и оставался им до избрания городским головой.

Наряду со службой по судебному ведомству Лихачев занялся публицистической деятельностью. Его первые статьи в начале 1860-х гг. появились в журнале «Основа» и «Время». Затем он стал сотрудничать в «С.-Петербургских ведомостях» В.Ф. Корша. В первые годы после основания журнала «Вестник Европы» Лихачев поместил там статьи о новых судах и городском самоуправлении. За публикацию статьи «Переделка судебных уставов» журнал получил предостережение²⁷. Городскому самоуправлению были посвящены две статьи Лихачева: «О современном городском общественном управлении» и «Городское хозяйство и общественное управление в Петербурге»²⁸. В них автор ставил задачу, опираясь на факты из практики столичной думы, показать «весь вред», который порождало вмешательство административной власти и господство централизации, «убивающей общественную самостоятельность».

В 1876 г. В.И. Лихачев совместно с А.С. Сувориным приобрел газету «Новое время» и принял деятельное участие в ее издании. В августе 1877 г. к столичному градоначальнику поступило ходатайство от редактора-издателя газеты «Новое время» В.И. Лихачева о разрешении ему вместе с ее издателем А.С. Сувориным содержать типографию, приобретаемую от В.О. Ковалевского²⁹. Однако в 1878 г. Лихачев полностью отошел от участия в издании газеты, в связи с чем учредительский пай был ему выплачен.

Еще в 1865 г. Лихачев был избран в гласные Петербургской общей думы, и с этого времени его интересы в сфере общественной деятельности оказались связанными со столичным городским самоуправлением. В 1869 г. вместе с несколькими городскими головами, приглашенными в качестве «общественных экспертов», Лихачев участвовал в работе правительственной комиссии по подготовке нового Городового положения. Кстати, он выступил там в поддержку предложения о введении в городах квартирного налога и наделении его плательщиков избирательным правом. Это мнение он отстаивал и в дальнейшем при обсуждении вопроса о квартирном налоге Петербургской думой³⁰. В 1870 г. Лихачев был привлечен к работе комиссии о применении нового Городового положения к столичным городам.

В работе реформированной городской думы Лихачев принимал весьма активное участие. Он был членом важных комиссий: для составления проекта правил о переоценке недвижимых имуществ; для разработки правил об отмене особых сборов по местным положениям; для составления проекта инструкций городской управе. В 1880 г. был избран председателем комиссии для принятия мер к удешевлению цен на хлеб. Особо следует отметить его деятельность в качестве председателя комиссии народного здоровья. Созданная в 1880 г. как временная, комиссия осуществила ряд важных санитарных мер по предотвращению эпидемии чумы. В последующие годы на комиссию была возложена ответственная работа по передаче больниц в ведение города. В совещании по вопросу о передаче больниц и богаделен городу представителем от общественного управления был В.И. Лихачев.

Современники характеризовали Лихачева как европейски образованного человека, одного из талантливейших гласных, который выделился из общей массы дельными докладами и предложениями, блестящими и остроумными речами. Неудачи, которые не раз терпел Лихачев при баллотировке на руководящие должности в думе, приписывались его «неумению и нежеланию прибегнуть к обычным средствам для облегчения успеха», т.е. посулам, ресторанным угощениям и пр. Среди кандидатов на должность головы Лихачев «более других обладает качествами, необходимыми на этом посту»³¹.

Отметим оценки Лихачева и иной тональности. «Лихачев Владимир Иванович – дофин Петербургской думы, медленно, но настойчиво и твердо приближающийся к креслу градского головы. Что дума рано или поздно увидит его на этом кресле – не подлежит почти сомнению, потому что Лихачев человек ловкий, находчивый, при случае красноречивый, изощренный образованием и опытом дельца на разных поприщах от судейского до журналистского (на последнем, между прочим, породил в союзе с г. Сувориным днесь процветающее “Новое время”, до сих пор не остывшее к нему в родственных чувствах). Изощрен он также и неудачами, ибо до сих пор его кандидатура на пост городского головы и даже его товарища претерпевала фиаско. Менее упругий деятель спасовал бы, конечно, от этого, но – «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»»³².

В 1885 г. В.И. Лихачев был выдвинут в городские головы группой гласных во главе с известным предпринимателем, владельцем чугунолитейного завода Ф.К. Сан-Галли, пользовавшимся большим влиянием в думе. В своих мемуарах тот рассказывал, что раз в неделю (иногда чаще) в своем особняке на Лиговке он собирал кружок гласных-единомышленников и там за ужином согласовывалась общая позиция по вопросам, подлежащим рассмотрению думы, намечались кандидатуры на общественные должности, разрабатывалась предвыборная тактика. Если решение поддерживали $\frac{2}{3}$ присутствующих в частном совещании, то остальные были обязаны голосовать за него на заседании думы³³.

В начале 1880-х гг., когда возник конфликт между думой и акционерным водопроводным обществом, снабжавшим водой незаречные части столицы, Сан-Галли и послушная ему часть гласных встали на сторону водопроводного общества. Интересы города отступили перед возможностью получения подрядов, заказов и пр. Такая позиция думцев вызвала возмущение широкой общественности. О «сан-галлистах» стали говорить как о «водопроводной партии» в думе. Современник событий К. Головин вспоминал «о кружке аферистов, отличившихся в деле городских водопроводов и руководимых гг. Сан-Галли и Овандером. Это были не только деловые люди, но прямо “дельцы” в тесном смысле слова, смотревшие на городское благоустройство с точки зрения своего личного благосостояния»³⁴. Как известно, город выиграл в суде дело против водопроводной компании. Что касается Сан-Галли, то, несмотря на страсти, кипевшие тогда вокруг его имени, ему удалось сохранить свое влияние в думе.

Заручившись поддержкой Сан-Галли, Лихачев не сомневался в своей победе на предстоящих выборах в 1885 г. М.Е. Салтыков-Щедрин, состоявший в дружеских отношениях с Лихачевым, писал одному из общих знакомых: «Влад[имир] Ив[анович] говорит о своем главстве, как о деле окончательно решенном и заранее гордится тем, что он будет головой без *представительства*. И ежели, дескать, примет прибавочных

6 тыс. руб., то с тем, чтобы дать в них отчет. Но при этом наивно прибавляет, что государство дает ему возможность попасть в два–три банка директором и воспользоваться крупным содержанием»³⁵. Действительно, на состоявшихся 8 июня 1885 г. выборах «первого» кандидата в городские головы Лихачев одержал победу над своим конкурентом П.Л. Корфом со значительным перевесом избирательных голосов: 167 – за, 53 – против. «Вторым» кандидатом был избран тайный советник Е.И. Ламанский³⁶. 16 июня Салтыков-Щедрин в письме тому же адресату сообщал: «Лихачев выбран в гор[одские] головы, но будет ли утвержден, неизвестно. За него хлопочет Грессер (столичный градоначальник. – В.Н.), и Министерство внутренних дел на его стороне. Журналам было запрещено писать об нем перед выборами. Вот кто таков Лихачев... Но замечательно, что ни от одного порядочного человека не услышите путного отзыва о Лихачеве. Самый выбор его произведен водопроводной партией, против которой он всегда действовал»³⁷.

В эти годы Лихачев уже не давал повода подозревать себя в либеральных увлечениях. В 1880 г. он был привлечен к участию в работе Верховной распорядительной комиссии под председательством М.Т. Лорис-Меликова. В 1881 г. входил во временный совет при Петербургском градоначальнике Н.М. Баранове, прозванный в обществе «Баранным парламентом». Совет из 25 выборных представителей обществности был создан сразу после событий 1 марта 1881 г. для оказания градоначальнику содействия в борьбе с террористами³⁸. К.А. Скальковский отмечал эволюцию, которую претерпели политические взгляды Лихачева. «Некогда демократ, – писал он, – автор большой монографии о Мадзини, тайный юрисконсульт всех наших деятелей либерального толка, он состоял затем при Верховной распорядительной комиссии, имевший целью поумерить радикализм в России»³⁹.

В административных сферах избрание В.И. Лихачева «первым» кандидатом было встречено с удовлетворением. А.Ф. Кони в письме М.М. Стасюлевичу передает, как реагировал столичный градоначальник на его вопрос – утвержден ли уже Лихачев царем: «Нет! Но еще бы не был! Я писал о нем специально. Другого такого нам не найти»⁴⁰. (Надо полагать, он имел в виду не только богатый опыт работы Лихачева в городском общественном управлении, но и его готовность к сотрудничеству с правительственной администрацией.) Градоначальник не ограничился сообщением министру внутренних дел формальных сведений о лицах, избранных «первым» и «вторым» кандидатами, но одного из них постарался охарактеризовать с самой положительной стороны. В.И. Лихачев, писал он, «участвуя в разное время в качестве председателя или члена в комиссиях, образованных городским управлением по наиболее важным и сложным вопросам городского хозяйства, приобрел значительную опытность в делах городского общественного управления и уже в предыдущее четырехлетие был избран вторым кандидатом на должность городского головы». Мнение градоначальника было изложено во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел⁴¹.

4 июля 1885 г. В.И. Лихачев был утвержден городским головой. В интеллигентских кругах избрание Лихачева восприняли без особого восторга. А.Ф. Кони, например, не ждал от нового городского головы серьезных изменений в хозяйственной деятельности думы. «Ваш “приятель”, – писал он М.М. Стасюлевичу, – у цели. А цель эта состоит в том, чтобы замостить Невский и всю набережную от Ново-Адмиралт. (Ново-Адмиралтейского канала. – В.Н.) до Литейного моста торцами, устроить сквер перед Казанским собором, устроить писсуары и заменить “нелепый фильтр”, к которому присуждено водопроводное общество, каким-нибудь “удобным и недорогим устройством”...»⁴²

В Лихачеве видели, и не без основания, ставленника думской «партии сан-галлистов», тесно связанной с водопроводным обществом. Сам Сан-Галли впоследствии с удовлетворением писал о той роли, которую он сыграл в выдвижении и избрании Лихачева на пост городского головы⁴³. Газета «Русские ведомости» поместила фельетон, в котором утверждалось, что всю закулисную механику городских выборов организовала водопроводная компания. Сначала, писала газета, предполагалось, отбросив в сторону всякие пустые церемонии, прямо посадить в кресло городского головы пред-

седателя своего же правления И.А. Вышнеградского⁴⁴. Однако было решено соблюдать «известный декорум», и тогда всплыла кандидатура В.И. Лихачева как человека, «который сумеет бракосочетать интересы города с видами и соображениями новой петербургской водопроводной компании». «Новая дума, – говорилось далее, – робкая, безличная и “всем обязанная” водопроводному штабу, желая на первом же дебюте высказать примерное и внутреннее единение, отнеслась с восторгом к намеченной кандидатуре и огромным большинством выбаллотировала г. Лихачева»⁴⁵. Журнал «Наблюдатель» писал, что термин «общественный избранный» к нынешнему голове применим лишь в саркастическом смысле, поскольку он удостоился избрания от «заведомо враждебной интересам города шайки “сан-галлистов”»⁴⁶.

В 1889 г. Лихачев избирается первым кандидатом в городские головы на новый срок. По мнению столичного градоначальника П.А. Грессера, приведенному во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел, «тайный советник Лихачев, занимая должность городского головы в предшествовавшее четырехлетие, успел доказать полное знание дел городского хозяйства и выдающееся умение правильно и успешно направлять их в собраниях городской думы, а потому выбор этого лица представлялся бы вполне отвечающим требованиям и видам правительства». На докладе министра царь собственноручно написал: «Утвердить Лихачева»⁴⁷.

В 1890 г. в связи с 25-летием службы В.И. Лихачева дума вынесла ему (и еще пяти гласным) благодарность за «пользу, которую они принесли своим долголетним служением общественному управлению». В справке о Лихачеве отмечалось, что за это время на него было возложено 52 ответственных поручения⁴⁸.

Его деятельность и за второй выборный срок оценивалась административной властью также положительно, несмотря на наделавшую много шума историю с закупкой в 1891 г. городской управой муки, приобретенной по завышенным ценам и к тому же оказавшейся весьма низкого качества. Эта история вызвала большой общественный резонанс и, как считали современники, именно она положила конец карьере Лихачева на городской общественной службе, хотя сам он не только не был к этому причастен, но и находился в то время в отпуске за границей. В самой думе была создана специальная комиссия для расследования этого дела.

На заседании думы в мае 1892 г. Лихачев досрочно сложил с себя полномочия городского головы. В письме только что назначенному градоначальнику В.В. фон Валью свое решение он мотивировал расстроением здоровьем⁴⁹. Однако истинные причины такого решения были всем очевидны. Во всеподданнейшем отчете о состоянии Петербургского градоначальства за 1891 г. фон Валь «ближайшей причиной» отказа Лихачева назвал «прискорбное дело» с заготовкой муки. «Оно, – писал он, – возбудило тревожные и преувеличенные толки в среде столичного населения и, в особенности, в некоторой части ежедневной прессы, нашедшие отголосок в меньшинстве гласных городской думы и повлекшие несправедливые, высказанные в чрезвычайно резкой форме нападки на заседаниях городской думы на городского голову и весь состав городской управы, что и вызвало отказ тайного советника Лихачева от звания городского головы»⁵⁰.

Высказав большое сожаление по поводу ухода Лихачева с поста головы, градоначальник особо отметил его роль в установлении тесного взаимодействия между административной и общественной ветвями власти. Благоприятные результаты в деле благоустройства столицы, говорилось в отчете, «могли быть достигнуты благодаря единению, существовавшему между административной властью и городским общественным управлением, стремившихся, по мере сил и возможности, к достижению одной общей цели». «Ближайшим сотрудником моего предместника в проведении всех мероприятий по части городского благоустройства, – писал фон Валь, – был городской голова тайный советник Лихачев, в течение восьми лет стоявший во главе городского управления»⁵¹.

Как руководитель столичной думы Лихачев в полной мере устраивал власти. Когда в июне 1893 г. он вновь был выдвинут «первым» кандидатом в городские головы⁵², ад-

министрация, по-видимому, попыталась оказать на него определенное давление. Лихачев тем не менее не дал своего согласия на участие в баллотировке, о чем немедленно сообщил градоначальнику: «Считаю долгом довести [об этом. — В.Н.] до сведения Вашего превосходительства ввиду того, что неоднократно слышал от Вас лестное для меня желание видеть меня во главе столичного общественного управления». В письме были названы две причины отказа. Во-первых, неуверенность в положительных результатах тайного голосования при неоднородном составе новой думы. «Но даже при благоприятном для меня исходе выборов на должность головы, — писал он, — ...большинство это будет настолько незначительно, что не придаст избранному городскому голове надлежащего авторитета, отсутствие которого не может не отражаться вредно на ходе городских дел как в думе, так и в управе». Вторая причина, думается, была для Лихачева не менее веской. Он опасался, что «при непрочности» нынешнего положения городского головы ему придется отказаться от обязанности члена совета Главного общества российских железных дорог, что, говорилось в письме, «доставляет мне необходимые материальные средства, меня обеспечивающие»⁵³.

Дело в том, что, как уже отмечалось, в 1878 г. дума постановила, чтобы лицо, которое будет избрано в городские головы, «посвятило всю свою деятельность исключительно городскому общественному управлению». В 1883 г. дума приняла постановление включить в инструкцию городской управе следующий параграф: «Городской голова, товарищ городского головы и члены городской управы не могут совместно с их должностью отправлять какую-либо службу с вознаграждением в постороннем ведомстве без особого каждый раз разрешения на то думы». Перед выборами 1885 г. оба претендента в городские головы — В.И. Лихачев и П.Л. Корф — заявили о готовности посвятить себя только городскому общественному управлению. Правда, некоторое время спустя стало известно, что Лихачев занимает связанную с вознаграждением должность члена совета Волжско-Камского банка. После объяснений Лихачева и прений по этому вопросу дума большинством голосов (163 против 44) все же дала разрешение на совмещение обязанностей⁵⁴. В 1893 г. у Лихачева не было уверенности в том, что и на этот раз дума пойдет ему навстречу.

При Лихачеве продолжалось позитивное развитие городского хозяйства. Прежде всего отметим выкуп общественным управлением водопроводных предприятий у Первого и Второго акционерных обществ. Таким образом, с начала 1890-х гг. город стал собственником крупнейшего коммунального предприятия. Заметные улучшения произошли в состоянии городского больничного дела. Впоследствии Лихачев уже не входил в состав гласных думы, но сохранял связь с городским больничным делом как председатель Совета благотворительного общества при барачной больнице им. Боткина. В 1893 г. он вновь был избран председателем столичного мирового съезда. В 1896 г. в связи с 30-летием деятельности в качестве почетного мирового судьи его портрет был помещен в зале заседаний мирового съезда. После оставления городской службы Лихачев был назначен членом Консультации при Министерстве юстиции, в 1896 г. сенатором.

В.И. Лихачев скончался 24 марта 1906 г., похоронен в Александро-Невской лавре⁵⁵.

Ратьков-Рожнов Владимир Александрович (1834–1912). В первом после принятия нового Городового положения 1892 г. четырехлетии (1893–1897) городским головой стал потомственный дворянин, тайный советник В.А. Ратьков-Рожнов. Пост городского головы он занял в результате прямого назначения верховной властью без предварительного избрания думой. (Случай этот остался для столичных городов единственным за весь дореволюционный период.) По закону на должность столичного городского головы император назначал одного из двух кандидатов, предложенных думой⁵⁶. Отступлению от узаконенного порядка предшествовали следующие обстоятельства. 21 июня 1893 г. должны были состояться выборы «первого» из кандидатов в городские головы. Предварительно записками были намечены 6 человек: гр. Н.Ф. Гейден, генерал-лейте-

нант А.И. Глуховский, бар. П.Л. Корф (городской голова в 1878–1881 гг.), тайный советник Е.И. Ламанский, В.И. Лихачев (городской голова в 1885–1892 гг.), тайный советник В.А. Ратьков-Рожнов. По количеству поступивших предложений Ратьков-Рожнов был на третьем месте (37 записок) после Корфа (52 записки) и Лихачева (40 записок). Но в день выборов все до одного кандидата отказались от баллотировки, после чего дума возбудила ходатайство об отсрочке выборов до осени, чтобы иметь время «для более осмысленного выдвижения кандидатов»⁵⁷.

Сообщая министру внутренних дел о ходатайстве думы, столичный градоначальник В.В. фон Валь находил его «не заслуживающим уважения». «Причина столь неудачного исхода выборов на должность с.-петербургского городского головы, — писал он, — лежит не в отсутствии лиц, которые желали бы стать во главе общественного управления столицы, а в таком разделении состава гласных столичной думы, при котором, благодаря агитационной интриге адвоката Кедрина, не составляется абсолютного большинства в пользу какого-либо кандидата, что при таких условиях ни одно из предложенных записками лиц не рискнет подвергнуться закрытой баллотировке». По мнению градоначальника, и новые выборы по той же причине окажутся безрезультатными. Он полагал, что ходатайство думы следует отклонить, а городского голову назначить в соответствии с первой частью ст. 114 Городового положения⁵⁸.

14 июля 1893 г. высочайшим приказом по Министерству внутренних дел городским головой был назначен В.А. Ратьков-Рожнов⁵⁹. Справедливости ради отметим, что в ряду кандидатов, выдвинутых на пост городского головы самими гласными, Ратьков-Рожнов, безусловно, имел определенные преимущества. Он был человеком не только образованным (закончил со степенью кандидата юридический факультет С.-Петербургского университета), но и весьма энергичным и предприимчивым. Наряду с государственной службой (чиновник Пятого [уголовного] департамента Сената) и предпринимательской деятельностью (глава лесоторговой фирмы «Громов и К°») он в течение многих лет занимался выборной общественной работой. По выбору дворянства состоял депутатом в Главном выкупном учреждении (1881–1884) и членом Совета кредитных установлений (1881–1889), по выбору купечества — выборным Петербургской биржи (с 1878). Избирался почетным мировым судьей по г. Петербургу, Вышнегорскому уезду Олонецкой губ., по Устюжинскому уезду Новгородской губ.

К 1893 г., когда Ратьков-Рожнов был назначен городским головой, он уже в течение 16 лет являлся гласным городской думы и принимал деятельное и заинтересованное участие в жизни общественного управления. В качестве председателя или члена участвовал в работе наиболее ответственных исполнительных и подготовительных комиссий. Был председателем благотворительной (1878–1895), председателем больничной (1886–1893) комиссии, членом комиссии по народному образованию (1881–1894). Входил в состав комиссий, обсуждавших вопросы устройства коммерческого порта в Петербурге, выкупа городских предприятий Общества столичного освещения, строительства постоянного моста через Неву. В числе наиболее влиятельных гласных Ратьков-Рожнов был избран в комиссию по усовершенствованию работы исполнительных органов общественного управления. По выбору думы он был гласным Петербургского уездного земства.

Он был известен также своим участием в сфере благотворительности. Состоял попечителем Домов призрения малолетних бедных в Петербурге и Ораниенбауме, членом Совета Дома призрения душевнобольных, учрежденного цесаревичем вел. кн. Александром Александровичем, действительным членом Императорского человеколюбивого общества, членом совета Мариинского попечительства для призрения слепых, состоящего под покровительством императрицы Марии Федоровны, членом совета Главного управления Российского общества Красного Креста, членом комитета Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, покровительствуемого императрицей Александрой Федоровной. В 1886 г. высочайшим приказом по ведомству Императорского человеколюбивого общества Ратьков-Рожнов был произведен «за отли-

чие» в тайные советники⁶⁰. Он оказывал щедрую материальную поддержку филантропическим учреждениям, с которыми был связан.

Новый городской голова был очень богат. По сведениям «Адресной книги г. Санкт-Петербурга» (1892) он являлся собственником 32 домов в столице⁶¹. Их стоимость по заниженной городской оценке составляла 1 530 084 руб. Кроме того, ему принадлежало около 600 тыс. дес. земли в Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Псковской губ. и лесопильный завод в Шлиссельбургском уезде Петербургской губ. Он занимался торгово-промышленной деятельностью по купеческому свидетельству 1-й гильдии⁶². Своему богатству Ратьков-Рожнов был обязан участием в делах лесоторговой фирмы «Громов и К^о». В 1874 г. он стал компаньоном И.Ф. Громова, а в 1882 г. незадолго до своей смерти последний завещал «другу и товарищу по торговле Ратькову-Рожнову, доказавшему мне (Громову. – В.Н.) свою дружбу... и способствовавшему своей честностью и просвещенным образом действий к поддержанию чести и славы Громовых» почти все принадлежавшее ему движимое и недвижимое имущество⁶³.

В столичном обществе немало злословили об обстоятельствах столь стремительного обогащения Ратькова-Рожнова. В дневнике А.С. Суворина за 15 сентября 1893 г. записано: «Вчера встретил на пляже Лабунскую. Рассказывала мне о Ратькове-Рожнове, как он нажил состояние, будучи управляющим у Громова: жалования он получал 25 тыс. и процент с торговли лесом. Этих процентов он получил в первый же год 50 тыс. ... Именья лесные в Олонецкой губернии все распродал, так что Громовой осталась только дача. Она хотела вести с ним процесс, но вышла замуж... Рассказ подробный, но маловероятный»⁶⁴. Не прошел мимо истории о миллионном состоянии и известный журналист В.О. Михневич. В брошюре «Наши знакомые» он написал: «Ратьков-Рожнов М.А. (надо В.А. – В.Н.) – просвещенный практик-делец “в чинах с орденами”, из тех, которых по характеристике Некрасова, ... “видит столица / в Сенате, палате, судах. / Служа безупречно и пользуясь весом, / Они посвящают досуг интересам / Коммерческих фирм на паях”. Как плющ около мощного дуба, г. Ратьков-Рожнов приютился вначале в коммерческой фирме Громовых в качестве какой-то маленькой служебной спицы в колеснице, потом спица сделалась целой осью всей колесницы, а ныне, когда громовская фирма рассыпалась, упитанный ею и частью унаследовавший ее богатые достояния г. Ратьков-Рожнов вновь процвел вполне “яко крин”. Он и в Петербургском муниципалитете процветает...»⁶⁵ Много лет спустя загадочные обстоятельства перехода миллионного состояния И.Ф. Громова к Ратькову-Рожнову все же частично выплыли наружу в связи с судебным разбирательством в Петербургском окружном суде иска вдовы Громова к Ратькову-Рожнову (кстати, иск суд отклонил)⁶⁶.

Громовская история никак не отразилась на карьере Ратькова-Рожнова, который, как отмечалось, был назначен царем на пост городского головы. За несколько дней до этого столичный градоначальник фон Валь имел о нем конфиденциальный разговор с бывшим городским головой В.И. Лихачевым. Последний, надо полагать, отозвался о Ратькове-Рожнове вполне положительно. Уже после состоявшейся беседы Лихачев сообщил градоначальнику некоторые дополнительные сведения: Ратьков-Рожнов состоит членом совета Волжско-Камского банка и членом правления пароходного общества «Самолет» и по обоим должностям получает вознаграждение⁶⁷.

В.А. Ратьков-Рожнов приступил к исполнению своих обязанностей в весьма неблагоприятных условиях. Сам факт его назначения без участия думы расценивался гласными как покушение власти на законные права городского самоуправления и не способствовал атмосфере доверия между городским головой и гласными. Кроме того, дума не была сформирована в полном составе. При этом половина гласных была не избрана, а назначена административной властью из прежнего состава думы. Это обстоятельство мешало слаженной работе гласных. Именно в эти годы формируются две противоборствующие группировки гласных – старо- и новодумцы. Партийная борьба поглощала все их силы и внимание в ущерб хозяйственной деятельности. Градоначальник фон Валь во всеподданнейшем отчете за 1894 г. писал: «Распавшись на две почти равновесные по числу голосов враждебные партии, означенное собрание (собрание

думы. – В.Н.) оказалось бессильным для положительной благотворной деятельности». Отмечалось, что 1894 г., как и 1893 г., прошел в бесплодных взаимных пререканиях гласных⁶⁸. Действительно, в первое четырехлетие после принятия нового Городового положения дума не сумела разрешить ни одну из важных городских проблем. Строительство Троицкого моста и ломбарда находилось в стадии разработки. Остались неосуществленными дела о выкупе предприятий Второго акционерного общества железных дорог и о новых водопроводных фильтрах. Не сдвинулось с места решение вопроса о канализации. Вместе с тем следует признать, что дума предпринимала энергичные усилия для борьбы со свирепствовавшей в эти годы тяжелой эпидемией холеры, тифа, дифтерита. Было осуществлено и такое важное мероприятие как открытие городской больницы на 750 мест для душевнобольных («Новознаменская дача»).

Характеризуя годы «головства» Ратькова-Рожнова, нельзя обойти вниманием устроенный им в январе 1895 г. частный прием руководителей городского общественного управления, приехавших в столицу по случаю бракосочетания Николая II и великой княжны Александры Федоровны. В доме у Ратькова-Рожнова представители городов тогда в первый раз собирались вместе, чтобы обсудить наболевшие муниципальные вопросы. Именно здесь впервые возникла идея ходатайствовать о разрешении созыва съезда городских голов. Правда, реальные шаги в этом направлении были предприняты лишь в начале XX в.

После формирования нового состава думы (январь 1898 г.) Ратьков-Рожнов подал прошение об увольнении от должности. С высочайшего соизволения он был освобожден от должности городского головы «с оставлением его во всех прочих занимаемых должностях и званиях»⁶⁹. В 1898 г. он был назначен членом Консультации при Министерстве юстиции, в 1904 г. – сенатором. Наряду с государственной службой Ратьков-Рожнов продолжал заниматься крупномасштабным предпринимательством: лесная торговля, железоделательное производство, золотодобывающая промышленность. После его смерти осталось имущества более чем на 9.6 млн. руб. Это дома в городах и посадах, земли в Европейской России, на Урале, в Сибири, лесопильные заводы (Новоладожский, Вытегорский), заводские постройки в Екатеринбургском и Минусинском уездах, золотые прииски (Иркутская губ., Южно-Уральский и Южно-Алтайский районы), пароходы, капиталы в наличных деньгах и процентных бумагах⁷⁰.

В.А. Ратьков-Рожнов скончался 2 апреля 1912 г. в Кисловодске, похоронен в Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры⁷¹.

Лелянов Павел Иванович (1850–1932). Потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии стал преемником В.А. Ратькова-Рожнова на посту городского головы в 1898 г. Выходец из купеческой среды, с 1874 г. он начал самостоятельно заниматься меховой торговлей по 1-й гильдии. В 1877 г. Лелянов получил звание потомственного почетного гражданина, в 1897 г. был избран старшиной купеческого сословия. В состав гласных Петербургской городской думой избирался в 1881 г., затем в 1893 г., вновь был переизбран в 1897 г. и тогда же к величайшему удивлению как столичной общественности, так и самих гласных занял пост городского головы. В связи с этим небезынтересно рассмотреть, как проходили выборы городского головы. По сложившейся в столичном общественном управлении традиции выдвижение «первого» и «второго» кандидатов и их баллотировки происходили в разные дни. 4 февраля 1898 г. на заседании думы в «первые» кандидаты было предложено записками 7 человек. Наибольшее число записок было подано в пользу гр. В.А. Мусина-Пушкина – 66, за отставного полковника В.В. Комарова – 40, за гр. А.А. Бобринского – 26, за остальных – от 1 до 4 записок. Потомственный почетный гражданин П.И. Лелянов был назван лишь в одной записке⁷². «Из всех предложенных кандидатов, – писала газета “Новое время”, – наибольшие шансы у гр. В.А. Мусина-Пушкина»⁷³. Выборы «первого» кандидата в городские головы состоялись 11 февраля. В баллотировке участвовали гр. Мусин-Пушкин, получивший 77 голосов – за (против – 65), и Комаров 61 – за (против – 81). Объявление резуль-

татов голосования, по свидетельству газеты «Новое время», вызвало в думе продолжительные и бурные аплодисменты⁷⁴.

И хотя предстояло еще избрание «второго» кандидата, столичное общество не сомневалось, что Петербург уже обрел руководителя общественного управления. Многие газеты поместили сообщения о том, что, не дожидаясь утверждения в должности, Мусин-Пушкин отправился в Париж и Берлин, чтобы на месте ознакомиться с ведением городского хозяйства в Европе. «Это путешествие городского головы (! – В.Н.), – писала газета “Биржевые ведомости”, – знаменательно в том отношении, что оно свидетельствует о новом духе, который собирается повеять над нашей столицей и освежить ее застоявшуюся атмосферу. Нельзя не пожелать полного успеха городскому голове его предприятия...»⁷⁵

Выборы во «вторые» кандидаты состоялись 18 февраля. Баллотировались двое: потомственный почетный гражданин Х.Х. Крюгер, исполнявший обязанности гласного непрерывно с 1877 г., и потомственный почетный гражданин, старшина купеческого сословия П.И. Лелянов. Накануне голосования газета «Новости» писала, что П.И. Лелянов в прошлом четырехлетии принимал «очень небольшое активное участие в городских делах» и даже ни разу не обмолвился на заседаниях ни одним словом⁷⁶. Тем не менее Лелянов получил беспрецедентное большинство избирательных голосов: 112 – за, 7 – против. На основании общих итогов голосования (у Мусина-Пушкина 77, у Лелянова 112 избирательных голосов) Николай II назначил городским головой столицы П.И. Лелянова⁷⁷.

Реакция столичного общества на выбор царя была весьма негативной. На предусмотренное законом избрание «второго» кандидата привыкли смотреть как на чистую формальность, признавая, однако, что этой законодательной нормой власти могли воспользоваться, если бы по тем или иным причинам их не устраивал «первый» кандидат. Но поскольку в кандидатуре Мусина-Пушкина не усматривали никаких изъянов, то в разных общественных кругах выбор самодержца вызвал недоумение и нескрываемое раздражение. Полученные Леляновым 112 голосов вообще не принимались в расчет. Противопоставляли 66 записок в пользу Мусина-Пушкина одной записке за Лелянова, поданной при выдвижении лиц для избрания в «первые» кандидаты в городские головы. Этим единственным голосом и оценивался рейтинг в думе купца-меховщика Лелянова. Возвращаясь полтора года спустя к назначению Лелянова столичным городским головой, «Вестник Европы» писал: «...До настоящего времени никогда не утверждался городским головой “второй” кандидат, а потому при последних выборах никто – не исключая самого “второго” кандидата – не думал, что именно этому “второму” кандидату и придется нести обязанности этого звания»⁷⁸. В письме к редактору «Русских ведомостей» В.М. Соболевскому М.М. Стасюлевич дал уничижительную характеристику П.И. Лелянову, сравнив его с конем Калигулы в римском Сенате. Но при этом Стасюлевич подчеркнул, что виноват не столько Лелянов, сколько сама дума, избравшая его хотя бы и «вторым» кандидатом в городские головы⁷⁹. Впрочем, далеко не все оценивали Лелянова столь отрицательно. В биографической справке о гласных состава 1904–1910 гг., опубликованной одним из современников Лелянова – А.Д. Бочаговым, отмечалось, что Лелянов принадлежит к старинному купеческому роду. Образование получил в частном пансионе Гирста, а затем продолжил его за границей, где изучал меховое дело. Он свободно владел немецким и английским языками, его характеризовали как «горячего проповедника необходимости образования в купеческой среде». Говорилось о его конкретном вкладе в развитие коммерческого образования в Петербурге. По утверждению Бочагова, деятельность Лелянова на посту городского головы «имеет больше сторонников, чем противников»⁸⁰.

При Лелянове сложились крайне напряженные отношения между двумя ветвями муниципальной власти – думой и управой. Городской голова попытался изменить сложившуюся практику, при которой важные секторы городского хозяйства (больничное и санитарное дело, народное образование) находились в ведении исполнительных комиссий, подчинявшихся не управе, а городской думе, и таким путем существенно осла-

бить влияние думских гласных на городское хозяйство. Конфликт между городским головой и председателем комиссии по народному образованию М.М. Стасюлевичем привел к отказу последнего от своей должности. Характеризуя политику Лелянова, И.Д. Зубарев, в течение долгого времени исполнявший обязанности городского секретаря, писал: «Новому городскому голове, стремившемуся везде и всюду заменить систему коллегиального решения дел единоличным управлением... с первых же дней прямо поперек горла стали исполнительные комиссии, не соглашавшиеся отказаться от самостоятельности и инициативы и превратиться в простые отделения управ. Господа Лелянов и Тарасов (товарищ городского головы. – *В.Н.*) прежде всего пытались совсем упразднить всякие исполнительные комиссии, забрав все дело в руки одной управы. Когда им это не удалось, началась неустанная борьба с ненавистными комиссиями, началось вмешательство в разные чисто хозяйственные дела и внутренние порядки комиссий...»⁸¹

Но нельзя не отметить, что была и иная оценка действий Лелянова в отношении комиссий: признавалось принципиально оправданным подчинение всех исполнительных подразделений общественного управления одному центральному органу. Известный журналист, хорошо знакомый с организацией муниципальных учреждений в Западной Европе Г. Иоллос в письме М.М. Стасюлевичу 21 марта 1903 г. писал: «По частному, в данном случае очень важному вопросу о думских комиссиях, я понимаю, что Вы должны ради интересов самоуправления отстаивать их принципиально, хотя, на мой взгляд, они больше плод проклятой необходимости. При другом отношении администрации к самоуправлению, при отсутствии команды над управой, последняя, конечно, должна была бы исполнять значительную часть обязанностей нынешних комиссий, предоставляя последним сотрудничество в пределах безвозмездной деятельности массы выборных граждан, как это практикуется в школьном и больничном делах Берлина и его общественным призрением бедных»⁸².

Ненормальные отношения между думой и управой мешали целенаправленной работе муниципальной власти. Тем не менее в период нахождения Лелянова на посту городского головы были проведены весьма важные для городского хозяйства мероприятия: впервые была составлена опись всех имуществ, принадлежащих общественному управлению, наконец-то произведена переоценка недвижимых имуществ в городе, увеличившая городской бюджет Петербурга почти на 1.5 млн. руб., завершена постройка Троицкого моста через Неву. Нельзя не вспомнить и об успешном проведении думой юбилейных торжеств по случаю 200-летия города. Но практически ничего не было сделано для реализации провозглашенной Леляновым при вступлении в должность программы. В ней к числу первоочередных задач были отнесены: устройство канализации, улучшение водоснабжения, перевод конно-железных дорог на электрическую тягу, меры по предупреждению наводнений и некоторые другие⁸³. Были, конечно, объективные причины, тормозившие развитие городского хозяйства, прежде всего отсутствие средств, но все же следует признать, что Лелянов, в известном смысле случайно оказавшийся во главе общественного управления, не имел достаточной общеобразовательной и профессиональной подготовки для решения комплекса острейших проблем, перед которыми оказался Петербург на рубеже XIX–XX вв. И в этом отдавала себе отчет столичная администрация. В январе 1900 г. петербургский градоначальник Н.В. Клейгельс, докладывая управляющему Министерством внутренних дел о «крайне удовлетворительном положении общественных дел в С.-Петербурге», поднял вопрос о принятии правительством «чрезвычайных мер к замене лица, стоявшего на главе столичного городского управления»⁸⁴. Однако Лелянов не только отсидел в своем кресле весь положительный срок, но в мае 1903 г. в связи с празднованием 200-летнего юбилея города получил чин действительного статского советника. Пожалование чина позволило остроловам сразу же приклеить к Лелянову новый ярлык – «завнавшийся действительный меховщик».

Полномочия думы, избранной в 1879 г., были продлены с 4 до 6 лет в связи с подготовкой нового Положения об общественном управлении Петербурга, соответственно

увеличился и срок пребывания Лелянова на посту городского головы. По новому Положению об общественном управлении Петербурга, принятому 8 июня 1903 г., избрание в состав гласных допускалось только при наличии образовательного ценза. Лелянов требуемого ценза не имел, однако, по высочайшему повелению, «в изъятие из действующего закона» ему было предоставлено право «быть избираемым в гласные Петербургской городской думы»⁸⁵.

В «Петербургском листке» в ноябре 1903 г. появилась запись беседы корреспондента газеты с П.И. Леляновым. «Вы будете баллотироваться в гласные? Буду. И если удостоюсь избрания, то останусь гласным. По моему убеждению, мне нельзя не баллотироваться. Мне лично оказана такая монаршая милость – предоставлено право, не удовлетворяя требованию ст. 41 Закона 8 июня 1903 г., баллотироваться, что согласиться... Вполне согласен. А вот еще что вы можете передать читателям “Петербургского листка”? Не в виде избирательного маневра, а вполне искренне и категорически говорю. Ни в городские головы, ни в руководители какой бы то ни было комиссии я более ни за что не пойду... Что я мог делать, я уже сделал. Худо ли, хорошо ли, судить не мне... Но эти 6 лет я не жил личной жизнью. Согласитесь, что я человек...»⁸⁶

Обновление состава думы после выборов 1903 г. за счет представителей интеллигенции (новых цензовиков-квартиронанимателей) давало либерально настроенной части общества надежду, что «леляновцам наступает конец». Однако партия стародумцев, отнюдь не утратившая своей силы, снова избрала Лелянова в городские головы и в качестве единственного (по новому Положению) кандидата он был утвержден царем в марте 1904 г. Его пребывание на посту головы на этот раз оказалось непродолжительным. Страх перед революционными событиями, как писала пресса, заставил Лелянова в 1905 г. покинуть Петербург и уехать в Париж.

Лелянов имел вес в торгово-промышленных кругах столицы. Наряду с торговлей меховыми изделиями, он входил в правление страховой компании «Русский Ллойд» и Русского для внешней торговли банка⁸⁷. В 1912 г. Лелянов был выдвинут партией октябристов одним из трех кандидатов на выборах в IV Государственную думу по первой курии в Петербурге⁸⁸.

В 1916 г., благодаря победе на выборах в городскую думу «деловой партии» (под этим флагом шли стародумцы), Лелянов вновь оказался в кресле городского головы. Столичной печатью его избрание было воспринято крайне негативно. «Все внутреннее ничтожество “деловых людей”, – писал журнал “Городское дело”, – выразилось в 67 записках, поданных в заседании думы 20 апреля за П.И. Лелянова, как кандидата в городские головы. Проводить в такое время, на такой пост полнейшее ничтожество, заурядного меховщика, убежавшего в Париж из страха перед событиями 1905 г. – это значит ничего не иметь за душой. Вся крупная столичная печать, без различия направлений, высмеяла эту кандидатуру, что не помешало, однако, избранию Лелянова на следующем заседании думы»⁸⁹. На этом посту он оставался до начала Февральской революции, когда, учитывая новые политические реалии, городская дума приняла решение о его смещении. Формальное заявление об отставке Лелянов подал 3 марта 1917 г.⁹⁰

Скончался П.И. Лелянов в эмиграции в Париже в 1932 г.⁹¹

Итак, за 30-летний период деятельности общественного управления (1873–1903) на посту городского головы столицы сменилось 6 персон. Это были люди разные по своему сословному происхождению, социальному положению, образованию, нравственным принципам и, естественно, неодинаково видевшие приоритеты в деятельности общественного управления.

В конце 1890-х гг. одна из столичных газет писала: «Петербург... по крайней мере за последнюю четверть века, не был особенно счастлив в своих головах. Были в этом звании люди почтенные, сведущие, не без таланта и лично вполне порядочные, но городского головы, который оставил бы после себя видный след в летописях столичного благоустройства, который вел бы городское общественное дело, считаясь только с его нуждами и пользами, не оглядываясь по сторонам, который стоял бы недремлющим

стражем городских общественных интересов и неустанным радетелем о благе столичного общества – такого городского головы Петербург еще не имел за весь период времени со введения Городового положения 1870 г.»⁹² К оценке деятельности руководителей общественного управления современники подходили подчас весьма строго. Вполне понятно их желание приблизить Петербург к образцовому европейскому городу, в то время как самые насущные проблемы жителей столицы оставались неудовлетворенными. Однако нельзя не признать, что за последнюю треть XIX в. в жизни города произошли серьезные позитивные изменения, и этим переменам горожане были обязаны общественному управлению.

Подводя итог, отметим, что личность городского головы могла оказывать решающее влияние на ход дел городского общественного управления, но вместе с тем следует иметь в виду, что городская дума была коллегиальным органом, и выбор приоритетов, эффективность ее работы зависели от ряда факторов, в том числе от профессионализма членов управы, инициативности товарища городского головы, наличия в составе думы влиятельных и преданных делу общественного управления гласных, и, не в последнюю очередь, от того, что представлял собой корпус гласных в целом.

Примечания

¹ РГИА, ф. 472, оп. 38 (411/1931), 1881, д. 6, л. 202, 205, 207, 208, 210; оп. 38 (413/1933), д. 93, л. 76.

² Там же, ф. 1284, оп. 241, д. 141, л. 33.

³ Ордин К. Наше городское самоуправление. Из общественной жизни Петербурга // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 329–330. е го же. Наши 252 представителя. Из общественной жизни города Петербурга // Вестник Европы. 1880. № 4. С. 713–745.

⁴ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1879. № 11. С. 1118.

⁵ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 329–330.

⁶ Портреты гласных Санкт-Петербургской городской думы сессии 1877–1880. СПб., 1880. С. 58.

⁷ [Скальковский К.А.]. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891. С. 199.

⁸ Сведения о деятельности Санкт-Петербургской городской думы за 4-летие 1873–1876. СПб., 1881. С. 143–144.

⁹ Сведения о деятельности Санкт-Петербургской городской думы за 4-летие 1877–1880. СПб., 1881. С. 8–11; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1879. № 10. С. 837–838.

¹⁰ См. о Погребове также: Петербургский листок. 1879, 24 мая; Голос. 1879, 26 мая; Всемирная иллюстрация. 1879. № 543. С. 455; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1879. № 11–12. С. 1016, 1231; Справочная книжка о лицах, получивших на 1866 г. купеческие свидетельства 1 и 2 гильдий. СПб., 1866; Сборник материалов для Санкт-Петербургского коммерческого училища. СПб., 1889; Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. 1869. С. 58.

¹¹ Сведения о своей матери П.Л. Корф сообщил в письме к редактору газеты «Голос» А.А. Краевскому (ОР РНБ, ф. 391, ед. хр. 450, л. 1–2) в связи с ошибочными данными, приведенными в газете (Голос. 1878, 30 октября).

¹² Исторический вестник. 1913. № 5. С. 746.

¹³ Сведения о деятельности Санкт-Петербургской городской думы... 1877–1880. С. 9–11.

¹⁴ Портреты гласных Санкт-Петербургской городской думы сессии 1877–1880. С. 58–61.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1913, 19 марта.

¹⁶ Отделением заведовал приглашенный в 1880 г. на городскую службу профессор статистики Петербургского университета Ю.Э. Янсон. Уже в 1881 г. отделение провело однодневную перепись населения столицы, с 1882 г. стали выходить статистические «Ежегодники Санкт-Петербурга», начали публиковаться «Еженедельные отчеты Статистического отделения городской управы», «Ведомости о справочных ценах» (2 раза в месяц).

¹⁷ Михневич Вл. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 67.

¹⁸ В книге основное внимание уделено сельскому управлению в связи с готовящейся правительством реформой. Что касается городского управления, то Корф находил Городовое положение 1870 г. «в общем удовлетворительным». В числе желательных изменений были названы установление отдельной должности председателя думы, улучшение техники городских выборов и исключение из числа избирателей приказчиков как несамостоятельных, действующих по указанию своих хозяев. (Корф П.Л. Ближайшие нужды местного населения. СПб., 1888. С. 38–41).

¹⁹ П.Л. Корф. Некролог // Отчет ЦК Союза 17 октября о его деятельности с 1 сентября 1912 г. по октябрь 1913. М., 1913. С. 83–85.

²⁰ О П.Л. Корфе см. также: Новое время. 1913, 19 марта. Санкт-Петербургские ведомости. 1913, 19 марта; Исторический вестник. 1913. № 5. С. 745–747; Альбом гласных Санкт-Петербургской городской думы. СПб., 1903; Деятели России. СПб., 1906; Новый энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Т. 22.

²¹ Портреты гласных Санкт-Петербургской городской думы сессии 1877–1880. С. 25.

²² Дневник А.С. Суворина. М., 1999. С. 59–60.

²³ Русские ведомости. 1885, 25 июня.

²⁴ Михневич Вл. Указ. соч. С. 68.

²⁵ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1889. № 50. С. 1289–1290.

²⁶ О И.И. Глазунове см. также: Новости. 1889, 26 декабря; Новое время. 1889, 26 декабря; Исторический вестник. 1890, № 2. С. 495–496; Всемирная иллюстрация. 1890. № 1. С. 34; Чулков Н. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1903; Книжная торговля Глазуновых // Библиограф. 1892. № 2, 6–7, 8–9; [Семевский М.И.] Знакомые. Альбом М.И. Семевского. 1867–1888. СПб., 1888. С. 57; Петербургский некрополь. Т. 1. 1912; Чулков Н. Глазунов Иван Ильич // Русский биографический словарь. Герберский–Гогенлоэ. М., 1995. С. 264–265.

²⁷ Информация об этом приводится в книге «М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке». (Т. IV. СПб., 1912. С. 228). Статья опубликована под псевдонимом «Ъ». (Вестник Европы. 1873. Кн. 7).

²⁸ Вестник Европы. 1866. Т. 3; 1867. Т. 1. Историческая хроника. С. 29–53, 59–89. Обе статьи подписаны псевдонимом «L».

²⁹ ЦГИА СПб., ф. 569, оп. 6, д. 207, л. 1–4.

³⁰ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 41–45, 98–99, 103; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1884. № 4. С. 309–328.

³¹ Портреты гласных Санкт-Петербургской городской думы сессии 1877–1880. С. 71–72.

³² Михневич Вл. Указ. соч. С. 129.

³³ Curriculum vitae заводчика и фабриканта Франца Карловича Сан-Галли. СПб., 1903. С. 31–33.

³⁴ Головин К. Мои воспоминания. Т. II. (1881–1894). СПб., 1910. С. 125.

³⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Соч. Т. 20. М., 1997. С. 186.

³⁶ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1885. № 23. С. 729–732.

³⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Соч. Т. 20. С. 190–191.

³⁸ В выборах в Совет участвовали домовладельцы и квартирантаниматели столицы. Каждый из 228 околотков, на которые был разделен Петербург, выбирал по 1 представителю, а те из своего состава избирали 25 членов Совета, которые утверждались императором. (Правительственный вестник. 1881. № 61). Список 25 членов приводится в Дневнике А.В. Богданович. (Богданович А.В. Дневник. Три последних самодержца. М.; Пг., 1924. С. 50–51).

³⁹ [Скальковский К.А.] Наши государственные и общественные деятели. С. 200.

⁴⁰ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. IV. С. 433.

⁴¹ РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 150, л. 69–70.

⁴² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. IV. С. 433.

⁴³ Curriculum vitae заводчика и фабриканта Франца Карловича Сан-Галли. С. 34.

⁴⁴ Вышнеградский И.А., тайный советник, профессор Технологического института, гласный думы (1885–1888), министр финансов (1887–1892).

⁴⁵ Русские ведомости. 1885, 25 июня. Статья напечатана под псевдонимом «Буква», за которым скрывался публицист, фельетонист, редактор журнала «Стрекоза» И.Ф. Васильевский.

⁴⁶ Наблюдатель. 1886. № 9. С. 65.

⁴⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 154, л. 47.

⁴⁸ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1890. № 11. С. 17–18.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 542, оп. 1, д. 293, л. 20.

⁵⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 223, 1892, д. 189, л. 5.

⁵¹ Там же, л. 4–5.

⁵² Лихачев получил тогда равное с А. Бобринским наибольшее число предложений: 45 из 94.

⁵³ ГА РФ, ф. 542, оп. 1, д. 293, л. 17–18.

⁵⁴ Известия Санкт-Петербургской думы. 1885. № 23. С. 730; Вестник Европы. 1885. № 12. Из общественной хроники. С. 931–934.

⁵⁵ О В.И. Лихачеве см. также: Новое время. 1906, 24 марта; Исторический вестник. 1906. Т. V. С. 691–692; Альбом гласных Санкт-Петербургской думы; [Семевский М.И.] Знакомые. Альбом М.И. Семевского. СПб., 1888. С. 133–134; Головин К. Мои воспоминания. Т. II. С. 125–126; Мальцев И. Как городская дума проворовалась // Санкт-Петербургская панорама. 1892. № 10. С. 29–30; Энциклопедический

словарь. Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. Т. 17; Новый энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. Т. 24; Русь. 1897. № 97; Л и х а ч е в В.И. О ежегоднике Санкт-Петербурга за 1888 г. // Известия Санкт-Петербургской думы. 1889. № 50. С. 1276–1281; Саратовский листок. 1897. № 105.

⁵⁶ В соответствии со ст. 114 Городового положения 1892 г. «В Санкт-Петербурге и Москве городские головы назначаются высочайшей властью по представлению министра внутренних дел. Столичным думам представляется избирать для сего двух кандидатов из числа гласных».

⁵⁷ РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2649, л. 259.

⁵⁸ Там же, л. 258, 260–261.

⁵⁹ Там же, ф. 1288, оп. 5, 1913, д. 260, л. 22–23.

⁶⁰ Сведения почерпнуты из формулярных списков о службе В.А. Ратькова-Рожнова, составленных в 1894 и 1898 гг.: РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2810, л. 6–7, 52–53.

⁶¹ Интересные сведения о домах, принадлежащих В.А. Ратькову-Рожнову в столице, содержатся в статье: Д у б и н А.С. Петербургский городской голова В.А. Ратьков-Рожнов // История Петербурга. СПб., 2002. №3(7). С. 24–28. В.А. Ратькова-Рожнова (1894): РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2810, л. 6. По сведениям за 1898 г. его недвижимое имущество пополнилось домами в Царском селе, Петергофе, Вытегре и 50 дес. земли (Там же, л. 52).

⁶² Сведения из формулярного списка о службе.

⁶³ РГИА, ф. 1032, оп. 1, д. 5, л. 2, 4, 7; д. 23, л. 19; Народное хозяйство. 1902. Кн. 8. СПб., 1903. С. 213–217.

⁶⁴ Дневник А.С. Суворина. С. 183.

⁶⁵ М и х н е в и ч Вл. Указ. соч. С. 185.

⁶⁶ Из истории русских миллионеров // Народное хозяйство. 1902. Кн. 8. С. 213–217.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 542, оп. 1, д. 293, л. 19.

⁶⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 223, 1895, д. 143а, л. 127.

⁶⁹ Там же, ф. 1287, оп. 38, д. 2810, л. 43–45.

⁷⁰ Там же, ф. 1032, оп. 1, д. 26, л. 3–7.

⁷¹ О В.А. Ратькове-Рожнове см. также: Новое время. 1912, 5 апреля; Исторический вестник. 1912. № 5. С. 724–725; [С е м е в с к и й М.И.] Знакомые. Альбом М.И. Семева. С. 148; Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей. СПб., 1905. С. 59; Деятели России. СПб., 1906. С. 8; А ф а н а с ь е в Н.И. Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб., 1909. С. 235–236.

⁷² Новости. 1898, 5 февраля; Биржевые ведомости. 1898, 5 февраля.

⁷³ Новое время. 1898, 11 февраля.

⁷⁴ Там же. 1898, 12 февраля.

⁷⁵ Биржевые ведомости. 1898, 17 февраля.

⁷⁶ Новости. 1898, 18 февраля.

⁷⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 163, л. 31; Известия Санкт-Петербургской думы. 1898. № 5. С. 911.

⁷⁸ Вестник Европы. 1900. № 5. С. 414.

⁷⁹ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. СПб., 1913. С. 462.

⁸⁰ Б - о в А.Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904. С. 9–10.

⁸¹ З у б а р е в И. М.М. Стасюлевич как гласный думы // Вестник Европы. 1911. № 3. С. 408.

⁸² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 502.

⁸³ Известия Санкт-Петербургской думы. 1898. № 19. С. 1762–1763.

⁸⁴ РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 3227, л. 188.

⁸⁵ ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 19, д. 208, л. 1.

⁸⁶ Петербургский листок. 1903, 20 ноября.

⁸⁷ Б о х а н о в А.Н. Деловая элита России. М., 1994. С. 169.

⁸⁸ Д я к и н В.С. Буржуазия, дворянство и царизм. Л., 1988. С. 81.

⁸⁹ Городское дело. 1916. № 9. С. 470–471.

⁹⁰ К р у ч к о в с к а я В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 20.

⁹¹ О П.И. Лелянове см. также: Известия Санкт-Петербургской думы. 1898. № 19. С. 1762–1763; Альбом гласных Санкт-Петербургской думы; Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей. С. 125; Ч у в а к о в В. Русское зарубежье. Некрополь. 1968.

⁹² Новое время 1898, 11 февраля.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ БЛОКАДЫ (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.)

До Великой Отечественной войны Ленинград являлся одним из ведущих промышленных центров страны. В нем действовало 333 предприятия союзного и республиканского подчинения¹, а также большое количество заводов и фабрик местной промышленности и артелей. На них работало 565 тыс. человек². Примерно 75% выпускаемой продукции приходилось на оборонный комплекс, для которого был характерен высокий профессиональный уровень инженеров и техников. Очень высок был научно-технический потенциал Ленинграда, где насчитывалось 130 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, 60 высших учебных заведений и 106 техникумов³.

Начало Великой Отечественной войны обусловило необходимость перевода гражданской экономики на выпуск военной продукции, а в оборонном комплексе – перехода в кратчайшие сроки с индивидуального и мелкосерийного ее изготовления на крупносерийное и массовое.

Уже в годы войны работа ленинградских предприятий по выполнению фронтовых заказов регулярно освещалась на страницах газет «Ленинградская правда» и «Смена», а также журнала «Пропаганда и агитация». Большой фактический материал по данному вопросу содержится в сборнике «Ленинград в Великой Отечественной войне». Серьезным подспорьем для исследователей стал документальный сборник «900 героических дней». Освещаются эти вопросы в 5-м томе «Очерков истории Ленинграда», в ряде статей сборника «Непокоренный Ленинград»⁴, а также в газетах «Вечерний Ленинград», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. Тем не менее многие аспекты данной темы еще ждут своих исследователей. Настоящее сообщение имеет целью восполнить некоторые пробелы в освещении работы ленинградцев по снабжению действующей армии вооружением и боеприпасами в годы блокады.

Перевод ленинградских предприятий на военные рельсы начался утром 22 июня. Прибывшая в штаб военного округа группа работников горкома ВКП(б) должна была выявить потребности войск в противотанковых минах, взрывчатке, колючей проволоке и других материалах, необходимых для укрепления обороны с тем, чтобы дать задание предприятиям города на их изготовление. С того дня сложился тесный контакт между руководством городской партийной организации и командованием округа, а затем и фронта.

Для оказания помощи предприятиям в налаживании производства в июле 1941 г. при горкоме ВКП(б) была создана комиссия во главе с академиком Н.Н. Семеновым по рассмотрению и реализации запросов обороняющих город частей. В нее вошли академики Б.Г. Галёркин, А.Ф. Иоффе, профессора Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Н.Н. Миролюбов, А.А. Петров, Д.В. Тищенко, М.П. Шателен и др. Свою деятельность эта комиссия прекратила в 1945 г., внося достойный вклад в развитие оборонной промышленности. При горкоме ВКП(б) действовала также техническая комиссия под руководством директора Котлотурбинного института Н.Г. Никитина. В нее входили видные ученые, опытные инженеры и директора предприятий. Ею была организована разработка и внедрение в производство новых технологических процессов в литье корпусов для снарядов и мин, штамповке снарядных гильз, оказана техническая помощь многим предприятиям города⁵.

На выпуск вооружения и боеприпасов были переориентированы ведущие отрасли промышленности – машиностроительная, электротехническая, оптическая, химическая, легкая и пищевая. Заводы «Электросила», «Электроаппарат», «Буревестник» с

* Данилов Павел Петрович, кандидат исторических наук, ветеран Великой Отечественной войны.

производства оборудования для электростанций были переключены на выпуск мин. Сталепрокатный и проволочно-канатный заводы вместо выполнения заказов для тракторных предприятий стали выпускать крепеж для танков, ленты для патронов, гранаты и автоматы⁶; «Севкабель» и «Красная заря» увеличили производство военно-полевых средств связи. Завод резино-технических изделий перешел на производство аэростатов заграждения, противохимической одежды, резиновой обуви. Вагоностроительному заводу им. Егорова, приступившему к выпуску мин и некоторых видов армейского снаряжения, пришлось изготовить для этой цели несколько десятков специальных станков, большое количество штампов, приспособлений и инструментов. Завод им. Второй пятилетки, производивший в кооперации с Кировским машины для бумажной промышленности, полностью перешел на производство боеприпасов и узлов для танков КВ. Детали и узлы для танков Кировскому заводу как головному предприятию поставляли Ижорский, Металлический, «Русский дизель» и многие другие заводы.

Перевод промышленности на выпуск военной продукции потребовал перестройки производственных линий и дополнительного оборудования. Так, Металлическому заводу пришлось отыскать 500 станков, изготовить несколько тысяч комплектов инструмента и приспособлений, переобучить полторы тысячи рабочих, перепрофилировать инженерно-технический персонал⁷. Времени на разработку технической документации не было. Поэтому поточные линии по выпуску военной продукции создавались без проектов. Основным и единственным инструментом технолога был мел, с помощью которого он на полу и стенах создавал чертежи, по которым монтажники сразу же устанавливали на землю оборудование, в срочном порядке поставленное с других предприятий. Затем под станки и машины подводили фундамент.

С началом войны все предприятия легкой промышленности были переведены на изготовление гранатных и патронных сумок, заплочных мешков, чехлов для флагов, парусиновых плащ-палаток, обмундирования и белья. Несмотря на то, что большое число рабочих отвлекалось на строительство оборонительных сооружений (иногда до 50%), труженики предприятий легкой промышленности за счет роста производительности труда и уплотнения рабочего дня полностью выполняли фронтные заказы⁸. Швейный цех трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя» выпускал белье для военнослужащих. Менее чем через месяц после начала войны на обувной фабрике «Скороход» был сдан в эксплуатацию цех, производящий армейскую обувь, а на базе механической мастерской изготавливали пулеметные ленты. Промкомбинаты и артели выпускали детали ручных гранат и авиабомб, комбинезоны, маскировочные халаты, рюкзаки, ремни, шапки-ушанки, ватные телогрейки и брюки⁹. За короткое время усилиями горожан был создан надежный ближний тыл, ставший главной базой оборонявшихся город войска, его опорным арсеналом. Наряду с рабочими над выпуском военной продукции трудились ученые. Несмотря на голод и холод, совместно с конструкторами они сумели разработать и внедрить в производство новые виды вооружения и боевой техники.

Однако в условиях приближения немецких войск к Ленинграду и угрозы его полного окружения крайне необходимой стала массовая эвакуация производственного персонала и населения, оборудования важнейших промышленных предприятий, материалов, полуфабрикатов, технической документации. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г., Военный совет Северного фронта 28 июня 1941 г. определил, что эвакуации из Ленинграда в первую очередь подлежат: квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, оборудование, станки и машины важнейших предприятий, ценные сырьевые ресурсы, цветные металлы¹⁰. Перемещение в города Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии авиационных заводов началось в конце июня, оборудования Наркомата вооружения – с 3 июля, а крупнейших машиностроительных, электротехнических, приборостроительных, оптических и смежных с ними предприятий, конструкторских бюро, учебных и научно-исследовательских институтов, военных училищ и академий – с 11 июля¹¹. С 13 июля началась эвакуация заводов Наркомата черных металлов, предприятий тяжелого машиностроения: Невского ма-

шиностроительного завода, заводов подъемно-транспортного оборудования, «Русский дизель», «Экономайзер», частично металлического, станкостроительного, «Светланы», «Электросилы» и др.¹² Всего к началу сентября 1941 г. из Ленинграда было вывезено 92 предприятия¹³. За период с 29 июня по 27 августа из города выехали 164 320 рабочих, ИТР, служащих и членов их семей¹⁴. На новых местах заводы размещались таким образом, чтобы между ними осуществлялась широкая производственная кооперация. Так, на базе Челябинского тракторного завода и эвакуированного в Челябинск и Свердловск оборудования ленинградских Кировского, Ижорского, № 174 и Харьковского дизельного заводов было создано одно из наиболее крупных танкостроительных предприятий, получившее в народе название «Танкоград»¹⁵. Уже в конце 1941 г. оно стало посылать на фронт тяжелые боевые танки КВ¹⁶.

В результате вывоза большого количества агрегатов, станков, машин и оборудования производственная мощность ленинградских заводов и фабрик уменьшилась до 48.7% от довоенной, а по предприятиям Наркомата боеприпасов – на 50.6%. Компенсировались эти потери за счет лабораторий, НИИ, высших учебных заведений, ремонта находившегося на складах и считавшегося непригодным старого оборудования¹⁷.

Особенно сложным было положение с боеприпасами. В довоенное время их производство ограничивалось главным образом выпуском морских снарядов, мин, торпед, в меньшей мере – мин и снарядов для сухопутной артиллерии¹⁸. В первые недели блокады положение со снарядами, минами, порохом и взрывчаткой оказалось даже хуже, чем с хлебом и мукой. В дни ожесточенных сентябрьских боев наши войска израсходовали почти все, что у них имелось. Перед Ленинградом встала проблема последнего выстрела¹⁹. В городе не хватало сырья для производства чугуна, сортовой и листовой стали, железа и других металлов²⁰. К заготовке лома и отходов цветных металлов было привлечено население. В каждом домохозяйстве и учреждении были выделены ответственные за сбор и приемку цветных металлов, установлены места их хранения до момента сдачи заготовительным организациям. За каждую тонну сборщики лома получали от заготовителей по 300 руб.²¹ На всех предприятиях был произведен точнейший учет сырья и материалов²². Не хватало не только металла, но и тротила. На подвоз его надежды не было, а наладить производство в городе не представлялось возможным. Группа ученых под руководством профессора А.Н. Кузнецова заменила тротил аммониевой селитрой, смешанной с кремнеалюминиевым компонентом. Сплав «П» под названием синал стал основным видом блокадной взрывчатки. Им заряжались снаряды, ручные гранаты и мины²³. Производство синала в короткое время было организовано на Невском химкомбинате. В порядке кооперации с ним сотрудничали заводы «Автоген», Кирпичный № 1, Горный и Аллюминиево-магниевого институты. Интендантом 1-го ранга Чернышевым был создан заменитель пороха. Для производства боеприпасов, которое было организовано на 14 предприятиях, использовали и взрывчатку, извлекавшуюся из неразорвавшихся немецких бомб²⁴.

Строгий учет и нормированное использование металла, наряду с применением новых видов взрывчатки, дали возможность уже в сентябре 1941 г. значительно увеличить производство боеприпасов. Наряду с крупными предприятиями к их изготовлению были привлечены мастерские, ремесленные училища, артели промкооперации. Мелкие предприятия этого профиля размещались в пустых цехах заводов и фабрик, в бывших овощехранилищах. Применять механические методы прессования, заливки, шнекования оказалось невозможным из-за отсутствия электроэнергии и пара. Поэтому было решено использовать ручной способ. Женщины «уплотняли» взрывчатку в снарядах деревянными или латунными пестиками²⁵. Производство боеприпасов во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым возросло в 10 раз²⁶.

Очень острой на протяжении всей войны была проблема борьбы с немецкими танками. Наиболее эффективными средствами их уничтожения, безусловно, были пушки, танки, авиация и в меньшей степени противотанковые ружья. Однако в первый период войны этих средств не хватало. Поэтому часто использовалась самовоспламеняющаяся жидкость, залитая в бутылки. Рецепты ее производства были разработаны рядом ла-

бораторий химических предприятий и институтов. Испытаниям были подвергнуты десятки образцов горючей смеси, и только после этого началось ее промышленное производство²⁷. К сбору пустых бутылок привлекали школьников.

Когда в сентябре 1941 г. в результате блокады прервались традиционные связи ленинградских предприятий с заводами и фабриками других регионов страны и прекратилось поступление в город сырья, решением СНК СССР на Ленинградский горком ВКП(б) были возложены функции всех отраслевых наркоматов. С того дня встал вопрос об усилении внутригородского кооперирования и перевода предприятий на строго ограниченную номенклатуру выпускаемой продукции. Связь предприятий с наркоматами ограничивалась лишь тем, что заводы и фабрики направляли им отчеты о финансово-хозяйственной деятельности. Производственные же программы стали определяться постановлениями горкома партии, исходя из потребностей фронта²⁸. Для изготовления оборонной продукции горкому приходилось перераспределять станки, машины и механизмы, горючее и сырье с одного предприятия на другое в зависимости от задания, которое они получали²⁹.

Такого рода централизация руководства экономикой в условиях блокады была вполне оправданной. Она позволила наладить необходимое в тех условиях внутригородское кооперирование и наиболее рациональное использование материальных и людских ресурсов. При руководящей роли горкома ВКП(б) над выполнением фронтowych заказов трудились в порядке кооперации сотни предприятий. Например, в производстве полковых пушек участвовало 60 заводов различных наркоматов, в изготовлении реактивных установок – 40 предприятий. Детали автоматов производились на 7 заводах, пулеметов и автоматов – на 15, изготовлением боеприпасов занималось свыше 100 предприятий³⁰.

Люди не досыпали, голодали, но поставленные перед ними задачи выполняли. Рабочие и работницы сутками не выходили из цехов. Оружие и боеприпасы выпускались даже у самой передовой. Примерами самоотверженности могут служить коллективы Кировского завода и «Электросилы». Немецкая артиллерия и авиация обрушивали на них один удар за другим, но рабочие редко уходили в укрытие, а те, кто обслуживал котельные и литейные цеха, не покидали свои рабочие места ни при каких обстоятельствах. Нельзя не сказать, что в сложнейших условиях осени 1941 г. было изготовлено 39 реактивных минометных установок, на базе которых на Ленинградском фронте был сформирован реактивный минометный полк³¹. Несмотря на возрастающие трудности, во втором полугодии 1941 г. предприятия города произвели 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 5 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. минометов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и бомб³².

Необходимо отметить, что по указанию ГКО 50% изготовленной в Ленинграде военной продукции направлялось на другие участки советско-германского фронта³³. Командовавший защищавшим Москву Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков 2 ноября 1941 г. обратился с личным письмом к А.А. Жданову и второму секретарю Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецову, являвшимся членами Военного совета Ленинградского фронта. В нем он просил направить в его распоряжение самолетами 40 минометов 82 мм и 60 минометов 55 мм калибра³⁴. Из города вывозились танковые пушки, радиостанции, электрооборудование для самолетов, авиаприборы. Только в четвертом квартале 1941 г. воздушным путем ленинградцы отправили войскам, оборонявшим Москву, более тысячи полковых пушек и минометов, значительное количество автоматов и других видов оружия. Г.К. Жуков телеграфировал в осажденный город: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами»³⁵.

Обстановка в городе на Неве все более осложнялась. В связи с оккупацией в конце августа – начале сентября немецкими войсками части Ленинградской обл. все гидроэлектростанции (Волховская, Дубровская, Свирская, Раухильская) оказались или на территории, занятой врагом, или отрезанными от города. Это сократило количество

электроэнергии, поступавшей в город, до 39% от июньского уровня. Имевшиеся запасы топлива не пополнялись и с трудом обеспечивали работу электростанций, находившихся в черте города³⁶. Если среднемесячное поступление условного топлива в первом полугодии составило 133.3 тыс. т, то в декабре – только 46 тыс. т³⁷. Это привело к падению производства электроэнергии со 120 млн кВтч в сентябре до 50.1 млн кВтч в декабре 1941 г., когда все электростанции, кроме двух, были законсервированы.

В начале 1942 г. на ходу оставалась лишь одна электростанция, работавшая на торфе. В связи с сокращением поставок условного топлива до 16.5 тыс. т в январе и до 15.5 тыс. т в феврале, производство электроэнергии в январе упало до 13.07 млн кВтч. В феврале, когда были полностью исчерпаны запасы угля, этот показатель снизился до 7.48 млн кВтч³⁸. Крупнейшие оборонные предприятия города вынуждены были остановить производство уже в декабре. В литейном цехе Кировского завода это случилось 20 декабря, когда шла разливка по формам предназначенной для изготовления снарядов стали³⁹. Зимой 1941/42 г. было законсервировано 270 фабрик и заводов. Из 68 ведущих предприятий оборонной, судостроительной и машиностроительной промышленности действовало лишь 18, да и то не на полную мощность⁴⁰.

В создавшихся условиях руководители предприятий старались сохранить кадры и оборудование, чтобы с началом подачи электроэнергии восстановить производство. Во время простоя рабочие использовались на осмотре, чистке и смазке станков, вели учет сырья и полуфабрикатов, охраняли цеха, ремонтировали помещения. Для буквально опухших от голода рабочих и служащих на ведущих предприятиях города были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки, в течение 8–10 дней получали трехразовое питание⁴¹, что в какой-то степени подкрепляло их силы. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощенным работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счет. За исключением лиц, переведенных на казарменное положение, все работники могли являться на завод 1 раз в 2–3 дня. На хозяйственных работах были установлены пониженные нормы⁴².

Остановка оборудования на Невском машиностроительном заводе в результате прекращения подачи электроэнергии произошла в середине декабря 1941 г. Часть рабочих и ИТР использовались для обеспечения хозяйственных нужд завода и выполнения необходимых мероприятий противопожарной безопасности. Большинство же трудоспособных рабочих были откомандированы на погрузку торфа для 5-й ЛГЭС, рытье траншей на кладбищах, погрузку продовольствия на «Дороге жизни», охрану магазинов, на лесозаготовки и т.д.⁴³

Спад промышленного производства пришелся на декабрь 1941 г. и продолжался до весны 1942 г. Однако, несмотря на истощение, холод, отсутствие электроэнергии и невзирая на бомбежки и обстрелы, рабочие продолжали трудиться над выполнением фронтowych заказов. Так, Кировский завод ремонтировал танки. Минометное вооружение производилось на заводах им. Макса Гельца, им. Энгельса, им. Второй пятилетки, им. Карла Маркса, «Вулкан», «Госметр». Непрерывно шел ремонт боевой техники. Только с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. было отремонтировано 53 танка, 43 артиллерийских орудия, 37 самолетов, 700 оптических приборов, большое количество минометов и стрелкового оружия⁴⁴. Основное же внимание обращалось на выпуск новой продукции. За тот же период было изготовлено и передано фронту 88 полковых пушек, 2 657 автоматов, 479 минометов, 95 тыс. корпусов снарядов и мин, снаряжено 256 тыс. выстрелов снарядов и мин, произведено 435 тыс. взрывателей, 29 млн капсюлей⁴⁵.

На ряде предприятий, несмотря на нехватку оборудования и сырья, производились принципиально новые виды вооружения. Ленинградские предприятия первыми освоили выпуск реактивной техники. Ими изготавливались не только легендарные БМ-13, БМ-16 и их модификации, но и первые тяжелые фугасные ракеты вращательного типа конструкции М.Н. Алёшина. Впервые в военной истории были разработаны ракеты класса «земля-воздух» (установки «зуро»). Первый в мировой практике залп ракет с

воды был нанесен «морскими катюшами» с Финского залива по немецким позициям под Петергофом⁴⁶.

Чтобы обеспечить город и в первую очередь электростанции хотя бы минимальным количеством топлива, требовалось организовать доставку угля через Ладожское озеро и одновременно использовать все ресурсы местного топлива. Во Всеволожском и Парголово-м районах были созданы лесопункты. На лесоразработки в эти районы были направлены около 3 тыс. рабочих и служащих. Работая вручную, они дали городу в течение первого квартала 1942 г. около 300 тыс. куб. м дров. Одновременно шла заготовка и отгрузка торфа. В январе в Ленинград поступило 67 вагонов торфа, в феврале – 92 и в марте – 75. В соответствии с решениями Ленгорисполкома от 24 декабря 1941 г. и 26 января 1942 г. начался слом на дрова деревянных построек и части деревянных домов. В результате в январе–феврале было заготовлено 38 тыс. куб. м дров, а всего за зиму и весну 1942 г. – 40 тыс. куб. м. Однако только за счет этих ресурсов обеспечить нормальную работу электростанций, железной дороги и промышленных предприятий было невозможно. Поэтому Военный совет Ленинградского фронта 21 февраля принял решение об организации перевозок угля через Ладожское озеро. На его транспортировку было направлено около 1 500 человек. В Кобоне, Кассе (на восточном берегу) и в бухте Гольсмана (на западном) были созданы перевалочные базы. Первые машины с углем в Ленинград были направлены 24 февраля. И пока до середины апреля действовала ледовая трасса, город получил 24 тыс. т угля⁴⁷. На предприятиях, где можно было монтировать блокстанции, устанавливали газогенераторы и двигатели внутреннего сгорания.

В очень трудном положении оказались все предприятия легкой промышленности. В декабре 1941 г. большинство из них прекратило работу. Все фабричные здания к тому времени сильно пострадали от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, особенно фабрики им. Володарского, дамского и детского платья, «Красный швейник», «Большевичка». Для восстановления производства швейные машины на этих предприятиях были переведены на ручной и ножной приводы. Многие работницы принесли машины из дома. В первом квартале 1942 г. фабрики выполняли лишь отдельные задания, исходя из сырьевых возможностей, наличия трудоспособной рабочей силы и использования дневного света⁴⁸. Тем не менее за период с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. было пошито 6 900 шинелей, 84 тыс. комплектов теплого обмундирования, 20 тыс. армейских сапог, 135 тыс. шапок-ушанок, 267 тыс. пар нательного белья и многое другое. В марте предприятия легкой промышленности по заданию Военного совета фронта производили ремонт летнего обмундирования, пошив белья, шинелей для рядового состава, суконных шаровар, хлопчатобумажных гимнастеров и других изделий по заказам интендантского управления фронта⁴⁹.

В апреле ленинградская промышленность, хотя и медленно, стала вновь набирать темпы своей работы. В результате функционирования «Дороги жизни» возрастали продовольственные ресурсы города. С 11 февраля 1942 г. началось регулярное снабжение населения продуктами питания. Рабочие получали ежедневно по 500, а в горячих цехах – по 700 г хлеба, а также по 2 кг крупы или макарон, 800 г жиров и 900 г сахара в месяц. Месячная норма по мясу в апреле была доведена до 1 800 г⁵⁰. В соответствии с принятым 21 апреля 1942 г. специальным планом мероприятий по окончательной ликвидации дистрофии при поликлиниках и амбулаториях была развернута широкая сеть диетических столовых повышенного типа. К ним прикрепляли на 2–3 недели по представлению участковых врачей⁵¹. Для этих столовых был установлен следующий ежедневный рацион (в граммах): хлеба – 500, мяса – 100, сахара – 100, жиров – 60, крупы – 130, муки пшеничной – 25, сухофруктов – 10, картофельной муки – 10, сухих овощей – 50, кофе натурального – 20 и чая – 10 г⁵².

Начавшийся рост производства электроэнергии позволил увеличить ее отпуск промышленным предприятиям и городскому хозяйству. С 15 апреля возобновилось трамвайное движение⁵³, что не только облегчило передвижение по городу, но и ускорило доставку грузов, в частности топлива, предприятиям, госпиталям и в жилые дома. Про-

кладка к 16 июня по дну Ладожского озера нефтепровода протяженностью 30 км позволила обеспечить Ленинград топливом в необходимом количестве. Проложенный по дну того же озера электрокабель дал возможность предприятиям с 23 сентября 1942 г. получать электроэнергию с Волховской ГЭС⁵⁴.

В связи с эвакуацией значительной части населения и его высокой смертностью зимой 1941/42 г. стала ощущаться острая нехватка рабочей силы. На помощь взрослым в холодные и мрачные цеха пришли 12–15-летние мальчики и девочки. Они стали сборщиками и станочниками, производили пулеметы, автоматы, артиллерийские и реактивные снаряды. Проблему обеспечения промышленности рабочей силой решали и за счет военнослужащих. Так, в самый разгар зимы 1941/42 г. командиру Ижорского батальона Г.В. Водопьянову с просьбой о помощи позвонил директор Ижорского завода А.А. Кузнецов. Семерых бойцов, среди которых был трубопрокатчик М. Доброхотов, направили на завод в Невский район, куда к тому времени был переведен трубопрокатный цех. Там, как вспоминал позже Доброхотов, ему дали бригаду из 45 выздоравливавших после ранений бойцов. Бригаде поручили катать трубы. За продуктами раз в неделю кто-нибудь из рабочих ездил в батальон на передовую. Через месяц ижорцев отозвали на передний край. Когда же немцы притихли, специалистов снова отправили на завод. И так было много раз. По указанию Военного совета фронта многие высококвалифицированные рабочие направлялись и на другие заводы и фабрики. Зимой и весной 1942 г. 75% личного состава кораблей были привлечены к ремонту боевых судов⁵⁵. Большую помощь в восстановлении разрушенных предприятий оказало инженерное управление фронта. Для проведения ремонтно-монтажных работ на завод «Электросила» оно направило 500 военных строителей⁵⁶.

С третьего квартала 1942 г. коллективы заводов и фабрик занялись восстановлением и ремонтом зданий, отопления, водопроводных и канализационных сетей, изготовлением и установкой в цехах печек-временок. К концу 1942 г. промышленность Ленинграда сумела восстановить производство почти всех видов (около 100) военной техники, выпускавшихся в первые месяцы войны⁵⁷.

Возрождалась и легкая промышленность, выпускавшая в основном в третьем квартале шинели и ватное обмундирование. Из остатков сырья шилась гражданская продукция. В четвертом квартале фабрики восстановили производство ватного и хлопчатобумажного обмундирования, белья, шапок-ушанок, теплых рукавиц и ремонт шинелей. Несмотря на значительное сокращение количества рабочих, объем выпускаемой продукции постепенно возрастал. С ручного труда стали переходить на механический, поскольку на некоторых предприятиях были установлены местные блокстанции по производству электроэнергии. Часть электроэнергии фабрики получили от Ленэнерго. Выпуск товаров широкого потребления из отходов и остатков материалов, негодных для производства военных заказов, стали выпускать фабрики им. Бебеля, дамского и детского платья⁵⁸.

Прорыв блокады в январе 1943 г., позволивший восстановить связь со страной по суше, существенно улучшил положение осажденного города. Враг еще стоял у его стен, а ленинградцы уже принялись за восстановление заводов и фабрик, городского хозяйства и жилого фонда. Однако возрождать производство приходилось на изношенных станках и машинах. Более того, из Ленинграда вплоть до ноября 1943 г. продолжался вывоз наиболее ценного оборудования, поскольку в условиях блокады оно еще не могло быть эффективно использовано, а в восточных районах ощущался его недостаток. Положение осложнялось тем, что за время блокады ленинградская промышленность сильно отстала в технологическом отношении от предприятий тыловых районов. В 1943 г. ГКО принял ряд постановлений, направленных на возрождение в городе энергомашиностроения, судостроения, электроприборостроения. ГКО определил задачи таким заводам, как «Электросила», Невский машиностроительный, Кировский, Ижорский, «Большевик». Только в первой половине 1943 г. задание ГКО по увеличению выпуска продукции получили 15 крупнейших заводов, 12 предприятиям оно было установлено соответствующими наркоматами. Так, перед электросиловцами была по-

ставлена задача уже в 1943 г. восстановить производство турбо- и гидрогенераторов и крупных электрических машин с аппаратурой пуска. Одним из важнейших было задание изготовить генератор для Рыбинской ГЭС с тем, чтобы увеличить поставки электроэнергии в Москву⁵⁹. В связи с возрождением промышленности увеличилась помощь Ленинграду поставками сырья, полуфабрикатов, угля, нефтепродуктов, строительных материалов, необходимых для восстановления промышленности и жилого фонда⁶⁰. В итоге в середине 1943 г. в городе действовало 212 заводов и фабрик союзного и республиканского подчинения, на которых трудились 119 тыс. человек⁶¹. Начиная с четвертого квартала 1943 г. частично, а с января 1944 г. полностью ленинградская промышленность была включена в общесоюзный план народного хозяйства⁶².

Главное внимание в последний год блокады уделялось восстановлению и дальнейшему развитию оборонной промышленности. По мере укрепления и расширения материально-технической базы ленинградские предприятия наращивали выпуск танков, пулеметов, автоматов, реактивных и артиллерийских снарядов. Следует отметить, что за период блокады на 294 предприятиях города было изготовлено 43 тыс. автоматов, 3 тыс. пулеметов, 11 тыс. минометов, 4 166 орудий калибра 45 и 76 мм, около 10 млн снарядов. Было отремонтировано 225 тыс. автоматов, восстановлено или произведено 2 тыс. танков, 1 500 самолетов, а также большое количество другой боевой техники⁶³. Но наряду с обеспечением фронта и флота всем необходимым и созданием резервов для готовившегося наступления по полному снятию блокады такие заводы, как «Электросила», Металлический, «Севкабель», «Экономайзер», «Красный выборжец», «Красный химик», «Светлана», Невский машиностроительный и ряд других возобновляли производство машин, станков, энергетического оборудования и других видов продукции, необходимой для восстановления всех отраслей народного хозяйства. Однако в 1943 г. на пути возрождения ленинградской промышленности и перевода ее производства на рельсы мирного строительства были сделаны лишь первые шаги. В целях быстрее вводу в действие восстанавливались наиболее важные объекты, которые были меньше разрушены, требовали меньше трудовых и материальных ресурсов. Остальные пришлось восстанавливать в последующие годы.

Примечания

- ¹ Ленинградская правда. 1946, 20 марта.
- ² РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 969, л. 8.
- ³ Ленинградская правда. 1946, 20 марта.
- ⁴ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944; 900 героических дней. М.; Л., 1966; Очерки истории Ленинграда. В 6 т. Т. 5. Л., 1967; Непокоренный Ленинград. Сб. ст. Л., 1985; и др.
- ⁵ Непокоренный Ленинград. С. 67, 99.
- ⁶ Оборона Ленинграда. Л., 1968. С. 566.
- ⁷ Непокоренный Ленинград. С. 61, 62.
- ⁸ 900 героических дней. С. 183.
- ⁹ Непокоренный Ленинград. С. 63.
- ¹⁰ Отечественная история. 2000. № 3. С. 16.
- ¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 29, л. 23.
- ¹² Непокоренный Ленинград. С. 58.
- ¹³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 2. М., 1961. С. 147.
- ¹⁴ 900 героических дней. С. 106.
- ¹⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. М., 1967. С. 100.
- ¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 147.
- ¹⁷ РГАСПИ, ф. 71, оп. 22, д. 330, л. 2.
- ¹⁸ Там же, д. 29, л. 4.
- ¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1999, 27 января.
- ²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1643, л. 27.
- ²¹ Там же.
- ²² 900 героических дней. С. 149.
- ²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1999, 27 января.

- ²⁴ РГАСПИ, ф. 71, оп. 22, д. 330, л. 6, 7.
- ²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1999, 27 января.
- ²⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 216.
- ²⁷ Непокоренный Ленинград. С. 62.
- ²⁸ РГАСПИ, ф. 71, оп. 2, д. 330, л. 1.
- ²⁹ Там же, оп. 43, д. 1149, л. 147; д. 1150, л. 129.
- ³⁰ Непокоренный Ленинград. С. 97.
- ³¹ Ленинградская правда. 1986, 27 января.
- ³² Непокоренный Ленинград. С. 98.
- ³³ ЦА МО РФ, ф. 217, оп. 1258, д. 8, л. 15.
- ³⁴ Там же, ф. 208, оп. 2524, д. 15, л. 7. Заверенная копия; Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сб. документов. Мосгорархив. М., 1994. С. 38.
- ³⁵ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1. С. 109.
- ³⁶ М а н а к о в Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961. С. 122–123.
- ³⁷ 900 героических дней. С. 393.
- ³⁸ Там же. С. 301.
- ³⁹ Ленинградская правда. 1964, 27 января.
- ⁴⁰ Непокоренный Ленинград. С. 120.
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 43, д. 1149, л. 129.
- ⁴² 900 героических дней. С. 178.
- ⁴³ Там же. С. 180.
- ⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 29, л. 29.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1999, 27 января.
- ⁴⁷ 900 героических дней. С. 300, 301.
- ⁴⁸ Там же. С. 183.
- ⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 29, л. 29.
- ⁵⁰ ЦА МО РФ, ф. 217, оп. 1258, д. 91, л. 29, 30; Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1. С. 119.
- ⁵¹ Ленинград. Блокада. Подвиг. Л., 1984. С. 183.
- ⁵² РГАСПИ, ф. 17, оп. 43, д. 1150, л. 101.
- ⁵³ Гудок. 2001, 22 сентября.
- ⁵⁴ П а в л о в Д.В. Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 217.
- ⁵⁵ Моряки-балтийцы в боях на море и на суше 1941–1945 гг. М., 1992. С. 351.
- ⁵⁶ Б у р о в А.В. Блокада. День за днем. 22 июня 1941 г. – 27 января 1944 г. Л., 1979. С. 325.
- ⁵⁷ Непокоренный Ленинград. С. 167.
- ⁵⁸ Там же. С. 188, 189.
- ⁵⁹ Там же. С. 241.
- ⁶⁰ РГАСПИ, ф. 71, оп. 22, д. 479, л. 67.
- ⁶¹ Б у р о в А.В. Указ. соч. С. 376.
- ⁶² Непокоренный Ленинград. С. 249.
- ⁶³ Моряки-балтийцы в боях на море и на суше 1941–1945 гг. С. 388.

Вспоминая Великую Отечественную...

НАКАНУНЕ

Беседа с председателем Комитета стандартов при Совнаркомех СССР военных лет В.С. Емельяновым*

Василий Семенович Емельянов (1901–1988) – советский ученый-металлург и видный организатор отечественной промышленности, вышедший из народной глубинки. После окончания Горной академии он работал сначала в Челябинске, а затем в Наркомате оборонной промышленности СССР. Незадолго до фашистской агрессии против СССР Емельянов назначается начальником Главного управления Наркомата судостроения СССР и заместителем председателя Комитета по стандартам при Совнаркомех СССР, а в разгар Великой Отечественной войны – председателем этого Комитета в ранге наркома. 10 апреля 1942 г. В.С. Емельянову и группе работников промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов была присуждена Сталинская премия за разработку технологий производства литых танковых башен.

В послевоенные годы Василий Семенович занимал ряд ответственных должностей в народном хозяйстве страны, несколько лет работал председателем Комитета по атомной энергии и в Международном агентстве по атомной энергии при ООН (Вена). Он был избран членом-корреспондентом АН СССР, вторично (1951 г.) удостоен Сталинской премии и награжден Золотой медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Г.А. Куманев: Василий Семенович, когда началась Ваша работа в Москве?

В.С. Емельянов: Я приехал учиться в Москву из Азербайджана в 1922 г. Когда я окончил Горную академию, то побывал в довольно длительной командировке на заводах Круппа, а потом попал на работу в Челябинск. В 1937 г. получил телеграмму за подписями заместителя наркома тяжелой промышленности СССР А.П. Завенягина и моего однокурсника по академии И.Т. Тевосяна. В ней говорилось, чтобы я немедленно приезжал в Москву.

Приезжаю к Тевосяну, спрашиваю: «В чем дело?» – «Мы тебя назначаем заместителем главного инженера по науке в созданном не так давно Наркомате оборонной промышленности». – «Кто мною будет руководить?» – «Рухимович. Теперь иди к нему».

Я тут же пошел знакомиться. Это было мое первое и, как оказалось, последнее посещение наркома оборонной индустрии страны. Моисей Львович Рухимович был известным деятелем партии и советского государства, принимал активное участие в революционном движении еще с 1904 г. В дни Октябрьской революции он был председателем Харьковского Военно-революционного комитета, а после Гражданской войны его направили на работу в угольную промышленность. В 1920 – начале 1930-х гг. Рухимович был председателем ВСНХ Украины, заместителем председателя ВСНХ СССР и наркомом путей сообщения РСФСР, а в 1936 г. стал наркомом оборонной промышленности СССР...

Когда я вошел в кабинет Рухимовича, он приветливо улыбнулся, поздоровался со мной и сказал: «Прошу садиться». Первым делом Рухимович спросил, занимался ли я когда-либо броней. Я ответил, что не занимался и что последние два года мне довелось специализироваться на ферросплавах на Челябинском ферросплавном заводе. –

* В.С. Емельянов дал это интервью доктору исторических наук, профессору Г.А. Куманеву (Институт российской истории РАН) 5 февраля 1978 г. Публикуется в небольшом сокращении.

«Я знаю об этом, – сказал Рухимович. – Тевосян мне о Вас рассказывал много хорошего. А Вы думаете для меня это не новое дело? Я никогда не занимался оборонной промышленностью. Но Вы запомните: у нас с вами одна специальность – мы большевики. А все остальное – это побочное. Надо браться за этот очень важный участок. Насколько я знаю, находясь в Германии, Вы с Тевосяном изучали на заводах Круппа производство качественных сталей? Значит, видели, наверное, как там изготавливают и броневые стали?»

Я подтвердил это и добавил, что видел их производство и на заводе Рохлинга в Вецларе. «Тогда Вам все карты в руки, – сказал Моисей Львович. – Ведь другие такой возможности не имели. Будет очень трудно, – обращайтесь ко мне. Всегда постараюсь помочь. Я об этом просил и Тевосяна. Кроме того, начальник Вашего управления и главный инженер главка – очень порядочные и грамотные люди, и они помогут Вам войти в курс дела.»

Рухимович немного задумался и закончил беседу словами, что перед нами стоят большие и сложные задачи. Но самое главное в том, что решать их надо очень оперативно.

Так я стал заниматься броней. Тогда, в 1937 г., была поставлена задача – создать в СССР Военно-морской флот пяти морей и океанов. Начали строить судостроительные заводы и расширять уже существовавшие. Броней для судов мы никогда раньше не занимались. У нас, правда, был линкор или крейсер «Императрица Мария», но броня на нем была покупной, из-за границы. Вначале у нас был один завод с цехом по производству брони. Вот сейчас некоторые утверждают, что к обороне страны, к войне мы не готовились. Но это не так. Это злостная болтовня. В 1937 г. мы уже думали, что при особых обстоятельствах нам надо иметь еще одно такое же предприятие где-то на Урале, а в 1938 г. начали проектировать большой завод по производству стали в Челябинске...

В это время Рухимович был освобожден от поста наркома оборонной промышленности и заменен братом Лазаря Моисеевича Кагановича Михаилом Моисеевичем. Рухимовича обвинили в измене Родине, и в 1938 г. он погиб.

Г.К.: Что Вы можете сказать о М.М. Кагановиче? Что это был за человек? Каков он был на посту наркома оборонной промышленности?

В.Е.: С М.М. Кагановичем я проработал около двух лет. Это был грубый, малокультурный, малокомпетентный в военно-хозяйственных вопросах и к тому же довольно шумливый человек. Он постоянно говорил, говорил, говорил, всех поучал, над многими насмешничал и подтрунивал. Но шутки его и анекдоты были, как правило, неуместными, топорными и нередко оскорбительными для тех, кого он высмеивал. М.М. Каганович тоже участвовал в революционном движении, был членом партии с дореволюционным стажем. Однако в отличие, например, от своего предшественника Рухимовича он плохо разбирался в делах и наркоматом фактически руководили его заместители – И.Т. Тевосян, Б.Л. Ванников, М.В. Хруничев. М.М. Каганович же большую часть времени председательствовал на разных совещаниях, где кого-нибудь обязательно распекал и высмеивал. Не отличался нарком также скромностью и бережливостью. Когда наркомат благодаря его связям и напористости получил только что отстроенное здание Управления Московского метрополитена, сразу же началась его капитальная переделка. С особым старанием и роскошью отделывался огромный кабинет Кагановича. Там появились дорогие люстры, богатая мебель, панели из красного дерева.

Однажды я оказался невольным свидетелем разговора Хруничева с Ванниковым. Сильно взволнованный Хруничев сказал, что вопрос о грубости и бестактности Кагановича надо поставить в правительстве и добиться его освобождения от должности. На это Ванников заметил: «Для снятия наркома, дорогой Михаил Васильевич, нужны более веские основания, чем грубость. Спросят: “А допускает ли товарищ Каганович какие-нибудь серьезные политические искривления или крупные ошибки в руководстве наркоматом?” И что мы ответим? Ведь все предложения и все приказы наркома разрабатываются нами. Мы с тобой окажемся просто в глупейшем положении... Нет, уволь меня, с этим

вопросом я не пойду». Тогда Хруничев предложил отправиться вместе к самому наркому и высказать ему все начистоту. Но Борис Львович ответил, что это ничего не даст. Вскоре (это было в начале 1939 г.) Наркомат оборонной промышленности СССР разделили на четыре новые – авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов и судостроения. И М.М. Каганович (не знаю по чьей инициативе и при чьей поддержке) стал наркомом авиапромышленности. Правда, ненадолго: через несколько месяцев он оказался не у дел, и его жизнь трагически оборвалась.

Г.К.: Из того, что Вы уже рассказали, Василий Семенович, я понял, что у Вас были особенно близкие отношения с таким крупным государственным деятелем и организатором промышленного производства, как Иван Тевадросович Тевосян. Кстати, во многих публикациях, включая и энциклопедии, отчество Тевосяна значится как «Федорович». Очевидно, так звучит перевод на русский язык?

В.Е.: Да, по-моему, именно в этом дело. Но мы все его звали Иваном Тевадросовичем или Иваном Теодросовичем.

Г.К.: К сожалению, о Тевосяне у нас не так уж много написано. Мало сейчас известно и о многих других руководителях советской экономики того времени.

В.Е.: Согласен. Между тем в предвоенные и военные годы выдвинулась плеяда талантливых хозяйственных руководителей – наркомов, их заместителей, начальников главков, директоров различных предприятий. Заметное место среди них занимали и те, с кем мне довелось не только часто встречаться по производственным и общественным делам, но и не один год поработать вместе и многому у них научиться. Мой подробный рассказ об этих замечательных людях, конечно, занял бы много времени. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, я немного расскажу о трех из них: Тевосяне, Хруничеве и Лихачеве. Это были типичные представители советской школы руководящих промышленных кадров – весьма авторитетные в рабочей среде, очень опытные, грамотные и инициативные люди.

С Иваном Тевадросовичем Тевосяном мы действительно были большими друзьями начиная с совместной учебы в Горной академии. Потом судьба свела нас в наркоматах оборонной и судостроительной промышленности. Тевосян был человеком кипучей энергии. Себя он не жалел и даже в самые ответственные и тяжелые дни думал и заботился прежде всего о других. Люди, с которыми он трудился, это хорошо понимали и чувствовали. Тевосян никогда никого не поучал, не одергивал, не унижал. Он только советовал, а в спорах всегда убедительно доказывал заблуждения оппонента и правоту своей точки зрения. Характерной чертой Тевосяна была его постоянная тяга к знаниям. Несмотря на огромную занятость, он много читал. Стол в его рабочем кабинете всегда был завален книгами, журналами, газетами, справочниками.

Как крупный металлург по основной профессии он был выдвинут в Наркомате оборонной промышленности на должность начальника главка по производству брони, а затем стал главным инженером и начальником главка по кораблестроению. Многих поначалу это удивило; но все разговоры скоро прекратились, ибо Иван Тевадросович необычайно быстро познал не только азы, но и главные секреты судостроения. И когда после разукрупнения Наркомата оборонной промышленности он возглавил Наркомат судостроения, это уже мало для кого стало неожиданностью.

Тевосяна всегда тянуло на заводы, в том числе и на те, которые хорошо справлялись с планом, а после его возвращения в наркомате срочно принимали меры по устранению выявленных во время поездок наркома недочетов или внедряли положительный опыт.

Однажды (это было где-то в июне 1940 г.), вернувшись из Кремля, Тевосян позвонил мне и попросил зайти к нему, чтобы поговорить о строительстве броневых заводов. Он рассказал об интересном заседании Совнаркома СССР, на котором обсуждался план размещения промышленности в третьей пятилетке на Востоке страны. Намечалось развернуть в Сибири строительство большого числа заводов, преимущественно военных. Присутствовавший на заседании Сталин очень внимательно слушал доклад Госплана, а потом поднялся и сказал: «Вы подготовили нереальный план. Для того, чтобы выполнить его, нам надо на 20 или 30 млн человек увеличить население Сибири.

Вы хотите знать, как я подсчитал? Я взял максимальную производительность рабочих, например Ленинграда, и разделил цифры плана на эту производительность. Так вот, средняя производительность труда одного рабочего в Сибири должна быть в 3.5–4 раза выше по сравнению с Ленинградом и другими индустриально развитыми районами СССР. Надо или в чудо верить, или перемещать огромные массы людей в Сибирь. План нереален, и над ним следует еще поработать». На том заседании, по словам Тевосяна, Сталин особо подчеркнул необходимость форсированного развития промышленности Сибири. Тевосян заметил, что он никогда не видел Сталина таким взволнованным и озабоченным. «Сталин стремится побыстрее превратить Сибирь в мощный индустриальный регион, но опасается, что за короткое время этого сделать не удастся. Поэтому нужно максимально сократить сроки строительства. Нам следует внести предложение об ускорении сооружения завода по производству броневой стали. Время тревожное, и надо спешить, тем более, что пока у нас еще много недоделанного», – сказал в заключение Иван Тевадросович.

Великую Отечественную войну он встретил на посту наркома черной металлургии СССР. Тогда Тевосян очень много сделал, чтобы эта ведущая отрасль нашей промышленности достойно справлялась с возложенными на нее задачами. В сентябре 1943 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В послевоенные годы Тевосян являлся заместителем председателя Совета министров СССР, а с 1956 г. был послом в Японии. Он скончался в 1958 г. Для всех его коллег и соратников это была тяжелая и очень горькая утрата.

Одним из блестящих организаторов оборонной индустрии был и Михаил Васильевич Хруничев – человек широкого кругозора, хорошо подготовленный в техническом отношении, смелый, решительный и на редкость работоспособный. Внешне он тоже был очень привлекателен: высокий рост, хорошее сложение, простое, открытое лицо, приветливая улыбка... До прихода в Наркомат оборонной промышленности в качестве заместителя наркома Хруничев работал директором одного из крупных заводов. За короткое время он завоевал большой авторитет у работников, связанных с выпуском военной продукции. Хруничев, хорошо разбираясь в делах, в том числе и не входивших в его компетенцию, решал все вопросы быстро и эффективно или подсказывал наиболее разумный выход из создавшегося положения. Поскольку многим посетителям Наркомата оборонной промышленности не хотелось обращаться к наркому М.М. Кагановичу или к некоторым другим руководящим работникам наркомата из-за боязни нарваться на ругань и угрозы, в приемной Михаила Васильевича всегда было многолюдно.

Мне не так часто приходилось тогда встречаться с Хруничевым, но каждое общение с этим обаятельным и интеллигентным человеком оставляло в душе добрый след. Вспоминается такой характерный эпизод. В конце 1938 г. в наркомате премировали наиболее отличившихся по итогам года сотрудников. Было выделено несколько радиоприемников, выпущенных нашими оборонными предприятиями, а также отрезки на платья и костюмы. Нарком на торжественном заседании по какой-то причине отсутствовал, и собрание открыл Хруничев, который вручал и ценные подарки. Называя по имени и отчеству каждого награжденного, он приглашал его к столу президиума, выходил навстречу и вручал подарок, находя при этом какие-то необыкновенно теплые, сердечные слова. Атмосфера была по-настоящему праздничной, и об этом собрании потом долго вспоминали в наркомате.

В годы Великой Отечественной войны М.В. Хруничев много и плодотворно трудился на различных руководящих должностях: работал и в качестве первого заместителя наркома боеприпасов, и заместителем наркома авиапромышленности. Если я не ошибаюсь, в 1944 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта-инженера, а в 1945 г. – почетное звание Героя Социалистического Труда. Позднее Хруничеву дважды присуждалась Сталинская премия. В 1946 г. он стал наркомом (министром) авиапромышленности СССР. С 1955 по 1957 гг. и в 1961 г. он был заместителем председа-

теля Совета министров СССР. На этом посту в том же 1961 г. Михаил Васильевич скоропостижно скончался.

Хочется сказать и об Иване Алексеевиче Лихачеве. Трудовую жизнь он начал на Путиловском заводе в Петербурге. В годы Первой мировой войны Лихачев – матрос Балтийского флота. Участвовал в Октябрьской революции и Гражданской войне. Учился в Горной академии и Электромеханическом институте. Затем проявил себя талантливым руководителем, особенно когда в середине 1920-х гг. стал директором Московского автомобильного завода. На этом посту Иван Алексеевич проработал почти 20 лет. Он хорошо разбирался в автомобильном производстве, неплохо знал все предприятия, поставлявшие Московскому автозаводу свои изделия и материалы. Его можно было встретить и в кабинете наркома, и на заводах-поставщиках. Знаменитая фраза Лихачева «Выручай, браток» открывала путь даже к самым зачерствелым сердцам людей.

В начале 1939 г. Лихачева назначили наркомом только что созданного Наркомата среднего машиностроения СССР, который тогда выпускал танки. Я встречался с ним довольно часто, поскольку мы производили танковую броню. Вместе с Лихачевым я неоднократно бывал в Кремле у А.А. Жданова, которому в то время было поручено заниматься танками, и у Г.М. Маленкова, отвечавшего за выпуск минометов и других видов вооружения. Во главе Наркомата среднего машиностроения Иван Алексеевич находился менее двух лет, но сумел за это время внести заметный вклад в развитие отечественного танкостроения. Наши танкостроители добились тогда выдающихся результатов. Они сконструировали и построили танки (тяжелый КВ-1 и средний Т-34), равных которым в мире не было.

Иван Алексеевич был принципиальным, но порой излишне горячим человеком. Не каждому нравились его прямота и смелость. Поэтому были в его биографии и некоторые печальные события. Избранный в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) членом ЦК партии, на XVIII партийной конференции (февраль 1941 г.) по огульному обвинению (не могу точно сказать, с чьей подачи) он был исключен из состава ЦК. Незадолго до этого Лихачев был снят с должности наркома и вновь назначен директором Московского автозавода, где проработал еще 10 лет, снова проявив себя выдающимся организатором. Большие заслуги Ивана Алексеевича в области машиностроения во время Великой Отечественной войны и после ее окончания были отмечены присуждением ему в 1948 г. Сталинской премии. В 1953 г. Лихачев стал министром автомобильного транспорта и шоссейных дорог, а в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС был избран кандидатом в члены ЦК партии. В июне того же года Иван Алексеевич скончался.

Г.К.: Хотелось бы узнать Ваше мнение о военно-экономических отношениях СССР с гитлеровской Германией в предвоенные годы. Носили ли они невыгодный для нас характер, как это сейчас утверждается в ряде публикаций?

В.Е.: Военно-экономические отношения с Германией накануне войны строились, конечно, на взаимовыгодной основе. В декабре 1939 г. в Москву прибыла германская экономическая делегация во главе с Ю. Шнурре. В нее входили представители министров народного хозяйства, иностранных дел, земледелия и несколько экспертов. Начались переговоры о возобновлении торгового договора, который уже длительное время фактически не действовал. Я в это время работал в Наркомате судостроительной промышленности и входил в состав советской делегации. Немцы согласились поставить Советскому Союзу броневые башни для орудий главного калибра военных судов. К тому времени мы уже были знакомы с немецкими технологиями изготовления броневых изделий сложной конфигурации не путем штамповки и сварки, а путем литья и потом использовали их в производстве танков. В наши дни меня страшно раздражают заявления о том, что мы, мол, добывали за рубежом много такого, чего у нас не было. А что в этом плохого, зачем изобретать велосипед? Находясь за рубежом, мы, естественно, перенимали все ценное и полезное, что можно было быстро использовать у себя. Я тоже принимал в этом активное участие. Когда мы начали осваивать химическую аппаратуру, мне дали задание привезти немецкого специалиста для ее изготовления, что и

было сделано. В начале 1930-х гг., когда Германия переживала острый кризис, у нас существовал договор с заводами Круппа. За оказание технической помощи мы заплатили тогда большие деньги – что-то более 2 млн долл. В итоге уже в те годы в ряде отраслей военного производства мы занимали ведущее место, и такой брони, какую мы делали, не было даже у Круппа. Помню, еще во время войны в Испании появились у немцев «Мессершмитты». Сбить их было очень трудно, поскольку у этих самолетов была броня. Наконец, наши зенитчики сбили один и переправили его в Советский Союз. Это позволило нам изготовить броню для наших самолетов еще лучшего качества, а затем мы продолжали совершенствовать ее.

Г.К.: Не расскажете ли Вы более подробно о встречах с И.В. Сталиным?

В.Е.: Таких встреч уже в предвоенные годы было несколько. Впервые, пожалуй, я довольно близко увидел Сталина на торжественном приеме в Кремле в честь героинь-летчиц Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой после того, как они в сентябре 1938 г. на самолете «Родина» совершили беспосадочный перелет на Дальний Восток, установив женский мировой рекорд. Прием проходил в Грановитой палате, где были установлены в форме буквы «Т» два больших сервированных стола. В центре первого из них сидели Сталин, члены Политбюро и правительства. Когда появились виновницы торжества, все встали и начали аплодировать. Героини-летчицы подошли к Сталину. От волнения Марина Раскова даже расплакалась. Сталин обнял ее за плечи, посадил рядом с собой и стал гладить по голове. Потом повернулся к Валерию Чкалову и сказал, улыбаясь: «Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?» – «Много есть еще на земле “белых пятен”, есть еще куда слетать, товарищ Сталин!» – ответил тот, и все снова зааплодировали.

Тут Сталин поднялся и произнес небольшую речь. Он сказал, что, может быть, пять, а то и десять тысяч лет назад человечество жило охотой. Мужчины били диких зверей, птицу и приносили добычу домой, а женщины готовили еду. Иногда охотники приносили молодых животных и птенцов и отдавали своим женам. Те их вскармливали и приручали. Так у женщин появился постоянный источник питания – одомашненные животные и птицы, и в их руках постепенно сосредоточилась власть над мужчинами. Период этот, названный матриархатом, длился недолго. А потом женщина попала уже под двойной гнет – своего мужа и государства, которым управляли тоже мужчины. В зале стояла абсолютная тишина. Все с напряженным вниманием слушали Сталина. Он сделал паузу и с каким-то необычным юмором закончил: «Сегодня женщины отомстили нам, мужчинам. Что теперь ты, Чкалов, делать будешь?» Раздался общий смех, зазвенели бокалы, застучали ножи и вилки... Этот прием запомнился мне какой-то удивительной простотой, душевностью, радостным настроением.

Совсем иной характер носила встреча, состоявшаяся после XVIII съезда партии в марте 1939 г. В ту пору многие изобретатели трудились над созданием так называемой экранной брони для танков, и к нам в главк Наркомата судостроения поступало на этот счет немало предложений. Однажды начальник Автобронетанкового управления Наркомата обороны СССР Д.Г. Павлов рассказал мне, как во время гражданской войны в Испании, в которой он участвовал, наши добровольцы использовали в качестве бронетанковой защиты два склепанных вместе металлических листа. Причем один лист, обращенный внутрь танка, состоял из простого котельного железа, а другой, наружный – из высококачественной стали, закаленной на очень большую твердость. Затем этот тип двуслойной брони «усовершенствовал» инженер Николаев, предложивший раздвинуть листы на расстояние чуть больше размеров пули. Инженер рассуждал так: ударившись о первый лист из высококачественной стали, пуля затратит значительную часть своей энергии на его разрушение. Поэтому второй лист встретит уже ослабленный удар, и траектория полета пули изменится. Она будет рикошетить, что усилит сопротивляемость второго листа.

Я сильно сомневался в практической ценности подобного предложения, но и представить себе не мог, что с ним могут обратиться на самый «верх», в Кремль. Но в ЦК и правительстве «изобретением» Николаева заинтересовались, было решено рассмот-

реть его на заседании Совнаркома СССР с участием военных и работников оборонной промышленности. Получил приглашение и я. В приемной собралась большая группа военных специалистов, в том числе Д.Г. Павлов, генерал-майор Н.Н. Алымов, полковник Пуганов, инженер Николаев и многие другие лица, связанные с производством танков. И вот подходит ко мне полковник Пуганов, с которым меня связывали дружеские отношения, и спрашивает: «Ну, а каково ваше мнение, профессор, об этой броне?» Я высказал свои основные сомнения и заметил: «Чудес на свете не бывает!»

В это время нас пригласили в зал заседаний. Народу там было немного. Я узнал В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Н.А. Вознесенского, начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, наркомов И.Т. Тевосяна, Б.Л. Ванникова, С.А. Аكوпова... А возле длинного стола, покрытого красным сукном, я увидел И.В. Сталина в полувоенном френче. Он медленно расхаживал вдоль стола. В одной руке Сталин держал блокнот, в другой – карандаш и дымящуюся небольшую трубку. Председательствующий, глава правительства Молотов сказал, что в Совнарком внесен проект производства танков с новым типом брони. «Кто доложит? – спросил Сталин, обращаясь к Павлову. – Вы мне говорили, что эта броня уже усовершенствована. Автор предложений здесь? Пригласили его? Может быть, сразу его и слушаем?» Подойдя к столу, Николаев стал излагать свою идею. Нетрудно было заметить, что он избегал специальной терминологии, старался говорить яснее и проще. Свое выступление инженер-изобретатель закончил довольно эффектно: мол, все современные типы брони являются пассивными средствами защиты, а новая броня будет броней активной, ибо она, разрушаясь, защищает.

Во время выступления Николаева Сталин прохаживался вдоль стола, курил трубку, иногда останавливался и что-то записывал в блокнот. Когда докладчик закончил, Сталин перестал курить и повторил последние слова Николаева об «активной» броне: «Она, разрушаясь, защищает! Интересно. Вот она, диалектика в действии! А как относятся к вашему предложению представители оборонной промышленности, товарищ Николаев?» Николаев тут же ответил: «Они возражают против этого типа броневой защиты, товарищ Сталин». – «А почему? – спросил удивленно Сталин. – В чем суть возражений?» Он нахмурился, и мне стало не по себе. Николаев покраснел и, опустив голову, ответил: «Свои возражения они никак не обосновывают и заявляют, что чудес на свете не бывает».

Я, конечно, сразу же вспомнил о своем разговоре в приемной с полковником Пугановым, и холодок пробежал у меня по спине. Лихорадочно подумал: «Николаев не назвал меня. Видимо, он порядочный человек и мне надо было еще до заседания спокойно, без колкостей разъяснить ему всю несурзность его предложения. Теперь же ясно, чем все это кончится». – «Кто так говорит?» Сталин подошел к Николаеву, и его глаза буквально впились в собеседника. «Я не помню, товарищ Сталин, кто так говорил». – «Так, не помните? Напрасно. Надо помнить таких людей». Сталин резко повернулся, подошел к столу, выбил из трубки пепел и стал набивать ее табаком из коробки с папиросами «Герцеговина флор». Вынув изо рта раскуренную трубку, он обратился к Павлову: «Вы мне рассказывали, что кто-то у вас в Испании занимался этим типом брони». – «Занимался Алымов, товарищ Сталин. Он находится здесь».

Алымов четко доложил, как во время войны в Испании они наладили производство двухслойной брони и она была непробиваема ни простой, ни бронебойной пулей. Павлов добавил, что для военных этот вопрос ясен, и надо начинать выпуск таких танков. Сталин промолчал, а Молотов после короткой паузы предложил закончить обсуждение. Представленный проект был утвержден.

Мы вышли из Кремля во втором часу ночи. Рядом со мной оказался полковник Пуганов. «Вам не позавидуешь, – сказал он. – Выполнять такое ответственное поручение, не веря в его успех, неблагодарное дело...» Последующие события показали, что я оказался прав. Все образцы броневой защиты от пуль, подготовленные на основе предложения Николаева, не выдержали испытаний. С активной броней было покончено, но проблемы броневой защиты оставались для нас в числе наиважнейших...

Следующая встреча со Сталиным произошла в декабре 1939 г., во время войны с Финляндией. Однажды мне позвонил директор Северного завода, приехавший в Москву вместе с начальником конструкторского бюро. Он сообщил, что на заводе создана броневая защита для лыжников. Легкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах, и когда лыжник попадает под обстрел, он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая его впереди себя. Директор добавил, что военные одобрили конструкцию, необходимые испытания проведены и надо бы скорее развернуть производство этих щитков. Образец вместе с лыжами руководителя завода привезли с собой. Я позвонил Тевосяну и рассказал об этом предложении. Он посоветовал связаться с начальником Главного артиллерийского управления и заместителем наркома обороны Г.И. Куликом. Если он согласится, то нужно подготовить проект постановления правительства о производстве броневых щитков, определив их примерное количество.

Я связался с Г.И. Куликом, который сразу же пригласил меня приехать к нему в Наркомат обороны вместе с работниками Северного завода. Осмотрев щиток, Кулик решил тут же доложить обо всем Ворошилову и вышел из кабинета. Вскоре он вернулся вместе с наркомом обороны. Ворошилов долго изучал изобретение умельцев Северного завода и затем сказал: «Надо переговорить с Вячеславом Михайловичем». Молотов назначил встречу с нами в 5 часов. В его кабинете собралось 10–12 человек. После обмена мнениями Молотов подошел ко мне и сказал: «Задержите директора и конструктора на один день в Москве. Не исключено, что товарищ Сталин заинтересуется этой конструкцией. Я сегодня вечером вам позвоню». Около 10 часов вечера он сообщил, что завтра в 5 часов дня нам нужно явиться в Кремль, в кабинет Сталина.

На следующий день минут за 30–40 до назначенного времени мы явились в Кремль. В приемной Сталина нас встретил Поскребышев. Он поздоровался, открыл дверь кабинета и сказал: «Проходите». Там еще никого не было. Директор и конструктор завода положили лыжи, укрепили щиток и стали ждать появления хозяина кабинета. И вот вошли Молотов, Ворошилов, Кулик, Шапошников, Тевосян и Ванников, который держал в руках образец нового автомата (видимо, принес его показать Сталину). Говорили все вполголоса. На это настраивала какая-то особая атмосфера, царившая в кабинете. Ровно в 5 часов появился Сталин. Поздоровался со всеми за руку, подошел к щитку, осмотрел его, опустился на колени и, увидев у Ванникова оружие, сказал: «Дайте-ка мне автомат». Затем Сталин лег на пол, просунул ствол автомата в прорезь броневое щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение, передвигал щиток и т.п. Все молча наблюдали эту необычную картину. Наконец Сталин поднялся, вернул автомат Ванникову и высказал несколько пожеланий. По его мнению, лучше было бы сместить прорезь для стрельбы на 20 мм вправо и сделать на щитке полочку для запасной обоймы с патронами, чтобы боец постоянно был под броневой защитой, и т.д. Конструктор с блокнотом в руках тщательно записывал все замечания генсека.

В это время к Сталину подошел Кулик и громко сказал, что необходимо обязать нашу оборонную промышленность изготовить для Красной армии несколько миллионов таких щитков. Эта цифра была взята с потолка и абсолютно нереальна. Сталин недовольно посмотрел на Кулика и с каким-то пренебрежением произнес: «На всех заводах есть большевики, и они изготовят столько, сколько можно. Не надо думать, что вы один беспокоитесь о вооружении Красной армии, о защите наших воинов». Сталин снова пожал каждому руку и вышел из кабинета. Однако в марте 1940 г. советско-финская война закончилась, и к этому времени на фронт успела поступить только первая партия усовершенствованных броневых щитков.

Мне хочется рассказать и еще об одной из довоенных встреч со Сталиным. Где-то в середине 1940 г. я был приглашен в Кремль на заседание Политбюро ЦК, где рассматривался вопрос о литых танковых башнях. Отправились мы туда вместе с новым наркомом судостроительной промышленности Иваном Исидоровичем Носенко. Заседание открыл Сталин и предоставил слово председателю Комитета обороны при СНК СССР Ворошилову. Тот доложил проект решения о литых танковых башнях. Листок с

проектом маршал держал в руках. Сталин подошел к нему, взял листок и стал читать. Затем, повернувшись к новому начальнику Автобронетанкового управления Наркомата обороны генералу Федоренко, спросил: «Что вы можете сказать о тактико-технических преимуществах литой танковой башни, товарищ Федоренко?» Генерал поднялся со своего места и, заметно волнуясь, стал говорить, что литые башни можно изготавливать в литейных цехах, тогда как для штамповки отдельных деталей башен старого типа необходимы мощные прессы. Сталин перебил Федоренко: «Я вас, товарищ Федоренко, спрашиваю о другом: не о технологических преимуществах, а о тактико-технических. Кто у вас в управлении занимается военной техникой?» – «Генерал Лебедев». – «Он здесь?» – «Так точно».

Обратившись к Лебедеву, Сталин повторил свой вопрос. Но генерал ответил то же самое, о чем уже говорил его начальник.

Сталин довольно сердито спросил: «Где вы служите: в армии или в промышленности? Третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах литой танковой башни, а вы снова отвечаете не по существу. Не лучше ли вам перейти на работу в промышленность?» Генерал Лебедев побледнел. На его лице появились капельки пота. И тут я понял, что постановление о литых танковых башнях может быть не принято и надо действовать. Я поднял руку и попросил слова. Сталин несколько удивленно и строго посмотрел на меня и сказал: «Нас интересуют тактико-технические преимущества». – «Я как раз об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович». – «Вы что, военный?» – «Нет». – «Так что вы хотите сказать?» – спросил Сталин, и в его голосе я уловил какие-то недобрые нотки. Из своей папки я вынул карточки с результатами обстрела брони и подошел к Сталину. «У старой башни, сваренной из отдельных деталей, – сказал я, – есть слабые, уязвимые места. У литой башни этого нет. Она равнопрочна. Вот результаты проведенных испытаний обоих типов башен путем их обстрела на полигоне». И я передал карточки Сталину. Он посмотрел их и вернул со словами: «Это соображение серьезное».

Затем его заинтересовало, как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую броню. Сталин попросил ответить конструктора танка. Однако тот смог только сказать, что если центр тяжести и изменится, то лишь незначительно. «Незначительно – это не инженерный термин, – подчеркнул Сталин. – Вы считали?» – «Нет, не считал, товарищ Сталин». – «А почему? Это же военная техника». Я снова решил проявить инициативу. Поднял руку и громко произнес: «Иосиф Виссарионович!» Сталин опять недовольно посмотрел в мою сторону, отвернулся и прошел в противоположный от меня угол комнаты. Я был обескуражен и сел на свое место. Все разъяснил шепот соседа, сидевшего сзади: «Никогда не называйте его Иосифом Виссарионовичем. Это он разрешает лишь узкому кругу людей. Для всех нас он только товарищ Сталин».

Тем временем Сталин задал новый вопрос конструктору: «Изменится ли и как нагрузка на переднюю ось танка при литой башне?» Конструктор едва слышно ответил: «Незначительно». – «Что вы твердите одно и то же “незначительно” да “незначительно”? А расчеты вы сделали?» – «Нет, товарищ Сталин». – «А почему?» Растерявшийся конструктор молчал. Сталин положил на стол листок с проектом решения. «Предлагаю предложенный проект постановления отклонить как неподготовленный. Надо указать товарищам, чтобы впредь с такими проектами они в Политбюро не входили. Для подготовки нового проекта необходимо создать комиссию в составе Федоренко, его (он указал на наркома автотракторной промышленности Аكوпова) и его (палец Сталина указал на меня)».

Г.К.: Как и когда был образован Комитет по стандартам при Совнаркоме СССР, каковы были его функции и каким образом Вы оказались во главе этого комитета?

В.Е.: Хочу вновь вернуться к событиям, связанным с приездом в Москву перед войной немецкой делегации по экономическим вопросам во главе с Шнурре. Каких-то больших результатов при переговорах тогда достичь не удалось. Заключенное 11 февраля 1940 г. после этого визита делегации соглашение о товарообмене между

СССР и Германией находилось под неусыпным контролем Сталина. Для выполнения ряда советских заказов германская сторона потребовала поставить никель, в котором Германия испытывала острую нужду. Наши торговые организации в первой половине 1940 г. направили в Германию первую партию этого металла. Но вскоре оттуда было получено сообщение, что наш никель не подходит для производства различных марок стали, поскольку содержит слишком много меди, а это крайне нежелательно. В правительстве стали разбираться, в чем дело. В Кремль на заседание Совнаркома вызвали наркома цветной металлургии А.П. Самохвалова, который заявил, что по всем показателям советский никель полностью соответствует стандарту. Кто-то из членов правительства поинтересовался: «А где у нас эти стандарты утверждаются?» Тут-то и оказалось, что существовавший в недавнем прошлом при Совнаркоме СССР Комитет стандартов был упразднен. При этом Советский Союз оставался членом Международной организации по стандартизации. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: производители продукции сами же разрабатывали и ее стандарты.

Обсуждение вопроса о стандартизации на заседании СНК СССР проходило остро. Наркома цветной металлургии Самохвалова освободили от занимаемой должности и приняли решение вновь создать при правительстве Комитет стандартов. Утром 15 июля 1940 г., когда я пришел на работу в Наркомат судостроительной промышленности, секретарь меня поздравила. «С чем вы меня поздравляете?» – спросил я ее. – «А разве Вы сегодняшних газет не читали?» – «Еще не читал». – «Вот почитайте». На последней странице было помещено небольшое сообщение о моем назначении первым заместителем председателя Комитета стандартов. Постановление было принято ночью, со мной даже никто не разговаривал. Вот как я попал в этот комитет.

За несколько дней до моего назначения (кажется, 10 июля) был издан уникальный и, пожалуй, единственный в своем роде указ. В нем говорилось, что за поставку нестандартной, некомплектной и недоброкачественной продукции директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля следует отдавать под суд и осуждать на срок от 5 до 8 лет. Опытный инженер-механик Павел Михайлович Зернов стал председателем Комитета стандартов в ранге наркома, причем ни он, ни мы – его заместители – специально вопросами стандартизации раньше не занимались и потому не имели представления о том, как вести эту тонкую и сложную работу. Между тем Комитету были даны большие права. Мы могли отменять, изменять, вводить новые стандарты. При этом очень скоро обнаружилось, что большая часть записанных в стандарты технических показателей нашими предприятиями не соблюдается, а на многих заводах в эти стандарты никто никогда и не заглядывал. Кроме того, многие стандарты содержали недостаточно продуманные, а иногда и несуразные технические требования. В этой связи вспоминается один разговор с наркомом рыбной промышленности А.А. Ишковым. Пришел он ко мне и говорит: «Не в чем селедку солить, нет ни одной стандартной бочки». – «Почему?», – спросил я. – «Утвержден такой стандарт, по которому самый лучший бондарь хорошую бочку не сумеет сделать. Там требования к точности более высокие, чем даже в авиационной промышленности: ширина обручей – столько-то миллиметров, толщина – столько-то, расстояние между обручами – такое-то, зазор между обручами – такой-то и т.п. Это черт знает, что написали». Я спросил: «А кто все эти глупости утверждал?» Ишков ответил: «В том-то и дело, что я сам и утверждал. Но сейчас такую несуразицу отменить я не могу. Это право передано вам. Но все оставилось...»

Довольно скоро Комитет по стандартам завоевал авторитет в народном хозяйстве. И главным образом потому, что свои постановления мы принимали на основе анализа научно-технических достижений, опираясь на опыт лучших предприятий страны. К началу Великой Отечественной войны нам удалось существенно усовершенствовать техническое законодательство отечественного производства. В разгар войны П.М. Зернов был назначен заместителем председателя Госплана СССР, а затем заместителем наркома тяжелой промышленности. Меня же 13 мая 1943 г. правительство утвердило председателем Комитета стандартов при Совнаркоме СССР.

Г.К.: Где и при каких обстоятельствах застала Вас Великая Отечественная война?

В.Е.: В это время я находился в отпуске. Последний раз до этого я отдыхал в 1937 г. и то только две недели. В первой декаде июня 1941 г. П.М. Зернов предложил мне поехать со всей семьей на отдых в Сочи. Я получил путевку в санаторий СНК СССР, купил четыре билета в скорый поезд – себе, жене, дочери и сыну, – и мы стали готовиться к отъезду... Но именно в эти дни мною овладела какая-то смутная тревога, предчувствие, что вот-вот произойдет нечто ужасное. Я отгонял от себя эти мрачные мысли, но не мог успокоиться. Накануне отъезда, вечером в субботу 21 июня, я решил позвонить Тевосяну и посоветоваться: ехать мне на юг или остаться в Москве. «Если у него есть какие-то последние тревожные сообщения, то он, конечно, найдет форму, чтобы сообщить мне о них», – подумал я. Однако Иван Тевадросович посоветовал нам ехать.

Поезд отправлялся в воскресенье, в 11 часов с минутами. Но около 10 часов утра, когда я запираю дверь квартиры, а семья уже ждала меня у подъезда дома, раздался телефонный звонок. «Нет, – решил я. – Никаких телефонных переговоров. Отпуск есть отпуск!» Если бы я знал, что это звонила подруга жены Нина, которая уже знала, что началась война, и с разрешения начальства хотела предупредить нас, чтобы мы не уезжали из Москвы! Лишь подъезжая к Курску, я узнал, что началась война. Мы решили сойти в Харькове, где у меня были знакомые, через которых, как я надеялся, будет легче достать билеты до Москвы. Но в Белгороде в вагон сел новый пассажир, рассказавший, что в 6 часов утра по радио было передано сообщение о государственном перевороте в Германии, аресте Гитлера и приходе к власти Риббентропа. Мы, разумеется, верили всему, что он говорил. Стали советовать, возвращаться в Москву или ехать дальше. На вокзале в Харькове нам подтвердили, что радиопередачи о государственном перевороте в Германии действительно были. Тогда мы решили продолжить путь до Ростова. Там соседнее купе занял полковник госбезопасности. Я сообщил ему, где и кем работаю и куда еду. «Неудачное время вы выбрали для отпуска», – сказал он. А услышав от меня о каком-то перевороте в Германии, сразу же заявил: «Все это глупости! Идет настоящая война. Германские войска вторглись на нашу землю. Мой совет – доезжайте до Сочи, а уже оттуда возвращайтесь в Москву. Если же сойдете на какой-нибудь промежуточной станции, можете там надолго застрять. Я тоже еду в Сочи, но, конечно, не отдыхать. Оттуда сейчас тоже нелегко выехать: в первую очередь будут отправлять военных. Но вам, может быть, поможет получить места в вагоне до Москвы директор санатория Совнаркома».

Когда поезд остановился около Туапсе, я вышел из вагона и в открытом окне встречного поезда увидел бывшего своего начальника – наркома судостроительной промышленности СССР Ивана Исидоровича Носенко. Мы поздоровались. «Куда путь держишь?» – спросил он меня. – «В Сочи». – «Ты что, с ума сошел? Знаешь, что там творится? Оттуда не выберешься». Тем не менее мы решили продолжить путь. На сочинском вокзале нас встретил сотрудник санатория и доставил на его территорию, где было безлюдно, тихо и спокойно. Директор санатория сказал нам, что в течение ближайших двух дней ничего не сможет сделать, чтобы отправить нас в Москву. «А может быть, война скоро закончится?» – с надеждой в голосе спросил он меня.

Утром послышался гул самолетов, приближавшихся к городу. По ним открыли огонь из зенитных орудий. Чьи это были самолеты, так и осталось загадкой. Поговаривали, что, растерявшись, наши зенитчики устроили стрельбу по своим... На третий день директор санатория сумел достать нам билеты. Мы еле протиснулись в вагон, весь забитый чемоданами. В конце коридора я вдруг увидел знакомого полковника госбезопасности. Знаками он дал понять, что в его купе можно как-то разместиться. Жена и дети устроились на верхней полке, а я сел на чемодан в коридоре. Так мы добрались до столицы. Впереди были долгие, неимоверно тяжкие месяцы и годы самой жестокой, кровопролитной и разрушительной войны.

СВЯЗЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Беседа с наркомом связи СССР и начальником Главного управления связи Красной армии военных лет маршалом войск связи И.Т. Пересыпкиным*

Иван Терентьевич Пересыпкин (1904–1978) был известным советским военачальником и одним из членов советского правительства периода Великой Отечественной войны. В 1919 г. он вступил в ряды Красной армии, участвовал в Гражданской войне, был политруком и командиром отдельного эскадрона связи 1-й кавалерийской дивизии, затем военным комиссаром Научно-исследовательского института связи РККА, а с мая 1939 г. по июль 1944 г. – наркомом связи СССР. Одновременно с 1941 г. Пересыпкин являлся заместителем народного комиссара обороны СССР и начальником Главного управления связи Красной армии. В 1944 г. И.Т. Пересыпкину (первому среди воинов-связистов) было присвоено только что учрежденное воинское звание маршала войск связи.

После войны он работал начальником связи сухопутных войск Вооруженных сил СССР, а затем инспектором группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Г.А. Куманев: Как Вы стали народным комиссаром связи СССР?

И.Т. Пересыпкин: В мае 1937 г. я окончил командный факультет Военной электротехнической академии и был назначен военным комиссаром Научно-исследовательского института связи Красной армии. Не успел я как следует войти в курс дел, как 7 января 1938 г. получил назначение на должность военного комиссара управления связи РККА. Одновременно приказом наркома обороны СССР Ворошилова мне было присвоено воинское звание полковника. Начальником управления был опытный командир и заслуженный связист комдив Найденов – человек очень скромный и душевный. Но состояние дел оставляло желать лучшего: узлы связи строились медленно, войска не обеспечивались кадрами связистов и испытывали острую нехватку в средствах связи. Словом, нерешенных вопросов было немало.

В феврале того же года меня вызвали к наркому обороны с докладом. В конце встречи Ворошилов вдруг спросил: «А как вы бы посмотрели на предложение занять пост начальника Управления связи Красной армии?» Я сразу же отказался, сославшись на то, что не имею достаточного практического опыта и необходимой подготовки. При этом я заметил, что пришел просить определенной поддержки в работе, а не для того, чтобы был снят с должности нынешний начальник управления, которого мы все уважаем. Ворошилов отнесся к моим словам довольно спокойно и попросил дежурного адъютанта пригласить начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова. Когда он пришел, Ворошилов спросил его: «Борис Михайлович, если мы назначим товарища Пересыпкина начальником Управления связи, это будет лучше или хуже?» После небольшой паузы Шапошников ответил: «Думаю, что будет лучше, товарищ нарком». Но я снова повторил свои контрдоводы и, чтобы как-то выйти из положения, предложил назначить меня заместителем начальника управления. После некоторого раздумья Ворошилов согласился, и через несколько дней назначение меня первым заместителем начальника Управления связи состоялось. Однако работать в этой должности мне так и не довелось.

Через несколько дней я был приглашен в Управление кадров ЦК ВКП(б), где прошел собеседование по довольно широкому кругу вопросов. Меня попросили заполнить несколько анкет и написать автобиографию. Я терялся в догадках. В чем дело? Для чего все эти беседы на таком высоком уровне? 9 мая 1939 г. в 10 часов вечера, когда я еще был на работе, раздался звонок правительственного телефона. Человек, не назвавший

* Интервью было дано Г.А. Куманеву 11 апреля 1978 г.

себя (позднее я узнал, что это помощник Сталина Алексей Николаевич Поскребышев), но спросивший меня, кто у телефона, сказал: «Вам, товарищ Пересыпкин, нужно сейчас же приехать в Кремль к товарищу Сталину».

Г.К.: Вам приходилось раньше встречаться со Сталиным, видеть его вблизи?

И.П.: В Москве после окончания академии я работал около двух лет и за это время видел Сталина на заседании Политбюро, когда подводились итоги боевых действий в районе озера Хасан, а также на совещании в ЦК партии с советскими танкистами, вернувшимися из Испании. Кроме того, я видел Сталина на парадах и приемах, но непосредственно встречаться с ним мне еще не приходилось. Поэтому, направляясь в Кремль по личному приглашению Сталина, я, конечно, основательно волновался. На служебной автомашине ЗИС-101 я быстро доехал до Кремля и через Боровицкие ворота попал на Ивановскую площадь. Войдя в указанный подъезд и поднявшись на лифте, я оказался в небольшом вестибюле. В коридоре стояла абсолютная тишина. Я обратил внимание на то, что на всех дверях отсутствовали таблички с именами сотрудников. Постучал в первую попавшуюся дверь. Ее открыл уже немолодой человек с необычно красным лицом. Это и был помощник Сталина Поскребышев. Он предложил мне сесть и, попросив подождать, куда-то вышел. Вскоре Поскребышев вернулся, проводил меня в соседнюю комнату и, указав на большую дверь, медленно и как-то торжественно произнес: «Идите, вас ждет товарищ Сталин».

Открыв дверь, я оказался в ярко освещенном кабинете. Письменный стол Сталина находился в правом дальнем углу. Слева от входа стоял ничем не покрытый длинный стол, за которым позднее не раз мне приходилось сидеть во время различных заседаний. На Сталине был легкий светло-серый костюм военного покроя. На ногах – мягкие черные сапоги без каблуков, какие обычно носят горцы на Кавказе. В его левой руке дымилась знаменитая трубка. В кабинете был также и Молотов, который недавно беседовал со мной. Я представился, со мной поздоровались, а затем Сталин ушел в глубь своего просторного кабинета. Потом, вернувшись, он вплотную подошел ко мне и, пристально глядя в глаза, неожиданно сказал: «Мы решили назначить вас, товарищ Пересыпкин, народным комиссаром связи Союза ССР. Каково ваше мнение на этот счет?»

Я мог ожидать чего угодно, но только не этого. Я просто оторопел и в первый момент даже не нашел слов для ответа. Потом, волнуясь, сказал, что только недавно окончил академию и работаю всего около двух лет, а до этого командовал эскадрой связи одной дивизии. «Очень прошу вас, товарищ Сталин, не назначать меня наркомом связи. Этот пост будет мне не по силам», – сказал я. Сталин улыбнулся и спросил: «Вы, оказывается, кавалерист? В какой же дивизии служили?» Я ответил, что служил на Украине в первой кавалерийской дивизии. Возвращаясь к основной теме разговора, Сталин заметил: «Пусть вас масштаб предстоящей работы не беспокоит. Мы можем вам».

Затем он снял телефонную трубку, набрал номер и кому-то сказал: «Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати». Снова повернувшись ко мне, Сталин добавил, чтобы я сейчас же отправлялся в ЦК и там подготовил предложения о составе коллегии Наркомата связи. При этом мне предоставлялось право включить в состав коллегии и компетентных военных. Я высказал сомнение, что нарком обороны охотно отпустит в Наркомат связи своих специалистов. Сталин снова улыбнулся и сказал: «Не волнуйтесь, товарищ Пересыпкин, мы попросили товарища Ворошилова отпустить из Наркомата обороны всех, кого вы назовете».

Так и произошло. В ЦК партии мы работали всю ночь, подготовив проект решения Политбюро о составе коллегии Наркомата связи СССР. Там я получил и немало дельных советов, и обстоятельную информацию о положении в наркомате. Возвращаясь ранним утром домой, я размышлял, чем же привлекла руководство моя кандидатура. Может быть, не последнюю роль сыграло мое высшее специальное образование и тот факт, что я был военным? Я также вспомнил, что несколько наркомов связи (до 1932 г. наркомов почт и телеграфов) были репрессированы. Это Смирнов, Любичев, Анти-

пов, Рыков, из НКВД пришли Ягода, Халепский, Берман. Одно время эту должность занимал и Ярцев, тоже пришедший из органов внутренних дел. Не случайно, когда я стал наркомом, на одном из хозяйственных активов один отчаянный участник заседания сказал, что, мол, наркомы приходят и уходят, а связисты остаются... Утром на страницах «Правды» появилось сообщение о моем назначении наркомом.

Г.К.: Когда Вы приступили к новой работе и каков был круг Ваших основных задач?

И.П.: К работе я приступил в то же утро, 10 мая 1939 г., прибыв к 9 часам утра на Центральный телеграф по адресу улица Горького, 17, где тогда размещался Наркомат связи СССР. Меня никто не встретил и не представил. Предъявив удостоверение, я прошел в кабинет наркома, пустовавший около 6 месяцев, и начал входить в курс дела. Через несколько дней Совнарком утвердил состав коллегии Наркомата. Туда вошли: Сергейчук – бывший работник железнодорожного транспорта, военные специалисты Павлюченко, Попов. Заместителями наркома назначили Конюхова, Омельченко, Фортушенко, Алешина. Несмотря на молодость, все они были хорошими специалистами, и недостаток опыта руководящей работы возмещали стремлением трудиться инициативно и энергично.

Что было характерно для нашей работы в предвоенные годы? Органы связи в ту тревожную пору (ведь осенью 1939 г. уже разразилась Вторая мировая война) готовились выполнить задачи, диктовавшиеся боевой обстановкой. В СССР исторически сложилось так, что проводная связь имела радиальное построение. Линии связи расходились от Москвы к республиканским и областным центрам, от них – к районным, от районных – к сельсоветам, колхозам и совхозам. При такой системе два сельсовета или колхоза, находившиеся буквально рядом, скажем в 5 км друг от друга, могли практически связаться только через Москву. Это было, конечно, крайне неудобно. Поэтому в предвоенные годы начали усиленно строить соединительные линии между сельсоветами, колхозами, районами, областями и т.п. К сожалению, эта работа не была закончена к началу Великой Отечественной войны. Второй существенный недостаток состоял в полном отсутствии междугородных кабельных линий связи. В нашей стране к началу фашистской агрессии не было ни одного междугородного кабеля. Во время советско-финляндской войны зимой 1939/1940 г. связь с Ленинградом и штабом Северо-Западного фронта поддерживалась по столбовым воздушным линиям. И вот во время разговора Сталина с командующим фронтом С.К. Тимошенко в телефоне стали прослушиваться какие-то посторонние разговоры. Сталин, конечно, устроил нам разнос. Как полагается, было проведено расследование, мы доказали, что все дело в отсутствии подземной кабельной связи, и предложили проложить междугородный кабель между Москвой и Ленинградом – первый в стране магистральный кабель связи.

Конечно, мы не представляли себе тогда, какие нас ожидают трудности, поскольку пришлось бы копать траншеи в сильные морозы. Когда все предложения были представлены Сталину, он заявил, что это очень дорогой проект, требующий много цветного металла. В итоге наши предложения отклонили, и в Великую Отечественную войну мы вступили, не имея магистральных кабелей. Отрицательно сказалось на работе связистов в военное время и отсутствие запасных узлов связи. Правда, в Москве были небольшие укрытые, но довольно примитивные станции, и брать их в расчет не приходилось. Когда я начал работать в Наркомате связи, нам разрешили построить в Москве запасной подземный узел связи. К началу войны он полностью закончен не был, но аппаратуру мы все же туда поставили, так как если бы, не дай Бог, на Центральный телеграф упала какая-нибудь крупная бомба, то Москва сразу же лишилась бы связи (и телеграфной, и телефонной) со всей страной, по всем направлениям. Подземный был единственный узел, который гарантировал, что воздушное нападение противника на средства связи столицы не повлияет на их нормальную работу.

Г.К.: Какой Вы нашли работу отечественной почты после того, как вступили в должность наркома связи? Существует мнение, что накануне войны ее работа во многом оставляла желать лучшего.

И.П.: Все это сильно преувеличено, хотя, конечно, недостатков здесь, как и в каждом большом деле, было немало. В довоенном 1940 г. наши почтовые работники (а тогда в стране было более 51 тыс. предприятий почтовой связи) перевезли и доставили около 2.5 млрд писем и более 6.5 млрд газет, журналов и других периодических изданий. Я убежден, что труд почтальона вполне соизмерим с трудом рабочих тяжелой промышленности. И если у нас уже кое-где появились памятники людям военной поры – безымянному танкисту, летчику, шахтеру, врачу, учителю, строителю, то обязательно нужно соорудить памятник и почтальону.

Г.К.: Как Вы и Ваши коллеги ощущали приближение фашистского нападения? Ведь, как известно, связисты иной раз первыми узнают о многих событиях.

И.П.: Мы, безусловно, чувствовали неумолимое приближение войны: за несколько дней до 22 июня 1941 г. дипломаты, находившиеся в Москве, никак не могли связаться по телефону со своими странами. Берлин все время тормозил эти связи, и мы вынуждены были доложить правительству, что берлинская станция саботирует транзитные связи из Москвы с другими государствами, ссылаясь то на неисправность линий, то на какие-то другие неполадки. Это свидетельствовало о том, что немцы хотели изолировать нашу столицу от внешнего мира.

Г.К.: Были, наверное, и еще какие-то трудности накануне войны?

И.П.: Конечно. Начиная с 1937 г. капиталовложения в развитие связи непрерывно снижались. Тут, возможно, были виноваты и мы, поскольку выделяемые средства полностью не реализовывались, хотя для этого имелись свои причины. Было и еще одно обстоятельство, связанное с неудовлетворительным уровнем материально-технического снабжения. Наша промышленность средств связи была очень маломощной. У нас по сути дела имелся единственный завод «Красная заря», выпускавший телефонную аппаратуру всех типов. Завод им. Кулакова делал телеграфные аппараты СТ-35 и Бодо, а завод им. Коминтерна – мощную радиоаппаратуру. Все они находились в Ленинграде и не удовлетворяли даже минимальных потребностей в средствах связи. Таким образом, к началу фашистской агрессии нам не удалось осуществить намеченную программу оснащения войск связи всем необходимым. На 1 июня 1941 г. войска связи были обеспечены: телеграфными аппаратами Бодо на 69%, СТ-35 – на 35, Морзе – на 76, индукторными телефонными аппаратами – на 37, полевым телеграфным кабелем – на 30%. Не лучше обстояло дело и с обеспечением радиоаппаратурой.

Г.К.: Где Вы встретили первый день войны?

И.П.: Накануне фашистского нападения на СССР, 19 июня 1941 г. около 10 часов вечера позвонил Поскребышев и сообщил, что меня приглашает к себе Сталин. По какому вопросу меня вызывают, Поскребышев, как обычно, не сказал. Такие вызовы случались довольно часто, и обычно до встречи со Сталиным было невозможно догадаться, для чего ты должен прибыть в Кремль. В кабинете Сталин был один. Он поздоровался со мной, предложил сесть, а сам несколько минут прохаживался, о чем-то размышляя. Сталин показался мне несколько взволнованным. Подойдя ко мне, он остановился и сказал: «У вас не все благополучно, товарищ Пересыпкин, со связью и расстановкой кадров в Прибалтийских республиках. Поезжайте туда, разберитесь и наведите порядок». Из Кремля я поехал в Наркомат связи, где вместе со своими заместителями наметил ряд сотрудников, которым следовало отправиться со мной в командировку.

Но наша поездка задержалась. На следующий день, в пятницу 20 июня, состоялось заседание правительства, на котором был и я. Председательствовал глава СНК СССР Сталин. При обсуждении одного из вопросов потребовалось создать комиссию для подготовки проекта решения. В ее состав по предложению Сталина был включен и я. Во второй половине дня 21 июня комиссия закончила работу и документ был подписан. После этого я побывал в наркомате и часа через два уехал на дачу. Однако вскоре мне позвонил Поскребышев и сказал, чтобы я срочно связался по телефону со Сталиным. «Вы все еще не уехали?» – спросил он меня. Я попытался объяснить, что по его же поручению работал в комиссии, но он меня перебил: «Когда же вы выезжаете?» Я вынужден был ответить: «Сегодня вечером». В 23 часа мы тронулись в путь. В Орше

к нашему вагону подошел начальник местной конторы связи, спросил замнаркома Омельченко и вручил ему совершенно непонятную телеграмму: «Связи изменением обстановки не сочтете ли нужным вернуться Москву? Пересыпкин».

Самое удивительное, что в правительственной телеграмме стояла моя подпись. Мы терялись в догадках и только после возвращения в Москву выяснилось, что телеграмму по собственной инициативе дал мой первый заместитель К.Я. Сергейчук. Оказавшись большим «конspirатором», он решил не разглашать, что в поезде Москва–Вильнюс едет нарком. «Мне ничего непонятно, – сказал я. – Что случилось? Что это за “изменение обстановки”?» Местный начальник связи удивился еще больше. «А разве вы ничего не знаете? Началась война». – «Уже?!» – Только это слово я и смог произнести в тот момент. Мы вышли на перрон. В ясном солнечном небе высоко над Оршей кружил, очевидно, германский самолет-разведчик. Связавшись с Москвой, я получил указание Ворошилова немедленно возвращаться в столицу.

Мы выехали в Москву во второй половине дня на потрепанной полуторке. Легковых машин в Орше вообще не оказалось. По пути пересели на ЗИС-11а (автомашина по нашему звонку была выслана из Смоленска). В Смоленске мы ознакомились с работой местных почтовиков, а затем на двух черных наркомовских «бьюиках», высланных из Москвы, направились к столице. В моей автомашине был радиоприемник (тогда это было редкостью), и, подъезжая к Москве, я включил его, чтобы послушать последние известия. На многих частотах лилась страшная антисоветчина, звучали фашистские бравурные марши, слышались крики «Зиг хайль!» и «Хайль Гитлер!». Враг хвастливо сообщал, что Красная армия разбита и через несколько дней германские войска будут в Москве. Слушать весь этот бред было невозможно, и я выключил радиоприемник.

Рано утром 23 июня мы подъехали к Москве, а днем 24 июня я был вызван к Сталину. Он подробно расспросил меня о состоянии связи с фронтами, республиканскими и областными центрами, поинтересовался неотложными нуждами Наркомата связи. Я откровенно доложил ему об увиденном в Орше и Смоленске, об услышанном в эфире по дороге в Москву и о том, что нас особенно беспокоит работа московского узла связи. В то время и наркомат, и телеграф, и Центральная международная телефонная станция находились в одном здании на улице Горького. И достаточно было вражеской авиации вывести его из строя, как сразу же на многих важных направлениях могла бы одновременно нарушиться и телеграфная, и телефонная связь. «А что требуется? – спросил Сталин и, подвинув ко мне чистые листы бумаги, сказал, – пишите». Я сел за стол и стал писать, перечисляя все, что требуется в первую очередь. Сталин в это время ходил по кабинету, поглядывая на меня. Когда я закончил, исписав несколько листов бумаги, он быстро их просмотрел и написал резолюцию «Согласен». Потом сказал, чтобы я отправился к Чадаеву, который должен «выпустить закон». (Я.Е. Чадаев в течение всей войны работал управляющим делами Совнаркома СССР и не раз оказывал Наркомату связи необходимую помощь и содействие.)

Г.К.: Как проявили себя связисты в первые дни войны?

И.П.: Требовалось срочно обеспечить устойчивую связь Ставки Главного командования Красной армии, штабов ВВС, войск ПВО и Военно-морского флота со всеми фронтами, флотами и военными округами. Резко повысился контроль за состоянием фронтовой связи. Все средства и прежде всего резервные и запасные узлы были приведены в полную боевую готовность. Кроме того, в первый же месяц войны мы перевели весь руководящий состав Наркомата, предприятий связи Москвы, Ленинграда, областных центров, республиканские и областные управления на казарменное положение. Люди постоянно находились на рабочих местах, обеспечивая устойчивую связь.

В последние дни июня 1941 г. в Наркомат связи позвонила дежурная телефонистка междугородной телефонной станции белорусского г. Пинска. Сквозь сильные помехи срывающимся от волнения голосом она торопливо сообщала: «Товарищи! Наши войска оставили город. На улицах появились немецкие танки с белыми крестами... Вижу их в окно... Никого из наших начальников нет... Что мне делать?...» Мы посоветовали

этой мужественной телефонистке, которая до последнего часа не оставила свой пост, поскорее уйти из города и присоединиться к своим. Долгое время ее фамилия оставалась неизвестной, и только в 1967 г. по моей просьбе белорусским связистам удалось разыскать Веру Мисковец. Так звали ту минскую телефонистку.

И это не единичный случай. В управление связи Ленинградского фронта позвонила дежурная телефонистка станции Вьерица, куда уже ворвались вражеские войска. Она успела сообщить некоторые важные сведения и тоже спрашивала, что ей делать. Ей ответили, чтобы она поскорее уходила со станции, по возможности приведя в негодность аппаратуру... Много раз в сутки во время Смоленского оборонительного сражения звонил мне из пылающего города начальник смоленского областного управления связи П.М. Кириленко (я с ним встречался в первый день войны, когда мы через Смоленск возвращались из Орши в Москву). Он сообщал об ожесточенных бомбежках города, о том, как связисты в этих тяжелых условиях с риском для жизни обеспечивают связь, оставаясь до последней возможности на своих постах. Кириленко погиб смертью героя во время одного из налетов гитлеровских стервятников. А в дни битвы под Москвой беспримерный подвиг совершил сержант гвардейского батальона связи 16-й армии комсомолец Николай Новиков. Во время одного из ожесточенных боев прервалась связь, и он получил приказ исправить линию. Когда Новиков обнаружил место разрыва, на него напала группа вражеских солдат. Отстреливаясь из автомата и получив смертельное ранение, отважный связист не смог срastить поврежденный кабель. Тогда он зажал его концы в зубах и таким образом восстановил связь... Только примерно через час наши воины обнаружили окоченевшее тело героя. За этот подвиг он был посмертно награжден орденом Красного Знамени. И таких подвигов наши связисты совершили потом немало.

Среди самых важных событий начала Великой Отечественной войны не могу не назвать выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г. Первоначально планировалось, что Сталин выступит в одной из студий Радиокomiteта, которые находились тогда в здании Центрального телеграфа. Потом у меня спросили, возможно ли организовать трансляцию речи прямо из Кремля. Я ответил утвердительно. После этого мне было поручено обеспечить трансляцию по радио и по московской радиотрансляционной сети. В ночь на 3 июля в одну из служебных комнат в здании Совнаркома СССР в Кремле подвели кабели, микрофоны и т.п. В полную готовность были приведены все радиовещательные станции страны и радиотрансляционная сеть столицы. Все мы очень беспокоились за качество трансляции. Комната, где должен был выступать Сталин, была с высокими деревянными панелями и не отвечала даже минимальным техническим требованиям в отношении акустики. Но делать было нечего.

В 5 часов утра 3 июля мы вместе с известным диктором Юрием Левитаном были уже в Кремле. В 6 часов туда пришел Сталин. Он с нами поздоровался и спросил: «Ну как, готово?» — «Да, все готово», — ответили мы. Сталин сел за небольшой столик, на котором стояли микрофоны. Рядом с ними поставили бутылку «Боржоми» и стаканы. Юрий Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении председателя ГКО. Заметно волнуясь, Сталин начал свою речь. Слушали мы его с Левитаном, как и весь советский народ, с огромным вниманием. Меня особенно поразило то, что в этой речи Сталин достаточно откровенно раскрыл перед народом смертельную опасность, нависшую над страной. Он призвал советских людей отрешиться от беспечности, самоуспокоенности, шапкозакидательства и мобилизовать все силы на отпор врагу.

Г.К.: Как были организованы радиотрансляции торжественного заседания, посвященного XXIV годовщине Великого Октября, и военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г.?

И.П.: В начале ноября 1941 г. нам стало известно, что 6 ноября, как и прежде, состоится торжественное заседание, посвященное XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В кабинете у Сталина несколько раз обсуждался вопрос, где лучше всего его провести. В конце концов выбор остановили на станции метро «Маяковская». Но перед тем, как принять окончательное решение, туда поздно

ночью поехали некоторые члены ГКО, а затем и сам Сталин. Осмотрев платформу станции, где должно было состояться торжественное заседание. Сталин одобрил это предложение. Вместе с тем он обратил внимание на находившихся там маленьких детей, которые, укрываясь от бомбежек, лежали с матерями прямо на холодном полу. Сталин повернулся к сопровождавшему его председателю Моссовета В.П. Пронину и строго сказал: «Куда вы смотрите? Это же безобразие». И буквально через несколько дней на всех станциях метрополитена, которые использовались в качестве бомбоубежищ, появились раскладные кровати и даже матрасики для детей.

На торжественном заседании присутствовали члены Политбюро ЦК партии и ГКО, известные военачальники, актив московской парторганизации, воины-фронтовики, ополченцы и др. Вдоль платформы стояли длинные поезда метро, где разместились гардеробы и буфеты. Доклад Сталина по радио слушала вся страна. Он вселил в сердца советских людей надежду и укрепил их веру в неминуемый разгром гитлеровских захватчиков. Потом состоялся большой праздничный концерт. Моя память сохранила прекрасные выступления народных артистов СССР В.В. Барсовой, И.С. Козловского, М.Д. Михайлова и Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии.

После концерта под строгим секретом нам сообщили, что завтра состоится традиционный военный парад на Красной площади, куда нам выдали пропуска. Мы были предупреждены о необходимости держать в полной готовности все радиостанции страны, поскольку не исключалась возможность трансляции парада по радио. Во все это верилось с большим трудом, ибо враг стоял буквально у стен столицы. Ночью был сильный снегопад, который продолжался и все утро. О решении обеспечить трансляцию парада мне стало известно перед самым его началом утром 7 ноября. Парад был назначен на 8 часов утра. Вся страна слушала передачу с Красной площади об этом историческом параде. Как она всколыхнула наш народ! Такое забыть невозможно.

Г.К.: Как изменились задачи связистов с началом войны?

И.П.: В случае фашистского нападения мы должны были сформировать большое количество частей связи и вместе с телеграфными, телефонными каналами и мощными радиостанциями передать их военному командованию. Затем следовало развернуть огромную сеть учреждений военно-полевой почты: для штабов фронтов – военно-сортировочные пункты, для всех армий – военно-почтовые базы, для соединений и отдельных частей, штабов и т.д. – военно-полевые почты. Прежде всего мы призваны были обеспечивать связью Ставку, Генеральный штаб, штабы отдельных родов войск, а также штабы фронтов и частично штабы армий. Первоначально эта задача решалась преимущественно силами и средствами Наркомата связи, а затем в Красной армии началось бурное формирование большого количества специальных частей связи. В итоге численность связистов в войсках за время Великой Отечественной войны увеличилась в 4 раза.

В самом начале войны Совнарком СССР по моей просьбе принял решение сформировать в Москве 3 ремонтно-восстановительных батальона численностью по 750 человек, которые заложили основу военно-восстановительных частей Наркомата связи СССР. 52% их состава приходилось на долю офицеров. 3 таких же батальона было и в Ленинграде, а потом их общее число достигало 30. Вторая наша задача (я ее отношу к числу сложных и важнейших) – это обеспечение связью восточных районов страны, куда перебазировалось большое количество предприятий, учреждений и миллионные массы населения. Третья же состояла в восстановлении хозяйства связи в прифронтовых и освобожденных районах страны. При этом в связи с эвакуацией ряда заводов промышленность средств связи почти год не поставляла аппаратуры ни армии, ни народному хозяйству. Поэтому приходилось снимать телефонные и телеграфные аппараты в гражданских учреждениях и передавать их Красной армии. Одновременно развернулось патриотическое движение среди работников связи по мобилизации внутренних ресурсов за счет неиспользуемого оборудования (такого, правда, было мало), отремонтированного имущества и, наконец, за счет изготовления новых средств связи.

Что касается восстановления средств связи в пострадавших от фашистского нашествия западных районах страны, то девиз связистов, как и в других отраслях народного хозяйства, был един: «Все для фронта, все для победы!»

Г.К.: Известно, что в годы войны Вам довелось выполнять обязанности не только наркома связи СССР, но и начальника Главного управления связи Красной армии. Когда состоялось это второе назначение и насколько оно было оправданным?

И.П.: Начальником Управления связи Красной армии меня назначили в ночь на 22 июля 1941 г., т.е. ровно через месяц после начала войны. Эта ночь памятна для меня еще и тем, что она была первой ночью, когда немцы бомбили Москву. Вечером 22 июля я неожиданно был вызван к Сталину, который работал тогда в небольшом особняке, недалеко от станции метро «Кировская». В приемной находился начальник Управления связи Красной армии генерал-майор Н.И. Гапич. Выглядел он очень расстроенным. «Что-то случилось, Николай Иванович?» – обратился я к нему. – «Не знаю, – печально ответил генерал. – Сегодня, наверное, мне здорово влетит. По телефону это уже было». – «А зачем вас вызвали?» – Но Гапич только покачал головой и ничего не ответил. Я знал его еще в мирное время. Он окончил Академию Генерального штаба и был хорошо подготовленным начальником связи. В первые дни и недели после начала войны мы с ним часто встречались, обсуждали важные дела, старались помочь друг другу. Николай Иванович не раз откровенно делился со мной тем, как трудно ему работать, какие необоснованные претензии предъявляют к нему некоторые работники Генерального штаба. По моему мнению, генерал Гапич вполне справлялся с порученной работой и отнюдь не по его вине проблемы связи с войсками и внутри войск стояли тогда столь остро.

В кабинет Сталина сначала вызвали меня. Там был и начальник Главного политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. Он сидел за столом и под диктовку Сталина что-то писал. Как я понял, готовился какой-то документ о руководстве Западного фронта. Несколько раз упоминалась фамилия командующего войсками этого фронта генерала Павлова... Затем в кабинет был приглашен Гапич, и Сталин не без раздражения спросил его: «Почему так плохо работает наша военная связь?» Гапич довольно сбивчиво стал объяснять сложившуюся ситуацию, ссылаясь при этом на недостаток сил и средств связи в наших войсках, тяжелую военную обстановку и т.п. Сталина доклад не удовлетворил и, завершая этот неприятный разговор, он объявил Гапичу об освобождении от занимаемой должности.

Генерал вышел из кабинета, а со мной состоялся краткий разговор. Сталин сказал, что начальником Управления связи назначаюсь я с сохранением за мной поста наркома связи СССР. Помимо этого, я стал и заместителем наркома обороны. Меня все это опять ошеломило, и я выразил сомнение в том, справлюсь ли я с таким объемом работы. Сталин ответил: «Поможем», и решение состоялось.

В связи с моим назначением 5 августа 1941 г. было создано Главное управление связи Красной армии. Оно стало мощным органом, имевшим в своем составе 5 управлений и несколько самостоятельных отделов. Назначение меня одновременно и заместителем наркома обороны также открывало очень большие возможности, особенно в плане принятия кадровых решений. Начиная со Сталинградской битвы (там я провел два месяца), мне довелось почти непрерывно находиться на фронте. Лишь иногда приходилось прилетать в Москву на заседания Совнаркома. А работа была организована таким образом: вся правительственная почта, важные директивы и постановления доставлялись мне самолетом ежедневно и после ознакомления и принятия решений в тот же день отправлялись обратно. В Москве же, в Наркомате связи мои опытные заместители и помощники решали все основные проблемы самостоятельно. Исключение составляли лишь оперативные вопросы, требовавшие моего личного участия.

Г.К.: Вы рассказывали о том, что в довоенные годы у нас была преимущественно проводная, «воздушная» связь. А были ли в стране запасы кабеля, чтобы потом развернуть кабельную связь? Как решалась эта проблема в годы войны?

И.П.: В самом начале войны с кабелем, точнее с полевым кабелем, у нас было очень плохо. В предвоенные годы правительство закупало кабель у англичан, но это не могло решить проблему. Во время войны нам существенно помогли поставки по ленд-лизу. Американцы поставляли нам полевого кабеля в среднем 1 млн км в год. Очень нас выручали также поставки автомобильных радиостанций. По ленд-лизу были получены и сотни тысяч телефонных аппаратов. Они были хорошего качества, и их широко использовало наше командование. Что же касается переносных радиостанций СР-284, то они не выдерживали критики: были громоздкими, действовали лишь на близкие расстояния, и мы их использовали только как приемники на аэродромах в войсках ПВО. Каждую такую переносную радиостанцию весом до 70 кг в трех упаковках с трудом переносили три человека. Но главное заключалось в том, что их тактико-технические данные не отвечали основным требованиям, предъявляемым к такой радиоаппаратуре. В свою очередь, американцы просили у нас дать лицензию на нашу радиостанцию РБ (это была очень хорошая коротковолновая радиостанция), однако получили отказ.

Г.К.: Какое внимание уделяли связи Ставка и Генеральный штаб и как они использовали ее в военные годы?

И.П.: Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб с первых дней войны уделяли этим вопросам очень большое внимание. Они вникали во все детали организации связи и строго требовали ее бесперебойного функционирования. При этом Ставка не имела каких-то особых средств связи, как не имела и своего аппарата. Рабочим органом Ставки являлся Генеральный штаб, и для обеспечения связи с фронтами использовался его узел связи, находившийся в Москве. Через него во время войны ежедневно проходило в среднем около 1 000 телефонных переговоров со штабами фронтов, армий, военных округов и т.д. Часто им пользовался Верховный Главнокомандующий. Например, только в августе–сентябре 1941 г., как я помню, состоялось большое количество прямых переговоров Сталина с командующими Юго-Западным и Брянским фронтами генералами Кирпоносом и Еременко, а также Главкомом Юго-Западного направления маршалом Буденным. Для переговоров в высшем звене управления использовался главным образом телеграфный аппарат Бодо, в который Сталин очень верил, почему-то считая, что перехватить работу этого аппарата противник не сможет.

Но не всегда переговоры по телеграфу проходили гладко. Хорошо запомнился случай, происшедший, кажется, 9 октября 1941 г. Поздно ночью в переговорную, которая находилась в здании на улице Кирова, 33, вошел Шапошников. С присущим ему тактом он попросил связать его с командовавшим тогда войсками Ленинградского фронта генералом армии Жуковым. Это было поручение Сталина. Проводная связь с блокированным Ленинградом работала тогда крайне неустойчиво, а телефонной связи с ним вообще не было. На этот раз связисты довольно быстро связались с Ленинградом по аппарату Морзе, но во время войны вести переговоры по нему категорически запрещалось. Поэтому, установив связь по аппарату Морзе, телеграфисты переходили на Бодо, но она немедленно прерывалась. Так повторялось несколько раз... Маршал Шапошников терпеливо ожидал начала переговоров и уснул прямо за столом телеграфного аппарата. Прошло несколько часов, Шапошников продолжал спать, а связи с Жуковым все еще не было.

Внезапно в комнату быстро вошел бледный и взволнованный начальник узла связи Генштаба генерал Беликов и сообщил, что меня вызывает Верховный по кремлевскому телефону. Сталин сразу спросил: «Переговоры Шапошникова с Ленинградом закончились?» Я доложил, что связь с осажденным городом по Бодо пока установить никак не удастся, потому что кабель, проложенный по дну Ладожского озера, не пропускает ток такой силы, который требуется для этого аппарата. В ответ Сталин отругал меня и пригрозил привлечь к строгой ответственности, если переговоры с Жуковым не состоятся. Расстроенный я вернулся в переговорную. Лишь под утро связь с Ленинградом удалось все-таки установить. Переговоры были предельно краткими: «Здравств-

вуйте, Георгий Константинович. У аппарата Шапошников». – «Здравствуйте, Борис Михайлович, слушаю вас». – «Ставка предлагает вам завтра прибыть в Москву». – «Вас понял. Завтра буду в Москве».

Чтобы не повторилось то, что происходило той ночью, было решено проложить по дну Ладоги новый специальный подводный кабель. Но его нужно было еще найти. После напряженных поисков кабель удалось обнаружить в Ленинградском торговом порту, а через 7 с половиной месяцев, т.е. в ночь на 11 июня 1942 г., второй подводный кабель через Ладожское озеро был проложен. Тем самым мы надежно обеспечили устойчивую связь Москвы с осажденным Ленинградом и его защитниками.

Что еще можно добавить? В августе 1941 г. для создания подвижного резерва средств связи Ставкой был сформирован поезд связи, смонтированный силами работников Наркомата связи и укомплектованный его аппаратурой. Позже был создан и узел связи, аппаратура которого размещалась в автомашинах. В его составе находились телеграфная и телефонная аппаратура, около 10 автомобильных радиостанций, а также машины, предназначенные для электропитания. Автомобильный узел был укомплектован высококвалифицированными специалистами и в течение всей войны успешно выполнял многие важные задания Ставки. Кроме того, в последний год войны в Минске в бункерах, оставшихся после отступления немецко-фашистских войск, был оборудован крупный узел связи для оперативной группы Генерального штаба. С помощью всех перечисленных мною средств и обеспечивалась связь Ставки и Генерального штаба со штабами фронтов, а иногда и армий в течение всей Великой Отечественной войны.

Г.К.: Каким образом в ходе войны устанавливали связь с Москвой и фронтами представители Ставки?

И.П.: У начальника Генштаба маршала Василевского, сменившего на этом посту Шапошникова, был специальный дивизион связи, который поддерживал связь с Москвой. У маршала Жукова был небольшой поезд связи с радиостанцией, телеграфной аппаратурой, подводили и провода к его поезду. Генерал-полковник артиллерии (позднее маршал и Главный маршал артиллерии) Воронов в качестве представителя Ставки под Сталинградом тоже располагал постоянной связью с фронтами.

Г.К.: Какова была роль Наркомата связи и Главного управления связи Красной армии в оказании помощи Центральному штабу партизанского движения при Ставке?

И.П.: Эта роль, без преувеличения, была весьма значительной. Прежде всего Наркомат связи СССР передал в распоряжение партизанского Центрального штаба действующий приемный радиоцентр и здание передающего радиоцентра, которые находились в районе Москвы. В их оборудовании деятельное участие приняли руководитель московской дирекции радиосвязи Митителло, начальники радиоцентра Наркомата связи Бешар и Денисов, инженеры Федорович и Буряченко. Главное управление связи Красной армии выделило для радиоузла Центрального штаба необходимую аппаратуру, офицерский состав и специалистов. Начальником отдела связи Центрального штаба партизанского движения был назначен полковник (впоследствии генерал-майор войск связи) Артемьев.

Радиоузел Центрального штаба поддерживал связь со штабами партизанского движения Белоруссии, некоторых областей РСФСР и непосредственно со многими партизанскими соединениями и отрядами. Те, в свою очередь, использовали небольшие коротковолновые радиоволновые станции типа «Север», обеспечивавшие связь на расстоянии до 500 км, а при тщательно выбранных радиочастотах и при хорошем прохождении этих радиоволн нередко удавалось увеличивать дальность их действия до 600–700 км. Для связи с партизанскими отрядами в тылу врага при штабах ряда фронтов были созданы специальные радиоузлы с мощными передатчиками и высокочувствительными радиоприемниками. Каждый узел поддерживал радиосвязь с партизанскими отрядами по специальному графику по 2–3 раза в сутки.

Сеть радиосвязи Центрального штаба партизанского движения из месяца в месяц расширялась. Если к началу декабря 1942 г. у Центрального штаба было 145 действующих радиостанций, то к началу января 1944 г. – уже 424, поддерживавших связь более

чем с 14 100 партизанскими отрядами. Широко развитая и устойчиво работавшая радиосвязь позволяла координировать боевые действия партизан и добиваться серьезных успехов в тылу врага.

Г.К.: Где готовили высококвалифицированные кадры связистов?

И.П.: Во-первых, в системе Наркомата связи СССР было 5 институтов и большое количество техникумов. Если говорить о кадрах военных связистов, то существовали Академия связи, курсы по совершенствованию командного состава связистов и 10 военных училищ связи. Все они с начала войны перешли на сокращенный курс обучения (в Академии связи время подготовки инженеров сократилось с 5 до 2 лет, а в училищах обучение велось всего лишь 3 месяца). Кроме того, была создана широкая сеть курсов младших лейтенантов связи. На передовой они находились недолго. Через месяц-другой каждый из них или погибал, или получал ранение. Были также сформированы 10 курсов по подготовке радистов, где их обучали в течение 3 месяцев. В Горьком имела школа радистов, которых готовили для работы на мощных телеграфных станциях.

Г.К.: Последний вопрос. Доводилось ли Вам бывать на заседаниях Государственного Комитета Обороны и проводились ли во время войны специальные заседания Совнаркома СССР под председательством Сталина?

И.П.: Да, в военные годы мне приходилось бывать на заседаниях ГКО и правительства СССР. Правда, зачастую трудно было разобраться, какого органа идет заседание. Накануне войны Сталин председательствовал на заседаниях Совнаркома, причем заседания правительства, несмотря на сложную, тревожную обстановку, были регулярными. Позднее заседания Совнаркома СССР вел главным образом Вознесенский – первый заместитель председателя Совнаркома. Были на этих заседаниях и настоящие «схватки боевые». Шумно вели себя Берия и особенно Каганович, который четками стучал по столу, называя Вознесенского «мальчишкой». Тот парировал: «Я о вас доложу товарищу Сталину» и т.д.

© 2003 г. В. А. КУЧКИН*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В IX–XIII веках

Переписанные в середине 40-х гг. XV в. списки Новгородской первой летописи младшего извода сохранили древнейшее известие-легенду о начале государственности у восточных славян: «И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдѣ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевати, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: “Князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву”. Идоша за море к Варягомъ и ркоша: “Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣти нами”. Избращася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ...»¹ Таков знаменитый текст, который с XVIII в. служит предметом яростного спора между представителями различных точек зрения на происхождение русской государственности. Согласно разысканиям А.А. Шахматова, текст этот читался (с некоторыми отличиями от процитированного) в новгородском своде 1050 г.² В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, восходящих к Повести временных лет второго десятилетия XII в., рассказ о призвании варягов отличается от приведенного выше: в нем нет указаний на строительство городов, на борьбу городов, основанных словенами, кривичами, чудью и мерей, отсутствует название последнего племени и указана дата события – 862 год. Если отвлечься от разноречивых деталей летописных повествований и не устанавливать, в какое время и в связи с чем они появляются, а попытаться оценить то общее в рассказах о призвании варягов, что сохранилось в самых древних наших летописях, то надо будет признать существование в северо-западной части Восточной Европы политического объединения, знавшего князей, функции которых заключались в обладании территорией и управлении населением «по праву», уже не считавшегося с родоплеменными нормами, не гомогенного в своей основе (объединение восточнославянских и угро-финских этносов, говоривших на языках, отнюдь не родственных), готового к правлению князей-иноземцев. Такие проявления внешнего характера говорят о гораздо более сложной внутренней структуре общества, чем племя родичей или союз родственных племен. Речь должна идти о раннем государственном образовании в Восточной Европе, в котором заметную, а может быть, и главную роль играли восточные славяне.

Территория этого образования вырисовывается с трудом. Если исходить из древнейших летописных локализаций мест расселения словен, кривичей, меря и чуди, то картина получится следующей. Словене занимали территорию около озера Ильмень, в их земле был поставлен Новгород³. Кривичи жили в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, их городом был Смоленск⁴. С другой стороны, летопись относит к территории кривичей Полоцк, а также позднейшие города Изяславль, Борисов, Друцк и Логожск⁵, что указывает на совсем другой район обитания кривичей – среднее течение Западной Двины и к югу от этого течения. Чудь локализуется по упоминанию строительства в ее земле Ярославом Мудрым города Юрьева (современный Тарту)⁶. Следовательно, речь может идти о земле эстов. Наконец, меря, по летописным свидетельствам, обитала у озер Ростовского и Клещина⁷ (современные озера Неро и Плещеево). Руководствуясь такими летописными указаниями на земли словен, кривичей, чуди и меря, необходимо будет признать существование громадного объединения, простиравшегося от озера Ильмень до земель вокруг Чудского озера на западе, озера Неро на востоке, верховьев рек Друти, Березины и Свислочи на юге. Площадь территории такого объединения будет равна примерно

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

400 тыс. км – больше площади любой современной центрально-европейской или западно-европейской страны, исключая Францию, Испанию и Швецию. Однако полностью доверять географическим указаниям средневековых летописцев нельзя. Другие их свидетельства (например, сообщение Лаврентьевской летописи под 882 г. о захвате князем Олегом находившегося в земле кривичей Смоленска, известие 947 г. той же летописи об уставлении княгиней Ольгой погостов по р. Мсте⁸ – много западнее Ростовского и Плещеева озер) и данные археологии ограничивают эту территорию, относя к ней Приильмень, южные побережья Ладожского и Онежского озер, бассейны рек, впадающих в озеро Ильмень; земли, прилегавшие к Чудскому и Псковскому озерам⁹. Особенности летописного рассказа о призвании варягов заставляют задуматься над тем, какой характер носило первоначальное распространение государственной власти на населенные земли. Дело в том, что летописи говорят о пребывании варяжских князей в Ладоге (Ипатьевская летопись¹⁰), Изборске и Белоозере. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что все эти пограничные города. Таким образом, выясняется, что государственная власть контролировала прежде всего порубежные территории. Основные, внутренние земли осваивались ею позднее.

Помимо государственного образования в Приильмень возникали государственные образования и в Среднем Поднепровье. Особое положение Древлянской земли, управлявшейся в первой половине X в. местным князем Малом; упоминания в рассказах о мщении за смерть князя Игоря его жены Ольги предшественников Мала («наши князи добри суть, иже распустили суть Деревьску землю»¹¹); готовность этого князя жениться на киевской княгине – представительнице другой этнической общности; наличие «лучших мужей», «иже дерьжаху Деревьску землю»¹², и многих «градов», в которых оборонялись древляне; по-видимому, мощные укрепления главного древлянского города Искоростень, которого Ольге, несмотря на многомесячную осаду, вооруженным путем взять так и не удалось¹³, свидетельствуют отнюдь не о первобытнообщинном уровне развития древлянского общества. Территория, которую занимало княжество древлян, была скромной: пространство между реками Днепром, Тетеревом, Горынью и Припятью¹⁴.

Несколько южнее Древлянского княжества простиралась «Русская земля». Она занимала территорию, к которой позднее летописи относили такие города, как Киев, Чернигов, Переяславль, Городец Остерский, Вышгород, Белгород, Торческ, Богуславль, Канев, Божский на Южном Буге, Межибожье, Котельница, Бужск на Западном Буге, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойница, Мичск, Здвизьен, часть бассейна р. Тетерева¹⁵. Судя по тому, что на указанной территории по археологическим данным расселялись поляне, волыняне, частично древляне и северяне¹⁶, надо полагать, что объединение «Русская земля» также было объединением не племенным, а государственным. Его появление можно относить к IX в.

В последней четверти IX в. скандинавский по происхождению князь Олег, стоявший во главе государственного образования северных восточнославянских и угро-финских этносов, предпринял поход на юг, дошел до Киева и сверг власть правивших там варягов Аскольда и Дира¹⁷. Киев стал столицей нового государства Олега. В последующее время Олег подчинил себе древлян, северян и радимичей¹⁸. В итоге сложилось значительное по своим размерам Древнерусское государство, которое позднее включило в свой состав многие восточнославянские этносы, некоторые финно-угорские народы (помимо чуди и мери), отдельные балтские и тюркские племена. Несмотря на определенную централизацию (во главе страны стоял князь, правивший в Киеве) Древнерусское государство по своей внутренней структуре было достаточно рыхлым. Второй по значению город после Киева – Новгород – обычно управлялся сыном – наследником киевского князя, который мог самостоятельно вести войны с соседними государствами и народами и самостоятельно заключать с ними договоры. Древляне в составе Древнерусского государства до середины X в. сохраняли собственного князя и мужей, управлявших их землей. Другие восточнославянские этносы нередко поднимали восстания против киевских князей и отлагались от Киева. Потомкам Рюрика приходилось вновь и вновь подчинять их себе. Так, согласно летописному рассказу, в 907 г. в походе Олега на Царьград приняли участие вятичи, но спустя примерно 60 лет Святославу Игоревичу пришлось подчинять их военной силой¹⁹. В 981 и 982 гг. сын Святослава Владимир дважды воевал с вятичами²⁰. Но даже в конце XI – начале XII в. вятичи еще не были покорены окончательно²¹. После гибели в 972 г. Святослава Игоревича киевским князем стал его старший сын Ярополк, но и младшие братья Ярополка получили владения от отца: Олег Древлянскую (Деревскую) землю, где его главным городом стал не старый Искоростень, а Вручий (Овруч), Владимир – Новгород²². Развернувшаяся в 977 г. борьба между Святославичами через три года закончилась победой Владимира²³, ставшего единственным правителем в государстве. Не возникли эта междоусобица и не победы в ней Владимир, неизвестно, сколь долго существовало бы Древнерусское государство как таковое. В конце X в. в составе этого государства обра-

зовалось особое Полоцкое княжество, имевшее свои границы и расширявшее их за счет других земель государства. В частности, в 20-х гг. XI в. Ярослав Мудрый вынужден был уступить полоцкому князю Брячиславу города Усвят и Витебск²⁴. В 1025 г. пришедший из Тмутарокани брат Ярослава Мудрого Мстислав захватил у него Чернигов²⁵. Попытка Ярослава восстановить прежнее положение вещей кончилась сражением под Лиственем, в котором киевский князь вместе с помогавшими ему варягами потерпел сокрушительное поражение²⁶. Итогом стало обладание Мстиславом Владимировичем Черниговом и левобережьем Днепра²⁷. Лишь после смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав сумел восстановить свою власть на этих землях²⁸. Таким образом, в истории Древнерусского государства были периоды, правда, по времени достаточно краткие, когда оно утрачивало свое единство, свою монолитность, и его правитель временно вынужден был уступать часть территории государства соперничавшим с ним его родственникам.

Тем не менее именно во время существования Древнерусского государства на его территории появляются такие города, как Псков (конец IX – начало X в.)²⁹, Новгород (начало X в.)³⁰, Суздаль (перв. пол. X в.)³¹, Чернигов (перв. пол. X в.)³², Переяславль (80-е гг. X в.)³³, Полоцк (конец X в.)³⁴, Перемышль (X в.)³⁵, Владимир Волынский (конец X – начало XI в.)³⁶, Ростов (конец X – начало XI в.)³⁷. Со временем они станут центрами отдельных крупных княжеств, появившихся на месте Древнерусского государства, но возникновение перечисленных городов надо относить к эпохе расцвета этого государства и оценивать как настойчивое стремление киевских князей к расширению и укреплению своей власти на обширной территории от Карпат до Волго-Окского междуречья включительно.

Со смертью в 1054 г. Ярослава Мудрого Древнерусское государство распалось. Перед смертью этот князь разделил его на несколько владений между своими сыновьями. Киев и Новгород получил старший Изяслав, т.е. именно то, что с 1019 г. стало таким владением его отца, которое никто у него не оспаривал; второй Святослав – Черниговское княжество, включившее Тмутарокань, Муром и Рязань; третий Всеволод – Переяславль (Южный), Курск и Ростовскую землю в Волго-Окском междуречье; четвертый Игорь – Владимир Волынский, а пятый Вячеслав – Смоленск³⁸. Полоцкие князья продолжали владеть своим княжеством. В будущем все эти княжества уже никогда не воссоединялись вместе³⁹, поэтому 1054 г. и должен считаться последним годом существования Древнерусского государства. Так полагал еще Н.М. Карамзин, который верно подметил серьезные изменения в развитии Древней Руси, связанные с кончиной Ярослава Мудрого, правда, выразив это в духе своего времени метафорично и высокопарно: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратили силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области»⁴⁰. Важной гранью в истории России считал 1054 г. и С.М. Соловьев: «По смерти Ярослава I-го княжение целым родом надолго утвердилось в Руси», признавая, что Рюриковичи имели разные и независимые друг от друга владения на Руси⁴¹. Прямо говорил о распаде Древнерусского государства после 1054 г. на ряд княжеств Н.Г. Устрялов⁴². «По смерти Ярослава, – подчеркивал В.О. Ключевский, – власть над Русской землей уже не сосредоточивается в одних руках. Единовластие, имевшее иногда место до Ярослава, не повторяется...»⁴³. Иначе решал этот вопрос М.С. Грушевский. Он считал, что старые традиции в жизни Киевской Руси, т.е. Древнерусского государства, прекращаются со смертью в 1132 г. старшего сына Владимира Мономаха Мстислава-Великого⁴⁴. Такая точка зрения нашла своих сторонников. Так, А.Е. Пресняков в своем исследовании древнерусских княжеских отношений X–XII столетий признавал, что Владимир Мономах и Мстислав-Великий «повторяют в более сильной степени, потому что княжеский род количественно разросся, то, что в свое время удалось старому Ярославу: свести владение ядром древней Руси к владению одной семьи с исключением других, боковых ветвей»⁴⁵. «Крушение системы отношений, созданной трудами Мономаха и Мстислава», происходит в первый же год после смерти Мстислава⁴⁶. Позднее, в «Лекциях по русской истории» А.Е. Пресняков прямо ссылался на М.С. Грушевского, как и его предшественник, заканчивая 1132 годом (год смерти Мстислава-Великого) «целый период в истории Киевщины»⁴⁷. Близкие к построениям М.С. Грушевского и А.Е. Преснякова взгляды высказывал Б.Д. Греков. Говоря о политическом дроблении Древнерусского государства, он утверждал, что «даже в начале XII века, несмотря на то, что на Любечском съезде (1097 г.) был узаконен новый политический строй, еще живы были притязания Киева на главенство над всеми княжествами: Владимиру Мономаху и отчасти его сыну Мстиславу (1125–1132) удалось на некоторое время поддержать авторитет Киева»⁴⁸. Американский исследователь Г.В. Вернадский пошел еще дальше, продлевая существование Киевского государства до 1139 г. – года смерти преемника Мстислава-Великого на киевском столе его брата Ярополка: «за время его (Ярополка – В.К.) правления и главенство Киева, и единство Руси были серьезно поколеблены, почти до полного разрушения»⁴⁹. Как и Б.Д. Греков, ограничивает

время существования единой Киевской Руси 1132 годом Б.А. Рыбаков⁵⁰. Однако исследования последнего времени вскрывают гораздо более напряженную военную и дипломатическую борьбу наследников Ярослава Мудрого за обладание и контроль за различными территориальными регионами Древнерусского государства, за закрепление этих регионов за собой и своим потомством, причем это достигалось не путем соблюдения древних обычаев, присущих княжескому роду, а путем достижения различных кратковременных и долговременных политических соглашений, более широкого внедрения в правящую княжескую среду договорного права. Поэтому смерть Ярослава Мудрого должна быть признана безусловной вехой в существовании Древнерусского государства. На смену последнему пришел так называемый «удельный период» (термин XIX в.), или «период феодальной раздробленности» (термин XX в.), выразившийся сначала в княжеско-владельческой, а затем и в военно-политической разделенности древнерусской территории, существовании целого ряда независимых княжеств.

Впрочем, на протяжении примерно полутора десятков лет после смерти Ярослава Мудрого его сыновья действовали сообща. Когда в 1057 г. умер смоленский князь Вячеслав Ярославич, три старших Ярославича посадили в Смоленске брата Игоря⁵¹, но бывшее владение последнего – Владимир Волынский – при этом перешло к одному князю – старшему Изяславу⁵². Решающее перераспределение владений между Ярославичами произошло после киевского восстания 1068 г., когда в руках Святослава оказался Новгород, а в руках Всеволода – Владимир Волынский, до того принадлежавшие киевскому князю⁵³.

После изгнания в 1073 г. из Руси Святославом и Всеволодом своего старшего брата Изяслава Киев достался Святославу, который сохранил за собой и свой отчинный Чернигов⁵⁴. Всеволод на первых порах из Киевской земли получил Волынь, а затем вместо Волыни Туров; ему, вероятно, был передан Смоленск⁵⁵, он также получил право наследовать киевский стол после смерти Святослава. Волынь после возвращения в 1076 г. из похода на чехов сына Святослава Олега перешла к нему⁵⁶.

Крупные территориальные изменения во владениях потомков Ярослава Мудрого произошли в 1077 г., после второго возвращения из Польши на Русь князя Изяслава. В руках последнего оказывается не только Киев, но и Новгород с Владимиром Волынским⁵⁷. Владения Всеволода (Переяславль, Курск, Смоленск, Ростов) увеличиваются за счет Чернигова. Олег (старший из оставшихся в живых сыновей Святослава Ярославича) в результате враждебных действий против него его дядей Изяслава и Всеволода Ярославичей теряет отчие земли и скрывается в Тмутаракани, где правит вместе с братом Романом⁵⁸. После битвы на Нежатице ниве (3 октября 1078 г.), где был убит Изяслав Ярославич, Киев перешел к Всеволоду Ярославичу, но Новгород сохранил за собой старший сын Изяслава Святополк, а другой сын Изяслава Ярополк получил от Всеволода Владимир Волынский и дополнительно из Киевской земли Туров⁵⁹. Чернигов Всеволод оставил за собой. Главного претендента на Чернигов, князя Олега Святославича, он с помощью половцев в 1079 г. изгнал из Руси, захватив и принадлежавшую ему Тмутаракань⁶⁰. Однако брату Олега Черниговскому Давыду он передал Смоленск⁶¹, скорее всего в качестве компенсации за те черниговские земли, на которые как отчич мог претендовать Давыд, но которые Всеволод Ярославич стремился сохранить в своих руках. Усилившись после изгнания одного черниговского отчича и компенсации другого, киевский князь в 1079 или в 1080 г. сумел заставить владими́ро-волинского князя Ярополка Изяславича принять к себе двоюродного брата Ярополка Давыда Игоревича и трех двоюродных племянников, сыновей Ростислава Владимировича Володаря, Рюрика и Василья⁶². В 1083 г. в далекой Тмутаракани появился Олег Святославич, который изгнал вокняжившихся было там Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича. Всеволод дал Давыду Дорогобуж, а Володаря отправил к братьям на Волынь⁶³. После гибели 22 ноября 1086 г. владими́ро-волинского князя Ярополка Изяславича, шедшего на расположенный между Перемышлем и Теревовлем Звенигород, Ростиславичи укрепились в Перемышле и Теревовле, а Владимир Волынский получил от Всеволода Давыд Игоревич⁶⁴. Вскоре Всеволод прибрал к своим рукам Новгород. Там с 1088 г. вокняжился его внук Мстислав-Великий (Μέγας, как значится на его печати⁶⁵), а владевший Новгородом Святополк Изяславич получил от Всеволода Туров в качестве гарантии своего правления в Киеве после смерти Всеволода⁶⁶.

С вокняжением 24 апреля 1093 г. Святополка Изяславича в Киеве произошло новое перераспределение княжеских столов и земель между потомками Ярослава Мудрого. Постановление состоявшегося в конце октября – начале ноября 1097 г. княжеского съезда в Любече «каждо да держит отчину свою»⁶⁷ было ориентировано не только на настоящее и будущие междукняжеские отношения, но и на отношения прошлые, когда киевским князем был Изяслав Ярославич, обладавший такими владениями, которых был лишен его сын Святополк. Усилия последнего были направлены на восстановление своей отчины и ослабление возможных соперников. Вла-

димир Мономах, самый могущественный из русских князей того времени, в 1094 г. сначала потерял Новгород, куда перешел сидевший в Смоленске Давыд Святославич⁶⁸, а затем и Чернигов, где 24 июля 1094 г. вокняжился черниговский отчич князь Олег Святославич⁶⁹. События 1096–1100 гг. несколько изменили состав княжеских владений, вместе с тем придав им и определенное постоянство. Киев остался за Святополком, за ним же сохранился и Владимир Волынский⁷⁰; Владимир Мономах удерживал за собой Переяславль, Курск, Ростов, при помощи новгородцев сумел сохранить за собой Новгород⁷¹, а также получил Смоленск⁷². Правивший там Давыд Святославич стал черниговским князем⁷³. Другой черниговский князь Ярослав Святославич владел Муромом и Рязанью⁷⁴. Старший из Святославичей Олег обладал в Черниговском княжестве, судя по позднейшим владениям его сыновей, Новгородом Северским. Кроме того, в его руках был киевский Вышгород, что дает основание думать о его притязаниях (признаваемых и другими князьями) на киевский стол⁷⁵. Однако Тмуторокань была для Олега потеряна⁷⁶. Перемышльским и Теребовльским княжествами продолжали владеть Володарь и Василько Ростиславичи, Полоцким – до своей смерти в 1101 Всеслав Брячиславич, а после него – его сыновья.

Таким образом, к концу XI в. сформировывается особый, договорный порядок в занятии главного киевского стола, на который претендовали дети Изяслава, Всеволода и Святослава Ярославичей, причем не в порядке родового старшинства или, по меньшей мере, не в порядке старшинства своих отцов – сыновей Ярослава Мудрого. Политические притязания внуков этого князя на первых порах приводили к перераспределению между ними владений, причем владений крупных, соразмерных целым княжествам, а не мелким городам и лоскутным территориям, как было в последующее время. Однако стабильность таких образований была весьма относительной. Для упрочения ситуации и потребовались решения Любечского съезда 1097 г.

Казалось, что неустойчивость в обладании Киевским княжеством, отторжение от этого княжества его юго-западных земель, которыми стали распоряжаться потомки внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича, потеря Тмуторокани, которая вообще ушла из рук древнерусских князей, разграничение сфер влияния на Северо-Востоке между Киевом и Переяславлем, о чем говорит сбор дани на Белоозере киевским боярином Яном Вышатичем⁷⁷, окончательно раздробят древнерусскую государственную территорию и совершенно снимут вопрос о какой бы то ни было ее консолидации.

Однако при ставшем в 1113 г. киевским князе Владимире Мономахе попытки создания крупной древнерусской державы с обширной территорией возобновились. По плану Мономаха она должна была управляться им самим, его старшим сыном Мстиславом-Великим и потомством последнего⁷⁸. Князя в Киеве, Мономах удерживал за собой Новгород, Переяславль (Южный), Смоленск, Ростов и Владимир Волынский, где сидели его сыновья⁷⁹. Это была громадная территория, но она уступала по своим размерам территории Древнерусского государства. В первой четверти XII в. сохраняли свою самостоятельность от Киева Полоцкое княжество, Черниговское княжество, а на западе древнерусские земли – сформированные в 80-х гг. XI в. княжества Перемышльское и Теребовльское⁸⁰. Смерть Мономаха в 1125 г. и смерть его старшего сына Мстислава-Великого в 1132 г. привели к длительной борьбе между Мономаховичами и черниговскими князьями за обладание Киевским княжеством, а также среди самих сыновей и внуков Владимира Мономаха за передел владений. В итоге эта борьба привела к утрате Мономаховичами Киева и к полной независимости таких княжеств, как Переяславское, Смоленское, Суздальское (древняя Ростовская земля), Владимиро-Волынское, к образованию в 1136 г. самостоятельной Новгородской республики⁸¹, возобновлению в 1139 г. независимости Полоцкого княжества⁸², в 1128–1130 гг. присоединенного к владениям Мстислава-Великого⁸³, формированию в 1141 г. из Перемышльского и Теребовльского княжеств единого Галицкого княжества⁸⁴. В то же время из состава Черниговского княжества в 1127 г. выделились Муром и Рязань⁸⁵. Таким образом, через 100 лет после распада Древнерусского государства, к середине XII в. на древнерусской территории существовало уже 10 самостоятельных политических образований⁸⁶. Процесс государственного дробления продолжал развиваться по восходящей линии.

Тому были свои объективные причины. Добивавшиеся независимости центры переставали выплачивать дани киевским князьям и посылать в их распоряжение свои вооруженные силы при организации этими князьями крупных военных походов. Материальные и людские ресурсы оставались в полном распоряжении приобретающих независимость князей, и они направляли их на расширение и освоение собственных территорий, строительство городов, укрепление границ. И письменные источники, и археологические данные свидетельствуют о начавшемся с середины XII в. резком росте городского строительства. К 1985 г. археологами было зафиксировано 437 городищ – остатков поселений середины XII – середины XIII в., в то время как городищ

с IX в. по середину XII в. было обнаружено 425⁸⁷. Новые города появляются не по соседству со старыми центрами, а там, где ранее городов не было совсем. Это свидетельства общего расширения границ древнерусских княжеств и освоения этими княжествами новых территорий.

Так, Киевское княжество расширило свою территорию на юг, достигнув р. Роси. Одновременно интенсивно осваивались земли на западе между рр. Тетеревом и Гориной⁸⁸. Территория Переяславского княжества выросла в восточном и южном направлениях, охватив бассейн р. Сулы и дойдя до р. Ворсклы⁸⁹. Черниговские князья расширяли свою территорию главным образом в северо-восточном направлении, включив в нее земли по р. Лопасне, левому притоку Оки. На юге их владения перешли приток Десны Сейм и достигли течения р. Остра, другого левого притока Десны⁹⁰. Территория Галичского княжества росла за счет земель, находившихся по правому берегу верхнего течения Днестра⁹¹. Полоцкие князья увеличивали свои владения на северо-запад, захватывая земли латгалов по нижнему течению Западной Двины⁹². Смоленские князья двигались на северо-восток, стремясь контролировать верхнее течение Волги⁹³. Здесь они соперничали со встречным движением суздальских, позднее владимирских, князей, стремившихся закрепить за собой путь по Волге от Ярославля до Зубцова. Другими направлениями расширения территории Северо-Восточной Руси были восточное, где в начале 70-х гг. XII в. на левом берегу Волги был основан Городец Радилы (современный Городец Нижегородской обл.), а в 1221 г. при впадении Оки в Волгу – Новгород, позднее получивший название Нижнего, а кроме того – северное⁹⁴. Здесь, в Подвинье (бассейне Северной Двины) суздальцы сталкивались с новгородцами, осваивавшими эту территорию с запада, со стороны Ладожского и Онежского озер, а также с севера. Новгородцам принадлежит основная роль в покорении и хозяйственном освоении обширной территории к востоку от Ладоги и Онеги вплоть до водораздела между рр. Северная Двина и Мезень⁹⁵.

Резкое увеличение числа городов в середине XII в. происходило прежде всего за счет «малых городов», площадь которых, выявленная археологически, колебалась от 0.2 до примерно 2 га. Рост числа именно таких укрепленных рвами и валами и обнесенных деревянными стенами городов объясняется тем, что княжества, достигнув политической независимости, начинали укреплять свои границы, в период политического единства не существовавшие. Так появились столь известные ныне города, как Москва, Тверь, Кострома, Нижний Новгород, Коломна, Полтава (Лтава), первоначально не игравшие сколько-нибудь заметной экономической или политической роли, но выполнявшие функции порубежных крепостей. Тем не менее, опираясь на такие крепости, население различных княжеств получало возможность в более безопасной обстановке вести внутреннюю колонизацию и хозяйственное освоение территорий.

Положительные результаты политического дробления длительное время перевешивали негативные последствия такой расчлененности. Поэтому дробление продолжало нарастать. К 1237 г., году Батыева нашествия, на территории древней Руси существовали Новгородская республика и множество княжеств. На востоке это было княжество Рязанское, включавшее в свой состав в качестве удела княжество Пронское⁹⁶; Муромское, с которым граничило великое княжество Владимирское. Из состава последнего в 1212–1218 гг. выделились княжества Переяславское (Переяславля Залесского), Юрьевское, Ростовское, Ярославское и Угличское⁹⁷. К западу от них располагалось Смоленское княжество, а далее княжества Витебское, Полоцкое и Пинское⁹⁸. На юг от Смоленского княжества лежало княжество Черниговское, в составе которого было несколько удельных княжеств: Козельское, Курское, Рыльское, Трубчевское⁹⁹, возможно, Новгород-Северское и Путивльское. На юге Черниговское княжество граничило с княжеством Переяславским (Переяславля Южного)¹⁰⁰. Крупнейшим древнерусским княжеством оставалось Киевское, где также были уделы: княжество Межибожское, возможно, Вышгородское и Каневское¹⁰¹. Западное Владимиро-Волынское княжество включало в себя такие уделы, как княжества Бельзское и Луцкое¹⁰². Примыкавшее с юга к Владимиро-Волынскому княжеству княжество Галицкое имело в своем составе единственный удельный центр – Перемышль¹⁰³. Таким образом, к моменту татаро-монгольского вторжения древняя Русь делилась на 18 крупных государственных образований, имевших в своем составе около десятка удельных княжеств¹⁰⁴. Это, однако, не приводило к полной изоляции древнерусских княжеств друг от друга. В частности, в первой трети XIII в. тесные связи сохранялись между княжествами Волго-Окского междуречья и Среднего Поднепровья. Весной 1230 г. Всеволод, старший сын владимирского (Владимира на Клязьме) князя Юрия Всеволодовича, считавшегося главой всех князей Северо-Восточной Руси, женился на дочери киевского князя Владимира Рюриковича Марии¹⁰⁵. Матерью Всеволода и женой самого князя Юрия была Агафья, дочь знаменитого черниговского князя Всеволода Чермного, некоторое время владевшего и Киевом, причем брак состоялся именно в тот год, когда Всеволод Чермный правил в Киеве¹⁰⁶. Брат Юрия Владимир был женат на доче-

ри другого черниговского князя Глеба Святославича¹⁰⁷. Женой старшего внука Всеволода Большое Гнездо ростовского князя Василька Константиновича в 1227 г. стала Мария, дочь тоже знаменитого черниговского князя Михаила Всеволодовича¹⁰⁸. Такие тесные родственные связи владими́ро-суздальского и черниговского княжеских домов вполне объяснимы, ведь черниговские владения заходили на левый берег Оки (Лобынск, Лопасна, Сверилеск), гранича здесь с землями владимирских князей.

Со своей стороны, потомки Всеволода Большое Гнездо имели владения на Юге. Сыновья Всеволода Ярослав, Владимир и Святослав, их племянник Всеволод Константинович с 1200 до 1234 г. почти непрерывно княжили в Переяславле Южном¹⁰⁹. Тем не менее существовавшее в 30-е гг. XIII в. общее политико-территориальное дробление Руси, влекшее за собой отсутствие единых вооруженных сил и единых политических планов, самым существенным образом повлияло на исход борьбы древнерусского народа с нашествием полчищ Батые в 1237 г.

Примечания

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее НПЛ). С. 106.

² Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. XX. СПб., 1908. С. 611–612.

³ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ) Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 6.

⁴ Там же. Стб. 10.

⁵ Там же. Стб. 20, 297–298.

⁶ Там же. Стб. 149.

⁷ Там же. Стб. 10–11.

⁸ Там же. Стб. 60.

⁹ Куз А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 154.

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908, Стб. 14. Впрочем, это местное ладожское предание, впервые зафиксированное третьей редакцией Повести временных лет. В более ранней второй редакции этого памятника вместо Ладоги фигурировал Новгород. См.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 20. Упоминание Новгорода (вместо Ладоги) отсутствует в Лаврентьевской и близких к ней летописях, но содержится в Новгородской первой летописи младшего извода.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 56.

¹² Там же. Стб. 57.

¹³ Там же. Стб. 58.

¹⁴ Территория очерчивается по местонахождению археологических памятников, относимых к древлянам. См.: Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 103.

¹⁵ Кушкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 95.

¹⁶ Седов В.В. Указ. соч. С. 95, 103, 109, 134.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 23. Летопись датирует захват Олегом Киева 882 годом, но эта дата не может считаться точной. Впервые она появляется в т.н. Начальном своде середины 90-х гг. XI в. См.: Шахматов А.А. Разыскания... С. 541, 612.

¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 24.

¹⁹ Там же. Стб. 29, 65.

²⁰ Там же. Стб. 81, 82.

²¹ Там же. Стб. 248; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 27, рассказ о Кукше. Гибель Кукши в вятичах А.Н. Насонов относил к 1110 г., но со знаком вопроса. См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 65.

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 74–75.

²³ Там же. Стб. 78–79.

²⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. I. Л., 1925. С. 123; Т. IV. Ч. I. Вып. I. Пг., 1915. С. 111.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 147.

²⁶ Там же. Стб. 148–149.

²⁷ Там же. Стб. 149.

²⁸ Там же. Стб. 150.

²⁹ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 88.

³⁰ Там же. С. 60, 86.

³¹ Седов М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 230.

³² Древняя Русь. Город, замок, село. С. 71.

- ³³ Там же. С. 69.
- ³⁴ Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 136.
- ³⁵ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 75.
- ³⁶ Там же. С. 76.
- ³⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 58–59.
- ³⁸ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь // Памятники исторической мысли. М., 1993. С. 40–43; Кучкин В.А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 22–27.
- ³⁹ Когда в 1078 г. Всеволод Ярославич стал киевским князем, в его руках помимо Киева оказались полученные еще от отца Переяславль, а также Чернигов, т.е. все три главнейших центра «Русской земли» – ядра Древнерусского государства. Однако Новгород перешел под власть Всеволода только в 1088 г., а во Владимире Волынском и Смоленске княжили другие князья. И хотя владения Всеволода были достаточно обширны, они явно уступали владениям его отца Ярослава Мудрого. Подробнее об этом см. в тексте далее.
- ⁴⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 44.
- ⁴¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 340, 339.
- ⁴² Устрялов Н.Г. Русская история. Петрозаводск, 1997. С. 89 (воспроизведение петербургского издания 1855 г.).
- ⁴³ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1906. С. 34.
- ⁴⁴ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 70.
- ⁴⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 72. Первое издание книги А.Е. Преснякова «Княжое право в древней Руси» вышло в свет в 1909 г.
- ⁴⁶ Там же. С. 73.
- ⁴⁷ Там же. С. 394.
- ⁴⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 505.
- ⁴⁹ Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 109. Впервые книга Г.В. Вернадского была издана в Нью-Хевене в 1948 г. на английском языке.
- ⁵⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 468.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.
- ⁵² Кучкин В.А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения. С. 24–25.
- ⁵³ Там же. С. 32–34.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 183; 199, под 6584 годом (похороны Святослава в Чернигове).
- ⁵⁵ Там же. Стб. 247.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. Стб. 199, 247.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 204, 205, 248, 249. Возможно, Туров был получен Ярополком Изяславичем вместо Вышгорода, которым он владел при жизни отца. См.: там же. Стб. 200.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 204.
- ⁶¹ Хотя впервые Смоленск как место пребывания Давыда Святославича упоминается в 1095 г., из контекста летописной статьи видно, что он владел им раньше. См.: НПЛ. С. 19.
- ⁶² Под 1081 г. летопись сообщает о бегстве Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича и вокняжении их в Тмутарокани (там же. Стб. 204). Не указывается, от кого и откуда бежали эти князья. Судя по тому, что в 1084 г. два Ростиславича действовали на Волыни, а Давыд Игоревич захватил и ограбил греков в Олешье (там же. Стб. 205), расположенном в низовьях Днепра, бежали Давыд и Володарь из Волыни. Если они были там к 1081 г., то появились на Волыни в 1079 или в 1080 г.
- ⁶³ Там же. Стб. 205, 257.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 257. Давыд некоторое время уже княжил во Владимире Волынском в 1085 г. См.: там же. Стб. 205.
- ⁶⁵ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. Печать № 31. С. 172, 252, 284. Сомнения В.Л. Янина в принадлежности данной печати Мстиславу-Великому, сыну Владимира Мономаха и внуку Всеволода Ярославича (указ. соч. С. 23), кажется, могут быть устранены.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 207, 276; Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 73. Трудно согласиться с А.В. Назаренко, посчитавшим, что в 1088 г. Святополк присоединил Туров к своим новгородским владениям. См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 551. Туров был частью Киевского княжества, его захват означал войну Святополка со Всеволодом, после чего Святополк никак не мог стать

преемником Всеволода на киевском столе. Обладание Святополком Туровым могло иметь место только по соглашению с киевским князем. Столь же неприемлемо утверждение А.В. Назаренко, будто Всеволод Ярославич в 1091 г. «разорвал свой договор со Святополком от 1088 г. и отнял у него Новгород» (Назаренко А.В. Указ. соч. С. 554). При такой хронологизации и объяснении событий совершенно невозможно понять, каким образом Святополку Изяславичу удалось занять киевский стол спустя 11 дней после смерти Всеволода в 1093 г.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 256–257, 258.

⁶⁸ НПЛ. С. 470; ср. С. 19, где переход Новгорода к Давиду датирован 1095 г. Вокняжение Давида в Новгороде предусматривало, по-видимому, передачу Смоленска Мономаху.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 226. В Поучении Владимира Мономаха указано, что он оставил Чернигов «на святого Бориса день» (там же. Стб. 249), т.е. 24 июля.

⁷⁰ Там же. Стб. 273, 274.

⁷¹ Там же. Стб. 250, 275–276.

⁷² Там же. Стб. 250.

⁷³ Там же. Стб. 272.

⁷⁴ Именно это обстоятельство объясняет войну Ярослава с мордвой в 1103 г. См.: там же. Стб. 280.

⁷⁵ В 1115 г. Олег Святославич устроил в Вышгороде обед князьям по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь, построенную в их честь. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 280.

⁷⁶ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 289. Г.Г. Литаврин склонен думать, что Тмуторокань стала византийским владением около 1103 г. Это возможно, но следует иметь в виду, что после поражения в 1096/97 г. Олег не использовал Тмуторокань как свою базу, что было в более ранние годы. Не было ли это связано с ее потерей к 1096 г.?

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 175.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 289, 294; НПЛ. С. 22.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 285, 290, 292, 293.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 206, 215, 257.

⁸¹ НПЛ. С. 24.

⁸² ПСРЛ. Т. II. Стб. 303–304.

⁸³ Там же. Стб. 292–293.

⁸⁴ Там же. Стб. 308.

⁸⁵ Там же. Стб. 290–292.

⁸⁶ Б.А. Рыбаков пишет о полутора десятках самостоятельных княжеств, на которые распалась Киевская Русь к середине XII в., но не приводит их перечня. См.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 468, 469.

⁸⁷ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 42, табл. 1.

⁸⁸ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956. С. 36–39 (список городов XII в.) и 296–297 (карта галицких, волынских, киевских и переяславских городов); Толчок П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 7–13.

⁸⁹ Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 123–125.

⁹⁰ Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 109–110 и карта-вклейка между с. 80–81. Города Белая Вежа, Унеч, Всеволож и Бохмач в бассейне Остра впервые упоминаются в 1147 г. См.: Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 221.

⁹¹ Стоявшие на правом берегу Днестра города Тисменица и Кучелмин впервые упоминаются в 1144 и 1159 гг. соответственно, а находившиеся между Кучелминым и Тисменицей Онут, Василев и Коломыя – в 1213, 1229 и 1240 гг. См.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 37, 38, 41, 42.

⁹² Алексеев Л.В. Полоцкая земля. С. 169, 282–283.

⁹³ Его же. Смоленская земля. С. 60–62.

⁹⁴ Кушкин В.А. Формирование государственной территории... С. 89–91, 96–98, 103.

⁹⁵ Насонов А.Н. «Русская земля». С. 99–102, 104–109; Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород. 2001. С. 66.

⁹⁶ НПЛ. С. 74 (упоминание в статье 1238 г. пронских князей).

⁹⁷ Кушкин В.А. Формирование государственной территории... С. 98–101.

⁹⁸ НПЛ. С. 79; Алексеев Л.В. Полоцкая земля. С. 288; ПСРЛ. Т. II. Стб. 753, 798.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 780; Зайцев А.К. Черниговское княжество. С. 114; ПСРЛ. Т. I. Стб. 470; НПЛ. С. 71.

¹⁰⁰ Кучера М.П. Переяславское княжество. С. 134.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774; НПЛ. С. 53, 63.

¹⁰² ПСРЛ. Т. II. Стб. 745, 766, 783.

¹⁰³ Там же. Стб. 776.

¹⁰⁴ Указание Б.А. Рыбакова, что древнерусских княжеств насчитывалось «в начале XIII в., накануне нашествия Батыя, – около 50» (Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 469), не соответствует свидетельствам источников.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 453–454.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 435; «Великий князь Всеволодъ жени сына своего Георгия Всеволожню кыевско-го князя».

¹⁰⁷ Там же. Стб. 438.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 450, 475.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 416, 438, 450, ср. стб. 451; Кучера М.П. Переяславское княжество. С. 134.

© 2003 г. А.А. ГОРСКИЙ*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ХОЛОПСТВА» МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ

Традиционно считается, что существовавшая в Московской Руси XVI–XVII вв. практика именования представителей знати по отношению к государю «холопами», т.е. термином, издревле обозначавшим людей лично несвободных, распространяется с конца XV столетия, причем ее появление расценивается как свидетельство уподобления отношений великого князя и знати отношениям господина и его холопов¹. Тем самым предполагается, что данная терминология была взята из внутрирусских реалий, будучи перенесенной с «низов» социальной лестницы на «верхи», и отражала усиление зависимости элитного слоя от монарха. Высказывалась точка зрения, что существовал и внешнеполитический аспект такого употребления термина «холоп»: тем самым великий князь уподоблялся византийскому императору, поскольку в поздней Византии представители знати назывались его «рабами» (*δοῦλος*); заимствование могло быть связано с влиянием на Ивана III окружения его второй жены Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора, приехавшей в Москву в 1472 г.² Прозвучало также предположение, согласно которому «подобная форма обращения возникла в сфере русско-ордынских или русско-крымских отношений», поскольку в конце XV в. холопами называли себя по отношению к Ивану III его послы в Крым³. Однако до сих пор не обращалось внимания на то, что применение термина «холоп» по отношению к знатым лицам встречается в русских источниках задолго до конца XV в.

Галицкий летописец середины XIII в., рассказав о визите кн. Даниила Романовича к Батыю (1245 г.), горестно восклицал: «О злѣе зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшоу великоу, обладашоу Роускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си, инѣми странами, нѣтъ сѣдѣть на колѣноу и холопомъ называется (*вар.*: называет и), и дани хотятъ, живота не чають, и грозы приходять»⁴. Эмоциональный характер данного текста вроде бы склоняет к истолкованию термина *холоп* как метафоры – «унизился, как холоп» (вероятно, поэтому его употребление здесь не привлекло внимания исследователей). Но по смыслу текста речь идет о *наименовании* Даниила «холопом» (после чего следует отнюдь не метафорическое «дани хотятъ»): если правильно чтение «называется», то он сам назвал себя холопом хана, если «называети» (т.е. «называет его») – то Даниила назвал своим холопом Батый.

Согласно московскому летописанию 70-х гг. XV в., боярин И.Д. Всеволожский в своей речи к хану Улуг-Мухаммеду в 1432 г., во время спора Василия II с Юрием Дмитриевичем в Орде о великом княжении, назвал себя холопом великого князя: «Государь волныи царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя»⁵.

Дважды употребляет термин «холоп» по отношению к представителям индийской знати Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря» (путешествие его имело место в конце 60 – начале 70-х гг. XV в.): в одном случае Асад-хан, лицо, близкое к великому визирю Бахма-нидского султана Махмуду Гавану, определен как его холоп («Ту есть Асатхан Чюнерския индийский, а холоп Меликътучаровъ. А держит сем темъ от Меликъточара»), в другом холопом султана Мухаммед-Шаха III назван либо Мелик Хасан, султанский наместник Телинганы, либо тот же Махмуд Гаван («А земля же таа Меликъханова, а холоп салтанов»⁶).

* Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Связать эти случаи применения термина «холоп» к знатным лицам с влиянием окружения Софьи Палеолог невозможно.

Не был замечен и тот факт, что к периоду, когда термин «холоп» уже несомненно применяется в качестве обозначения знати Московской Руси по отношению к государю, относится большое количество фактов его употребления в сфере межгосударственных отношений. В грамоте, присланной грузинским (кахетинским) царем Александром Ивану III в 1483 или 1491 г., он именует себя холопом московского князя («Великому царю и господарю великому князю ниское челобитие. Ведомо бы было, что из дальние земли ближнею мыслью менший холоп твой Александр челом бью... И холопству твоему недостойный Александр»⁷). В 1497–1502 гг. слово «холоп» неоднократно употребляется в переписке Великого княжества Литовского с Большой Ордой и Крымским ханством. Холопом именуется здесь преимущественно Иван III. В посланиях хана Большой Орды Ших-Ахмета вел. кн. литовскому Александру Казимировичу (1497, 1501 – четыре письма, 1502), Александра – Ших-Ахмету (1500) и князя Большой Орды Тевекеля – Александру (1502 – два письма) он назван холопом Ших-Ахмета⁸; еще в одном послании Александру 1497 г. Ших-Ахмет, вспоминая о событиях 1480 г., называет Ивана холопом своего отца Ахмата и отца Александра – короля Казимира IV⁹. В послании Александра Менгли-Гирею (1500) холопами предков крымского хана поименованы предки Ивана III¹⁰. Наконец, согласно одному из посланий Тевекеля Александру (1502), Иван III сам предложил Ших-Ахмету быть его холопом¹¹. Можно было бы, конечно, объяснить такую терминологию стремлением унижить политического противника, напомнив о его недавней зависимости от Орды применением уничижительного определения. Но в одном послании Ших-Ахмета Александру (1501) холопом хана назван бывший тверской кн. Михаил Борисович, живший в Литве и являвшийся потенциальным союзником Орды: «Ино тепер бы вамъ то звезомо было, што жъ Михаило Тверский мои холопъ был, ино я его хочу на его отъчыну опять княземъ вчынити»¹². Наиболее же примечательно послание 1505 г. Довлетека, одного из высших сановников Крымского ханства, Александру Казимировичу (в то время уже не только великому князю литовскому, но и королю Польши). В нем Довлетек неоднократно именует себя холопом короля: «На мое, холопа своего, слово гораздо веръ... отъ мене, холопа своего, ведаи... На мое, холопа своего, слово, гораздъ уведавъ...» Причина этого определения видна из текста послания: Довлетек вспоминает, что его предок «правдою служил» Витовту, троюродному деду Александра¹³. Ясно, что автор послания не видел в таком словоупотреблении ничего для себя уничижительного. Византийское влияние на употребление термина «холоп» в татарско-литовской переписке конца XV – начала XVI в., разумеется, следует исключить.

Термины *холоп* / *холопство* (и соответствующие им тюркские *кул* / *кулдук*) часто встречаются в документации, связанной с отношениями предводителей Ногайской Орды (не являвшихся Чингизидами, т.е. не имевших прав на ханский титул) с соседними правителями в конце XV – первой половине XVII в. В 1492 г. ими определяли себя по отношению к крымскому хану мурзы Муса и Ямгурий («От холопа царю челобитие и поклон»; «Слово то стоить: мы о чем тебе били челомъ, и ты пожаловалъ, наше холопство собѣ принялъ, на твоємъ жалованьѣ челомъ бьемъ»¹⁴). В 1508 г. мурза Шейх-Мамай в письме Василию III определял себя в качестве «холопа и брата» своего старшего брата Алчагира (занимавшего в Ногайской Орде более высокое положение) и предлагал великому князю назвать его также своим «холопом и братом» «Молвя, ведомо бы было з братом моим с Олчагыром мурзою в дружбе и в братстве ся еси учинил, а мы з того мурзы и холопи и братия, и ты нас холопом и братом назовешь, а другу твоему друзи есмя, и недругу твоему сколько наши силы недрузи»¹⁵. Со второй половины XVI в. ногайские предводители называют себя «холопами» российских царей в тех случаях, когда идут на признание своей зависимости¹⁶.

Из приведенных данных следует, что в сфере международных отношений термин «холоп» использовался для обозначения зависимого правителя, вассала. Большинство случаев применения термина указывает на зависимость того или иного правителя (реальную или мнимую, как в отношении Ивана III в конце XV – начале XVI в.) от хана. Некоторые из иных случаев также могут быть связаны с ордынской политической практикой. Афанасий Никитин применяет термин «холоп» для обозначения отношений между мусульманскими правителями – здесь естественно предполагать употребление им, человеком, хорошо знакомым с татарскими обычаями, ордынской терминологии. В переписке татарских ханов с Литвой именование знатных лиц «холопами» по отношению к польско-литовским правителям встречается только под пером татар, т.е. здесь, скорее всего, следует видеть перенос на отношения с великими князьями литовскими татарской терминологической традиции. Ногайские правители начинают определять себя в качестве

«холопов» правителей московских после того как Иван IV венчался на царство и овладел Казанским и Астраханским ханствами, что дало право степнякам рассматривать его как хана¹⁷.

Что касается грамоты грузинского царя Ивану III, то здесь не исключено влияние как византийской традиции (оригинальный текст грамоты, вероятнее всего, был составлен на греческом языке¹⁸), так и ордынской, с которой в Грузии также должны были быть хорошо знакомы.

Особый вопрос – именование боярином И.Д. Всеволожским себя «холопом» Василия II в 1432 г. Поскольку он называет себя так в речи, обращенной к хану, можно было бы допустить, что перед нами намеренное подражание ордынской терминологии. Но возможно и другое допущение – данное летописное известие отображает факт именовании московских бояр по отношению к великому князю «холопами» уже в первой половине XV в. или по меньшей мере в третьей четверти (когда составлялся дошедший до нас летописный текст с пересказом перипетий визита Василия II в Орду). Документы, с которых традиционно начинают отсчет истории именовании представителей знати «холопами» (письма Ивану III его послов и наместников в приграничных городах конца 80 – начала 90-х гг. XV в.), не имеют предшественников – аналогичных документов ранее 1489 г., авторы которых себя «холопами» не именовали¹⁹; поэтому можно было бы предположить, что эта терминология возникла много ранее конца XV в., просто об этом не сохранилось данных источников (кроме летописного рассказа о событиях 1432 г.). Однако известны документы, позволяющие воздержаться от такого предположения. Это формулярный извод крестоцеловальной записи великому князю, написанный между 1448 и 1471 гг., и составленная по нему запись Ивану III служилого кн. Д.Д. Холмского от 8 марта 1474 г. Д.Д. Холмский именует себя не «холопом» великого князя, а «слугой» («и осподарь мой князь велики меня, своего слугу, пожаловал, нелюбе свое мне отдал»²⁰), а в формулярном изводе в соответствующем месте стоит «своего человека»²¹. Таким образом, обязательным именование себя «холопом» при обращении к государю стало, видимо, между 1474 и 1489 гг.; известие об И.Д. Всеволожском может говорить только об эпизодическом употреблении такой терминологии ранее этого времени.

В целом можно заключить, что употребление термина «холоп» по отношению к знатным лицам вряд ли может быть возведено как к внутрирусским отношениям господ и холопов, так и к реалиям Византии. Оно явно восходит к ордынской политической практике. Вероятнее всего, исходным значением слова «холоп» по отношению к знатному лицу было «правитель, зависимый от хана», по-русски – *царя*. Можно полагать, что эта терминология восходит к монгольской традиции, где термин *богол* («раб») использовался для обозначения политической зависимости²². Этим термином, а позднее, вероятно, его тюркским эквивалентом *кул* определялись по отношению к ханам Орды в числе прочих зависимых правителей и русские князья от Даниила Галицкого и его современников до Ивана III. Русским эквивалентом и монгольского, и тюркского терминов являлся *холоп*. Когда московские бояре начали определять себя по отношению к великому князю в качестве «холопов», сказать невозможно, но последовательным такое определение стало между 1474 и 1489 гг. А это означает, что зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться так, как было принято называть вассалов *царя* – т.е. «холопами» после того, как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское величество²³.

Безусловно, в Московском государстве конца XV–XVI в. степень зависимости знати от государя возрастала и стала очень далека от вольной боярской службы XIII–XIV вв., не говоря уже о дружинных отношениях более раннего времени. Однако появление обозначения «холоп» при обращении знатных людей к государю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничижение знати, а поднятие статуса великого князя, так как приравнивало его к правителям «царского» ранга²⁴.

Примечания

¹ См.: Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 58–60; Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 86; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216–220.

² См.: Пое М. What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 3. P. 586–594.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 318, прим. 314 – комментарий А.Л. Хорошкевич. Н.С. Борисов полагает, что появление именовании подданных великого князя «холопами» произошло

не без «дурного примера Орды», но имея в виду характер общественных отношений («дух раболепия»), а не собственно термин (Б о р и с о в Н.С. Иван III. М., 2000. С. 571–576).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 807–808.

⁵ Там же. Т. 27. М.-Л., 1962. С. 103; Т. 25. М.-Л., 1949. С. 249.

⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 7, 12, 20, 26, 33–34, 38, 148 (прим. 72), 166 (прим. 151).

⁷ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. 2. М., 1987. № 71. С. 238.

⁸ РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 195, 235, 235 об., 240 об., 243, 246, 247 об., 248, 249; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. Vilnius, 1993. № 67; 98.1; 102.1; 104.1; 104.3; 104.4; 104.29; 106.3; 108.1. С. 119, 163–164, 170, 172–173, 177, 179, 181.

⁹ РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 200 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 73.1. С. 125.

¹⁰ РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 233 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 97.2. С. 161.

¹¹ «Ратаи и холоп его буду»: РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 247 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 106.3. С. 173. Речь шла о переговорах Ивана III с Большой Ордой в условиях войны против Великого княжества Литовского, когда великий князь, желая подорвать союз Ших-Ахмета с Литвой, пошел на притворное признание зависимости от хана и прислал в Большую Орду дань (см.: Г о р с к и й А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 181–183).

¹² РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 244; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 104.9. С. 174.

¹³ РГАДА, ф. 389, кн. 5, л. 290, 290 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 124.3. С. 232.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 41. СПб. 1884. № 45. С. 207–208.

¹⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1483–1508. М., 1984. С. 82.

¹⁶ См. подробный разбор сведений о «холопстве» ногайских правителей по отношению к московским государям: Т р е п а в л о в В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 632–633, 636–637, 644–647.

¹⁷ Ср. прямые именованья царя в ногайских посланиях в Москву потомком Чингисхана (См.: Т р е п а в л о в В.В. Указ. соч. С. 630).

¹⁸ См.: Б а з и л е в и ч К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 410–411. Использование царем Кахетии терминологии, выражающей зависимость, связано с содержащейся в тексте грамоты оценкой московского князя как главного оплота православного христианства.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 41. № 23. С. 81 (1489 г., послание муромского наместника кн. Ф. Хованского); № 29. С. 111 (1491 г., письмо от посла в Крыму кн. В. Ромодановского); т. 35. СПб., 1892. № 17. С. 70–71 (1492 г., послание наместника в Новгороде Якова Захарына); Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1. СПб., 1851. С. 49, 62, 64–65 (1490 г., письма послов в Священную Римскую империю Юрия Траханиота и Василия Кулешина). Посольские документы по сношениям с Крымским ханством имеются с 1474 г., но до 1489 г. писем великому князю от его послов не содержат.

²⁰ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 18. С. 34.

²¹ Русский феодальный архив... Вып. 1. М., 1986. № 46. С. 175. О датировке формулярного извода см.: Там же. Вып. 5. М., 1992. С. 989. В последующих дошедших до нас крестоцеловальных записях (лиц такого же ранга) – от времени Василия III – в данном месте читаем «своего холопа» (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. № 149, 152, 153, 154, 159, 162. С. 414, 421, 423, 425, 433, 448). Исключениями являются записи князей, переходящих на московскую службу с литовской – К.И. Острожского (1506) и Ф.М. Мстиславского (1529). При этом примечательно, что в следующей записи Мстиславского (1531) он уже именует себя «холопом» (там же. № 146, 157. С. 404, 433; ср. № 159. С. 439).

²² См.: Р а ш и д - а д - д и н. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 15–16; Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 36–39; М у н к у е в Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 387–389. В связи с этой терминологией может быть поставлено известие Новгородской первой летописи старшего извода, согласно которому монгольские послы в 1223 г. говорили русским князьям, что пришли не на них, а «на холопы и на конюси свое на поганяя Половче» (НЛ. С. 62). Спустя почти три столетия сходное «профессиональное» добавление к термину «холоп» видим в формуле, примененной Иваном III для выражения готовности признать зависимость от хана Большой Орды: «ратаи и холоп его буду» (см. прим. 10). Похоже, здесь перед нами следы реальной терминологии, обозначавшей зависимость скотоводческих и земледельческих общностей и их правителей.

²³ О приложении к Ивану III «царской титулатуры» см.: V o d o f f W. Le règne d'Ivan III: une étape dans l'histoire du titre «tsar» // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 52. В., 1996.

²⁴ Другое дело, что впоследствии, в XVI столетии, факт совпадения этого определения с наименованием несвободных людей мог способствовать развитию представлений о приниженном положении знати по отношению к государю (что проявилось, в частности, в произведениях Ивана Грозного).

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: УЧРЕЖДЕНИЯ, ЛЮДИ, НАСЛЕДИЕ

*Палестинский комитет (1859–1864 гг.) и
Палестинская комиссия (1864–1889 гг.)*

Первые годы после Крымской войны стали началом принципиально нового этапа в истории русско-палестинских связей. До того момента русская политика в регионе базировалась преимущественно на традиционном – и для России, и для ее партнеров – представлении о решающей роли православной Империи в защите интересов христианского населения на Востоке. Теперь, особенно в связи с результатами военной кампании, России пришлось существенно потесниться в пользу европейских держав. Новый подход, призванный компенсировать проигрыши и уступки, состоял, в духе времени, в формировании сферы *собственных интересов* в Святой Земле и, значит, *собственного плацдарма проникновения*. Удобным и перспективным орудием же этого являлась исторически интенсивная и легко поддающаяся активизации стихия русского паломничества. Поставить его на поток, сделать если не экономически выгодным, то в известной степени самоокупаемым, а для этого создать соответствующую инфраструктуру в Палестине и обслуживающую ее транспортно-коммуникационную систему на Черном и Средиземном морях – таковы были требования момента. Неслучайно инициаторами и главными деятелями этого начинания стали люди из так называемой «партии Мраморного дворца» – вел. кн. Константин Николаевич (замечит, *собственного плацдарма проникновения*, глава Морского министерства) и его сотрудники по тому же ведомству: Б.П. Мансуров, А.В. Головин, кн. Д.А. Оболенский, В.Н. Хитрово, будущий создатель Палестинского общества.

В конце 1857 г. Борис Павлович Мансуров – молодой, энергичный человек, хорошо зарекомендовавший себя в период Севастопольской обороны (он руководил обустройством военноморских госпиталей) был командирован на Восток¹. На организационные расходы ему было ассигновано 40 тыс. руб. в качестве кредита от Русского общества пароходства и торговли (с последующим погашением из сумм морского ведомства). Доклад, представленный Б.П. Мансуровым по возвращении в Петербург², получил в январе 1858 г. одобрительный отзыв архимандрита Порфирия (Успенского), признанного авторитета в иерусалимских делах³. Именно Порфирию принадлежит идея церковного сбора как главного внебюджетного источника для финансирования палестинских проектов. «Сорок миллионов христиан по копейке ежегодно дадут 400000 рублей», – рассчитывал архимандрит⁴. 27 февраля 1858 г. состоялось высочайшее повеление о проведении во всех православных храмах империи кружечного сбора и открытии подписки для пожертвований. Прием пожертвований и общее руководство мероприятием были возложены на Комиссариатский департамент Морского министерства (им управлял кн. Д.А. Оболенский).

По прошествии года, когда «палестинский сбор» в достаточной мере продемонстрировал свою эффективность⁵, предложения Мансурова и Порфирия обретают конкретные институциональные формы. 23 марта 1859 г. был издан указ:

«1) Учредить в С.-Петербурге особый Комитет из г.г. обер-прокурора Св. Синода, статс-секретаря кн. Оболенского, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал-майора Ковалевского, члена Совета Министра финансов д.с.с. Небольсина и директора распорядителя Русского общества пароходства и торговли с.с. Новосельского с тем, чтобы мнения и предположения сего Комитета были представляемы на Высочайшее усмотрение.

2) Комитету сему поручить предварительное соображение и обсуждение всех предположений и мер, которые по настоящему делу будут представляться и возникать по мере развития основываемого ныне на Востоке предприятия, с тем, чтобы в Комитете были сосредоточены все сведения, имеющиеся по настоящему делу в Министерствах иностранных дел, Морском и в ведомстве Св. Синода, и чтобы Комитет принимал от себя в случае надобности нужные меры к исполнению утвержденных предположений.

3) Снова возложить на статс-секретаря Мансурова приведение в исполнение означенного дела на Востоке на основаниях, Высочайше одобренных в 1858 г.»⁶.

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2003. № 2.

Обратим внимание на сугубую законспирированность предмета указа («основываемое ныне на Востоке предприятие», «приведение в исполнение означенного дела на Востоке»), будто речь идет о секретной разведоперации. 30 марта 1859 г. Комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных паломников (далее: Палестинский комитет) начал свою работу. Александр II приказал отпустить на его цели из Государственного казначейства 500 тыс. руб. Председателем комитета 22 июня 1859 г. стал вел. кн. Константин Николаевич, управляющим делами в январе 1860 г. был назначен Б.П. Мансуров (реально «Мансур-паша», как его – одни почтительно, другие иронически – называли, еще долго после этого оставался в Иерусалиме и приступил к исполнению петербургских своих обязанностей лишь в октябре 1861 г.).

С 22 мая 1862 г., в связи с назначением великого князя наместником в Царстве Польском, председателем Палестинского комитета стал управляющий Министерством народного просвещения (позже министр) статс-секретарь А.В. Головин, в марте 1863 г. к нему в министерство вместе с капиталами Комитета и всем делопроизводством перешел и Мансуров.

Главной задачей Комитета было приобретение земельных участков в Иерусалиме и других местах Палестины и застройка их подворьями, призванными обеспечить нормальные условия для русских православных паломников, поток которых возрастал с каждым годом⁷. Основным документом для всех расходов Комитета стал его журнал от 15 апреля 1860 г. (с императорской резолюцией «Исполнить»)⁸. На основании этого журнала были даны подробные инструкции архитектору М.И. Эппингеру, получившему статус Главного строителя, и иерусалимскому консулу В.И. Доргобужинову – с предоставлением им права производить расходы в пределах одобренной сметы с обязательным отчетом о ходе работ и расходовании сумм. На чертежах Эппингера вел. кн. Константин Николаевич написал: «Государь император соизволил одобрить сии проекты в общем виде. 21 апреля 1860 г.»

В записке инженер-генерала А.К. Роде, начальника Морского строительного управления, рецензировавшего техническую часть проектов, подчеркивалась необходимость «предоставить строителю действовать совершенно самостоятельно как в хозяйственном отношении, так и в постепенном развитии работ, так как работы эти будут производиться не только вне пределов империи, но и в другой части света». При этом отмечалось, что руководителю проекта должно быть разрешено «делать все те изменения в проектах и сметах, которые будут признаны полезными как в искусственном (архитектурно-художественном. – *Н.Л.*), так и хозяйственном отношении, ибо невозможно заранее предусмотреть и определить все частности». Правда, М.И. Эппингеру вручался экземпляр общих «Инструкций и правил», утвержденных для Строительного управления Морского министерства, но с тем, чтобы он «руководствовался ими только в той степени, как это окажется возможным и удобным».

Сказанное не означает, что иерусалимские деятели были предоставлены сами себе. Эппингер был обязан представлять в Петербург ежемесячные отчеты о ходе работ, ежеквартальные – о расходовании сумм и ежегодные – итоговые. Иерусалимский консул также обязывался присылать подробные квартальные отчеты. Финансирование осуществлялось из Петербурга на имя русского консула (через счет, открытый у иерусалимского банкира Мельвиля П. Беркгейма) и проходило по консульской отчетности. Консул выдавал суммы, необходимые для работ, Главному строителю. С 1862 г. в связи с временной вакансией консульского поста в Иерусалиме (из-за болезни и смерти консула К.А. Соколова) установился другой порядок: Главный строитель и консул самостоятельно получали в банке причитающиеся им суммы, а приход и расход консула проходил, напротив, валовыми цифрами в отчетности Главного строителя. Этот порядок, оказавшийся, по признанию Мансурова, «весьма удобным», выдерживался до окончания всей строительной программы.

Основным результатом деятельности Палестинского комитета стали Русские постройки. В ансамбль, воздвигнутый в 1860–1864 гг., входят Троицкий собор – главный храм Русской Палестины, двухэтажное здание Русской Духовной Миссии (в форме каре с четырьмя внутренними дворами и домовая церковь в центре), одноэтажные здания Елизаветинского (мужского) и Марииинского (женского) подворий, дом консула и Русская больница. Весь комплекс был обнесен каменной стеной с двумя въездами: Церковные ворота – со стороны Яффской дороги и Консульские – со стороны Наблусской.

Автором и руководителем проекта был Мартын Иванович Эппингер (1822–1872), профессор архитектуры, надворный советник, почетный вольный общник Академии художеств⁹ – «грозный Мартын», как называл его в своем дневнике начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин). Пять лет спустя, именно ему и французскому архитектору Мауссу была доверена ответственная работа по реставрации купола Ротонды в храме Гроба Господня.

Строители торопились. Планировалось открыть первую очередь подворий для паломников уже к зиме 1863 г. – в случае, если будет готова домовая церковь Миссии. Расходы по убранству церкви (резной дубовый иконостас, клирос с киотами, иконы и четыре позолоченные люстры) обошлись в 36 тыс. руб.¹⁰. Строительные работы были окончены к 1 мая 1864 г., домовая церковь Миссии (во имя св. мученицы царицы Александры) была освящена 28 июня 1864 г. «В два часа после полуночи началось служение заутрени. Когда пропели *Слава в вышних Богу*, начался крестный ход. Распустился русский флаг над домом Миссии, раздался русский трезвон». Так описывал событие очевидец¹¹.

Русские постройки, увенчанные пятиглавием Троицкого собора, и сейчас производят сильнейшее впечатление. В описываемое время в малоэтажном и вовсе не застроенном Иерусалиме (менее 20 тыс. жителей), когда пустыня подходила вплотную к средневековым стенам Старого Города, именно Русские постройки в первую очередь бросались в глаза российским и иностранным паломникам и политикам, подъезжавшим к столице трех религий через Поклонную гору (гора Скопус)¹².

Елизаветинское подворье (его название связано с именем вел. княгини Елизаветы Федоровны, причисленной ныне Русской церковью к лику святых) использовалось в качестве мужского паломнического приюта. Как и другие здания ансамбля, оно имеет форму каре с внутренним двором, который при наплыве паломников мог также использоваться для размещения их на открытом воздухе, что вполне позволяет весной и летом климатические условия Иерусалима.

В восточной, нижней части русского участка расположено Марииинское женское подворье, названное так в честь императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Это большое одноэтажное каменное здание со сводчатыми потолками, внутренними дворами и расположенными уступами флигелями, примыкающими к главному корпусу. В подворье находилось 42 палаты для русских паломниц, в каждой из которых можно было разместить от 4 до 12 человек. При большом скоплении паломников, а женщины составляли, как составляли и теперь, две трети от общего числа богомольцев, в широких коридорах подворья устанавливались временные нары. На одном из внутренних двориков была построена каменная, крытая черепицей общая кухня длиной в 25 м с каменным очагом во всю длину постройки¹³.

В литературе приводилось свидетельство о восприятии события простыми жителями тогдашнего Иерусалима: «Русский царь купил у султана большую участок земли на удалении 30 локтей от Города и построил большую стену, и выстроил внутри и снаружи большие дворцы и башни, и украсил их орнаментом, и устроил храмы и купальни (имеются в виду цистерны. – Н.Л.). И никто не может оценить богатство строения, а трудилось на нем 1500 ремесленников. И зовется город Новый Иерусалим, и посылает царь людей своей веры жить в нем»¹⁴.

По окончании строительства и сдаче на месте всех построек иерусалимскому консулу Эппингер вернулся в Петербург, где и представил – уже после упразднения Палестинского комитета – свой окончательный отчет. Он был передан на ревизию в Строительное управление Морского ведомства и после утверждения лег в основу отчета Мансурова.

Сводный отчет Б.П. Мансурова о деятельности и финансовом состоянии Палестинского комитета был сдан им в Государственный контроль лишь в конце ноября 1866 г. Согласно отчету, общие суммы прихода Палестинского комитета с 1858 г. по 1864 г. составляли: назначенные царем из Госказначейства – 0,5 млн. руб., пожертвования от церковного кружечного сбора и по подписке – более 560 тыс., проценты по билетам на суммы Комитета – более 18 тыс., оборотные поступления – 194480 руб., всего – 1254744 руб.¹⁵ Расходы за те же годы распределялись следующим образом: на покупку земельных участков вне стен Иерусалима, а также в Горнем, Хайфе и Назарете было затрачено 55 тыс. руб., на покупку Русского места в Старом городе, близ храма Гроба Господня (будущее Александровское подворье) – 13304 руб., на возведение Русских построек – около 668 тыс., убранство домового церкви Духовной Миссии – 36 тыс., на благоустройство территории (стены, сторожки, сады, цистерны) – 15 тыс. руб. Содержание строительных работ обошлось Комитету за 5 лет в 45 тыс. руб.¹⁶

Из Петербурга морем – через Англию, Гибралтар и Александрию – было отправлено в Яффу, главный тогдашний порт Палестины, около 3 тыс. пуд. грузов, что обошлось Комитету в 4 тыс. руб., еще почти 2 тыс. руб. стоила сухопутная перевозка этих грузов из Яффы в Иерусалим.

Оборудование и меблировка построенных в Иерусалиме подворий, а также четырех приютов, арендованных и переоборудованных в других городах (Яффе, Рамле, Хайфе и Назарете), осуществлялись через различные фирмы и обошлись в 23 тыс. руб. Комплект медикаментов и аптекарского запаса на 2 года для Русской больницы был выписан из Франции.

Самой значительной статьей «несметного расхода» явились потери на банковских комиссиях и разнице в курсах при финансовых переводах (более 85 тыс. руб., т.е. почти 10% общей сметной суммы). Правда, Мансуров, подчеркивая отсутствие в тогдашней Палестине «правильных биржевых оборотов и даже банков в настоящем смысле слова», уверял, что «нельзя не удивляться тому, что расход этот не достиг гораздо высших размеров».

Хотя цифры в отчете сходились, как водится, копейка в копейку, программа Русских построек не была выполнена полностью. Мужское и женское подворья остались одноэтажными (согласно утвержденному проекту М.И. Эппингера они планировались двухэтажными), Троицкий собор, несмотря на дополнительные пожертвования, не получил внутренней отделки (завершение его убранства относится к 1871–1872 г.; освящен храм 28 октября 1872.). Я не хочу сказать, что лично виноваты в том Мансуров или Эппингер, но факт бесконтрольного заведования собранными церковными пожертвованиями со стороны деятелей РОПИТа и связанных с ним «акционеров» вызывал справедливые нарекания у современников¹⁷. Мансуров подчеркивал в своем отчете, что «ни при учреждении Комитета, ни впоследствии не было установлено никаких правил, потому что на первое время впредь до утверждения смет статс-секретарь Мансуров имел полномочия действовать по собственному усмотрению, не ожидая утверждения смет, на основании непосредственных повелений Его Величества и великого князя генерал-адмирала».

Не подлежит сомнению, что начало русского внедрения в Святую Землю шло достаточно туго и оказывалось экономически предприятием непропорционально дорогим. Лишь последующий многолетний опыт Палестинской комиссии и особенно Палестинского общества научил деятелей Русской Палестины более эффективным методам работы.

С завершением иерусалимских построек Палестинский комитет исчерпал свои функции, дальнейшее руководство русским паломническим делом решено было оставить в непосредственном ведении Министерства иностранных дел. Для этого 7 апреля 1864 г. вместо упраздненного Комитета была создана Палестинская комиссия при Азиатском департаменте МИДа в составе Б.П. Мансурова, директора Азиатского департамента гр. Н.П. Игнатьева и третьего члена – по назначению Святейшего Синода¹⁸. От Святейшего Синода членом Комиссии был назначен четыре дня спустя директор духовно-учебного управления кн. С.Н. Урусов. 22 июля 1864 г. в связи с назначением Н.П. Игнатьева чрезвычайным посланником в Константинополь было определено, чтобы на будущее время директор Азиатского департамента автоматически, без особого представления становился членом Палестинской комиссии. Непосредственными преемниками Н.П. Игнатьева в том и другом качестве были П.Н. Стремоухов, затем в 1875–1882 гг. Н.К. Гирс – будущий министр и с 1883 г. – И.А. Зиновьев¹⁹. Подлинным вершителем всех дел в Комиссии оставался во все время ее существования Мансуров²⁰.

Как следует из доклада вице-канцлера А.М. Горчакова, основной функцией Палестинской комиссии было «управление заведениями нашими в Палестине»²¹. Соответственно, ее ежегодная смета обеспечивалась преимущественно доходом от «палестинского» кружечного церковного сбора, поступавшего на счет Комиссии, как прежде на счет Комитета, из Хозяйственного управления Синода. При учреждении Комиссии смета на 1865 г. была определена в 65957 руб.²² Но поскольку кружечный сбор имел тенденцию к снижению (в 1863 г. поступило 61391 руб., в 1864 г. – 59745, в 1865 г. – 54517 руб.), сумма на следующий 1866 г. составила лишь 50 тыс. руб. (с доходом, получаемым в Палестине, около 50800 руб.).

За 25 лет существования Комиссии (1864–1889) нет возможности назвать ни одного сколь-нибудь выдающегося ее достижения. О характере дел, обсуждавшихся порой в Комиссии, можно судить, например, по журналу заседания от 17 октября 1864 г.: рассматривался вопрос, следует ли оплачивать отопление квартир на зимний период начальнику Русской Духовной Миссии архимандриту Леониду и его сотрудникам (служащие консульства и Русской больницы получали средства на отопление). Оказалось, что кн. С.Н. Урусов и П.Н. Стремоухов – за, экономный Б.П. Мансуров – принципиально против. Оба представленных мнения поступили на рассмотрение... его императорского величества. Любопытно при этом, что и иерусалимский консул А.Н. Карцов, и архитектор М.И. Эппингер считали, что, «поскольку Духовная Миссия должна удовлетворять нравственным нуждам поклонников*, то обеспечение ее положения лежит по справедливости на обязанности Палестинской комиссии»²³. 4 ноября Мансуров возвращает Стремоухову журнал Комиссии с некоторыми «редакционными замечаниями». И с дополнением: «Особое мнение об отоплении Духовной Миссии будет доставлено неотлагательно». Лишь 15 ноября императору «благоугодно было утвердить мнение большинства членов»: здание Ду-

* Паломники.

ховной Миссии стало отапливаться за счет Комиссии (речь шла при этом о дополнительном расходе в 1500 руб. серебром).

Главная цель была достигнута: по неполной статистике, с 1 января 1865 г. до 1 апреля 1901 г. Русские постройки приняли 86 тыс. паломников, большинство из которых прожили в Иерусалиме от нескольких месяцев до полугода²⁴. Русская Палестина стала реальным духовно-политическим фактором в жизни христианского Востока. Но ее материальное обеспечение, о котором призвана была заботиться Палестинская комиссия, отнюдь не было блестящим. Сановники в Петербурге считали, что и так уже «достигли большего, чем предполагали, и махнули рукой»²⁵. Мансуров из престижных соображений занят был по-прежнему «тихой войной» с Русской Духовной Миссией. Палестинские подворья между тем ветшали, становились тесны для растущего потока паломников; общественность была тревогу, а бюрократические отчеты мансуровской комиссии оставались казенно-благополучными: рассчитывали на неприязнительность и безропотность простонародной паломнической массы²⁶. Назревала новая реорганизация русского дела на Востоке – с выдвиганием на первый план (при решающей по-прежнему роли государственных структур и церковной «кружки») более свободной и демократической общественной инициативы, воплощением которой явилось Православное Палестинское общество.

«Президенты Палестины»

«Президент Палестины» – так, афористично и ярко, хотя, конечно, фактически не верно и даже недипломатично, любил называть председателя Императорского Православного Палестинского общества вел. кн. Сергея Александровича один из колоритнейших обитателей Русского Иерусалима иеромонах Вениамин – основатель Вениаминовского подворья²⁷. «Президентский» статус председателя ИППО явственно подтверждался в глазах иерусалимских жителей всякий раз, когда на высокой, круглой, как в старинном замке, угловой башне Сергиевского подворья поднимали по царским табельным дням и по большим церковным праздникам так называемый палестинский флаг – флаг Палестинского общества. Впервые он был поднят над Иерусалимом в день рождения Сергея Александровича 3 мая 1889 г.

История ИППО – особая многоплановая тема²⁸. Впервые мысль о создании Общества (светского, даже частного) для ведения материальной стороны паломнического дела и для более основательного и системного развития научно-археологических исследований была высказана еще первооснователем русского дела в Палестине архимандритом Порфирием (Успенским). В конце 1860-х г. в одной из корреспонденций из Иерусалима ее публично заявляет архимандрит Антонин (Капустин)²⁹. Вскоре он нашел соратника и единомышленника для воплощения своего замысла в лице В.Н. Хитрово.

Василий Николаевич Хитрово (1834–1903), совершив в 1871 г. первое свое паломничество по святым местам, сделался неустанным ревнителем русских интересов у Гроба Господня, активнейшим поборником укрепления Православия на Востоке. Успеху его стараний в создании Палестинского общества способствовало множество обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Здесь прежде всего следует назвать подъем православно-патриотического сознания в русском обществе, связанный с Освободительной русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда русские войска едва не дошли до Константинополя. Среди субъективных, но не менее важных факторов нужно отметить назначение обер-прокурором Святейшего Синода в 1880 г. государственно и православно мыслявшего К.П. Победоносцева, имевшего большое влияние в качестве профессора на воспитание цесаревича будущего императора Александра III и его братьев. Но «спусковым механизмом» стало паломничество в Иерусалим молодых великих князей в мае 1881 г.

Вскоре после их возвращения В.Н. Хитрово добивается с помощью адмирала Д.С. Арсеньева (воспитателя братьев) и адмирала Е.В. Путятина приема у вел. кн. Сергея Александровича и убеждает его стать во главе проектируемого Православного Палестинского общества. 8 мая 1882 г. устав Общества был высочайше утвержден, а 21 мая во дворце вел. кн. Николая Николаевича-старшего (тоже, как помним, паломника в Святую Землю) в присутствии членов императорской фамилии, русского и греческого духовенства, ученых и дипломатов, после молебна в домово́й церкви состоялось его торжественное открытие. День был выбран не случайно. В этот день Православная церковь совершает память святых равноапостольных Константина и Елены, с именами которых непосредственным образом связаны не только древнейшие храмы Иерусалима и Вифлеема, но – в глазах православных идеологов – и сам принцип прямого покровительства Святой Земли со стороны православных императоров³⁰.

Общество призвано было, согласно уставу, осуществлять три основных функции: организация и обустройство русских паломников в Палестине (их проходило к 1914 г. через подворья

ИППО ежегодно до 10 тыс.); помощь и поддержка православию на Ближнем Востоке путем благотворительной и просветительской работы среди арабского населения (общество содержало к 1914 г. 113 школ и учительских семинарий в Палестине, Сирии, Ливане); научно-исследовательская и издательская работа по изучению исторических судеб и современного положения Палестины и всего ближневосточного региона, библейской филологии и археологии, организации научных экспедиций и раскопок, пропаганде знаний о Святой Земле в российском обществе.

24 марта 1889 г. высочайшим указом в результате упразднения Палестинской комиссии при Азиатском Департаменте МИДА, обществу были переданы ее функции, капиталы и имущество – в том числе подворья в Иерусалиме и другие российские недвижимости в Святой Земле. Тем же указом обществу было присвоено почетное именование Императорского. На протяжении всей своей истории ИППО пользовалось августейшим, а значит, и непосредственным государственным вниманием и поддержкой. Во главе его стояли преемственно вел. кн. Сергей Александрович (с момента основания Общества до дня своей гибели 4 февраля 1905 г.), а затем его вдова вел. княгиня Елизавета Федоровна. В нем числилось в 1901 г. почти 5 тыс. членов³¹, хотя в следующие 10 лет, по обстоятельствам революционного времени и экономической нестабильности, эта цифра сократилась до 3 тыс. человек³². Почетными членами ИППО состояли в разное время почти все выдающиеся представители правящей элиты, начиная с императорской фамилии. В том числе Председатели Совета министров (С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцев, И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер) и обер-прокуроры Святейшего Синода (К.П. Победоносцев, П.П. Извольский, В.К. Саблер). Отделы ИППО действовали в 52 епархиях Русской церкви. Возглавляли их, как правило, правящие архиереи, а вице-председателями являлись губернаторы и вице-губернаторы соответствующих губерний.

Большое место в жизни епархиальных отделов занимала забота о подготовке и проведении Вербных сборов – главного источника финансирования Палестинского общества. По подсчетам В.Н. Хитрово, доходы Общества имели следующую структуру. «В каждом рубле прихода: членских взносов – 13 коп., пожертвований – 70 коп. (в том числе в Вербный сбор), проценты с ценных бумаг – 4 коп., от продажи изданий – 1 коп., от паломников – 12 коп.»³³. Очевидно, русское дело в Палестине действительно осуществлялось прежде всего самоотверженной помощью простых верующих людей. Соответственно, структура расходов ИППО (в процентах, или, как говорил В.Н. Хитрово, «в каждом рубле расхода») выглядела следующим образом: «на поддержание Православия (т.е. на содержание русских школ в Сирии и Палестине. – *Н.Л.*) – 32 коп., на пособие паломникам (на содержание русских подворий в Иерусалиме, Иерихоне и др. – *Н.Л.*) – 35 коп., на ученые издания и исследования – 8 коп., на сбор пожертвований – 9 коп., на общие расходы – 16 коп.»³⁴. Иными словами, основные расходы Общества сводились, согласно подсчетам В.Н. Хитрово, «к 1 паломнику и 1 ученику: каждый паломник обошелся в 1899/1900 году в 16 р. 18 коп., за исключением полученных с каждого 3 р. 80 коп. – 12 р. 38 коп. Каждый ученик русских арабских школ – в 23 р. 21 коп.»³⁵.

Смета на первый год XX столетия (1901/1902) была высочайше утверждена в 400 тыс. руб. (не считая единовременных расходов на строительство)³⁶.

Сергей Александрович в качестве председателя Православного Палестинского общества не был «свадебным генералом». Он с искренней заинтересованностью относился к проблемам русского влияния в Святой Земле, щедро выделял личные средства (и «выбивал» государственные) на осуществление научных раскопок, строительство храмов и подворий.

Хронологически первым в ряду проектов ИППО в Иерусалиме является Александровское подворье. Еще в 1859 г. первым Российским консулом В.И. Доргобужинным в непосредственной близости от храма Гроба Господня был приобретен у коптского священника участок земли, на котором предполагалось построить здание консульства. Но строительство было отложено, а потом и вовсе отменено: консульский дом был воздвигнут позже на Русских постройках. Причиной стало обилие археологических древностей на приобретенном участке. Уже первые археологические разведки, сделанные известными археологами – французом графом Вогюэ (1864) и англичанином Вильсоном (1865) – позволили судить о чрезвычайной ценности сохранившихся остатков древности и тем самым – о необходимости систематических раскопок, на которые у Палестинского комитета (а тем более позже у Палестинской комиссии) не было средств.

Ситуация изменилась с возникновением в мае 1882 г. Православного Палестинского общества. Раскопки на Русском месте были первым масштабным русским научно-исследовательским проектом в Палестине. Их результатом стало открытие Порога Судных Врат, через которые Христос шел на Голгофу (подробнее см. ниже). Вскоре встал вопрос о строительстве над местом раскопок соответствующего архитектурного «футляра». Но вопрос о нем затягивался в связи с тем, что у турецких властей, а более всего в Иерусалимской патриархии крепки подозрения, что

русские собираются построить в непосредственной близости от храма Гроба Господня собственную большую церковь. Лишь 13 сентября 1887 г. председатель ППО вел. кн. Сергей Александрович получает поздравительную телеграмму: «Первый камень на Раскопках торжественно положен сегодня при большом стечении народа и при всеобщем энтузиазме. Нижеподписавшиеся члены Общества и паломники, радуясь достопамятному событию, почтительнейше поздравляю Вас Императорское Высочество». Телеграмма подписана Консулом Д.Н. Бухаровым, архимандритом Антонином, уполномоченным ИППО в Иерусалиме Д.Д. Смышляевым, консульским агентом в Яффе В.Н. Тимофеевым, архитектором Г. Франгия и другими присутствовавшими на церемонии членами Палестинского общества.

Завершение проекта потребовало трех лет. Новое подворье, именовавшееся первоначально «Русский Дом», было освящено в день тезоименитства вел. княгини Елизаветы Федоровны 5 сентября 1891 г.³⁷ Внутри подворья была уже практически подготовлена к освящению церковь с иконостасом и размещенными в нем иконами, поскольку осенью 1890 г. ожидали прибытия в Иерусалим наследника-цесаревича Николая Александровича, но приезд его, как было уже сказано, не состоялся, а Иерусалимский патриарх всячески затруднял и оттягивал открытие нового русского храма.

Церковь во имя святого Александра Невского над Порогом Судных Врат была освящена в результате совместных усилий Сергея Александровича и русских дипломатов лишь через 6 лет – 22 мая 1896 г. – в память умершего к тому времени императора Александра III – создателя Императорского Православного Палестинского общества.

Уполномоченный ИППО в Иерусалиме Н.Г. Михайлов сообщал об этом знаменательном событии в своем донесении великому князю: «С рассветом 22-го мая все наши подворья, больница, здание Духовной Миссии и Русский Дом близ Гроба Господня украшены были флагами и транспарантами с вензелями Их Императорских Величеств и Вашего Императорского Высочества с Августейшей супругой. Ровно в 6 утра с колокольной Воскресенского храма раздался торжественный звон. Через несколько минут Патриарх, сопровождаемый греческим духовенством и управляющим нашим Генеральным Консульством, с 8 русскими и греческими кавасами во главе шествия, вошел в Русский Дом и тотчас же начал освящение церкви»³⁸.

Следующим памятником в Иерусалиме, связанным с деятельностью ИППО и его председателей, является нарядный семиглавый храм во имя Марии Магдалины в Гефсимании. Храм построен в типичном для царствования Александра III новорусском стиле. Характерные московские маковки и кокошники делают его не только одним из выразительнейших памятников Русской Палестины, но и своеобразным архитектурным символом современного Иерусалима.

...Во время пребывания в Иерусалиме вел. кн. Сергея и Павла Александровичей и Константина Константиновича (в мае 1881 г.) архимандрит Антонин подсказал братьям идею соорудить храм в память об их матери императрице Марии Александровне (1824–1880), указав в качестве наиболее удачного места для постройки верхнюю часть Гефсиманского сада на склоне Елеона. Осенью 1882 г. после долгих сложностей с покупкой место было приобретено на имя генерального консула в Иерусалиме В.Ф. Кожевникова. Два года спустя в Иерусалим командирован В.Н. Хитрово для решения организационных вопросов по строительству храма. Одновременно рескриптом на имя архимандрита Антонина вел. кн. Сергей Александрович просит его принять на себя главное руководство и наблюдение за постройкой церкви³⁹.

Автором проекта был замечательный русский архитектор Давид Иванович Grimm (1823–1898). Яркий представитель славного в анналах российской интеллигенции сословия «русских немцев», Давид Иванович всю свою творческую жизнь посвятил второй родине, России, русскому церковному зодчеству. По окончании Академии художеств, где он стал затем и академиком, и профессором, он много ездил по странам бывшего «Византийского содружества», специализируясь на изучении церковных памятников Закавказья. По его проектам (под личным его руководством или по письменным указаниям) сооружены храмы в память 900-летия Крещения Руси в Херсонесе, под Севастополем, в память покорения Кавказа – в Тифлисе; ряд русских зарубежных (посольских и «курортных») церквей – в Женеве, Копенгагене, Ницце. За церковь Марии Магдалины в Гефсимании Д.И. Grimm получил должность ректора архитектуры в Академии художеств⁴⁰.

Закладка храма состоялась 21 января 1885 г. В закладной надписи было сказано: «Сей священный храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины (заложен по воле благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича и Августейших Его братьев великих князей Владимира, Алексея, Сергея и Павла Александровичей в память в Бозе почившей родительницы их благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны»⁴¹. 3 июня 1885 г. Антонин телеграммой извещает помощника Председателя ППО М.П. Степанова: «Plan

polutchen gotow trouditsia»⁴². Смета строительства, оцененная иерусалимским архитектором и археологом К. Шиком (ему первоначально хотели поручить строительство) в 443 тыс. франков, была признана слишком большой. 7 февраля 1886 г. Степанов сообщает Антонину о том, что разрешено строить, исходя из сметы в 100 тыс. руб. Шик отказывается. Телеграмма Сергея Александровича М.П. Степанову от 20 марта 1886 г.: «Очень досадно. Не знаю, что предпринять. Сергей»⁴³. На другой день архимандрит Антонин телеграфирует в Петербург В.Н. Хитрово о том, что следует поручить строительство молодому иерусалимскому архитектору Георгию Франгя: «Frangias тоже находит мало 100 тысяч, но берется построить без пола, крестов, дерева, металла. Надо согласиться и спешить делом. Антонин»⁴⁴. В письме Антонину от 5 апреля 1886 г. М.П. Степанов цитирует письмо Сергея Александровича из Ливадии: «Прихожу к заключению, что постройкой Гефсиманской церкви следует поручить архитектору Франгя, если о. Антонин за него ручается. Пускай строит за 100 тыс. рублей, а там будет видно, как поступить: главное, чтобы строили и чтобы отец архимандрит не отказался следить внимательно за этим делом»⁴⁵. И уже в мае консул Д.Н. Бухаров доносит М.П. Степанову для передачи великому князю: «На чудном месте воздвигается памятник, достойный царской семьи и славы России. Каждый месяц будете получать графический отчет о ходе работ»⁴⁶.

Храм был построен за 3 года. Его сооружение и украшение обошлось не в 100 тыс. руб., как первоначально предполагалось, а в сумму, ровно в 2 раза большую. Император пожертвовал на строительство 100 тыс. руб., каждый из четырех его братьев – по 15 тыс., сестра, вел. княгиня Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская – 5 тыс. руб. Среди жертвователей и лиц, принимавших участие в изготовлении убранства церкви, – на первом месте вел. княгиня Елизавета Федоровна: она собственноручно вышила ковер перед жертвенником. Главным украшением храма является иконостас белого мрамора с темной бронзой, иконы для которого были написаны известным художником В.П. Верещагиным. Большие панно на каждой из четырех стен работы С. Иванова (не фрески, а живопись по холсту, прикрепленному затем к стене) отражают основные эпизоды из жизни Магдалины.

Для участия в торжественном освящении, состоявшемся в праздник Покрова Божьей Матери, 1 октября 1888 г., вел. кн. Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной и братом Павлом Александровичем совершают новое паломничество в Иерусалим (для братьев – уже второе). Программа путешествия включала посещение многих достопримечательностей и святых мест Восточного Средиземноморья⁴⁷. Помимо Константинополя, где паломникам был оказан самый почетный прием, они посетили Смирну, развалины Ефеса, Бейрут, Баальбек, Дамаск, Хайфу, Назарет, Кану Галилейскую и Фавор.

29 сентября, в седьмом часу утра, крейсер «Кострома» бросил якорь у Яффы. Сойдя на берег, великие князья направились по шоссе к Святому Граду. Как сообщил официальный «Правительственный Вестник», «в предместьях Иерусалима толпы народа ожидали приезда Их Высочеств и бегом бросились сопровождать их экипаж; дома консульств были разукрашены флагами; две триумфальные арки были сооружены на пути следования, из коих одна против построек Палестинского общества; улица вдоль стен русских казенных построек была красиво убрана флагами, гирляндами цветов и вензелями; на стенах теснились русские обыватели Св. Гроба и паломники; раздалось русское “ура”. Из храма Св. Троицы, находящегося посреди Русских построек, доносился трезвон колоколов. У Яффских ворот Иерусалима стоял турецкий батальон с музыкою на правом фланге. Их Высочества оставили экипажи и ровно в 4 часа дня вступили в Св. Град, причем со стен башни царя Давида был сделан салют из орудий.

От Яффских ворот Их Высочества направились пешком к храму Св. Гроба Господня. Открывали шествие 30 кавасов с серебряными булавами, за ними шли великие князья, великая княгиня, свита, русское консульство и власти; батальон сопровождал шествие по сторонам шпалерами»⁴⁸.

Главные торжества происходили непосредственно в храме Марии Магдалины. «По пути следования Их Высочеств, от дома русского консульства до церкви, стояли турецкие солдаты; конный конвой следовал за экипажем великих князей, а у ворот церковной ограды стоял почетный караул с музыкой, которая, при приближении Их Высочеств, заиграла русский гимн. По выходе из экипажа, у ворот Их Высочества направились пешком к церкви, при звоне колоколов вновь построенной церкви и русской церкви Вознесения, построенной о. Архимандритом Антонином на вершине Елеонской горы; на площадке, против храма, были выстроены матросы, в числе 90 человек, с клипера “Забияка” и крейсера “Кострома”, с офицерами на правом фланге. На той же площадке собрались приглашенные: губернатор Иерусалима Реуф-паша, комендант Иерусалима, греческий консул, русское консульство и слишком 150 человек русских паломников. Сергей Александрович поздоровался с командой, обошел фронт, и затем Их Высочества поднялись по лестнице в церковь, в дверях которой были встречены Блаженнейшим Никодимом с двумя архи-

ереями и нашей Духовною Миссиею в облачении. Когда Их Высочества вступили в церковь, Патриарх поднял с аналоя св. мощи, после чего начался крестный ход кругом наружных стен храма. Вел. князь и вел. княгиня, а за ними и все присутствующие последовали за крестным ходом. Открывали и замыкали шествие по 10 матросов, а прочие матросы шли по сторонам духовенства шпалерами. Перед входными воротами храма, которые закрыли тотчас по выходе из церкви крестного хода, Патриарх прочитал установленное Евангелие. После третьего обхода врата растворились, и духовенство, а за ним и Их Высочества вступили в храм. Началось освящение по чину, согласно православному уставу, причем молитвы Патриарх читал по-славянски. При положении св. мощей в ковчег, Патриарх троекратно провозгласил вечную память Императрице Марии Александровне; хор пропел *вечную память*, и все присутствовавшие опустили на колени. Минута была торжественная и в высшей степени трогательная⁴⁹.

...Паломничество в Святую Землю стало одним из важнейших моментов в созревании решения Елизаветы Федоровны о переходе в православие. Для убежденной немки-лютеранки из верующей протестантской семьи, имевшей право по русским законам оставаться в своем исповедании, это было сознательным и очень не простым шагом. 5 января 1891 г. она пишет наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (будущему государю Николаю II): «Я наконец решила присоединиться к вашей религии и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Это великий шаг, т.к. для меня начнется новая жизнь, однако я верю, что Господь благословит такое решение»⁵⁰. И двумя месяцами позже: «Суббота перед Вербным воскресением будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву» (вел. кн. Сергей Александрович уже назначен генерал-губернатором Москвы)⁵¹. 13 апреля 1891 г. принцесса Эллы стала православной.

История имела любопытное продолжение. В 1932 г. две подружки-шотландки Б. Робинсон и А. Спрот приехали в Иерусалим на поклонение святым местам, приняли православие, а затем и монашество и учредили на свои средства новую женскую монашескую общину. Первоначально она располагалась в Вифании – на русском участке, напротив греческого монастыря Марфы и Марии, приобретенном в 1909 г. начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Леонидом (Сенцовым)⁵², а затем была переведена в Гефсиманию, где и был при храме Марии Магдалины создан доныне существующий русский женский монастырь (в юрисдикции РПЦЗ). Основанная ими в Вифании русская православная школа для девочек-арабов – сегодня единственная русская школа в Палестине, последняя хранительница просветительных традиций Императорского Православного Палестинского общества.

Скажем еще о двух памятниках Русской Палестины. Прежде всего, это Сергиевское подворье в Иерусалиме. Еще в 1885 г., когда ясно стало, что Русские постройки, воздвигнутые Палестинским комитетом в начале 1860-х гг., не вмещают уже растущего числа паломников, Палестинское общество ставит вопрос о строительстве нового подворья. Первоначально планировалось строить новое здание на территории Старых построек (участка, застроенного в 1860–1864 г.). Но в мае 1886 г. уполномоченному Обществу в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву удалось приобрести по соседству с Русскими постройками новый участок, на котором и было решено начать строительство. Закладка фундамента состоялась 29 октября 1886 г. Строительными работами руководил городской архитектор Иерусалима – православный араб Георгий Франгья. Общая сумма, в которую обошлось Палестинскому обществу строительство, составила 328 тыс. франков⁵³.

Самым поздним в ряду иерусалимских проектов является Николаевское подворье, названное так в память о последнем российском самодержце. Договор на проектирование с петербургским архитектором А.Е. Элкиным был заключен в апреле 1902 г., закладка здания состоялась 5 сентября 1903 г. (в день тезоименитства вел. княгини Елизаветы Федоровны). И проектирование, и строительство в силу общих неблагоприятных обстоятельств (русско-японская война, революция 1905 г.) шли туго. Здание, не вполне законченное отделкой, было освящено лишь 6 декабря 1905 г. – в праздник Святителю Николаю Чудотворца⁵⁴. Расходы на его строительство составили 168546 руб.⁵⁵

...История безжалостно обошлась с наследием Русской Палестины – плодом многолетних усилий и затрат нашего народа. После 1917 г., когда Палестина по мандату Лиги Наций перешла под управление Британской администрации, англичане по-своему распорядились российским имуществом. В здании Духовной Миссии разместился Верховный суд (в 1948 г. английская вывеска сменилась на еврейскую, но суд по-прежнему насильственно «арендует» большую часть здания), в Елизаветинском подворье – полиция (колючая проволока по периметру стен красноречиво свидетельствует, что и ныне здесь расположен СИЗО). Марииинское подворье тоже было превращено англичанами в тюрьму, в ней содержали арестованных участников сионистской

террористической борьбы против британского режима. В настоящее время в здании устроен музей еврейского сопротивления. Николаевское подворье – ныне здание Министерства юстиции.

В 1948 г., когда возникло государство Израиль и советское правительство признало его одним из первых, все российские недвижимости, оказавшиеся по израильско-иорданскому разделу на территории Израиля, были возвращены Советскому Союзу. Но в октябре 1964 г., буквально за неделю до отстранения Н.С. Хрущева, была заключена так называемая «апельсиновая сделка». Большая часть земельных участков и зданий, принадлежавших России в Святой Земле, была продана израильскому правительству за 4,5 млн. долл.

Не проданными оставались лишь Троицкий собор и здание Миссии, принадлежавшие Церкви (впрочем, как уже говорилось, и миссийное здание в значительной части по-прежнему занято израильтянами), а также Сергиевское подворье, в котором размещалось иерусалимское представительство Российского Палестинского общества при Академии наук. При разрыве дипломатических отношений СССР с Израилем после Шестидневной войны 1967 г. и это здание было покинуто российскими представителями. Вернуть его, несмотря на законную его принадлежность России и многочисленные «договоры о намерениях», оказывается очень не просто. (Сейчас в его корпусах размещены службы Министерства сельского хозяйства.)

Памятники, связанные с именем председателя Императорского Православного Палестинского общества Сергия Александровича, существуют и вне Иерусалима. ИППО с самого начала своей деятельности уделяло большое внимание благотворительности и строительству в Галилее. В 1885 г. в Муджедилье (Мждеде, по другому написанию) была построена первая церковь Палестинского общества в Святой Земле – храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В том же году строится на средства Общества церковь Победоносца в Кане Галилейской. Щедрая помощь оказывалась также главному православному храму Назарета – церкви Благовещения у Святого источника. Иконы в серебряных окладах, написанные по заказу ИППО мастерами-иконописцами Троице-Сергиевой Лавры, донныне украшают интерьер храма⁵⁶.

История русского участка в Назарете восходит к 1864 г., когда российский консульский агент К. Аверино неподалеку от церкви Благовещения приобрел участок земли для будущей русской странноприимницы. Но лишь в 1901 г. состоялась закладка подворья на этом участке. Строительство (по проекту архитектора и археолога из Хайфы Г. Шумахера) продолжалось 3 года. Освящение подворья произошло в сентябре 1904 г.

4 февраля 1905 г. бомбой террориста был убит Председатель ИППО вел. кн. Сергей Александрович. Для увековечения его памяти Назаретскому подворью, только что законченному строительством, было присвоено наименование «в память вел. кн. Сергия Александровича»⁵⁷.

Обязанности Председателя Палестинского общества возложила на себя, с высочайшего разрешения, вел. княгиня Елизавета Федоровна. 14 февраля 1905 г. она телеграфировала в Совет ИППО: «Сердечно утешена милостью Государя поручить мне председательствовать в Императорском Православном Палестинском обществе. Сподобившись великого счастья поклониться Гробу Господню, я с тех пор сохраняю крепкую любовь и уважение к деятельности Общества. Уповаю, что молитвами моего незабвенного дорогого мужа Господь вразумит меня и поможет в совместной работе с достойными деятелями Общества служить на благо Его высокосвятым целям»⁵⁸.

В годы ее председательства совершились многие выдающиеся события в жизни Русской Палестины и Палестинского общества. 21 мая 1907 г. в Петербурге и Иерусалиме торжественно праздновали 25-летний юбилей ИППО. В дневнике Императора Николая II под этим числом читаем: «В 3 часа во Дворце состоялась празднование 25-летия Палестинского общества, сперва был отслужен молебен в Петровской зале, после чего в Купеческой происходило заседание»⁵⁹. Император почтил председателя Общества рескриптом, в котором был подведен итог четверти века работы Общества: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению»⁶⁰.

В 1911 г. праздновался другой крупный юбилей: 25-летие Назаретской мужской учительской семинарии. В 1912 г. Николай II утвердил принятый Государственной Думой законопроект о бюджетном финансировании учебных заведений ИППО в Сирии⁶¹. Аналогичную меру планировалось в будущем провести и для школ Палестинского общества, расположенных в Иудее и Галилее.

Просветительная работа ИППО и сейчас памятна среди арабской интеллигенции не только Палестины, но и Сирии, и Ливана. Пять народных школ было устроено в Бейруте в 1887–1896 гг. замечательным русским педагогом Марией Александровной Черкасовой⁶² – «Мамой Черкасовой», как донныне называют ее в Бейруте. В 1895 г. патриарх Антиохийский Спиридон обратился

в ИППО с просьбой принять в свое ведение женскую школу в Дамаске и несколько мужских училищ, а затем постепенно Общество распространило свою просветительную деятельность практически по всей Сирии. В школах ИППО училось 11 тыс. арабских детей в Сирии и в Палестине. В отличие от французских или английских школ, в которых преподавание велось (и ныне ведется) исключительно на европейских языках, в школах и учительских семинариях ИППО преподавали на арабском. Разумеется, в них учили также и русскому языку и литературе. Как пишет британский исследователь Дерек Хопвуд, «то, что школа была русской и в ней преподавался русский язык, создавало ей определенную репутацию и атмосферу. Знание русского языка было предметом гордости»⁶³. Но при этом приобщение к русской классике, с ее признанными, воспитанными на Евангелии, Пушкине и Достоевском «всечеловечности» и «всеотзывчивости», не сужало, а расширяло ментальность и духовный кругозор учащихся, облегчало им выход в пространство мировой культуры⁶⁴.

Разумеется, деятельность Общества не могла бы быть столь плодотворной без самоотверженной работы ученых палестиноведов и организаторов русского дела в Палестине. Важнейшей для становления и развития ИППО была подвижническая деятельность инициатора создания Общества и его секретаря В.Н. Хитрово. Значение этой личности для русского дела в Святой Земле трудно переоценить. В высочайшем рескрипте, полученном В.Н. Хитрово за неделю до кончины в апреле 1903 г., говорилось: «Василий Николаевич! Из отчетов, представленных мне августейшим председателем Императорского Палестинского общества, Его Императорским Высочеством вел. кн. Сергием Александровичем, я с отрядным чувством убедился в выдающемся успехе деятельности названного Общества... Столь блестящие результаты достигнуты благодаря пожертвованиям и постоянным заботам подвизавшихся на пользу Общества ревнителей веры и благочестия, в ряду коих вы заняли видное место вашими свыше двадцатилетними плодотворными трудами в званиях помощника председателя, члена Совета и секретаря Общества»⁶⁵.

Его ближайшим сотрудником был генерал Михаил Петрович Степанов, «alter ego великого князя Сергея Александровича», как называл его архимандрит Антонин. М.П. Степанов (он умер 12 декабря 1917 г.) сопровождал Сергея Александровича в обеих его поездках по Святой Земле, был учредителем и первым секретарем Православного Палестинского общества (1882–1889), а затем, до апреля 1917 г., бессменным «помощником председателя», оставшись на этом посту и после гибели великого князя, когда обязанности председателя исполняла Елизавета Федоровна.

Создание Сергиевского и Александровского подворий в Иерусалиме, о которых мы рассказывали выше, неразрывно связано с памятью одного из интереснейших деятелей общества Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1834–1893). Пермский уроженец, исследователь-краевед, на протяжении многих лет служащий пермской земской управы, Смышляев совершил в 1865 г. путешествие по Ближнему Востоку. Его воспоминания и впечатления о поездке на Синай, по Египту и Палестине публиковались еще в 1860–1870-х гг., задолго до возникновения Палестинского общества⁶⁶. Неудивительно, что он охотно принял приглашение В.Н. Хитрово отправиться в Иерусалим уполномоченным ИППО для развития его деятельности непосредственно в Святой Земле. Заметим, что исторические деятели Русской Палестины, истинное значение которых в русской политике на Востоке только теперь начинает приоткрываться, либо вовсе не отражены в историографии, либо отражены недостаточно и односторонне. «Смышляевская эпопея» (1885–1889) – одна из интереснейших страниц истории русского строительства в Палестине.

Преемником его на посту уполномоченного ИППО (позднее получившего звание Управляющего русскими подворьями в Палестине) стал Николай Григорьевич Михайлов, бывший капитан торгового флота, прослуживший в Иерусалиме до 1910 г. Последний дореволюционный период в жизни русской колонии (он оборвался с началом Первой мировой войны в 1914 г.) связан с деятельностью Павла Ивановича Ряжского. Он начинал как инспектор галилейских школ ИППО. Именно ему принадлежат обобщающие документы 1915 г., подводившие итог русского наследия в Палестине: доклад о недвижимостях ИППО⁶⁷ и докладная записка «Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией», направленная Советом Общества Министру иностранных дел С.Д. Сазонову «как выражение мнения и основанных на долголетнем опыте пожеланий Совета Общества при выработке по окончании войны мирного договора с Турцией»⁶⁸.

После Февральской революции и отречения от престола Николая II Елизавета Федоровна сочла необходимым отказаться от своего поста, чтобы не повредить в сложившейся ситуации дальнейшей деятельности Общества. 9 апреля 1917 г. Совет уже не «императорского» Право-

славного Палестинского общества принял отставку вел. княгини. Жить ей оставалось немногим более года.

...Странным образом сбываются иногда мечты и желания человека. Говорят, Елизавета Федоровна в Гефсимании в 1888 г. была восхищена красотой этого благодатного русского уголка на склоне Елеона и сказала: «Как бы хорошо жить и умереть здесь». Сегодня по бокам от иконостаса в храме Марии Магдалины находятся мраморные раки с мощами вел. княгини Елизаветы Федоровны (справа) и инокини Варвары (слева), добровольно принявшей вместе с нею мученическую смерть в Алапаевской шахте 18 июля 1918 г. Их мощи, как и останки погибших вместе с ними, после освобождения Алапаевска белыми войсками были извлечены из шахты и через всю Сибирь перевезены отступавшими колчаковцами последовательно в Хабаровск и в Пекин, куда они прибыли 3 апреля 1920 г. Через несколько месяцев, по желанию сестры великой княгини, принцессы Виктории Федоровны маркизы Мильфорд-Хевен, гробы Елизаветы Федоровны и сестры Варвары были отправлены в Шанхай, а оттуда – морем через Суэцкий канал в Порт-Саид и, наконец, в Иерусалим. Здесь останки были торжественно встречены английскими властями, греческим и русским духовенством, многочисленной еще тогда русской колонией и местными жителями. 30 января 1921 г. Патриарх Иерусалимский Дамиан в сослужении большого числа духовенства совершил их погребение в крипте церкви Марии Магдалины. После канонизации Елизаветы Федоровны и инокини Варвары их мощи были перенесены непосредственно в храм⁶⁹.

Научная деятельность ИППО

Одним из важнейших уставных направлений деятельности Императорского Православного Палестинского общества была научная работа в области исторического, археологического, филологического исследования стран библейского региона.

Вскоре после создания ИППО, осенью 1882 г. Совет Общества ставит вопрос о церковно-археологических раскопках на Русском месте – в Старом Городе, возле храма Гроба Господня. О настоятельной их необходимости инициатор создания Общества В.Н. Хитрово писал в докладной записке на имя вел. кн. Сергея Александровича в ноябре 1882 г.⁷⁰ Результатом стал рескрипт великого князя на имя Министра иностранных дел Н.К. Гирса от 5 ноября 1882 г. «Предполагая на собственные средства поручить произвести с ученой целью раскопки на этом месте, обращаюсь с просьбой в личное мне одолжение разрешить произвести таковые раскопки» (место, предназначавшееся когда-то под консульские постройки, оставалось в ведении МИДа)⁷¹. Сергей Александрович выделил из своих сумм тысячу рублей золотом и обратился через своего помощника М.П. Степанова к архимандриту Антонину (Капустину) с просьбой принять на себя руководство раскопками и контроль за расходом денег. По рекомендации архимандрита Антонина, к раскопкам был привлечен знаток иерусалимских древностей археолог и архитектор Конрад Шик⁷².

Кульминацией археологического поиска стало открытие 10 июня 1883 г. Порога Судных Врат, через которые Христос шел на Голгофу, – открытие, обесмертившее имя отца Антонина в истории русской библейской археологии, а также новые данные о местоположении и ориентации городских стен Иерусалима евангельского времени и о первоначальной планировке базилики Воскресения, воздвигнутой равноапостольным Константином⁷³. Впрочем, результаты раскопок интерпретировались неоднозначно и вызвали оживленную дискуссию в русском палестиноведении⁷⁴.

Это было только начало. Итоги научной востоковедческой деятельности ИППО подведены в ряде публикаций: в книге А.А. Дмитриевского «Императорское Православное Палестинское Общество за первую четверть века своего существования»⁷⁵; в его же докладной записке Совету ИППО (март 1915 г.)⁷⁶, в докладной записке Председателя Российского Палестинского общества академика Ф.И. Успенского (октябрь 1921)⁷⁷; в докладе заместителя Председателя РПО академика И.Ю. Крачковского (1950 г.)⁷⁸; в очерке истории ИППО К.Н. Юзбашяна (написан в 1985, опубликован в 1999)⁷⁹; в докладе архимандрита Августина (Никитина) на «Антониновских чтениях» 1994 г.⁸⁰; в статье Е.Н. Мещерской с соавторами (2000 г.)⁸¹.

Вот лишь краткий перечень предпринятых Обществом научных экспедиций на Ближний Восток за время его существования: в 1882 г. был командирован Обществом на Синай и в Иерусалим профессор А.А. Цагарели для изучения грузинских древностей⁸²; в 1883 г. начаты раскопки в Иерусалиме архимандритом Антонином и К. Шиком (см. выше); в 1886 г. доктор А.В. Елисеев отправлен для исследования древнего пути в Святую Землю через Кавказ и Малую Азию⁸³; в 1886 г. профессор Киевской духовной академии А.А. Олесницкий исследовал Храмовую гору – место древнего храма Соломона (результатом работы стал монументальный труд «Ветхозаветный храм»⁸⁴); в том же году П.В. Безобразов командирован в Грецию для поиска в книгохрани-

лицах византийских паломничеств в Святую Землю; в 1891 г. состоялась знаменитая экспедиция Н.П. Кондакова, А.А. Олесицкого и Я.И. Смирнова по памятникам христианских древностей в Хауране, Аджлуне и в Заиорданье⁸⁵. Результатом этой экспедиции является капитальный труд Н.П. Кондакова: «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине»⁸⁶.

В 1898 г. директор Русского Археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский получил от Общества 5 тыс. руб. на свое научное путешествие в Сирию, Баальбек, Пальмиру, Иерусалим⁸⁷, а художник Н.К. Клуге был командирован в Мадебу для воспроизведения древней мозаической карты Палестины, в то время только что открытой⁸⁸. В 1900 г. профессор В.Н. Мышцын едет за счет Общества в Иерусалим для описания рукописей и музея архимандрита Антонина⁸⁹. В 1902 г. академик Н.Я. Марр получил пособие от Общества для поездки на Синай для изучения в монастырском собрании грузинских рукописей⁹⁰.

Общество нередко оказывало материальную поддержку и другим ученым, путешествовавшим с научными целями на Ближний Восток: П.А. Сырку, А.И. Пападопуло-Керамевсу, И.И. Соколову, Х.М. Лопареву. В целом, по оценке А.А. Дмитриевского, на экспедиции и научные командировки Обществом было затрачено 38750 руб.⁹¹.

Из исследований укажем еще находки Антонина на принадлежавшем ИППО Гефсиманском участке (при строительстве церкви Марии Магдалины в 1885–1888 гг.⁹² и так называемого «дома Великого Князя» в 1892 г.⁹³), а также начатые в 1886 г. Д.Д. Смышляевым раскопки на участке в Иерихоне, подаренном Обществу иеромонахом Иоасафом (Плехановым)⁹⁴.

В 1900–1902 гг., по инициативе профессора П.К. Коковцева и секретаря ИППО В.Н. Хитрово, при Совете Общества были организованы «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран», которые В.В. Бартольд охарактеризует позже как «одну из немногих попыток образования в России общества ориенталистов со специальными научными задачами»⁹⁵. На собеседовании 1 апреля 1900 г. обсуждалась записка П.К. Коковцева «О необходимости русских археологических изысканий в Палестине и о желательности расширения в этих видах деятельности ученого отделения ИППО». Присутствовали крупнейшие востоковеды С.А. Жебелев, Н.А. Медников, В.Р. Розен, М.И. Ростовцев, Я.И. Смирнов, Б.А. Тураев. Докладчик привлек внимание к недостаточному развитию русского научного, в частности, археологического присутствия на Ближнем Востоке. Председательствовавший В.Н. Хитрово высказал надежду, что к 25-летию юбилею ИППО в 1907 г. можно будет собрать первый научный симпозиум русских археологов-палестиноведов⁹⁶. (С сожалением приходится констатировать, что и сегодня рано еще ставить вопрос об организации в России такого специализированного симпозиума.)

Когда в 1907 г. Общество праздновало свой «серебряный» юбилей (В.Н. Хитрово уже не было в живых), научный потенциал Общества и значение его работы на Ближнем Востоке были особенно подчеркнуты в приветственном адресе директора Русского Археологического института в Константинополе академика Ф.И. Успенского. «Русский Археологический Институт в Константинополе... вменяет себе в приятный долг, оглядываясь на пройденный Обществом путь, признать его громадные заслуги в деле распространения на Востоке русской культурной миссии». Отметив «срединное место», которое занимал РАИК «между центром, направляющим материальные и нравственные силы Общества, и фактическим театром его деятельности», Ф.И. Успенский «с чувством живой признательности» напоминает «свои неоднократные встречи с Палестинским Обществом на пустынном и скудно возделанном ближневосточном поле». «Благодаря взаимному доверию и общности научных интересов создавались между обоими учреждениями научные предприятия, которыми достигались немаловажные результаты»⁹⁷. Эти взаимное доверие и общность интересов привели уже после революции к тому, что академик Ф.И. Успенский возглавил в 1921 г. после смерти В.В. Латышева Российское Палестинское общество.

Лучшим свидетельством научного потенциала ИППО за все годы его существования стало главное научное издание Общества – «Православный Палестинский сборник», который является ровесником самого Палестинского общества. Точнее даже, если можно так выразиться, «старшим ровесником»: первый выпуск Сборника был издан В.Н. Хитрово в 1881 г.⁹⁸ – за год до официального учреждения Общества. Все эти годы ППС пользовался огромным заслуженным авторитетом в отечественном и мировом востоковедении. В ста его выпусках увидели свет множество ценнейших исследований и публикаций. Прежде всего, «хождения» в Святую Землю русских, византийских и западноевропейских паломников. Уже второй выпуск ППС включал публикацию так называемого «Бордосского путника 333 года» – древнейшего памятника, содержащего сведения о Святой Земле, увиденной глазами одного из первых христианских паломников. Учитывая, что лишь двумя годами позже состоялось освящение Иерусалимского храма Гроба

Господня (335 г.), можно оценить научное значение свидетельств современника строительства главного христианского храма. В ряду последующих публикаций следует упомянуть «хождения» Сильвии Аквитанки, или, как теперь ее называют, Эгерии (вып. 20), ирландца Аркульфа (вып. 49), Антонина из Плаценции (вып. 39), а также византийские проскитари: митрополита Даниила Ефесского, протонотария Пердики, патриарха Фотия, Иоанна Фоки и других. Изданные хождения русских паломников – от игумена Даниила (начало XII в.) до Арсения Суханова (XVII в.) – могли бы составить отдельную полную библиотеку.

Среди важнейших научных исследований, появившихся в разное время на страницах «Палестинского сборника», достаточно назвать монографии профессора Киевской Духовной академии А.А. Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (вып. 13, 1889) и «Мегалитические памятники Святой Земли» (вып. 41, 1895), профессора Московской Духовной академии Н.Ф. Каптерева «Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XIV до конца XVIII столетия» (вып. 43, 1895), иеромонаха Феодосия Олтаржевского «Палестинское монашество с IV до VI века» (вып. 44, 1896), классическую работу Н.А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» (вып. 50, т. 1–4, 1897–1903).

Особое место в наследии ППС занимают публикации архивных материалов по истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX вв. (вып. 56, 1901) и Архиепископии Синайской горы (вып. 58, 1908), а также «Сборник палестинской и сирийской агиологии», начатый А.И. Пападопуло-Керамевсом (вып. 57, 1907) и продолженный академиком В.В. Латышевым (вып. 60, 1908; вып. 63, 1917)⁹⁹. Важнейшим источником остается и другой временник Палестинского общества – «Сообщения ИППО», вышедшие с 1886 г.

Уже в разгар первой мировой войны, в 1914–1915 гг. группа петербургских ученых и чиновников во главе с сенатором Е.П. Ковалевским ставит вопрос о создании – в рамках Академии наук – Комитета палестиноведения в Петрограде и, по окончании войны, Русского Археологического института в Иерусалиме (по образцу функционировавшего в 1894–1914 гг. Русского Археологического института в Константинополе)¹⁰⁰. Дальнейшее обсуждение этого вопроса в апреле 1915 г. в Совете ИППО привело к проекту академика В.В. Латышева, отстаивавшего идею организации аналогичных учреждений в рамках Палестинского общества¹⁰¹.

Суть разногласий сводилась к тому, что участников «кружка» смущала в первую очередь «православная» титулатура Общества. В обоснование стремления обособиться и отделиться от ИППО Е.П. Ковалевский в письме к председателю Московского Археологического общества графине П.С. Уваровой представил следующие доводы: «Заботы о паломниках, о святых местах, о просвещении местного арабского православного населения, о народной литературе – умножаются и усложняются. При таких обстоятельствах есть основание думать, что на чисто научные работы Обществу может не хватить времени и средств. Затем, историко-археологические занятия, конечно, не будут ограничиваться христианской археологией. Большой интерес представляет исследование еврейских, языческих и мусульманских памятников, и титул «Православное Общество» будет служить ему (Обществу) некоторым тормозом для работы указанного рода»¹⁰².

Именно по этой причине, несмотря на то, что в предложенном встречном проекте его автор В.В. Латышев, возглавлявший научное отделение ИППО, старался скомпоновать устав Палестинского общества с уставом Константинопольского Археологического института, принимая во внимание и desiderata «совещания» Ковалевского¹⁰³, и, говоря непредвзято, оба проекта, Ковалевского и Латышева, выглядят как близнецы-братья, оппоненты ИППО быстро свернули дискуссию. «Оказалось, что и в новой редакции, одобренной Советом ИППО, – писал Е.П. Ковалевский вице-председателю Общества кн. А.А. Ширинскому-Шихматову в письме от 27 апреля 1915 г., – проекты эти (Комитета палестиноведения и Института в Иерусалиме. – Н.Л.) не вполне соответствуют принятому нами взгляду на научную деятельность предположенных учреждений, и потому собравшиеся (речь идет о не названных ни по числу, ни по именам участниках очередного «совещания» 20 апреля 1915 г. – Н.Л.) пришли к выводу, что в некоторых пунктах мы вряд ли можем найти приемлемые формы к соглашению с ИППО»¹⁰⁴.

Два года спустя, в самый канун Февральской революции, члены «кружка», возглавлявшегося Е.П. Ковалевским, «отдрейфовали» все-таки от Палестинского общества в Императорскую Академию наук. 4 февраля 1917 г. неприменный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург разослал ряду крупнейших петроградских востоковедов и византистов проект положения о Палестинском комитете в составе ИАН¹⁰⁵. Наступившая эпоха социальных катаклизмов оставила без последствий этот проект, как и многие другие. Основным центром российских исследований по Ближнему Востоку осталось именно Палестинское общество, хотя и растерявшее постепенно титулы «Императорское» (в марте 1917 г.) и даже «Православное» (в 1918 г.), но сохранившее

старые кадры и научный потенциал. Более того, в послеоктябрьские годы в Общество пришли и многие из тех востоковедов, кого смущало до революции его «нелиберальное» название.

«Православное востоковедение», на котором настанвало ИППО в дискуссии 1915 г., непосредственно связано было с историсофской и культурологической установкой на работу внутри православной Империи, которая в свою очередь рассматривалась как единственный правопреемственный гарант в поствизантийском пространстве. Наиболее ярко выразил это академик Н.Я. Марр в одном из последних совещаний о будущем Святой Земли, организованных Палестинским обществом и Министерством иностранных дел в самый канун крушения. «Раз Россия мировая держава, раз она существует не как *ego sum*, а как именно Мировая Держава, то в Палестине у нас должны быть права», – утверждал он, поставляя в самую тесную связь укрепление русского научного присутствия на Ближнем Востоке с общей великодержавной внешней политикой России¹⁰⁶.

Подведем некоторые итоги.

Главный из них – создание и сохранение Русской Палестины. Результат уникален: создана инфраструктура храмов, монастырей, подворий и земельных участков, приобретенных, обустроенных и отчасти донные принадлежащих России и Русской церкви.

Быть может, еще важнее тот, не учитываемый никакими цифрами, духовный вклад, который связан с хождением в Святую Землю десятков тысяч русских паломников. Историки донные дивятся этому небывалой в истории массовости и интенсивности опыту «диалога культур» и «народной дипломатии». Посланцы великой Северной Империи, «Хаджи-Москов-Кодс», как называли их на Востоке, смиренно обучались преодолению этнической, конфессиональной и «автокефальной» исключительности, воспитывали в себе, как любил говорить архимандрит Антонин, «терпимость, столь нужную тому, кто решился принести на Гроб Господень дань и своей признательной души вместе с тысячами других, подобных ему пришельцев, часто не похожих на него ничем, кроме одного образа человеческого и имени христианского»¹⁰⁷. Это было прежде всего общение с принципиально иной духовной цивилизацией, православной и древней. Это было знакомство с опытом многовекового «выживания» Церкви в крайне неблагоприятных условиях мусульманского ига. И опытное постижение парадоксальной, диалектической природы исторического процесса, благодаря которой именно мусульманское окружение с антихристианским гнетом, а порой даже намеренным террором и геноцидом, способствовало выработке чрезвычайного духовного иммунитета, поразительной гибкости при сохранении внутренней цельности и верности преданию. Словом, это был опыт, в огромной степени предвосхитивший трагические перемены в положении православия и крушение всего основанного на нем жизненного уклада в России в эпоху отделения Церкви от государства.

Современная жизнь и деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, напряженная и плодотворная, могла бы стать темой отдельного исследования. Появились и новые возможности возвращения России ее исконного достояния. Несколько лет назад Правительству РФ был возвращен большой участок, принадлежавший ИППО в Иерихоне и оформленный на имя председателя общества вел. кн. Сергея Александровича. В 1997 г. по решению руководства Палестинской Администрации Святейшему патриарху Алексию II во время визита в Святую Землю по случаю 150-летия Русской Духовной Миссии был подарен в качестве жеста доброй воли участок Аль-Атн в Вифлееме. А месяц спустя, в июле 1997 г., пришло известие, что Русской православной церкви возвращен Хевронский участок со знаменитым Мамврийским дубом, приобретенный когда-то архимандритом Антонином и находившийся до последнего времени в ведении Зарубежной церкви. Наконец, в январе 2000 г. сообщалось о передаче Московскому патриархату еще одного «антониновского» участка в Иерихоне.

Палестинское общество тоже знало в XX столетии периоды упадка и возрождения. Возобновление его работы в начале 1950-х гг. было связано с изменением ситуации на Ближнем Востоке. На рубеже 1980–1990-х гг. всестороннее обновление общественной жизни страны позволило добиться восстановления основных направлений уставной деятельности общества. В январе 1990 г. был организован большой международный научный симпозиум «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем», в котором приняли участие ученые из арабских стран, Израиля, Англии, США, ФРГ и Канады¹⁰⁸. Осенью того же года члены общества впервые смогли осуществить паломническую поездку в Святую Землю для участия в «Иерусалимском форуме: представители трех религий за мир на Ближнем Востоке».

22 мая 1992 г. Президиум Верховного Совета Российской Федерации принял постановление восстановить историческое имя Императорского Православного Палестинского общества и рекомендовал правительству принять необходимые меры по практическому восстановлению и

возвращению ИППО его имущества и прав. В соответствии с принятым новым уставом, максимально приближенным к первоначальному, 1882 г., в ИППО восстановлен институт почетного членства. Комитет почетных членов возглавляет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Палестинское общество осознает себя сегодня правопреемником не только по отношению к палестинским и иным зарубежным недвижимостям, но более всего по отношению к научным востоковедческим традициям ИППО. Кстати, первое не противоречит, но лишь материально обеспечивает второе: для правильного суждения о современных возможностях возобновления российских археологических и иных научных исследований в Святой Земле следует учитывать состояние российского, государственного и церковного, землевладения в регионе.

Сохранение и преемство традиций и основных направлений деятельности Русской Духовной Миссии и Императорского Православного Палестинского общества – несмотря на смену правительств и режимов, при царе, при Советской власти, при демократической России, с одной стороны, и равным образом при турках, англичанах, при государстве Израиль, с другой, – невольно заставляет задуматься, в чем сила подобного преемства. Кому-то может показаться странным, но восстановление Русской Духовной Миссии в Святой Земле как учреждения Московской Патриархии в 1948 г., как и ее основание в 1847 г. Николаем I, вновь было делом государственной политики. В более широком контексте частью той же государственной политики были и первый визит Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) в Святую Землю в победном мае 1945 г., и попытка Москвы на Совещании Глав и представителей Автокефальных Православных церквей в июле 1948 г., по случаю 500-летия Русской Автокефалии, вновь собрать Православный Восток, «как птица собирает птенцов под крыло свое».

Означает ли это возрождение – в новых исторических условиях, в новой социальной реальности – прежнего «константинопольско-иерусалимского» вектора русской духовной геополитики? Святая Земля по-прежнему незримо, но властно «ориентирует» и стабилизирует – позицию России в «безумном мире» экономических, политических, националистических интересов, глобальных перестроек и локальных войн.

Примечания

¹ Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества (далее Сообщения ИППО). Т. XXI. Вып. 3. 1910. С. 447.

² В переработанном виде он был вскоре напечатан: Мансуров Б.П. Православные поклонники в Иерусалиме. СПб., 1858.

³ Епископ Порфирий (Успенский). Ответ на недавние известия с Сиона. [Отзыв на «Записку» П.Б. Мансурова, присланную Порфирию вел. кн. Константином Николаевичем 27 декабря 1857 г.] // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. СПб., 1910. С. 429–468.

⁴ Там же. С. 465.

⁵ Правда, суммы оказались менее значительными, чем предполагалось: в среднем около 60 тыс. в год, а никак не 400 тыс. (Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество за первую четверть века своего существования. СПб., 1907. С. 28).

⁶ Мансуров Б.П. Отчет Палестинского комитета. 1858–1864. СПб., 1866.

⁷ Например, на Рождество 1858 г. в Иерусалиме находилось 489 паломников, из них 70% составляли женщины (Донесение консула В.И. Доргобужинова от 16/28 декабря 1858 г. // АВП РИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 3342, л. 2об.).

⁸ Из журнала явствует, что Комитет имел разрешение на сметные и несметные расходы на общую сумму 935968 руб. Опережая события, скажу, что реально израсходовано было 963622 руб. В том числе, расходы до начала строительства (т.е. приобретение земли, подготовительные работы и наем впредь до их завершения зданий для приема паломников) составили более 87 тыс. руб., расходы «по части Главного строителя» – более 725 тыс. руб., «по части консула» – около 76 тыс. и, наконец, в Петербурге потрачено более 75 тыс. руб.

⁹ Кондаков С.Н. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. СПб., 1914. С. 419.

¹⁰ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подготовка текста, вступ. статья и комментарии Н.Н. Лисового. Т. 1. М., 2000. С. 219.

¹¹ Несколько летописных данных из первых дней существования Русских подворий в Иерусалиме // Сообщения ИППО. Т. XII. Вып. 1. 1901. С. 68.

¹² В настоящее время Троицкий собор почти круглый год стоит практически безлюдный, но в конце XIX – начале XX в., когда на Пасху в Иерусалиме собиралось до 6–8 тыс. русских паломников, даже он ока-

зывался тесен. Подробнее: Лисовой Н.Н. Приди и виждь: свидетельства Бога на земле. М., 2000. С. 217–218.

¹³ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 248–249.

¹⁴ Нехуштай Ш.Ш. Русская деятельность в Палестине в конце Османского периода. Хайфа, 1984. (На иврите. Цит. по русскому переводу, имеющемуся в библиотеке РДМ в Иерусалиме).

¹⁵ Мансуров Б.П. Отчет Палестинского комитета. С. 13–15 второй пагинации.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ См., напр.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 378–379.

¹⁸ Отношение председателя Палестинского комитета А.В. Головинина на имя Министра иностранных дел кн. А.М. Горчакова от 10 апреля 1864 г. // АВП РИ, ф. Греческий стол, оп. 497, д. 2525, л. 4–4 об.

¹⁹ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. Репринт: М., 2002. Приложения. С. 5.

²⁰ Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова. С. 453.

²¹ Одно из дел, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (ф. Греческий стол, оп. 497, д. 2525), озаглавлено: «Об учреждении Палестинской Комиссии, о приеме денег и вещей из упраздненного Палестинского Комитета, а также журналы заседаний ее». Проект доклада – в указанном деле, л. 7–8.

²² Там же, л. 10.

²³ Там же, л. 14–15 об.

²⁴ Несколько летописных данных из первых дней существования Русских подворий в Иерусалиме. С. 72.

²⁵ Дмитриевский А.А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В.Н. Хитрово). Пг., 1915. С. 39.

²⁶ В начале 1884 г. в Святую Землю был командирован член Православного Палестинского общества доктор А.В. Елисеев с краткой инструкцией: «Прожить 2–3 месяца среди поклонников и представить верный отчет о виденном и слышанном». Опубликованная им по возвращении книга «открыла во всей ужасающей наготы безотрадное положение богомольцев» (Отчет Православного Палестинского общества за 1885–1886 год. СПб., 1886. С. 4–5).

²⁷ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 595–604.

²⁸ История Палестинского общества и его учреждений отложила в Архиве внешней политики Российской империи в виде большого специализированного фонда, получившего исторически неточное, но общепринятое обозначение РИППО – Российское Императорское Православное Палестинское общество (ф. 337/1 и 337/2). Первый из них содержит журналы заседания Палестинской комиссии за 1865–1889 гг. (см. выше). Второй, наиболее объемный и содержательный, включает 13 описей (оп. 873/1–13), в общей сложности 4940 дел, часть из которых, в свою очередь, включает по несколько десятков порой достаточно пространственных документов. Кроме того, дела Палестинского общества рассредоточены в фондах «Греческий стол» (25-й, 26 а, 26 б и 27-й «картоны», в старинном обозначении), «Посольство в Константинополе», «Политархив», «Азиатский Департамент», «Санкт-Петербургский Главархив» и др.). Подробнее: Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. Раздел 5–12.

²⁹ Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима // Херсонские епархиальные ведомости. № 19, 1 октября 1869. С. 651.

³⁰ Лисовой Н.Н. Ключ в Вифлеему. Из истории Императорского Православного Палестинского общества // Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992. С. 3–6.

³¹ Общее собрание ИППО 8 апреля 1901 г. // Сообщения ИППО. Т. XII. Вып. 1. С. 11.

³² Доклад общему годовому собранию ИППО 8 апреля 1912 г. // Сообщения ИППО. Т. XXIII. Вып. 2. 1912. С. 202.

³³ Общее собрание ИППО 8 апреля 1901 г. С. 11.

³⁴ Там же. С. 12.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Сообщения ИППО. Вып. 5. 1892. С. 587.

³⁸ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 496, л. 105–113.

³⁹ Там же, д. 492, л. 6.

⁴⁰ Кондаков С.Н. Список русских художников. С. 320–321.

⁴¹ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 412.

⁴² АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 492, л. 8.

⁴³ Там же, л. 57.

⁴⁴ Там же, л. 58.

- ⁴⁵ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 408.
- ⁴⁶ Там же. С. 419.
- ⁴⁷ Маршрут путешествия Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Сергея Александровича, Государины Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Государя Великого Князя Павла Александровича // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 192.
- ⁴⁸ Правительственный вестник. 1888, 27 октября. Цит. по: Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 161.
- ⁴⁹ Там же. С. 163.
- ⁵⁰ Материалы к житию преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. Изд. 2. М., 1996. С. 10–11.
- ⁵¹ Там же. С. 13–14.
- ⁵² Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы // Богословские труды. Сб. 36. М., 2001. С. 275, 303.
- ⁵³ Сергиевское подворье занимает участок в 4,25 тыс. кв. м. Двухэтажное здание главного корпуса с трех сторон обнимает внутренний дворик с садом, с четвертой (северной) стороны идут одноэтажные хозяйственные постройки. На углу, при пересечении двух улиц, высится главная достопримечательность подворья – башня с площадкой наверху, над которой до революции в праздничные дни гордо развевался флаг ИППО. В башне размещались библиотека (в нижнем этаже) и столовая для состоятельных паломников – в верхнем (Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 478. См. также: Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле. № 2. Сергиевское подворье // Там же. С. 692).
- ⁵⁴ Там же. С. 608.
- ⁵⁵ Палестина – Россия: связь времен. М., 1993. С. 16.
- ⁵⁶ Л и с о в о й Н.Н. Приди и виждь: свидетельства Бога на Земле. С. 17–18.
- ⁵⁷ В память о Сергии Александровиче, помимо церковных поминовений, было принято решение устроить отдельную мраморную мемориальную доску у Порога Судных Врат с иконой преподобного Сергия Радонежского и неугасимой лампадой. В 1909–1910 гг. московское отделение ИППО соорудило также сребряную мемориальную лампаду над входом в Кувуклию Гроба Господня (Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 322–325).
- ⁵⁸ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 373/1, д. 195, л. 18–18 об.
- ⁵⁹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 368.
- ⁶⁰ Сообщения ИППО. Вып. 3–4. 1907. С. 398–399. См. также: Д м и т р и е в с к и й А.А. Извлечение из исторической записки ИППО за 25 лет его существования. (Читано в торжественном заседании Общества 22 мая 1907 г.) // Там же. С. 430–451.
- ⁶¹ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 381–382.
- ⁶² Рескрипт председателя ИППО вел. княгини Елизаветы Федоровны на имя М.А. Черкасовой (в связи с 25-летием миссионерско-педагогической деятельности в Бейруте). С.-Петербург, 15 марта 1912 г. // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 193, л. 59–60.
- ⁶³ Х о п в у д Д. Русская просветительская деятельность в Палестине до 1914 г. // Православный палестинский сборник. М., 1992. Вып. 31 (94). С. 11–17.
- ⁶⁴ О школах ИППО и их значении для формирования арабской национальной интеллигенции см.: М а х а м и д О. Россия – Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2002.
- ⁶⁵ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 2. С. 332.
- ⁶⁶ С м ы ш л я е в Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. Пермь, 1877; е г о ж е. Подворье Палестинского общества в Иерусалиме. СПб., 1887; е г о ж е. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891 и др.
- ⁶⁷ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 299–312.
- ⁶⁸ Л и с о в о й Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество в канун крушения Империи: итоги и прогнозы // Православный Палестинский сборник. Вып. 101. М., 2003. (В печати).
- ⁶⁹ Подробнее: К у р а к с и н Н.В. Последний путь Великой Княгини Елизаветы Федоровны // Материалы к житию... С. 135–137. См. также: Из воспоминаний инокини Серафимы (в миру княгини М.А. Пуятиной, урожд. княжны Кудашевой). Об останках Великой Княгини Елизаветы Федоровны // Там же. С. 151–155.
- ⁷⁰ Донесение В.Н. Хитрово Председателю ППО Великому Князю Сергию Александровичу (ноябрь 1882 г.) // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 537–539.
- ⁷¹ Там же. С. 539.
- ⁷² О нем: S t r o b e l A. Conrad Schick. Ein Leben für Jerusalem. Fürth/ Bay. 1988.
- ⁷³ Извлечения из писем о. архимандрита Антонина // Православный Палестинский сборник. Т. 3. Вып. 1. 1884. С. 31–38.

⁷⁴ Хитрово В.Н. Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина // ППС. Т. 3. Вып. 1. 1884. С. I–XII; его же. Научное значение раскопок, произведенных Православным Палестинским Обществом на Русском месте близ храма Воскресения Господня в Иерусалиме. СПб., 1885; Мансуров Б.П. Базилика императора Константина во святом граде Иерусалиме. М., 1885; его же. Русские раскопки в святом граде Иерусалиме перед судом Русского Археологического Общества. Вып. 1. Рига, 1887; Покровский Н.В. Раскопки на Русском месте в Иерусалиме // Христианское Чтение. 1886. № 2; Журнал Совета Императорского Русского археологического общества. СПб., 1887 // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 325–338.

⁷⁵ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество за первую четверть века своего существования. СПб., 1907.

⁷⁶ Дмитриевский А.А. Записка в Совет ИППО о научной деятельности Общества // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 350–356.

⁷⁷ Опубликована в извлечениях: Грушевой А.Г. Императорское [Православное] Палестинское Общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 155–156.

⁷⁸ Крачковский И.Ю. Российское палестинское Общество и перспективы его работы // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 142–150. (публ. А.О. Тамашишвили.)

⁷⁹ Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории // Исторический вестник. 2000. № 6. С. 102–140; № 7–8. С. 132–154.

⁸⁰ Архимандрит Августин (Никитин). Русская библейская археология в Палестине // Богословские труды. Сб. 35. М., 1999. С. 64–91.

⁸¹ Мещерская Е.Н., диакон Александр Мусин, Пиотровский М.Б. Русская археология в Святой Земле. (Некоторые итоги и перспективы) // История древней Церкви в научных традициях XX века. СПб., 2000. С. 14–27.

⁸² Председатель ППО вел. кн. Сергей Александрович предоставил ему из личных средств 1500 руб., столько же, по ходатайству великого князя, выделил из сумм Кавказского управления главноначальствующий на Кавказе кн. Дундуков-Корсаков. Путешествие продолжалось 8 месяцев, с января по сентябрь 1883 г. Результатом исследований стала книга: Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае. СПб., 1888. (ППС. Т. IV. Вып. 1.).

⁸³ Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 321.

⁸⁴ Оленицкий А.А. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб., 1889 (ППС. Т. V. Вып. 1. 1889).

⁸⁵ Экспедиция 1891–1892 гг. длилась 5 месяцев и обошлась ИППО в 14500 руб. золотом. Подробнее о маршруте и научных результатах: Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998. С. 204–207.

⁸⁶ Кондаков Н.П. О результатах первой русской научной экспедиции в Святую Землю // Сообщения ИППО. 1892. Вып. 3. С. 144–160; его же. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

⁸⁷ Экспедиция РАИК во главе с Ф.И. Успенским отправилась в Сирию в 1900 г. См.: Успенский Ф.И. Археологические памятники Сирии // ИРАИК. 1901–1902. Т. 7. Вып. 1–2. С. 94–212.

⁸⁸ [Клуге Н.К.] По развалинам Заиордания // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. № 2. С. 152–216. Акварельное воспроизведение карты, сделанное Н.К. Клуге, наиболее точное для того времени, было приобретено ИППО за 1000 франков (Дмитриевский А.А. Извлечение из Исторической Записки Императорского Православного Палестинского общества // Сообщения ИППО. 1907. Вып. 3–4. С. 448).

⁸⁹ Составленные В.Н. Мышцыным описи хранятся в РГИА, в Санкт-Петербурге, в собрании Святейшего Синода (ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1240).

⁹⁰ В состав экспедиции входили также И.А. Джавахов, впоследствии известный грузинский историк, и будущий знаменитый византист А.А. Васильев. См.: Марр Н.Я. Предварительный отчет о работах на Синае, в сотрудничестве с И.А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 года // Сообщения ИППО. 1903. Т. XIV. Вып. 2. С. 1–51. Автор особо подчеркивает «быструю и щедрую помощь», полученную им от секретаря ИППО В.Н. Хитрово (с. 5). Составленные им каталоги будут изданы лишь посмертно, почти полвека спустя: Марр Н.Я. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. М. 1940; его же. Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриархата в Иерусалиме. Подгот. к печ. Е.П. Метревели. Тбилиси, 1955.

⁹¹ Дмитриевский А.А. Записка в Совет ИППО о научной деятельности Общества. С. 353.

⁹² При раскопке места под фундамент будущего храма, на внешней алтарной стороне были обнаружены древнееврейские скальные гробницы с характерными локулами (письмо Антонина секретарю ППО М.П. Степанову от 3 июля 1885 г.), в ноябре того же года был найден клад серебряных монет времен крестоносцев (письмо тому же адресату от 16 ноября). См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 414, 416.

- ⁹³ Новые археологические находки близ церкви Марии Магдалины // Сообщения ИППО. 1892. № 3. С. 355.
- ⁹⁴ См. переписку Д.Д. Смышляева с Советом ППО: Архив внешней политики Российской Империи, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 18–24.
- ⁹⁵ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 475.
- ⁹⁶ Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1. С. 12 и сл.
- ⁹⁷ Там же. 1907. Вып. 3–4. С. 497.
- ⁹⁸ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. СПб. 1881.
- ⁹⁹ Всего в дореволюционный период вышло 63 выпуска. В советские годы «Палестинский сборник» был возрожден в 1954 г. в связи с общей активизацией деятельности РПО после создания государства Израиль. Первый выпуск возобновленного издания вышел с неверной нумерацией: «Вып. 1 (63)». Для восстановления правильного счета следующий выпуск был обозначен как сдвоенный: «Вып. 64–65». В 1992 г., начиная с 31 (94) выпуска, восстановлено историческое название: «Православный Палестинский сборник». К настоящему времени вышло 99 выпусков, печатается 100-й.
- ¹⁰⁰ Ковалевский Е.П. Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 339–349.
- ¹⁰¹ Там же. С. 361–366.
- ¹⁰² Письмо Е.П. Ковалевского графине П.С. Уваровой. 15 января 1915 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 349–350.
- ¹⁰³ Там же. С. 361.
- ¹⁰⁴ АВР РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 602, л. 82–82 об.
- ¹⁰⁵ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. С. 366.
- ¹⁰⁶ АВР РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 6, л. 203–204.
- ¹⁰⁷ Архимандрит Антонин (Капустин). Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 1866. С. 7–8.
- ¹⁰⁸ Труды симпозиума опубликованы: Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992.

© 2003 г. А. С. ТУМАНОВА*

КОНСЕРВАТОР ВО ВЛАСТИ: ГУБЕРНАТОР Н.П. МУРАТОВ

*Российские губернаторы, кажется, вскоре дадут
повод к созданию международной поговорки:
скажи мне, каковы у вас губернаторы,
и я скажу, какой строй в вашей стране
(Вестник Европы. 1913. № 7)*

Последнее десятилетие существования царского режима представляло собой новую эпоху в истории российской монархии. Накануне и в годы Первой русской революции был дан мощный импульс становлению основ конституционного строя. Государственная дума, политические партии и общественные организации, освободившаяся от тисков предварительной цензуры печать, медленно встраивавшиеся в ткань романовского самодержавия, концентрировали вокруг себя передовые силы страны, становились мощными центрами формирующейся российской общественности, своеобразными «парламентами общественного мнения».

Растущий поток антиправительственных настроений, обрушивавшихся на российскую власть, пугал и одновременно ожесточал ее. «Нынешняя эпоха, — отмечал журнал «Вестник Ев-

* Туманова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Открытое Общество (RSS/OSSF), RSS №: 468/2000.

ропы”, – откровеннее и прямолинейнее предыдущей. Не только оппозиция подняла свое забрало, но и администрация более открыто выявляет свои мысли, чувства и поступки. Некоторые провинциальные администраторы доходят, с прогрессивной точки зрения, до своего рода цинизма, открыто и вызывающе заявляя обществу: «Я – черносотенец». Но это, может быть, не цинизм, а простая откровенность, поднятие забрала пред противником, который тоже не скрывает своего лица»¹. Подобное поведение отдельных представителей правящей элиты вызывало еще большие недоброжелательство и отпор оппозиции.

К числу государственных деятелей среднего звена, постоянно испытывавших на себе неприязнь либеральной общественности, относился Н.П. Муратов. Какой бы пост он ни занимал – прокурора окружного суда, губернатора, члена Государственного совета, – везде он показал себя последовательным и бескомпромиссным защитником интересов и прав самодержавия. «Черносотенец», «губернатор, знаменитый в истории русской антикультуры», «человек, которому тесно даже в предоставленных ему безграничных рамках», «борец с крамолой, доведший до оцепенелого состояния Тамбовскую губернию», – все эти нелестные эпитеты использовала в отношении Муратова прогрессивная столичная печать. Проводимый им в провинции политический курс называли «твердокаменным», установленный режим – «воеводским». Пожалуй, лишь немногие местные администраторы (вологодский, а затем нижегородский губернатор А.Н. Хвостов, ярославский – А.А. Римский-Корсаков, тверской, а позднее симбирский – А.А. Ширинский-Шихматов) могли поспорить с ним в «популярности» в левых кругах.

Постоянно находясь под «перекрестным обстрелом» думских деятелей, газетчиков, либеральных дворян и земцев и являясь человеком прагматичного склада, Муратов не мог не сознавать новых реалий жизни страны. В этих условиях его деятельность как представителя власти, находящегося на переднем крае борьбы с «крамолой» за укрепление идеалов и ценностей самодержавия, входила в неизбежное противоречие с российской действительностью. Исследование феномена поведения традиционалиста-консерватора в модернизирующемся обществе – цель настоящей работы.

Среди российских губернаторов времен Первой русской революции было немало людей незаурядных, ярких, колоритных, но все они боролись со «смутой», общественной оппозицией и пытались установить порядок. Именно такая задача выпала на долю возглавившего осенью 1906 г. Тамбовскую губ. Н.П. Муратова. Человек консервативных и даже реакционных взглядов, он отрицательно относился к либеральным реформам и нововведениям и оставался убежденным сторонником авторитарной власти в центре и на местах.

Летом 1906 г. П.А. Столыпин, недавно получивший портфель министра внутренних дел, подыскивал руководителя в Тамбовскую губ. Личность тогдашнего управителя губернии Б.М. Янушевича – ставленника С.Ю. Витте и товарища министра внутренних дел С.Д. Урусова – не устраивала Столыпина. Придерживаясь либеральных взглядов и будучи аттестованным В.М. Пуришкевичем и правой печатью как «враг правых»² и «сторонник “конституционно-демократического” режима»³, Янушевич был осторожным и достаточно мягким администратором, учитывавшим в своей деятельности различные политические веяния. К тому же как поляк по национальности он не особенно импонировал новому министру и совсем не подходил, на его взгляд, для решения задач, стоявших перед начальником Тамбовского края.

По своим размерам и численности населения Тамбовская губ. являлась одним из густонаселенных регионов Европейской России⁴. Она характеризовалась развитыми традициями земского самоуправления, активным и влиятельным в столичных сферах дворянством. Охваченная в 1905–1906 гг. крестьянскими волнениями, губерния нуждалась в сильном руководителе, способном потушить пожар революционных страстей и последовательно проводить в жизнь курс правительства по стабилизации экономического и общественно-политического положения в стране. В этих условиях выбор премьер-министра пал на прокурора Ярославского окружного суда Муратова.

В своих воспоминаниях последний пытался представить служебное повышение как факт сам по себе случайный, своеобразный подарок судьбы. Возможно, краткость его свидания со Столыпиным на даче премьера на Аптекарском острове, длившегося всего 10 минут, а также равнодушный вид премьера, видимое отсутствие у него интереса к беседе и личности собеседника давали Муратову основания для подобного заключения. Ему казалось, что должного впечатления на Столыпина он не произвел. И все-таки выбор тамбовского губернатора состоялся.

Зарубежные историки, исследовавшие критерии отбора претендентов на губернаторский пост, отмечали, что важное значение имели здесь, помимо традиционной протекции, личные качества кандидата, уровень его образования, практический опыт работы в местной администрации и др.⁵ Английский исследователь Э. Мосс указывал также на зависимость между социаль-

ным статусом кандидата на губернаторское место и выбранной для него губернией. Поясом из десяти смежных губерний Центрально-черноземной зоны, считавшихся привилегированными областями Российской империи, утверждал этот историк, управляли представители потомственного, а нередко и титулованного дворянства⁶. В периоды острых социально-политических катаклизмов (войн, революций, крестьянских и рабочих выступлений), которыми было отмечено царствование Николая II, эти критерии могли варьироваться, однако особый акцент делался на знании местных условий, а также «бойцовских» навыках претендента, его энергичности, решительности, личном мужестве.

Нельзя в этой связи не признать прозорливости Столыпина, обнаружившего в Муратове многие из перечисленных качеств. Николай Павлович Муратов родился 25 января 1867 г. в семье рязанского дворянина. И хотя семейство Муратовых, как и многие другие дворянские семьи того времени, испытывало серьезные материальные трудности, образование молодой Николай получал в элитном юридическом учебном заведении для дворянских детей – Императорском училище правоведения в Петербурге, являвшемся по существу кузницей российских губернаторов. По отзыву самого Муратова, особым рвением к учебе он не отличался и имел «более чем тихие успехи в науках», благодаря чему ухитрился остаться на второй год в старшем отделении приготовительного класса. Вспоминая время, проведенное в училище, с неизменным благоговением, Муратов отмечал, что в случавшихся конфликтах с учителями и училищным начальством он всегда оказывался в первых рядах и, имея репутацию коновода, был вынужден «расхлебывать кашу»⁷.

Закончив обучение, Муратов был определен в 1889 г. на службу кандидатом на судебные должности при Кутаисском окружном суде. Спустя четыре года, в апреле 1893 г. Муратов переводится во Владимирскую губ., сначала на место судебного следователя, а затем товарища прокурора окружного суда. Во Владимире он приобрел, по собственному признанию, популярность «готового обвинителя по большим делам» и пошел на повышение, получив в 1899 г. то же место в Московском суде, где выступал в основном в качестве обвинителя при рассмотрении дел о мелких кражах. В начале 1903 г. Муратов выставил свою кандидатуру на должность прокурора в Архангельске, но провалился, о чем если и сожалел, то недолго, поскольку уже в декабре 1903 г. был назначен прокурором в Тверь.

В то время там губернаторствовал А.А. Ширинский-Шихматов – убежденный реакционер, скандально известный преследованием отличавшегося либеральным духом местного земства. С его подачи и при поддержке министра внутренних дел В.К. Плеве правительство применило к тверскому земству исключительные меры, заметно сузив права земских собраний, заменив выборных членов управ назначениями МВД и выслав видных земских служащих – И.И. Петрункевича, А.И. Бакунина, М.П. Литвинова и др. за пределы губернии⁸.

Что касается убеждений самого Муратова, то они были, по его признанию, «в цвет и масть» тверскому губернатору. «Сам я к 1903 г., – писал Муратов, – совершенно излечившись от либеральных бредней, бродивших во мне в начале моей владимирской жизни, выработал... определенный взгляд на окружающую... действительность»⁹. Именно это и не позволило Муратову найти общий язык с новым тверским губернатором либералом С.Д. Урусовым. Поэтому в январе 1905 г. он «с титулом неуживчивого и бестактного» был переведен прокурором в Ярославль. Отношения с ярославским губернатором А.А. Римским-Корсаковым у него сложились, и последние на аудиенции у Столыпина тепло отзывались о работе прокурора Муратова.

Трудно сказать, что сыграло решающую роль в назначении Муратова на губернаторский пост: протекция Римского-Корсакова и его бывшего начальника и друга Ширинского-Шихматова¹⁰ или личные качества непреклонного борца с либеральной общественностью и прессой. Вероятно, бойцовский характер Муратова действительно импонировал Столыпину, который сам на протяжении многих лет работал в провинции и отличился энергичными действиями по подавлению аграрных беспорядков в Саратовской губ. В любом случае Муратов считал Столыпина своим благодетелем, вспоминая о нем с неизменным благоговением.

Свое повышение из «маленьких провинциальных прокуроров» в губернаторы, да еще в такую губернию, как Тамбовская, Муратов воспринял восторженно, сравнивая его с крупным денежным выигрышем. «Тамбовская губерния, – писал он, – по тем сведениям, которые нам были известны из газет, была одна из самых серьезных, вся в недавних пожарах помещичьих усадеб, с какими-то историями, бунтами, убийствами вице-губернатора Богдановича, советника губернского правления Луженовского и полицейских чинов». Существовали, однако, у него и определенные сомнения в своей способности справиться с возложенной на него миссией: «...Губерния громадная по размеру, с богатым и знатным дворянством и делившимся почти на равные две пар-

тии земством была не по плечу мне с моими крохотными знаниями и более чем скромным опытом...»¹¹

Первое его появление в свете в качестве тамбовского губернатора произошло на обеде у петербургского градоначальника В.Ф. фон-дер-Лауница, что было само по себе символично. Чрезвычайно занятый подготовкой к отъезду в Тамбов, Муратов не пожалел времени и принял переданное ему через Ширинского-Шихматова предложение провести вечер в обществе «истинно русских» людей. Хозяин дома Лауниц имел поместья в Тамбовской губ. и служил там с 1902 по 1906 г. губернатором. Он показал себя жестким руководителем, подавившим первые очаги крестьянских выступлений в 1905 г. После переезда в Петербург Лауниц продолжал интересоваться обстановкой в губернии. «Как он вглядывался в меня, – вспоминал Муратов, – как сверлил меня своими горящими глазами, как осторожно, умно и тонко раздвигал занавески чужой души! Он неотступно следил за первыми моими шагами»¹².

Кроме Лауница, Муратов познакомился здесь с некоторыми тамбовскими деятелями – председателем губернской земской управы И.И. Стерлиговым, председателем дворянства Шацкого уезда и председателем местного отдела Союза русских людей кн. В.М. Волконским и др.¹³ Эти люди вводили нового губернатора в курс его будущей деятельности, снабжали практическими советами и давали характеристики видным представителям тамбовского общества. Беседа с Лауницем, безусловно, имела для Муратова программное значение. План действий сводился прежде всего к тому, чтобы продолжить дело, начатое Лауницем. «Он (пожар 1905 г. – А.Т.), – писал Муратов, – был еще до меня целиком потушен Лауницем... На мою долю остались лишь головершки, чад, гарь и общий беспорядок от суматохи. Затоптать то, что еще тлело, устроить сквозняк, чтобы очистить воздух, расставить вещи по местам», – такой представлялась ему роль губернатора¹⁴. Впечатление от этой встречи было столь велико, что затмило собой состоявшееся в то же время официальное представление Муратова как тамбовского губернатора Столыпину в Зимнем дворце и визиты к другим министрам.

Роль неуживчивого и строгого администратора, которую взялся исполнять Муратов, требовала соответствующей манеры поведения. Опыт многолетней службы в провинции подсказывал ему, сколь важно верно взять первую ноту и произвести нужное впечатление на губернскую публику. Сообразуясь с этим, Муратов продумал все детали своего появления в тамбовском обществе: «скрывая свое смущение под маской угрюмости», он создавал себе имидж «свиноголового и немолчаливого начальника», который сопутствовал ему на протяжении всего периода службы в Тамбове¹⁵. Вступив в управление Тамбовской губ. 29 сентября 1906 г., Муратов первые месяцы знакомился с местными делами. Единственной областью, в которой он разбирался в совершенстве по роду своей предшествующей службы, была судебная сфера. И хотя суд с формально-юридической стороны не находился под контролем губернатора, Муратов стремился ограничить самостоятельность судебных учреждений и обуздать тамбовских судейских, «считавших себя какой-то английской концессией в Шанхае» и смотревших на губернатора «как на богдыхана, имеющего право рубить головы своим китайцам... но даже помышлением не могущего тронуть их»¹⁶.

Конфликт с представителями судебной сферы начался с того момента, когда прибывший губернатор отказался почтить визитом председателя тамбовского суда на том основании, что тот слыл либералом. Грубым посягательством администрации на независимость суда стал инцидент, произошедший в тамбовском окружном суде осенью 1907 г., когда губернатор подверг помощника присяжного поверенного К.Н. Шатова денежному штрафу за произнесенную им в суде речь, где, в частности, критиковались неправомерные действия полицейских властей, побоями вырывавших у неповинных людей признания. Столичные газеты пестрели заметками о «тамбовском административном перле». Прогрессивная печать расценивала случившееся как «грубое вторжение исполнительной власти в область судопроизводства», попрание свободы слова в суде, и призывала к отставке тамбовского губернатора¹⁷. С критикой его поступка выступили в печати известные юристы сенаторы Н.С. Таганцев, Н.И. Камышанский, Н.А. Добровольский и др. Министерство внутренних дел, традиционно поддерживавшее губернаторов в их конфликтах с другими ведомствами, также сочло это распоряжение незаконным и отменило его. Лишь немногие правые издания оправдывали действия губернатора чрезвычайными законами и положением об усиленной охране, желая всяческого долголетия полицейскому гению Муратова¹⁸. Проявляя служебное рвение при решении даже незначительных вопросов, стремясь компенсировать свою неопытность и незнание дела жесткостью в отношениях с подчиненными, Муратов, по его собственному признанию, «действовал излишне резко, употреблял повелительный тон без нужды... и часто громадное количество времени и труда употреблял на зарядание и выстрел из пушки по воровью»¹⁹.

Политическим кредо тамбовского губернатора являлось убеждение, что хотя в годы революции самодержавию и пришлось временно отступить, в ближайший период предстоит взять реванш и восстановить былую прочность позиций. Уже по прошествии двух недель после вступления в управление губернией, в письме от 14 октября 1906 г. к предводителям дворянства и председателям земских управ Муратов с возмущением констатировал: «В области местных дел давно идет кое-где открытая, кое-где глухая, но повсюду упорная борьба; на губернскую власть со всеми ее отростками и на земские и городские учреждения ... идет организованное, сплоченное и находящее себе самую широкую поддержку нападение». К группе «нападающих» губернатор причислял большинство земских служащих (врачей, учителей и др.), многих представителей неземской интеллигенции и примкнувшее к ним простонародье, готовое «по темноте своей слепо верить всяким посулам»²⁰. Тон этого воззвания не оставлял сомнений в том, что во главу угла новый губернатор ставит государственный интерес, резко противопоставляя его интересу общественному. Подобное умонастроение неизбежно приводило Муратова в столкновение с приобравшими вес общественными силами.

Исследователь отношений самодержавия и дворянства Ю.Б. Соловьев, давая характеристику политическим взглядам Муратова, справедливо отмечал: «Человек реконкисты с головы до пят, он весь был проникнут боевым настроением, видя весь смысл своей деятельности в том, чтобы изо всех сил теснить ненавистное новое, раз уже его нельзя было выкорчевать без остатка, не думая ни о перемирии, ни об ослаблении напора... Практика его действий стояла в полном соответствии с этим воинствующим неприятием совершившихся перемен. Повернувшись к ним спиной, как будто бы их вовсе не существовало, он держался губернатором николаевских времен, считая себя полновластным хозяином губернии, и поступал в убеждении, что он может стереть в порошок всякого, кто только осмелится на малейшее неповиновение»²¹.

Свою главную опору в этом ожесточавшемся с каждым днем противостоянии с общественностью губернатор видел прежде всего в полиции. Муратов приложил немало усилий к тому, чтобы улучшить состав тамбовской полиции и повысить престиж полицейской службы в глазах населения. Он самолично подавал приставам руку, исправников считал начальниками уездов и своими доверенными лицами. «Полицейские чины хорошо знали, что они для меня не букашки и что я их в обиду не даю», – вспоминал Муратов²². Другого своего союзника губернатор стремился обрести в среде высших церковных иерархов Тамбовской епархии. С архиепископами Иннокентием и Кириллом он поддерживал исключительно теплые отношения, неизменно апеллируя к авторитету Церкви в решении вопросов даже чисто административного характера. Православно-патриотической риторикой были пронизаны и многие проводившиеся по инициативе губернской власти официальные мероприятия, преследовавшие цель воспитания верноподданных и предохранения их от увлечения радикальными идеями. К 100-летию Отечественной войны 1812 г. губернатор подготовил книгу, представлявшую исторический обзор событий войны, продемонстрировавшей могучую силу русского оружия и величие духа народа-победителя. Посвящая в замысел создания книги министра внутренних дел А.А. Макарова, Муратов объяснял свой интерес к яркой эпохе наполеоновских войн желанием «восстановить во всей исторической правде величавую картину прошлого, которую умышленно стараются загрязнить... деятели левой прессы» и «создать противовес развращающим народное сознание сытинским изданиям»²³.

С лекциями по материалам своей книги Муратов выступал в Дворянском собрании и учебных заведениях города. Книга Муратова не была самостоятельной исследовательской работой, но все же обладала некоторыми достоинствами. Она получила высокий отзыв профессора Военной академии, руководителя Военно-исторического общества генерал-майора А. Байова, а также председателя Тамбовской ученой архивной комиссии А.Н. Норцова. По мнению последнего, книгу Муратова отличали историческая объективность, отсутствие всякой пристрастности и тенденциозности в освещении великих событий российского прошлого, описанных автором «в духе любви к Отечеству и народной гордости», а также яркий литературный язык²⁴.

Четко определившись со своими противниками и соратниками, Муратов с присущей ему энергией и настойчивостью выступил в поход против местной либеральной общественности. Первый удар пришелся на тамбовскую печать. Признавая широкие возможности печатного слова, Муратов отрицательно оценивал правительственную политику в отношении прессы. По его мнению, при министре внутренних дел П.Д. Святополк-Мирском и премьер-министре С.Ю. Витте правительство «страшно лебезило перед газетчиками». «Лизание пяток» прессе подрывало престиж власти, «ставило губернаторов в отчаянное положение, ибо достаточно было кому-нибудь борзописцу что-нибудь сбредить в распространенном органе, как сейчас же летели запросы, требования объяснений и посылались разные вице-директоры для выяснения на месте»²⁵. Отношение Муратова к оппозиционной прессе вполне разделялось его непосредственным

начальником Столыпиным, подмечавшим в ее деятельности стремление «всеми возможными способами подорвать доверие к правительственной власти»²⁶.

Особое беспокойство Муратову доставляла газета «Тамбовский голос», редактором-издателем которой являлся один из лидеров местных кадетов Л.Д. Брюхатов. Негативно оценивая публикуемые газетой материалы на общественно-политические темы, губернатор предъявил редакции ультимативные условия: газета не должна была касаться ситуации в армии, злободневность которой придавал происшедший летом 1906 г. бунт в тамбовском запасном кавалерийском полку, а также жизни тамбовских учебных заведений, где произошла серия забастовок и несанкционированных собраний. Муратов требовал «не травить» власть, понимая под травлей власти «перепечатку из газет различного рода сплетен и небылиц о действиях правительства и должностных лиц»²⁷. Каждый номер «Тамбовского голоса» после набора в типографии пристав немедленно относил губернатору, который внимательно его прочитывал, причем в случае обнаружения каких-либо нежелательных тенденций весь тираж арестовывался. В общей сложности Муратов наложил на газету 17 арестов. Расчет губернатора сводился к тому, что с момента запрещения номера до рассмотрения дела в суде проходило в среднем около недели, и хотя ни один из арестов газеты не был утвержден судом, недельного срока было вполне достаточно, чтобы опубликованные материалы потеряли свою актуальность. В результате постоянных перерывов в издании газеты подписка на нее резко сократилась, упали доходы от розничной продажи, и уже в начале 1907 г. она прекратила свое существование²⁸.

Борьба Муратова с левой печатью приобрела особенно острый характер в период избирательных кампаний в Государственную Думу. Так, в ходе подготовки выборов в IV Думу губернатор циркулярными распоряжениями запрещал земским и правительственным служащим, проживающим в уездах, выписывать многие повременные издания. Запрещалась и рассылка их подписчикам через волостные правления. «Я просил бы очень опросить священников, фельдшеров, учителей, продавцов в винных лавках, – говорилось в губернаторском циркуляре, – состоят ли они подписчиками “Биржевых ведомостей” и других левых листков. Если они ответят, что не состоят, то газеты, адресованные им, подлежат истреблению. А если они ответят утвердительно, то списки этих лиц сообщить мне, но газеты не конфисковывать и не истреблять»²⁹. В числе «запрещенных» периодических изданий, помимо «Биржевых ведомостей», числились «Русские ведомости», «Русское слово», «Русское богатство», «Современный мир» и др. Следует заметить, что подобный способ выявления благонадежности населения не вызвал поддержки центральной власти, посчитавшей его чрезмерно радикальным. По мнению министра внутренних дел Макарова, действия тамбовского губернатора по выявлению подписчиков на указанные газеты с передачей информации о них вышестоящему начальству превышали его должностные полномочия³⁰. Однако уже год спустя опыт Муратова по преследованию левой прессы был использован в Рязанской и Курской губ., где также был учрежден «земский почтовый индекс»³¹.

Борьба с демократической печатью в политике Муратова сочеталась с всемерной поддержкой правой прессы. Единственным в Тамбове изданием, отвечавшим интересам как местной, так и правительственной власти, Муратовым был признан рупор Союза русских людей газета «Тамбовский край», редактировавшаяся С.Г. Кишкиным. Губернатор оказывал газете самую широкую поддержку как в виде финансовых дотаций, благодаря чему подписная цена на нее стала одной из самых низких, так и неоднократными приказами чиnam полиции, почтово-телеграфного ведомства и иных учреждений способствовать ее повсеместному распространению³².

Другой проблемой провинциальной жизни, вызывавшей постоянное беспокойство Муратова, являлось положение в учебных заведениях губернии. Учащиеся составляли значительный процент общественно-активного населения губернского города. Любознательность и наличие свободного времени давали им возможность быстро откликаться на все события местной жизни и проявлять высокую общественную активность. В этом отношении особенно отличились семинаристы и гимназисты, отстаивавшие свои требования, организуя забастовки и уличные митинги. Муратов находился в постоянном контакте с учебным начальством, неоднократно участвовал в ревизиях вступительных и выпускных экзаменов, посещал учебные заведения, приглашая волонтеров для изучения военной истории Тамбовского края и участия в патриотических торжествах.

Для ужесточения административного надзора над средней школой тамбовский губернатор подверг строгой регламентации поведение учащихся вне стен учебных заведений, их досуг и времяпрепровождение. Он ужесточил требования к внешнему виду учащихся, заставил их сменить папахи на форменные фуражки, остричь длинные волосы, ввел запрет на смешение форменной одежды со штатской и хождение по улицам «сомкнутыми цепями». Учащимся, появлявшимся в общественных местах, следовало вежливо уступать дорогу прохожим, кланяться губернатору, а

также соблюдать указания полиции. Неисполнение их влекло за собой различные наказания – от заключения в карцер до исключения из учебных заведений и ареста на срок до трех месяцев³³.

Всякие переговоры властей «с мальчишками ... за спиной начальства» Муратов считал недопустимыми, поскольку они могут внушить молодежи мысль, «что с ней считаются, что она общественный элемент, имеющий право свое суждение иметь»³⁴. Изданное тамбовским губернатором циркулярное распоряжение на этот счет было перепечатано столичными газетами как образец административной строгости³⁵. Вместе с тем подобные «педагогические приемы», применяемые Муратовым и другими представителями местной власти, были использованы министром народного просвещения А.Н. Шварцем при составлении новых правил, регламентирующих поведение учащихся³⁶.

Строгий тон выдерживался Муратовым и в отношении студентов-тамбовцев, получавших высшее образование в университетских городах страны. Среди студентов в то время была весьма популярна идея основания землячеств для поддержки своих малообеспеченных товарищей. Муратов выступил противником корпоративной студенческой взаимопомощи. В ответ на прошение студентов Московского университета об устройстве в Тамбове благотворительных вечеров, подкрепленное письмом ректора университета М.К. Любавского, удостоверявшего начальника губернии в политической благонадежности своих студентов, последовали лишь пространные рассуждения Муратова о студенческой благотворительности. Молодых людей, получающих помощь, он называл «попрошайками», а саму студенческую взаимопомощь – «развратом, который нужно искоренять», поскольку он сродни «уголовно наказуемому нищенству»³⁷. Студентам Петербургского университета, обратившимся к губернатору с ходатайством об устройстве вечера в пользу неимущих товарищей, Муратов предложил записаться в Союз русского народа, поскольку разрешение на вечера и собрания он дает лишь членам этой организации³⁸.

Весьма настороженно относился Муратов и к развитию в губернии организованной общественной самодеятельности. В самом факте массового возникновения в России в начале XX в. общественных организаций он видел результат уступок, вырванных демократической общественностью в ходе Первой русской революции и таивших серьезную угрозу авторитету и влиянию власти. Общества представлялись Муратову ячейками, где вызревали и формировались идеи неизбежной «острой борьбы труда с капиталом», «необходимости решительной, упорной и непрерывной оппозиции правительству..., переходящей в революционное движение» и др.³⁹ Чтобы пресечь распространение подобных настроений, Муратов использовал все имевшиеся в его распоряжении средства вплоть до прямого административного нажима и принуждения. Так, с целью удаления из клубов ремесленников и приказчиков демократически настроенной интеллигенции Муратов прибег к весьма неординарному средству: он распорядился запретить в них игру в лото, дававшую большую часть всех клубных доходов и служившую для их завсегдатаев основным развлечением. Когда клубные старшины явились к губернатору, он заявил, что лото откроется только в том случае, если они исключат из своего состава интеллигентов. Эти меры произвели ожидаемый эффект: правления клубов приняли решение об удалении из них всех лиц, не принадлежавших к торгово-промышленному классу⁴⁰.

По сходному сценарию действовал Муратов и в отношении евреев, посещавших собрания старейшего в губернии Коннозаводского клуба, считавшегося губернатором «кадетской цитаделью». Поступая по принципу «разделяй и властвуй», он воспользовался инцидентом, происшедшим на одном из клубных вечеров между офицером местного пехотного полка и врачом-евреем. Поддержав решение начальника гарнизона о запрете офицерам посещать клубы, членами или гостями которых состояли евреи, Муратов стал добиваться исключения евреев из клуба коннозаводчиков. В ответ на отказ старшин внять требованиям губернатора у клуба был отнят военный оркестр. Не скупился Муратов и на откровенно демагогические заявления, усматривая в поведении клубного руководства, осмеливавшегося «предпочесть евреев офицерам», «возмутительную и оскорбительную демонстрацию против представителей армии», чреватую «нарушением спокойствия и мира ... между гражданским элементом и военной средой»⁴¹. Поставив под вопрос сам факт дальнейшего существования клуба, губернатор вырвал у его правления запрет на посещение клубных собраний евреями. Подобные решения приняли под нажимом губернатора и другие тамбовские клубы – купеческий, ремесленный, клуб приказчиков⁴². Предметом особой гордости Муратова являлось то, что Тамбов в период его губернаторства был единственным городом России, где евреи не допускались ни в один из клубов.

Антисемитский настрой тамбовского губернатора сказался также на жизни местного отделения Императорского русского музыкального общества и существовавшего при нем музыкального училища, директор которого С.М. Стариков и многие преподаватели были евреями. Преследования музыкального училища подробно описаны в воспоминаниях Муратова: «Я стал Ста-

рикова жать, – писал губернатор, – училище было взято под надзор... Устраиваемые Стариковым концерты бойкотировались, а сам он подвергался самому неумолимому остракизму. Во всех тех собраниях, торжествах, празднествах, куда могло выдвигать училище свои музыкальные силы и свой оркестр и где сам Стариков мог участвовать как артист..., ни об училище, ни о Старикове не могло быть никакого разговора...»⁴³ Нападая на Старикова, губернатор утверждал, что находившееся в руках евреев музыкальное дело в Тамбове падало, да и сам город, будучи центром исконно русской губернии, вполне мог претендовать на то, чтобы иметь «русское» музыкальное училище⁴⁴. Губернатор признавался, что в течение почти всего своего пребывания в Тамбове он боролся с «еврейским засилием», поскольку, по его убеждению, именно евреи шли в первых рядах революции 1905–1907 гг. «Обострение еврейского вопроса до ненависти, до нетерпимости, до бойкота всего, что пахнет евреем, – обосновывал свою позицию Муратов, – создано не представителями власти, а последними годами русской истории... На почве этого обострения люди, безразлично относившиеся ко всему, а в политике космополиты, стали исповедывать идею национализма, отмежевываясь прежде всего от евреев»⁴⁵.

Только заступничество высокопоставленного председателя Музыкального общества принцессы Е.Г. Альтенбургской и обладавшего большим влиянием в придворных кругах, управляющего императорской канцелярией музыканта А.С. Танеева⁴⁶, а также представителей тамбовской общественности сохранило музыкальному училищу его талантливого руководителя. На защиту Старикова встала статс-дама А.Н. Нарышкина (Чичерина) – вдова известного царедворца и тамбовского мецената Э.Д. Нарышкина и сестра ученого и общественного деятеля Б.Н. Чичерина. Пользовавшаяся влиянием при дворе Нарышкина, по воспоминаниям знавших ее людей, была «женщиной очень властной, считала себя как бы шефом Тамбовской губернии и ставила ее администрацию всякое лыко в строку»⁴⁷. Умная и острая на язык, она с осуждением писала губернатору: «Вы напрасно думаете, что я поеду к Шварцу и буду поддерживать ваш поход против педагогов. Вы склонны всюду видеть кадетские и еврейские интриги. Вот и преследуете Старикова..., а мы его в обиду не дадим. Вы один, а нас много. Советую Вам быть умереннее и спокойнее»⁴⁸.

Поддержал Старикова и председатель дирекции Музыкального общества губернский предводитель дворянства кн. Н.Н. Чолокаев. В то время как Муратов запрещал концерты музыкантов, Чолокаев предоставил для их проведения зал Дворянского собрания и был их постоянным слушателем. Он неоднократно обращался к министру внутренних дел Столыпину, а затем и к Макарову с просьбой «защитить директора музыкального училища... Старикова от преследования его тамбовским губернатором», квалифицируя мотивы враждебности последнего к музыкальному училищу как личные придирки к его руководству, усилившиеся в результате возросшего влияния Союза русского народа и боязни губернатора уронить свой престиж в глазах правых кругов⁴⁹.

Потерпев поражение в истории с Музыкальным обществом, Муратов не был склонен извлекать из этого какие-либо уроки. Привычка повелевать и идти напролом притупляла у него чувство реальности, формировала убеждение, что в целом обстановка в стране складывается в его пользу и возврат к старым порядкам уже близок. Усиливая напор, Муратов все более вторгался в сферы, вмешательство в которые ранее считал недопустимым и попросту опасным. В подобных условиях прямой конфликт с обществом являлся лишь вопросом времени. Он произошел в январе 1912 г. во время проходивших в губернии очередных дворянских выборов. Фабула этого инцидента проста. Прежде осторожный в делах, затрагивавших корпоративные интересы тамбовского дворянства, Муратов изменил своей тактике и вмешался в избирательную кампанию, не утвердив повторного избрания предводителем дворянства Моршанского уезда гр. К.А. Бенкендорфа. Вместо него губернатор назначил предводителем кандидата, набравшего меньшее число голосов. Свое решение он объяснял главным образом политической неблагонадежностью Бенкендорфа – человека «совершенно определенно левого направления, кадета словом и делом»⁵⁰.

Принципиальная позиция губернатора в вопросе о неутверждении на должность моршанского предводителя дворянства объяснялась и иными мотивами, которые не были достоянием гласности, однако играли важную роль в противоборстве с дворянством. Подоплека дела состояла в личности К.А. Бенкендорфа – представителя известного дворянского рода, сына русского посла в Англии, обладавшего к тому же обширными родственными связями в местном дворянском обществе. Сам факт, что губернатор сражался с таким нерядовым человеком, придавал этой борьбе особую остроту. «Теперь, исполнив свой долг, – объяснял Муратов свою позицию министру внутренних дел А.А. Макарову, – я могу по старой привычке сказать какой-нибудь фельдшернице, что я не утвердил ее ... за противоправительственную деятельность, и не побоюсь, что она укажет

на противоречие в моих словах, сославшись на графа Бенкендорфа»⁵¹. Не утвердив Бенкендорфа, Муратов пошел наперекор воле МВД и Макарова, который настоятельно рекомендовал губернатору не оказывать сопротивления первенствующему сословию и не подрывать доверия к нему населения накануне выборов в IV Думу⁵².

Этот эпизод окончательно переполнил чашу терпения тамбовского дворянства, которое 141 голосом против 72 признало распоряжения губернатора по выборам моршанского предводителя дворянства незаконными и отказало ему в праве утверждать избираемых дворянством лиц. С жалобой на действия тамбовского губернатора дворяне обратились в МВД и Сенат⁵³. В Тамбов прибыл старший Бенкендорф, и ситуация стала приобретать скандальный характер. В связи с приближением думских выборов Макаров решил не допускать дальнейшего обострения конфликта и принял решение об удалении Муратова из Тамбова.

Учитывая настроение в верхах, Муратов делал самые мрачные предположения о своем будущем и готовился совсем оставить службу. Однако личность тамбовского губернатора вызвала интерес у императора Николая II. Именно ему Муратов был обязан продолжением своей карьеры. Николаю импонировала проявленная тамбовским губернатором боевитость, и, дав высокую оценку его деятельности, царь произвел Муратова неожиданно для него самого и для окружающих в камергеры⁵⁴. Больше того, в мае 1912 г. он повелел перевести Муратова в Курскую губ.

Тамбовское дворянство демонстративно отказалось участвовать в его проходах. На торжественном обеде в честь Муратова отсутствовали вся губернская земская управа, губернский предводитель дворянства, большинство уездных предводителей и председателей уездных земских управ. Не явились также представители Управления государственных имуществ, Государственного банка, контрольной палаты, окружного суда и прокуратуры. «Легче перечислить присутствовавших на обеде, – иронизировали “Биржевые ведомости”, – чем отсутствовавших»⁵⁵.

Дальнейшая карьера Муратова складывалась вполне успешно. До начала 1915 г. он губернаторствовал в Курске, где его деятельность мало отличалась от тамбовского периода службы. В январе 1915 г. на него, «уставшего, – по его признанию, – от губернаторской трепки», были возложены обязанности члена совета министра внутренних дел и заведующего продовольственным делом в Российской империи. По долгу службы Муратов председательствовал в междудомственном совещании по продовольственному делу, замещал по данному вопросу министра внутренних дел в Сенате и других высших государственных учреждениях. В ноябре 1915 г. императорским указом он был назначен членом Государственного совета с содержанием в 14 тыс. руб. в год. За усердную службу Муратов был пожалован орденами Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени⁵⁶.

Подводя итог своей государственной деятельности, Муратов отмечал, что губернаторство в Тамбове стало наиболее ярким этапом в его служебной карьере. Именно здесь окончательно определился его управленческий стиль, оформились методы административной деятельности. Демонстрируя неуступчивость, а порой и откровенную враждебность в отношении общественности, Муратов видел себя новатором-первопроходцем, устанавливавшим «новую точку зрения на обязанности и права губернаторской власти, указывавшим новые способы поведения и действия»⁵⁷. Все это давало повод критикам Н.П. Муратова из либерального лагеря называть его администратором, возродившим поистине щедринские времена. Думается все же, что это утверждение было несколько преувеличенным. Нельзя отрицать, что Муратов являлся чиновником авторитарного склада. Однако он действовал уже в иных условиях, чем «помпадур» М.Е. Салтыкова-Щедрина. В изучаемый период безусловное отрицание общественных сил, демонстрировавшееся прежней губернской бюрократией в России, заменялось известным их признанием, но с допущением лишь на второстепенные роли. В этом и состояла, на наш взгляд, новизна социальной политики власти на местах.

Попытки контролировать общественную жизнь губернии далеко не всегда заканчивались в его пользу. Конфронтация с влиятельным местным дворянством стоила губернатору его поста. Пожалуй, главный урок, усвоенный Муратовым в Тамбове, подвел он сам: «Я чувствовал, – писал он о заключительном этапе тамбовской службы, – что уже больше того, что я дал, я дать не могу, что новых песен у меня нет, а заниматься перепеваниями старых не хотелось. Да и скучновато становилось»⁵⁸.

Муратов, по образному его выражению, «залег как медведь в берлогу и никак не хотел из нее выходить», тогда как российская действительность требовала от губернских начальников уже совсем иных подходов и профессиональных качеств. Прежний стиль неограниченного «патриархального» управления безнадежно устарел, и конец карьеры тамбовского губернатора явился тому красноречивым подтверждением.

Примечания

- ¹ Ж и л к и н И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 379.
- ² Б.М. Янушевич получил такую аттестацию, когда во время дворянских выборов в Бессарабии баллотировался вместе с левыми против кандидата Союза русского народа и одержал победу (Тамбовские отклики. 1914, 11 мая).
- ³ Русское знамя. 1906, 20 февраля; Московские ведомости. 1906, 20 февраля.
- ⁴ В 1906 г. в Тамбовской губ. проживало 3.2 млн., в 1914 г. – 3.5 млн. человек. Она занимала территорию площадью в 58.5 тыс. кв. верст и входила в число двадцати крупнейших губерний Европейской России (Обзор Тамбовской губернии за 1905 год. Тамбов, 1907. С. 50; Россия. 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 20; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1913 год. Тамбов, 1913. С. 123).
- ⁵ См.: Robbins R. Gjr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987. P. 32–35; Mosse W.E. Russian Provincial Governors at the End of the Nineteenth Century // The Historical Journal. 1984. № 27. P. 225–239.
- ⁶ Mosse W.E. Op. cit. P. 229.
- ⁷ Муратов Н.П. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 1208 (Клячко [Львов] Л.М.), оп. 1, д. 26, л. 48 об.
- ⁸ Разгром новоторжского земства // Освобождение. 1904. № 23. С. 410–412; «Сильная власть». Тверь // Освобождение. 1904. № 60. С. 174; Тверские губернаторы. Тверь, 1996. С. 42–43.
- ⁹ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 8.
- ¹⁰ В своих воспоминаниях Муратов не скрывал, что на губернаторские и вице-губернаторские посты в то время попадали по протекции, однако в своем случае склонен был сводить ее значение к минимуму, указывая неоднократно, что подобной поддержки и «высоких связей в верхах» у него лично не было (Там же, л. 7, 32).
- ¹¹ Там же, л. 13 об. – 14.
- ¹² Там же, л. 22.
- ¹³ Председателем Тамбовской губернской земской управы кандидат правых землевладельцев И.И. Стерлигов стал в 1904 г. В 1909 г. он был назначен харьковским вице-губернатором, позднее – черниговским губернатором. Кн. В.М. Волконский – землевладелец Шацкого уезда Тамбовской губ., товарищ председателя III и IV Государственной Думы, позднее – товарищ министра внутренних дел.
- ¹⁴ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 215.
- ¹⁵ Там же, л. 28 об.
- ¹⁶ Там же, л. 88 об.
- ¹⁷ Слово. 1907, 21 октября; Речь. 1907, 21 октября; Русь. 1907, 21 октября.
- ¹⁸ Русское знамя. 1907, 21 октября; Голос Москвы. 1907, 21 октября.
- ¹⁹ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 38 об. – 39.
- ²⁰ Государственный архив Тамбовской обл. (далее – ГА ТО), ф. 4, оп. 1, д. 5797, л. 12–12 об.
- ²¹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 143.
- ²² Муратов Н.П. Воспоминания, л. 89.
- ²³ Выдержка из письма Н.П. Муратова министру внутренних дел А.А. Макарову от 22 марта 1912 г. // РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 43, л. 189 об. – 190.
- ²⁴ Губернатор Муратов – литератор // Русское слово. 1912, 1 апреля.
- ²⁵ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 126 об.
- ²⁶ Письмо П.А. Столыпина министру юстиции И.Г. Щегловитову 22 октября 1907 г. // РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 43, л. 62–62 об.
- ²⁷ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 39 об. – 40.
- ²⁸ Там же, л. 40 об. – 41.
- ²⁹ Хроника. Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 431.
- ³⁰ РГИА. ф. 1284, оп. 47, 1912 г., д. 334, л. 1.
- ³¹ Хроника. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 376.
- ³² ГА ТО, ф. 4, оп. 1, д. 7685, л. 13–13 об., 26–26 об.
- ³³ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 52.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Русь. 1907, 27 октября.
- ³⁶ Так, согласно выработанным А.Н. Шварцем новым министерским правилам, регламентировавшим внешнее поведение учащихся, ношение формы становилось обязательным, в городах устанавливалось определенное время прогулок школьников, с наступлением сумерек гулянье по определенным улицам воспрещалось. Школьникам запрещалось посещать заседания судебных, городских, дворянских и земских учреждений, а также оперетки, фарсы, маскарады, танцклассы, кофейни и т.п. заведения (Современный мир. 1909. № 9).

- ³⁷ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 198.
- ³⁸ Биржевые ведомости. 1909, 4 января.
- ³⁹ ГА ТО, ф. 25, оп. 1, д. 11, л. 31.
- ⁴⁰ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 170–171.
- ⁴¹ Выдержка из письма Н.П. Муратова директору Департамента общих дел МВД А.Д. Арбузову 7 января 1912 г. // РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 43, л. 165 об. – 166.
- ⁴² Губернаторский национализм // Речь. 1911, 30 декабря.
- ⁴³ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 156–156 об.
- ⁴⁴ Письмо губернатора Н.П. Муратова в Дирекцию Императорского русского музыкального училища 22 апреля 1909 г. // РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 43, л. 108.
- ⁴⁵ Письмо губернатора Н.П. Муратова в Дирекцию Русского музыкального общества 25 августа 1909 г. // Там же, л. 109–109 об.
- ⁴⁶ А.С. Танеев – статс-секретарь, управляющий императорской канцелярией в 1897–1917 гг. и член Государственного совета, известный музыкант и композитор, отец фрейлины А. Вырубовой, пользовался неизменным расположением царя и императрицы.
- ⁴⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. Т. 2: М., 1997. С. 469–470.
- ⁴⁸ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 176.
- ⁴⁹ Письмо тамбовского губернского предводителя дворянства Н.Н. Чолокаева министру внутренних дел П.А. Столыпину 23 сентября 1909 г. // РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 43, л. 102, 103 об. – 104; ГА ТО, ф. 4, оп. 1, д. 6848, л. 23–24, 123.
- ⁵⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 16.
- ⁵¹ Там же, л. 49.
- ⁵² См. письма министра внутренних дел А.А. Макарова тамбовскому губернатору Н.П. Муратову от 17 и 24 января 1912 г. // Там же, л. 4, 17.
- ⁵³ Там же, л. 59 об. – 60 об.
- ⁵⁴ Дневник журналистки «Нового времени» С.И. Сазоновой (Смирновой). Запись от 29 февраля 1912 г. // РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 395, л. 62 об.
- ⁵⁵ Биржевые ведомости. 1912, 13 июня.
- ⁵⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 9, 1915 г., д. 139, л. 6 об. – 8 об.
- ⁵⁷ Муратов Н.П. Воспоминания, л. 129.
- ⁵⁸ Там же, л. 217 об.

© 2003 М. Ю. МУХИН*

СОВЕТСКАЯ АВИАПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1940–1941 гг., безусловно, являлись периодом бурного, лавинообразного роста советской авиапромышленности. Рассмотрим основные особенности развития советской авиапромышленности в последние предвоенные годы.

Административное переустройство

Просуществовав около 2 лет, указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был разделен на Наркомат авиационной промышленности (НКАП), Наркомат судостроительной промышленности, Наркомат боеприпасов (НКБ) и Наркомат вооружений (НКВ).

НКАП был создан на основе 1-го (самолетного) и 18-го (авиамоторостроительного) главных управлений (ГУ) НКОП.

По воспоминаниям современников, М.М. Каганович, ставший из наркомов оборонной промышленности наркомом авиапромышленности, сумел удержать за НКАПом практически все

* Мухин Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

административные здания и ресурсы НКОП. На прощальном заседании коллегии НКОП М.М. Каганович «еще раз сказал, что наркомат разделен на четыре, перечислил, кто назначен наркомом вновь образованных наркоматов, пожелал новым наркомам всяческих успехов, а в заключение сказал:

– Вот вам по карандашу на прощанье и больше я вам ничего не дам. Я уже старик, а вы люди молодые, наживете себе добро сами.

Каганович сдержал слово – выпустил всех наркомов “голенькими”, и пришлось им обзаводиться всем заново»¹.

10 января 1940 г. М.М. Кагановича на посту наркома сменил А.И. Шахурин, ушедший с этого поста только в 1946 г. Заместителем Шахурина по общим вопросам был В.П. Дементьев. Близкое родство со «старожилом» Политбюро Л.М. Кагановичем не спасло Михаила Кагановича от гнева генсека. Неудачи советской авиации в небе Испании привели к тому, что авторитет М.М. Кагановича стал стремительно падать. По свидетельству очевидцев², Сталин не стеснялся устраивать опальному наркому публичные разносы. Вскоре Каганович был смещен с поста наркома и отправлен директором завода в Казань. После того, как к М.М. Кагановичу стали проявлять недвусмысленный интерес «компетентные органы», он, видимо, предчувствуя близкий арест, застрелился³.

После смены руководства НКАП, в наркомате была создана новая организационная структура. С 27 мая 1940 г. НКАП состоял из следующих главных управлений: ГСУ, ГСАУ, Приборного⁴, ГМАУ, по производству лыж, винтов и запчастей, опытно-самолетного⁵, опытно-моторного⁶, капитальных работ, учебных заведений, снабжения и противовоздушной обороны и охраны. Кроме того, в НКАП входили Технический совет, Технический отдел и Металлургический отдел, созданный на базе расформированного ГМПУ, и еще ряд вспомогательно-служебных отделов. Дальневосточный территориальный главк был преобразован в аппарат Уполномоченного НКАП на Дальнем Востоке⁷. VII ГУ было передано в Наркомат электропромышленности. Ввиду форсированного развития бомбардировочной и штурмовой авиации, а также особого внимания, проявляемого к производству этих типов авиатехники, 21 марта 1941 г. ГСУ было подразделено на Главные управления истребительной и учебно-тренировочной авиации (ГУИУТА), с одной стороны; и бомбардировочной, штурмовой и транспортной авиации (ГУБШТА) – с другой. По некоторым сведениям, новосозданные ГУ имели также и номерные обозначения – 1-е ГУ, ведавшее производством истребителей (руководитель П.А. Воронин), и 10-е ГУ, занимавшееся производством бомбардировщиков (руководитель А.И. Кузнецов)⁸. Уже после начала войны – 26 июня 1941 г. – из ГУИУТА было выведено производство планеров, порученное Главному управлению планеров (ГУП), после чего ГУИУТА было переименовано в Главное управление истребительной авиации (ГУИА). В апреле 1941 г. металлургический отдел был развернут в Главное металлургическое управление (ГУМ)⁹.

Расширение авиапромышленности

Вскоре после своего назначения Шахурин доложил Сталину, что на 1940 г., учитывая присоединение к авиапромышленности гитлеровской Германии авиастроительных заводов покоренных стран и государств-сателлитов, суммарная мощность ее авиапромышленности превосходит вдвое аналогичный показатель советской авиаиндустрии¹⁰. Надо отметить, что данный эпизод относится к ряду «темных мест» довоенного соперничества советской и германской авиапромышленности. В октябре 1939 г. в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС И.Ф. Тевосьяном¹¹, авиационную группу которой возглавлял генерал А.Н. Гусев¹². По возвращении Гусев доложил, что немцы показали устаревшую технику, однако значительная часть авиационных специалистов с ним не согласилась. В результате в марте 1940 г. в Германию была направлена новая комиссия, авиационную делегацию которой возглавлял на этот раз А.С. Яковлев¹³. Его заместителем в этой поездке был ставший впоследствии начальником ЦАГИ генерал-майор И.Ф. Петров. Вернувшись из командировки, Петров сообщил¹⁴, что германская авиапромышленность способна выпускать 70–80 самолетов в день. Аналогичные цифры приводились на декабрьском 1940 г. совещании высшего руководящего состава РККА командующим Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенантом Ф.И. Кузнецовым, который, ссылаясь на американскую печать, утверждал, что германская авиапромышленность выпускает до 2 тыс. самолетов ежемесячно¹⁵. Это казалось весьма правдоподобным, особенно на фоне постоянных донесений разведки об интенсивном освоении «ведомством Геринга» авиапредприятий оккупированных Польши¹⁶, Чехии¹⁷ и Франции¹⁸. В марте 1941 г. Разведуправление Генштаба РККА дополнительно подтвердило тревожный рапорт Петрова, доложив, что Германия, включая заводы на территории Чехословакии и Польши, располагает 112 самолетостроительными и

58 моторостроительными заводами, на которых, в общей сложности, заняты 500 тыс. человек. Годовой выпуск немецкой авиапромышленности оценивался в 25–30 тыс. самолетов в год¹⁹, что фактически подтверждало данные Петрова.

Советский авиапром в тот момент в день выпускал только 26 самолетов²⁰, что было совсем неплохим достижением, если учесть, что в 1930–1931 гг. авиавыпуск составлял 2,5, а в 1935–1937 гг. – 10 машин в день. Этот уровень считался достаточным, так как даже Франция в 1939 г. производила около 7 самолетов в сутки²¹. Как выяснилось позднее, данные Петрова были существенно завышены – среднемесячный выпуск самолетов в Германии на тот момент колебался от 700²² до 1000²³, т.е. ежедневный их выпуск был 25–35 машин. Ошибочность предвоенных оценок мощности германской авиапромышленности была молчаливо признана и советской историографией, выяснившей, что в 1940 г. «ведомство Геринга» производило в среднем в месяц 850 самолетов, а в 1941 – 1030²⁴. Трудно однозначно назвать причину этой ошибки – добросовестное заблуждение Петрова²⁵, его желание «выдвинуться» на волне разоблачений «врагов народов» в НКАП, тонкая провокация германских спецслужб, пытавшихся сбить с толку потенциального противника, или что-то иное. Однако в результате информации Петрова советское руководство пришло к выводу о катастрофическом отставании от гитлеровской Германии не только по качеству, но и по количеству производимой авиатехники.

По свидетельству А.И. Шахурина, это известие привело кремлевского «хозяина» в ярость, трансформировавшуюся в требование немедленно ускорить рост отечественной авиапромышленности и довести выпуск самолетов до «немецкой нормы» – 70–80 машин в сутки.

Для увеличения мощностей самолетостроения и приближения моторных заводов к восточной группе самолетных предприятий Комитет обороны еще в 1939 г. принял решения «О развитии авиамоторных заводов Наркомата авиационной промышленности» и «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов»²⁶, согласно которым к концу 1941 г. число авиазаводов по сравнению с 1939 г. должно было удвоиться²⁷, а их мощность составить 166% от уровня 1939 г.²⁸ Количество авиамоторных заводов также должно было удвоиться за этот срок. В октябре 1939 г. было принято аналогичное постановление и по авиа-агрегатным заводам. Как видим, и без реляций Петрова планировалось существенное расширение советской авиапромышленности. Однако в 1940 г. эти планы были признаны недостаточно радикальными и подверглись пересмотру.

В 1940 г. деятельность НКАП рассматривалась в Политбюро ЦК ВКП(б). По итогам обсуждения перед руководством наркомата была поставлена задача довести к концу года суточный выпуск самолетов до 50²⁹. Надо отметить, что эта задача, хотя и с некоторым опозданием, действительно была решена, и накануне войны советский авиавыпуск вплотную приблизился к 50 машинам в день³⁰. В феврале 1940 г. Комитет обороны увеличил полугодовую программу выпуска самолетов и авиамоторов почти на 40%. Разрешалось применение сверхурочных работ до 3,5 час. в день на 1 работника, а в отдельных случаях и работа в выходные дни³¹. Комитет обороны взял под свой контроль поставку сырья, топлива и комплектующих на авиазаводы. Наркомат путей сообщения был обязан осуществлять перевозку грузов для НКАП и его смежников в течение суток³². Подготовка к назревающей войне инициировала введение в промышленности военных методов управления. В июне 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений³³. Фактически в стране вводилось крепостное право с возвратом к приписным мануфактурам! В Германии аналогичные меры были приняты еще в апреле 1939 г.

Тем не менее попытка увеличить авиавыпуск путем интенсификации работы уже существующих авиапредприятий не увенчалась успехом. При их планомерном развитии выход на ежедневный выпуск 70 машин ожидался приблизительно к 1943 г.³⁴

Единственным выходом, таким образом, становилось форсированное развитие авиаиндустрии с резким увеличением производственных мощностей. Для этого в составе НКАП был создан специальный главк, ведавший капитальным строительством, в подчинении которого находилось 25 строительно-монтажных трестов. Согласно решениям 1939 г. планировалось заложить 9 новых самолетостроительных и 6 авиамоторных заводов; кроме того, еще 9 самолетостроительных и все авиамоторостроительные заводы должны были быть реконструированы. К концу 1940 г. начались работы по строительству 8 самолетостроительных заводов, на строительство 3 моторостроительных предприятий были выделены средства³⁵. Показателен рост внимания советского руководства к проблемам авиапромышленности, выразившийся в подключении к решению авиапроблем партийных структур Коммунистической партии. В июле 1940 г. некоторым наркомам и первым секретарям обкомов ВКП(б) было вменено в обязанность взять под личное наблюдение

выполнение заказов НКАП³⁶. Специально для ускорения развертывания авиапроизводства в ряде горкомов и обкомов по решению XVIII конференции ВКП(б) были введены должности секретаря по авиапромышленности³⁷. В ЦК ВКП(б) была создана комиссия, еженедельно рассматривавшая ход строительства авиазаводов³⁸. Одновременно с этим предпринимались меры по усилению дисциплины в высших эшелонах администрации. Постановлением ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1940 г. директора самолетостроительных и моторных заводов обязывались ежедневно отчетываться перед наркоматом и ЦК партии о количестве принятой военной приемкой продукции³⁹. Впервые за историю авиапромышленности строительство новых авиапредприятий было доверено заключенным. Приказом НКВД от 23 августа 1940 г. было создано Управление особого строительства под руководством заместителя начальника ГУЛАГа старшего майора госбезопасности А.П. Лепилова, целью которого было строительство в районе Куйбышева двух авиастроительных⁴⁰ и одного моторостроительного⁴¹ заводов⁴². К лету 1941 г. производственные корпуса были уже возведены, что позволило в годы войны оперативно перебросить туда оборудование эвакуированных авиастроительных и моторостроительных предприятий. Другим источником расширения авиапромышленности был перевод заводов невоенной сферы экономики в подчинение НКАП. В авиационную индустрию передавали текстильные⁴³ заводы, фабрики школьного оборудования⁴⁴, авиамастерские расформированных армий прибалтийских государств⁴⁵, ремонтные авиапредприятия «Аэрофлота»⁴⁶ и ОСОАВИАХИМа⁴⁷. Во второй половине 1940 г. подобной процедуре подверглось всего 60 заводов⁴⁸. Разумеется, авиапромышленность интенсивно развивалась и до «рыска» 1940 г., за период 1937–1940 гг. количество авиапредприятий увеличилось на 75%⁴⁹, описанное же «ускорение» 1940 г. привело к тому, что к лету 1941 г. советская авиапромышленность в 1.5 раза увеличила свои производственные мощности⁵⁰ и превосходила германскую авиапромышленность по этому показателю в 1.5 раза⁵¹. Станочный парк пополнялся как внутренним производством, так и за счет закупок оборудования в Германии. Это объяснялось тем, что после начала «Зимней» войны США наложили так называемое «моральное эмбарго» на поставки в СССР авиатехники и авиаоборудования⁵². В результате свертывания сотрудничества с американскими фирмами советские предприятия нередко оставались без методической помощи в освоении уже полученного оборудования. Характерно, что на сентябрь 1939 г. приходится волна рекламаций на импортное оборудование, впоследствии оказавшихся ложными⁵³, – оборудование было в порядке, а вот использовать его не умели. Разумеется, германское руководство отнюдь не рвалось развивать советскую экономику накануне решающего столкновения, однако только на таких условиях Сталин согласился на встречные поставки в Германию 2500 тыс. т зерна, 970 тыс. т сырой нефти и 200 тыс. т марганцевой руды⁵⁴, без чего экономическое развитие Рейха было невозможно. С другой стороны, вне зависимости от экономических расчетов, Гитлеру требовался мирный тыл во время вторжения во Францию, так что на некоторое время от Советской России имело смысл «откупиться», тем более что, по мнению гитлеровского руководства, славянские «унтерменши» были не в состоянии освоить передовые технологии⁵⁵.

Рост производственной мощности советской авиаиндустрии показан в таблице 1.

Нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин вспоминал: «Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, абсолютное большинство легированных труб и т.д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали. Многого в стране еще не хватало. Какие-то отрасли только начинали развиваться. Но для авиации не скупилась»⁵⁶. Накануне войны по выплавке алюминия СССР опережал Великобританию, Францию, Японию и Италию⁵⁷. В 1940 г. ассигнования на развитие авиационной промышленности составили 40% военного бюджета страны⁵⁸. В том же году были выделены фонды в валюте для закупки импортного оборудования и дано указание Наркомату внешней торговли разместить заказы за границей по авиационной спецификации с минимальными сроками доставки⁵⁹. Фактически со второй половины 1940 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к боевым⁶⁰.

Структура авиавыпуска

Основное внимание уделялось производству истребителей. Только завод № 1 в июне 1941 г. выпускал около 25 МиГ-3 в сутки⁶¹. Рост авиапроизводства продолжался вплоть до сентября 1941 г. Так, в последнюю декаду сентября советские авиапредприятия выпускали по 100 самолетов в сутки, однако после этого начался спад, обусловленный эвакуацией большинства авиазаводов. Помимо чисто количественного роста эти годы были отмечены постепенным увеличением удельного веса во всем авиапроизводстве так называемых новых моделей, т.е. аэропланов но-

Таблица 1

Годы	Количество заводов	Площадь (тыс. кв. м)	Металлорежущих станков (тыс. шт.)	Рабочих, ИТР, служащих (тыс. чел.)
1940	100	3457	41	370.2
1941	135	4581	58	450.4

Сост. по: С и м о н о в Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996. С. 157.

Таблица 2

Годы	1939	1940	1941
Число произведенных самолетов*	10342	10125	14946
В том числе "новых" типов	6	500	11633

Сост. по: Самолетостроение в СССР 1917–1945 гг. Кн. I. С. 432–435; Кн. II. С. 235–237.

*В таблице учитываются только серийные самолеты. Впрочем, если иметь в виду, что производство экспериментальных образцов если и росло, то незначительно, становится ясно, что удельный вес экспериментального авиастроения резко упал и его можно не учитывать. Например, в 1941 г. было построено 15 735, в том числе опытные и экспериментальные машины, составлявшие около 5% всего годового авиавыпуска.

вого поколения, соответствовавших по своим тактико-техническим данным реалиям сороковых годов, что отражено в таблице 2.

Необходимость налаживать новое производство на спешно передаваемых в НКАП предприятиях обусловила даже некоторый спад в 1940 г.; впрочем, это падение производства пришлось на старые типы. С другой стороны, нельзя не отметить грандиозный рост объемов авиастроения в 1939 г. по сравнению с предшествовавшими годами.

Уже в 1939 г. намечился резкий рост авиапроизводства. По сравнению с 1938 г. авиавыпуск возрос более чем на 40%. Одновременно с 95.7% до 98.6% возросла выполняемость плана⁶².

Проблема качества

К сожалению, столь бурное развитие имело и свои негативные стороны. Повторилась ситуация середины 1930-х гг., когда одновременный ввод в эксплуатацию многих новых заводов «размыл» тонкий слой квалифицированного персонала, в результате чего резко упала производительность труда. Иногда нехватка подготовленных кадров принимала анекдотичные формы. Например, приказом по XVIII ГУ НКОП от 1 января 1939 г. «за неоднократное и грубое нарушение сметно-финансовой дисциплины на заводе замдиректора (№ 24. – М.М.) тов. Борисова П.А. освободить от занимаемой должности и использовать на менее ответственной работе. Указать директору завода № 24 Борисову на допущенное нарушение финансово-сметной дисциплины»⁶³. 13 января приказом НКОП № 16/к принимается решение: «...1. Тов. Борисова И.Т. с работы директора завода № 24 снять⁶⁴; 2. Тов. Соколова Д.М. назначить директором завода № 24, освободив его от работы директором завода № 20»⁶⁵. И, как конец этой череды приказов, 20 января И.Т. Борисов был назначен директором... завода № 20! Таким образом, все грозные разносы и приказы свелись к одному – директора, не справившегося с работой на одном авиазаводе, назначили директором другого авиазавода. Судя по всему, кандидатур, хотя бы теоретически пригодных на эту должность, было меньше, чем вакантных должностей. Этот сюжет относится к авиапрому времен Кагановича, хотя и при Шахурине дефицит кадров также не был преодолен. Кадровый кризис ощущался не только в организаторах производства, не хватало и рабочих. С 1939 г. на авиапредприятия начинается массовый приток необученных⁶⁶ рабочих, учебу которых предлагалось организовать непосредственно в цехах. Важно отметить, что новые рабочие на авиазаводы переводились с сохранением стажа, т.е. это было принудительное административное решение. Старые «кадровые» заводы буквально захлестнула волна новых рабочих. Всего на заводы НКАП в 1940 г. было переведено 30 тыс. «необученных» квалифицированных рабочих⁶⁷. Были случаи, когда производственные группы удваивались за счет «новеньких», т.е. на одного

опытного рабочего приходился один стажер. Начальникам цехов, отказывавшихся брать новичков и требовавших прислать подготовленную рабочую силу, директор завода № 22 открытым текстом отвечал: «Готовых сборщиков, клепальщиков, слесарей нам никто не даст»⁶⁸. Их просто не было. В результате в некоторых цехах до 50% продукции составлял брак. Ситуация осложнялась тем, что параллельно обучению новопереданных рабочих заводам предстояло существенно увеличить авиавыпуск. В частности, на авиазаводе № 22 программа 1939 г. вдвое превышала план предыдущего года⁶⁹. Всего, по сравнению с 1938 г.⁷⁰, уровень брака на заводе к 1939 г. возрос на 88%⁷¹, а к 1940 г. составил 86%⁷² от уровня 1938 г. Ситуацию удалось несколько улучшить лишь в следующем году. В январе 1941 г. Совнарком направил 50 тыс.⁷³ молодых людей, закончивших производственное обучение в том году, в НКАП, НКВ, НКБ и на оборонные стройки⁷⁴.

Неопытность персонала усугублялась материальной неготовностью заводов снабдить такое количество новичков инструментом и приспособлениями. Руководители производственных групп разводили руками: «...За 2 дня я получил 48 человек, чуть меньше, чем я имею старых рабочих... Пошел в (*инструментальный отдел*. – М.М.), спрашиваю, чем меня обеспечат – дали молотков 10 шт.; дрелей, пневмомолотков нет, электромолотков есть 5 шт.»⁷⁵ Итого – цех получил 48 рабочих, на оснащение которых выдано... 15 молотков, т.е. приблизительно 1 молоток на 3 рабочих! Неизбежная в подобных условиях организационная неразбериха вела к снижению эффективности работы каждого. Рабочих становилось больше, но индивидуальная выработка падала. Типичным случаем является «фотография рабочего дня»⁷⁶ фрезеровщика Милехина, сделанная в феврале 1941 г. на заводе № 22 им. Горбунова⁷⁷. За 1.5 смены Милехин из 660⁷⁸ минут проработал только 262. Остальные были потрачены непроизводительно: установка станка⁷⁹ (35 мин.), получение инструмента (35 мин.), простой (30 мин.), начал уборку рабочего места за 27 мин. до фактического срока окончания работы. На что ушло остальное время – не указано. Случай с Милехиным исключительный, но следует сказать, что из 6 человек, рабочий день которых хронометрировался, никто не проработал более 494 мин., а простой достигали 200–300 мин. Отмечалось общее падение дисциплины на производстве. За 20–30 мин. до начала обеденного перерыва у столовых уже выстраивались очереди⁸⁰, дошло до того, что мастера старались не докладывать табельщикам даже о 30-минутных опозданиях рабочих⁸¹, так как увольнение сколько-нибудь подготовленного сотрудника было более по бригаде, чем по уволенному. Кадровые сотрудники авиапромышленности отмечали, что с приходом «переданных» рабочих резко упала культура труда. Новички, принудительно загнанные на авиапредприятия, относились к новому месту работы как к чужому, нелюбимому, временному пристанищу. Сотрудники парткома завода № 22 отмечали: «...Мы обошли три четверти рабочих мест... у любого станка открываешь стол – там булка, грязные тряпки и т.д. Говоришь ему (*рабочему*. – М.М.) – ведь противно булку есть, а он – “ничего, обойдется”. На станках валяются проволока, обрывки и т.п., как у свиньи... Ряд станков поломаны из-за того, что к ним относятся безобразно... Вы поглядите, что у нас творится на рабочих местах, в шкафчиках. Ведь все верстаки пообломали, замки сломаны, у каждого стула вот такая цепь, чтобы не украли, тиски поломаны, пыль, грязь – не пройдешь...»⁸². Неоднократно отмечались случаи, когда работу специально откладывали до вечера, когда ее можно было провести в бухгалтерской отчетности как «сверхурочную», причем эта практика распространялась и на ИТР. Выполнение основных обязанностей стало дополнительно оплачиваться как аккордные работы, например, технологи с зарплатой 800 руб. получали премии в 1000–2400 руб. за составление технологии⁸³. Судя по всему, убедившись в неэффективности дальнейшего усиления репрессивных форм стимулирования трудовой активности, советский менеджмент пытался простимулировать ударный труд рублем.

География авиапромышленности

Вторым важным следствием предвоенного «рывка» стал фактический отказ от плана рассредоточения военной авиапромышленности на восток. В начале 1930-х гг. советское руководство приняло план создания на востоке страны ряда авиазаводов⁸⁴. По этому плану предполагалось, не снижая темпов авиапроизводства в европейской части СССР, начать создание аналогичных предприятий на востоке страны с тем, чтобы в случае войны новые заводы на востоке смогли компенсировать возможные перебои в работе старых авиапредприятий. Подобные меры принимались в отношении не только авиапромышленности, но и других отраслей индустрии. Вообще в третьей пятилетке планировалось создать на Урале и в Поволжье сеть предприятий-дублеров, чтобы исключить «случайность в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уникумов»⁸⁵. Работа по «сдвигу» авиапромышленности началась еще с середины 1930-х гг., однако в конце десятилетия этот процесс был дополнительно подстегнут: были введены в строй авиазаводы в Иркутске⁸⁶, Новосибирске⁸⁷, Комсомольске-на-Амуре⁸⁸. В 1939 г.

вступил в строй завод № 99 в Улан-Удэ, а в 1940 – № 116 в поселке Семеновка Уссурийского края⁸⁹. В сентябре 1939 г. Совнарком принял постановление о строительстве новых авиастроительных предприятий к востоку от Волги и в Сибири⁹⁰. Однако осуществляемый в ходе рывка 1940 г. поиск заводов, пригодных к конверсии в авиапредприятия, привел к «рокировке» наоборот. Так как в европейской части страны «конверсопригодных» заводов было значительно больше, чем в азиатской, соответственно, и большинство вновь созданных авиапредприятий образца 1940 г. появились к западу от Урала. В результате на 22 июня 1941 г. авиапромышленность Поволжья, Урала и Азии составляла лишь 6,6% от всей советской авиаиндустрии⁹¹. Эта картина еще более усугублялась решением, принятым 17 октября 1940 г., о постройке новых самолетостроительных и моторостроительных заводов соответственно в Минске и Могилеве⁹².

К этому периоду относится и один из самых экзотических сюжетов в истории советской довоенной авиапромышленности. Уже в 1923–1925 гг.⁹³ Советский Союз оказывал помощь Китаю, посылая туда военных специалистов⁹⁴ и авиатехнику⁹⁵. Несмотря на, скажем так, «недопонимание» между китайской компартией и правящей в Китае политической партией – Гоминьдан, СССР, нуждаясь в союзниках против японской экспансии, заключил 21 августа 1937 г. с гоминьдановским правительством советско-китайский договор о ненападении и соглашение о военной технической помощи. В том же году в Китай прибыли советские летчики с опытом военных действий в Испании⁹⁶. В марте следующего года Советский Союз предоставил правительству Чан Кай-Ши первый кредит на сумму 50 млн долл., однако еще раньше, в октябре 1937 г. начались поставки советской военной техники (и авиационной в том числе) в Китай. Всего с октября 1937 г. по июнь 1941 г. Китай получил 1250 советских самолетов⁹⁷, большая часть которых перегонялась по трассе Алма-Ата – Кульджа – Гурген – Урумчи – Хами – Ланьчжоу – Сиань – Ханькоу – Наньчан. В Ланьчжоу специально для урегулирования вопросов, связанных с функционированием этой авиатрассы, находился постоянный представитель СССР и работали советские пилоты-инструкторы, обучавшие китайских летчиков⁹⁸.

В свете этого выглядело логичным строительство специального самолетосборочного завода в Синьцзяне. Советский опыт такого рода ограничивался сборкой (из деталей, поставляемых из СССР) и ремонтом И-15 и И-16 в Испании в годы гражданской войны в этой стране⁹⁹. Всего там было произведено около 200 машин¹⁰⁰ из запланированных 300. Из СССР поставлялись моторы, вооружение, и часть аппаратуры, остальное изготавливалось на месте¹⁰¹. Однако в Испании авиапроизводство было организовано на базе уже существовавшего промышленного предприятия, а в Синьцзяне все приходилось организовывать с нуля. Официально начало истории завода № 600 можно, по-видимому, отсчитывать с июля 1938 г., когда китайское правительство обратилось к СССР с просьбой построить самолетостроительный завод на своей территории¹⁰². Разумеется, этой просьбе предшествовали определенные дипломатические шаги. Однако следов переговорной деятельности по этим вопросам по понятным причинам обнаружить не удалось. 11 августа 1939 г. НКАП и китайское правительство подписали протокол о взаимных обязательствах по строительству авиасборочного предприятия. Завод должен был собирать истребители И-16 из агрегатов и узлов, доставляемых из СССР, с тем, чтобы дальнейший путь самолеты преодолевали самостоятельно. Несмотря на то, что завод еще не был официально принят в эксплуатацию, на 1941 г. ему уже был назначен план по сборке и облету 143 штук И-16, которые предназначались для последующего перегона вглубь Китая. Разумеется, после 22 июня планы советского руководства на продукцию завода № 600 резко изменились. Теперь каждый истребитель (вне зависимости от типа и модели) требовался советско-германскому фронту. К 6 августа 1941 г. была сдана 71 машина. На 1 сентября в Алма-Ату было отправлено 111¹⁰³ (при плане – 107) самолетов с соответствующим количеством запчастей¹⁰⁴, 1 самолет разбился в горах. Перелет проводился без дополнительных подвесных баков. Окончательно завод предполагалось ввести в строй к 1 ноября 1941 г., однако уже в сентябре стала очевидной бессмысленность существования самолетосборочного предприятия в западном Китае. Везти грузовиками составные элементы в Синьцзян, собирать там истребители, а потом транспортировать их на советско-германский фронт представлялось явным нонсенсом. Весной 1942 г. завод был закрыт, а его оборудование демонтировано и вывезено в СССР.

«Алюминиевая» проблема

Следует отметить, что авиационная металлургия достигла в предвоенные годы заметного прогресса. Ввод в строй новых самолетостроительных предприятий требовал увеличения производства алюминиевых сплавов. Эту проблему советские производственники и инженеры накануне войны решали путем оптимизации технологии на уже существовавших заводах. Так, в 1931 г. для изготовления дюралюминиевых труб диаметром 25(23) мм волочением была необходима

	Поставлено т алюминия в год		
	1938	1939	1940
Норвегия	2410	3067	500
Франция	1919	220	0
США	4	1824	0
Прочие	3319	202	13
Всего	7652	5313	513

Сост. по: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 379, 407, 691, 791, 1079.

заготовка диаметром 70(60) мм, которую подвергали 24 операциям волочения и 12 промежуточным отжигам. В 1940 г., с переходом на перспективную технологию изготовления дюралюминиевых труб прокаткой, на изготовление такой же трубы требовалась заготовка диаметром 41(35) мм, которую после одной прокатки подвергали только двум волочениям и одному промежуточному отжигу¹⁰⁶. Таким образом, достигалась экономия времени и материальных ресурсов, что позволяло увеличить выпуск продукции без расширения производственных мощностей. Впрочем, алюминиевая промышленность развивалась и вширь. В 1940 г. вступает в строй Ступинский алюминиевый комбинат – на тот момент самый большой в мире. В мае 1941 г. его первая очередь вышла на проектную мощность. Параллельно модернизировалось оборудование на построенных ранее предприятиях. К 1940 г. литейные цеха всех заводов легких сплавов были оборудованы электропечами сопротивления¹⁰⁷. Оптимизация использования алюминиевого проката была особо важной задачей, потому что совокупный объем производства и импорта алюминия в 1938–1940 гг. существенно не менялся¹⁰⁸. Советская промышленность получала в год около 60 тыс. т алюминия, при этом мобилизационный план на 1939 г. (МП-1) предусматривал потребление 131100 т за один год войны. В отличие от большинства позиций этого плана, задания по индустрии цветных металлов были невыполнимы. В случае войны оставалось надеяться только на увеличение импорта¹⁰⁹. К 1939 г. Германия, продолжая удерживать первое место в мире по производству алюминия, произвела его 194 тыс. т¹¹⁰, т.е. СССР отставал от потенциального противника накануне Второй мировой войны по его производству в 3,5 раза. Разумеется, такое положение не могло не беспокоить советское руководство. Согласно плану развития народного хозяйства СССР на 1941 г. предусматривалось «обеспечение выплавки... 100000 т алюминия и увеличение мощностей алюминиевой промышленности с расчетом выплавки в 1942 г. не менее 175000 т алюминия»¹¹¹. Следует также отметить, что даже успешное выполнение плана 1941 г. не позволяло добиться «алюминиевого» паритета с Германией, так как в 1941 г. немецкая индустрия выплавляла 324 тыс. т алюминия и 24 тыс. т магния¹¹².

Параллельно предпринимались усилия по расширению алюминиевого импорта. В 1938–1940-м гг. сокращается ввоз алюминия, что сопровождается сменой основных поставщиков (см. табл. 3).

Главным «довоенными» экспортерами алюминия в СССР были Франция и Норвегия. Однако с началом войны Франция самой потребовался алюминий и ее поставки резко сократились. На освободившийся рынок пришли американцы, но и они свернули свою деятельность в 1940 г. в связи с «моральным эмбарго». В 1940 г. Норвегия, оккупированная Германией, также резко сократила поставки. Характерно, что прекращение поставок этого металла в Советский Союз означало перенаправление его в Германию (за исключением поставок американского алюминия). В этой ситуации советское правительство попыталось разрядить ситуацию с алюминием закупкой его в Германии. Соглашение о взаимных товарных поставках на второй договорный период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией включало в себя список «1Б» германских поставок в СССР с 11 мая 1941 г. до 1 августа 1942 г. Он предусматривал поставки 30 тыс. т алюминия с апреля 1941 г.¹¹³ В апреле 1941 г. в СССР должно было поступить 1000 т алюминия, с 11 мая по 11 августа 1941 г. – 5 тыс. т, в последующие кварталы предполагалась поставка по 6 тыс. т. Таким образом, основная масса обещанного алюминия должна была попасть в СССР уже после начала войны. Не случайно, среди прочего, в списке поставок в СССР по «ленд-лизу», согласованном советскими, британскими и американскими представителями на Московской конференции 1941 г., фигурировали и 2 тыс. т алюминия, которые союзники обязались ежемесячно направлять в СССР¹¹⁴.

Результаты

В 1939–1941 гг. советская авиапромышленность существенно расширилась. Всего в отрасли было занято 466400 человек, из них 174361 – на самолетостроительных и моторостроительных заводах. К началу войны НКАП включал в себя свыше 100 предприятий, из которых 24 были самолетостроительными, 7 – моторостроительными, 10 выпускали агрегаты, предназначенные для установки на самолеты, и 13 – агрегаты для моторов, еще 17 предприятий производили авиаприборы и 6 входили в ГУМ¹¹⁵. Прочие заводы выполняли вспомогательные функции.

Несмотря на многочисленные отрицательные моменты, предвоенный «спурт» имел в целом положительный итог. К октябрю 1941 г. в эвакуацию были отправлены 118¹¹⁶ авиазаводов¹¹⁷, производивших до войны три четверти всей авиапродукции. То, что даже в таких условиях советский авиапром сумел выдержать темпы производства, непосильные для германского Министерства авиации, одно из величайших достижений СССР в той великой войне.

Примечания

- ¹ Емельянов В.С. На пороге войны. М., 1971. С. 92.
- ² Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1972. С. 172, 198.
- ³ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. М., 1990. С. 80.
- ⁴ Бывшее VIII ГУ.
- ⁵ Бывшее XI ГУ.
- ⁶ Шумихин В.С. Советская военная авиация. 1917–1941. М., 1986. С. 208.
- ⁷ Костырченко Г.В. Наркомат авиационной промышленности в предвоенные годы // Авиационная промышленность. 1986. № 5.
- ⁸ Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1990. С. 14–15.
- ⁹ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. М., 1983. С. 264.
- ¹⁰ Шахурин А.И. Указ. соч. С. 105.
- ¹¹ И.Ф. Тевосян по праву пользовался репутацией знатока технических и экономических проблем советской тяжелой промышленности. В 1930–1937 гг. он возглавлял всесоюзное объединение «Спецсталь», а затем стал руководителем Главного управления судостроения в составе НКОП.
- ¹² Петров И.Ф. Авиация и вся жизнь. М., 1992. С. 47.
- ¹³ Яковлев А.С. Указ. соч. С. 211.
- ¹⁴ Петров И.Ф. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 199.
- ¹⁶ 1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 463.
- ¹⁷ Там же. С. 519.
- ¹⁸ Там же. С. 520, 568, 605.
- ¹⁹ Там же. С. 751.
- ²⁰ Соболев Д.А. Немецкий след в советской авиации. М., 1996. С. 49.
- ²¹ Степанов А. Пиррова победа Люфтваффе на Западе // История авиации. 2000. № 3.
- ²² Грин А. Крылья Люфтваффе. Ч. II. М., 1994. С. 180.
- ²³ Керль Г. Военная экономика и военная промышленность // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 364.
- ²⁴ История Второй Мировой войны. 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 288.
- ²⁵ Ввиду множества подтверждений информации Петрова из независимых источников, я склонен придерживаться именно этой версии, хотя не могу решительно отрицать и остальные.
- ²⁶ Арлазоров М. Фронт идет через КБ. М., 1987. С. 75.
- ²⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1963. С. 413.
- ²⁸ Никитин А. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1960. № 3.
- ²⁹ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. С. 264.
- ³⁰ 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 379.
- ³¹ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. М., 1994. С. 199.
- ³² Там же. С. 200.
- ³³ История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 374.
- ³⁴ Черток Б.Е. Ракеты и люди. М., 1994. С. 24.
- ³⁵ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 203.
- ³⁶ 1941 год. Кн. 1. С. 132–133.
- ³⁷ Шумихин В.С. Указ. соч. С. 208.

- ³⁸ Арлазоров М. Указ. соч. С. 90.
- ³⁹ 1941 год. Кн. 1. С. 395.
- ⁴⁰ № 122 и 295.
- ⁴¹ № 377.
- ⁴² ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 58, л. 44.
- ⁴³ РГАЭ, ф. 8328, оп. 1, д. 1403.
- ⁴⁴ Там же, д. 1407.
- ⁴⁵ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 200.
- ⁴⁶ Таликов Н. Полвека – первый. М., 1999. С. 16.
- ⁴⁷ РГАЭ, ф. 8328, оп. 1, д. 1402.
- ⁴⁸ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 73.
- ⁴⁹ Устинов Д.Ф. Во имя победы. М., 1998. С. 122.
- ⁵⁰ Советский тыл в Великой Отечественной войне. С. 73.
- ⁵¹ История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 383.
- ⁵² Соколов Д.А. Указ. соч. С. 54.
- ⁵³ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 135, л. 97.
- ⁵⁴ Мюллер Р.Д. Экономические приготовления Германии к операции «Барбаросса» // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 347.
- ⁵⁵ Фон Штрадман Х.П. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939–1941 // Там же. С. 374.
- ⁵⁶ Шахурин А.И. Указ. соч. С. 84.
- ⁵⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 411.
- ⁵⁸ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. С. 264.
- ⁵⁹ Шахурин А.И. Указ. соч. С. 84.
- ⁶⁰ Шумихин В.С. Указ. соч. С. 221.
- ⁶¹ Беляков Р.А., Мармен Ж. Самолеты «МиГ». 1939–1995. М., 1996. С. 22.
- ⁶² РГАЭ, ф. 8328, оп. 1, д. 1030, л. 283; д. 1170, л. 22.
- ⁶³ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 135, л. 5.
- ⁶⁴ Не удалось найти свидетельств родственной близости двух Борисовых, работавших на одном заводе; однако трудно представить себе ситуацию, при которой замдиректора допускает «неоднократные и крупные нарушения», а директор не виноват.
- ⁶⁵ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 135, л. 2, 8, 24.
- ⁶⁶ Имеются в виду – необученных нужным на авиазаводе профессиям. Особую остроту социальному конфликту в данном случае придавало то, что большинство из «молодых» рабочих являлись высококвалифицированными пожилыми рабочими с производственным стажем в 7–11 лет. Принудительное перепрофилирование было для них не только унижительно, но и стеснительно в финансовом отношении. Для человека, обремененного семьей, в одночасье пониженного в разряде (и, соответственно, в оплате), переброшенного в другой коллектив и в приказном порядке обязанного осваивать новую профессию, новое назначение вызывало стресс, явно снижавший производительность труда.
- ⁶⁷ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 200.
- ⁶⁸ ЦАОДМ, ф. 217, оп. 1, д. 49, л. 14–15.
- ⁶⁹ Там же, л. 3–4.
- ⁷⁰ Уровень 1938 г. рассматривается эталонным, так как это последний довоенный год. С началом Второй мировой войны ситуация резко изменилась.
- ⁷¹ ЦАОДМ, ф. 217, оп. 1, д. 96, л. 196.
- ⁷² Там же, л. 18.
- ⁷³ Из 439 тыс., закончивших образование в системе Трудовых резервов в том году.
- ⁷⁴ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. М., 1972. С. 355.
- ⁷⁵ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 135, л. 25.
- ⁷⁶ Специальная форма хронометрирования использования рабочего времени персонала, применявшаяся в те годы на советских предприятиях для научной организации труда.
- ⁷⁷ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 98, л. 6.
- ⁷⁸ Так в документе. Реально 1.5 смена – 720 мин.
- ⁷⁹ Так в тексте. Видимо, имеется в виду подготовка станка к работе – установка фрезы и т.п.
- ⁸⁰ ЦМАМ, ф. 690, оп. 1, д. 98, л. 9.
- ⁸¹ Там же, л. 23.
- ⁸² Там же, л. 25–99.
- ⁸³ ЦАОДМ, ф. 217, оп. 1, д. 96, л. 164.
- ⁸⁴ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 204.

- ⁸⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1929–1940 гг.). Ч. II. М., 1967. С. 694.
- ⁸⁶ № 125. Введен в строй как дублер по выпуску СБ. Выпускал до 375 машин в год, перед войной переключился на Пе-2. В 1941 г. выпустил 144 машины.
- ⁸⁷ № 153. Дублер по производству И-16 (до 500 машин в год). Перед войной получил задание на выпуск ЛаГГ-3 (за 1941 выпуск 265 машин), однако был вскоре переориентирован на Як-7.
- ⁸⁸ № 126. Заложен в 1934 г. Выпускал Р-6, с 1937 г. – ДБ-3. В 1941 г. выпустил 385 машин. После перефилирования ряда заводов в европейской части СССР на производство Ер-2, завод № 126 некоторое время был монополистом в производстве ДБ-3 (Ил-4).
- ⁸⁹ Костырченко Г.В. Из истории становления советской авиационной промышленности // Авиационная промышленность. 1988. № 12.
- ⁹⁰ Самуэльсон А. Красный колосс. М., 2001. С. 223.
- ⁹¹ Костырченко Г.В. Наркомат авиационной промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939–1945. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1988. С. 6.
- ⁹² Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 206.
- ⁹³ Строго говоря, первые советские самолеты появились в Китае в 1925 г., во время перелета Москва – Пекин.
- ⁹⁴ Подробнее см.: Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. М., 1976; Ван Си. Крылья Китая. М., 1940.
- ⁹⁵ Шумихин В.С., Указ. соч. С. 137.
- ⁹⁶ Котельников В. Г6М1 – японский «эскортный истребитель» // Авиация и космонавтика. 1999. № 1.
- ⁹⁷ Ильин В. Авиация Великого соседа // Там же.
- ⁹⁸ Захаров Г.Н. Я – истребитель. М., 1985. С. 79.
- ⁹⁹ Тростянский А.Г. Записки конструктора. М., 1998. С. 51–52.
- ¹⁰⁰ Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 44.
- ¹⁰¹ Stapfer Hans-Heiri. Polikarpov Fighters in Action Part I. Carrollton, Texas. 1995. P. 21–22.
- ¹⁰² Шумихин В.С. Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰³ РГАЭ, ф. 8328, оп. 1. д. 1484, л. 1.
- ¹⁰⁴ На общую сумму 36 млн руб.
- ¹⁰⁵ Имеется в виду внешний и внутренний диаметры.
- ¹⁰⁶ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. С. 265.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 269.
- ¹⁰⁸ Рассчитано по: 1941 год. Кн. 1. С. С. 552–553; Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 379, 407.
- ¹⁰⁹ Симонов Н. Указ. соч. С. 120.
- ¹¹⁰ История Великой мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 297.
- ¹¹¹ 1941 год. Кн. 1. С. 560.
- ¹¹² Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 73.
- ¹¹³ 1941 год. Кн. 1. С. 529, 531.
- ¹¹⁴ Вернудуб И.И. Боеприпасы победы. М., 1998. С. 32.
- ¹¹⁵ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 205.
- ¹¹⁶ Симонов Н. Указ. соч. С. 140.
- ¹¹⁷ Из 139 действовавших.

© 2003 г. А.Ю. ПОПОВ*

ПАРТИЗАНЫ И КОНТРРАЗВЕДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Контрразведывательное обеспечение партизанских формирований являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успехам советских партизан в годы Великой Отечественной войны. Главной целью этого обеспечения было ограждение партизан от подрывной деятельности спецслужб противника и враждебных элементов.¹ В мемуарной литературе, а также в работах В.Н. Андрианова, В.В. Коровина, Г.П. Мищенко, Г.П. Мигрина, В.К. Киселева можно найти ин-

* Попов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук (Академия ФСБ РФ).

тересные материалы о защите партизанских формирований от агентуры противника¹. Однако в целом данная тема исследована еще очень мало.

Оперативно-чекистские группы при партизанских формированиях стали создаваться с января 1942 г.² Они готовились как при центральном аппарате НКВД, так и в территориальных органах госбезопасности и по существу выполняли те же функции, что и особые отделы в действующей армии. Правда, не все командиры партизанских формирований понимали значение оперативно-чекистской работы. К распространённым нарушениям относились освобождение из-под стражи лиц, работавших на немецкую разведку, без согласования с работниками оперативно-чекистских групп, снятие своей властью с должности начальников этих групп и т.п. Поэтому руководители штабов партизанского движения и НКВД постоянно разъясняли командирам партизанских отрядов и соединений, что оперативно-чекистские отделы и группы действуют здесь на правах особого отдела НКВД и непосредственное руководство их деятельностью осуществляют управления НКВД и представителями Центрального штаба партизанского движения.

Проводя работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выявляли двойников, засланных немцами к партизанам, проверяли вновь зачисленных в отряд бойцов на специальных заданиях и т.д. Агентурное проникновение в спецслужбы противника проводилось различными путями. Иногда это достигалось путем легализации кадровых работников НКВД и агентов, заброшенных в тыл врага. Часто агентура составлялась с конкретным заданием при отступлении наших войск. Важную роль здесь играли агенты-женщины, которые могли легализоваться намного быстрее и легенда которых, как правило, была наиболее естественна. Лидия Лисовская, Мария Микота, Надежда Троян – вот только несколько имен женщин, оказавших неоценимые услуги партизанским формированиям.

Большую работу проводили органы контрразведки партизан по захвату сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников³.

При проведении оперативного поиска чекисты обращали внимание на признаки, демаскировавшие легенду прикрытия вражеского агента, и обстоятельства его прибытия в партизанский отряд (неполное совпадение легенды внедряемого агента с действительным положением дел; несоответствие сообщаемых им о себе данных с имеющимися документами; сомнительные обстоятельства прибытия агента в район базирования партизан, например при организации и проведении «побега» из лагеря военнопленных, тюрьмы и т.д.; наличие у внедряемого агента профессиональных качеств, не соответствующих легенде, и др.). При необходимости специально создавались условия, в которых могли бы проявиться враждебные намерения или действия агенты гитлеровцев. Эти искусственно создаваемые условия либо «благоприятствовали» проведению враждебной деятельности, когда «смягчались» режимные ограничения в партизанских отрядах, упрощался доступ к средствам связи и т.п., либо вводили в заблуждение агентуру противника путем развертывания ложных партизанских баз, объявления о предстоящем «перевыбазировании», маршрутах движения для проведения боевых операций и т.п., что провоцировало вражеских агентов на поступки, способствовавшие их разоблачению⁴.

Нередко агенты гитлеровских спецслужб сами приходили с повинной к партизанам. В основном это были люди, не обавившие своих рук кровью соотечественников и завербованные под угрозой расстрела или с помощью обмана.

В целях сковывания подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную; создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты, и др. Организованные с учетом конкретной обстановки дезинформационные мероприятия приводили нередко к тому, что оккупанты сами предпринимали карательные акции в отношении собственной агентуры, предателей и сотрудников своих служб.

Так, дезинформация немецкого командования помогла дискредитировать руководителей антисоветских казачьих формирований в районе Таганрогского полуострова в мае 1942 г. Как рассказывал автору известный специалист по партизанским диверсиям И.Г. Старинов, «для выполнения этой задачи штаб партизанского движения... собрал подробный материал о казачьих формированиях войска Донского; восстановил список командного состава и видных руководителей; через управление НКВД по Ростовской области подобрал объект для заброски в тыл фашистам; составил дезинформационный материал и письма с целью дискредитации добровольцев. Материал и письма были оформлены в виде обращений на имя видных руководителей казачьего войска Донского. Содержание личных писем не внушало ничего подозрительного и представляло обыкновенное письмо от жены, племянника, друга и т.д. Тексты были написаны тайнописью. Подготовленная штабом партизанского движения специальная директива была адресована Однотало-

ву – руководителю ростовского казачества, председателю малого войскового круга, бывшему офицеру. Текст тайнописи содержал следующее: “Ваш план одобрен. Командование Красной армии желает Вам успеха и ближайшей встречи. Форсируйте подготовку к восстанию. Сроки готовности казачьих сотен назначьте сами в соответствии с общим сроком. Подготовьте все, чтобы своевременно убрать офицеров, могущих помешать делу...” Подобные материалы были разосланы остальным руководителям казачества. В их текстах были упомянуты видные казаки как “соучастники” заговора. Передачу компрометирующих материалов в руки немецкой контрразведки было решено произвести путем заброски захваченных ранее нами видных руководителей полиции и предателей Родины с нераскрывшимся парашютом. Для этой цели был использован арестованный органами НКВД и обвиняемый как изменник Родины некто Середа, бывший офицер царской армии, активный пособник оккупантов. Лучшей кандидатуры быть не могло. Середу знали в лицо все полицейские и офицеры казачьих формирований. Работником органов государственной безопасности СССР Середу было сделано ложное вербовочное предложение. Для искупления вины перед Родиной он якобы должен был выполнить задание органов безопасности на территории противника. Изменник легко пошел на вербовку, втайне предвкушая, как сразу же после выброски с парашютом явится к своим фашистским хозяевам. Для выброски инструкторами парашютно-десантной службы был подготовлен нераскрывающийся парашют. Замысел руководителей Штаба партизанского движения и чекистов удался. Труп Середы с документами был найден немецкой контрразведкой на контролируемом фашистами территории. В результате этой акции казачья дивизия, дислоцированная в Таганроге в мае 1943 г., была снята с фронта и по частям, без оружия направлена в глубокий тыл якобы для борьбы с партизанами⁵.

Большая работа проводилась чекистами по разложению полицейских и иных изменнических формирований. Гитлеровцы на оккупированных территориях, особенно в районах партизанского движения, создали большой полицейский аппарат, целые полицейские части и гарнизоны. За весь период работы, например, орловских чекистов в тылу противника из полицейских формирований к партизанам перешли около 4 тыс. человек. Многие из них потом хорошо показали себя в боях с оккупантами и были отмечены поощрениями, а некоторые даже удостоены правительственных наград. Как показала практика, действенной формой борьбы с предательством была публикация имен изменников Родины⁶.

В основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико-морального состояния личного состава. Работу по разложению антисоветских воинских формирований проводила специально подготовленная и внедренная в эти формирования агентура чекистских органов. Агенты распространяли антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, своевременно получали информацию о настроении личного состава, собирали данные об отношении германского командования и его разведывательных органов к тому или иному формированию, офицерскому составу, устанавливали доверительные отношения с отдельными военными служащими, которых обрабатывали с целью последующей вербовки в качестве агентов советских органов государственной безопасности.

В своей работе чекисты использовали факты аморального поведения командного состава спецслужб противника, недостатки в снабжении рядовых сотрудников и другие моменты, способствовавшие возникновению антагонизма между различными группами во вражеской среде. Воздействие на личный состав подразделений спецслужб противника оказывалось также и через агентуру из местных жителей, проживавших вблизи объектов врага. Им давались задания поступать на работу в специальные службы и карательные формирования оккупантов в качестве офицанток, уборщиц, машинисток, поваров, парикмахеров, прачек и т.д.

Великая Отечественная война дала много примеров, когда в результате умелой работы агентуры партизан подразделения вражеских спецслужб переходили на их сторону в полном составе. Так, в Гдовском районе Ленинградской обл. в 1943 г. подпольная организация под руководством А.Д. Антоновой добилась того, что целый взвод карателей, уничтожив офицеров своего и других подразделений и взорвав 9 автомашин, с оружием в руках перешел на сторону партизан.

Следует отметить, что переход бывшей агентуры противника на сторону партизан вызывал раздражение у начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ» В.С. Абакумова, напавшего 20 августа 1943 г. письмом начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко, где, в частности, говорилось: «...Борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложена на органы контрразведки «СМЕРШ». Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой “Русской освободительной армии” и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону

без ведома органов контрразведки «СМЕРШ», допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц...»⁷

П.К. Пономаренко ответил очень резко: «...Мы считаем, – писал он, – необходимым и впрямь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления, передавать Вам. Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться. То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, мы только приветствуем, хотя слышим об этом впервые. Возникает другой вопрос: почему со времени организации «СМЕРШ» никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что намеряют предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника, почему не проведено ни одно мероприятие, а в партизанских отрядах нет ни одного вашего работника. Вы, как это видно из письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки «СМЕРШ» решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их. Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника. Эти ваши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому смыслу... Мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас. К примеру сказать, 4-е управление НКГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала»⁸.

Нельзя не отметить и деятельность органов государственной безопасности по выявлению негативных явлений в самих партизанских формированиях. Командиры и партизаны некоторых отрядов позволяли себе преступные излишества и злоупотребления своим положением. Так, издав приказ о запрете самогонкуренния и борьбе с ним, командование отряда «Смерть немецким оккупантам» Навлинского района Орловской обл. за зиму и весну 1942 г. истратило на самогон, по данным расследования, 1 500 пуд. зерна. Проживая с рядовыми бойцами в одной землянке, за перегорожкой, командир и комиссар отряда распивали этот самогон, запрещая пить его своим подчиненным⁹.

Иногда дело доходило чуть ли не до боевых столкновений среди партизан. Агентура органов государственной безопасности докладывала в Центр, что летом 1942 г. на Брянщине руководители Хомутовского отряда, выделившегося из партизанского соединения им. Ворошилова № 1 для следования на Украину, напоили самогоном бойцов-пулеметчиков, находившихся на посту, похитили у них пулеметы и увели самих пулеметчиков. Когда утром выяснилось, что посты оголены, командир Ворошиловского отряда Петровский бросился на броневомobile в погоню, чтобы силой оружия отобрать свои пулеметы. Боя не произошло лишь потому, что хомутовцев догнать не удалось¹⁰.

Порой командиры партизанских отрядов совершали откровенно преступные действия по отношению к партизанам соседних отрядов. Так, в марте 1943 г. командир одной из партизанских бригад Калининской обл. Корнаушенко арестовал бойцов партизанской бригады М.С. Прудникова, которые возвращались с задания. Корнаушенко заподозрил в них полицейских. Никакие объяснения арестованных ни к чему не привели. Партизан даже подвергли пыткам¹¹. Легендарный командир с возмущением докладывал об этом случае начальнику 4-го управления НКВД СССР П.А. Судоплатову.

Ошибки встречались и у самих оперативных работников органов госбезопасности, обслуживавших партизанские отряды. Некоторые чекисты зачастую не доводили до конца допросы и следствие по делам немецких агентов, засылаемых противником в партизанские отряды. Задержанных агентов немецких спецслужб расстреливали сразу же после признания в своей причастности к разведке противника, не допрашивая их по поводу полученных ими заданий и с целью выявления других известных им фашистских агентов¹².

В заключение следует подчеркнуть, что важнейшая роль в защите партизан от подрывной деятельности фашистских спецслужб принадлежала агентурному проникновению в разведывательные, контрразведывательные и другие карательные органы врага. Это позволяло с меньшей затратой сил решать задачи по контрразведывательному обеспечению партизанских формирований.

Примечания

¹ См. подпр.: Андрианов В.Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 102, 184; Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998. С. 137–206; Мищенко Г.П., Мигрин Г.П. Задача особой важности. Киев, 1985. С. 120; Киселев В.К. Партизанская разведка, Минск, 1980. С. 34–82. ✓

² РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 909, л. 16.

³ См.: Золотарь И.Ф. Под маской бургомистра // Партизанские дни. М., 1971. С. 9–32; Мищенко Г.П., Мигрин Г.П. Указ. соч. С. 121; РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 153, л. 297.

⁴ Мищенко Г.П., Мигрин Г.П. Указ. соч. С. 106.

⁵ Личный архив автора.

⁶ Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 125.

⁷ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 336, л. 10–11.

⁸ Там же, л. 12–16.

⁹ Там же, д. 746, л. 110.

¹⁰ Там же, л. 111.

¹¹ Там же, д. 748, л. 1.

¹² Там же, д. 703, л. 52.

© 2003 г. Ч. Э. СЫМОНОВИЧ*

РОВЕСНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ)

В последнее десятилетие много говорят и пишут о необходимости гуманизации истории, в частности истории социальной. И если раньше рядовые люди интересовали историков в основном как представители той или иной социально-классовой общности, то теперь исследователи обращают все больше внимания на их демографические, социально-психологические и социокультурные характеристики. Появился интерес и к судьбе отдельных поколений¹, например поколения участников российских революций 1917 г. и Гражданской войны (причем в разных политических лагерях), поколения «строителей социализма», «шестидесятников», а также более мелких возрастных групп. Однако судьбы ровесников Великой Отечественной войны, т.е. людей, родившихся в 1941–1945 гг.², пока еще не привлекали внимания историков и социологов, хотя эта возрастная группа во многом отличается и от своих предшественников, и от тех, кто пришел в мир после нее. Отчасти это происходит из-за незавершенности жизненного пути этих людей, отчасти – из-за менее «славной» на фоне фронтовиков и «шестидесятников» их судьбы. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел, причем автор во многом опирается и на свои личные воспоминания.

Численно возрастная когорта родившихся во время войны сравнительно невелика, ибо для военных лет были характерны как резкое сокращение рождаемости (в 1940 г. в СССР родились 7 млн. детей, а в 1941 – 4,6 млн., в 1942 – 2,1, а в 1943 – лишь 1,4 млн.³), так и высокая детская смертность (до конца войны погибли или умерли более миллиона детей, родившихся в то время⁴). И хотя самим ровесникам войны воевать, естественно, не пришлось, судьба их складывалась достаточно сложно: большие материальные лишения детских и юношеских лет, сиротство или безотцовщина, сильная конкуренция со стороны предшествующего и последующего более «крепких» поколений, резкие общественно-политические и социально-экономические перемены в собственной стране и в мире, тяжелая, часто трагическая ситуация на склоне лет... Об основных этапах жизненного пути ровесников войны и об их коллективном социокультурном портрете и пойдет речь.

Дошкольное детство ровесников войны проходило в тяжелейших условиях. Необычным было уже само появление многих из них на свет. Известен, например, случай, когда жена командира, будучи на сносях, шла пешком от западной границы на восток. Другая мать прятала младенца от обстрелов в подвале полтора месяца, и он едва не сгнил там в пеленках. Недоедание, а то и просто голод были тогда обыденным явлением. Не случайно на первых послевоенных конференциях медиков отмечалось, что дети из подвергавшихся оккупации областей отстают в росте на одну треть по сравнению с нормой, а в некоторых областях половина детей ясельного возраста болела рахитом⁵.

Война отнимала у детей родителей, прежде всего ушедших на фронт отцов, а сиротство, как вспоминает в наши дни один из ленинградцев-ровесников войны, – «это уже навсегда». «Жилплощади, имущества, сбережений мы лишились с началом войны... Свое жилье я получил только в 1970 г.»⁶, – рассказывал он, превратившись сейчас опять в бомжа. Многие ровесники войны провели свои первые годы в эвакуации, кто-то попал в детские дома, лишившись родительской заботы и ласки. Психологи и педагоги считают одним из главных качеств, формирующихся в раннем детстве, доверие к окружающему миру, веру в его доброту и справедливость. Думаю, что у большинства ровесников войны этому чувству взяться было неоткуда.

Большая часть российских ровесников войны появилась на свет и провела раннее детство в сельской местности, где голодали не меньше, а подчас и больше, чем в городах. Горьким парадоксом становилось их отставание в умственном развитии и в то же время раннее взросление

* Симонович Чеслав Эрастович, кандидат исторических наук.

в плане выработки разного рода защитных реакций. Жизнь приучала детей войны к коллективизму, вырабатывала у них находчивость, смекалку, смелость. В итоге, несмотря на все лишения и трудности, большинство ровесников войны благодаря совместным усилиям государства, общества и окружающих – близких и дальних – не только выжило, но и выровнялось к началу 1950-х гг. в плане физического развития.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. ровесники войны пришли в бедные, а часто просто нищие, плохо оснащенные школы, где, в духе того времени, царил строгий порядок. Утро начиналось с построения всей школы, рапортов и распоряжения директора: «Приступить к занятиям!» И надо сказать, что в этом ритуале была своя красота и реальная польза. Курение и сквернословие были строгойше запрещены, как и беготня на переменах, не говоря уже о косметике у девушек, модной стрижке, украшениях и т.д.

Восстановление довоенного жизненного уровня шло медленнее, чем возрождение производственного потенциала страны. Поэтому дети и подростки из неполных или неблагополучных семей ходили в одежде, перешитой из старых вещей, бесплатное питание в школьном буфете получали лишь единицы, а о винегретах и киселях на большой перемене можно было только мечтать. Большинство семей жили тогда в городах в коммуналках, по много человек в одной комнате, но в этом тоже бывала своя положительная сторона: дети скорее получали представление о взрослой жизни, в которую им предстояло вступать, приучались к взаимопомощи, у них воспитывалась отзывчивость к чужому страданию.

После смерти Сталина советская школа вернулась к совместному обучению мальчиков и девочек, а с конца 1958 г. началась широкая кампания по «укреплению связи школы с жизнью» и соединению общего образования с профессиональным, которая проходила, однако, довольно бестолково, кустарно и постоянно наталкивалась на нашу неизбежную бедность, неорганизованность и формализм.

Вспоминая, что даже введение школьной формы, призванной как бы «уравнять» всех, на деле сразу выявило значительные различия между ребятами из более состоятельных и малообеспеченных семей. Одни могли себе позволить полушерстяную форму и шелковые пионерские галстуки, другие ходили в «х/б», превращавшемся после 2–3 месяцев носки в тряпку. Тем не менее я не припомню «классовой ненависти» к богатым одноклассникам: ведь всё распределялось государством, а ему, как нам тогда казалось, было виднее, кто что заслужил. Больше того, мальчик из семьи полковника, живший в привилегированном доме с охраной, стыдился того, что он – не как все, что он – не из барака⁷. К тому же многие из обеспеченных родителей старались тогда не афишировать свою состоятельность и воспитывали детей в убеждении, что кукла, пирожное или красивое платье – это событие, а не что-то обыденное.

Четко были поставлены политвоспитание и пионерская работа. Сверхидеологизирован был и сам учебный процесс. Во время борьбы с космополитизмом закон Ньютона переименовали, например, в «1-й закон физики». Славословия Сталину и «железной гвардии партии» в учебнике истории, портреты Ленина и Сталина на похвальных грамотах, поток литературы о жалком существовании детей «горьчинного рая» в капиталистических странах – все это было и воспринималось в общем и целом как должное. Но вспоминается с благодарностью и другое. В ребятах воспитывали интернационализм, организовывали переписку со школьниками из союзных республик и стран народной демократии. Дома о политике в большинстве случаев благоразумно помалкивали, и первое тревожное ощущение фальши приходило все же в школе, когда, например, в пионеры принимали не лучших, а почти всех. Конечно же, идеологическим водоразделом стал XX съезд КПСС (1956), заставивший и нас, 11–15-летних, задуматься и заговорить о том, о чем раньше принято было молчать.

До изучения в школе Достоевского или Есенина, не говоря уж о Булгакове, ровесники войны не «дожили». Преподавание литературы, особенно в средних классах, бывало порой довольно уродливым. Например, объясняя, почему у Пушкина и Лермонтова в стихах упоминается слово «Бог», наша учительница «оправдывала» это тем, что они хотели сказать что-то другое – «судьба, природа», но под давлением обстоятельств вынуждены-де были... И все же именно литература будила мысль и чувство, раскрепощала. Ведь великие наши писатели были сильнее, чем авторы учебников 1950-х гг., и никакие самые вульгарные «комментарии» не могли до конца исказить их высокие мысли.

Судить о качестве школьного преподавания в масштабах всей страны я не берусь. Конечно, преподаватели были разные, и по-настоящему творческие личности встречались среди них не часто. Но работали они, как правило, не только честно, но и достаточно эффективно, так что знания у учеников, несомненно, были и притом довольно твердые.

Большинство ровесников войны в деревне росли в крайней бедности. Так было по крайней мере до середины 1950-х гг. Много сказано о «пустых» трудовых, но ведь и розничные цены в деревнях были выше, чем в городе, и тарифные ставки ниже, и в магазинах сельпо набор товаров годами оставался крайне скудным. Жизнь рано выталкивала деревенских подростков на работу, так что в 1960/61 учебном году на 513 тыс. городских старшеклассников приходилось лишь 202 тыс. сельских⁸. Правда, сказывалась здесь и отдаленность сельских школ от малых и средних деревень, где жили многие подростки. Далеко не каждый, даже имевший такую возможность, хотел жить в школьном интернате. Рассуждали примерно так: если уж покидать родной дом, то ради города, а не ради соседней большой деревни. Поэтому многие ехали уже не по мобилизации, а добровольно в городские ремесленные училища или прямо шли на заводы, фабрики, стройки. После армии парни оставались служить, например, в милиции, а девушки ради городского жилья нанимались в дворничихи или в няньки. Родители колхозных подростков разными путями добывали для них заветные справки на получение паспорта. Редко, но встречались упоминания и о фиктивных браках с городскими, чтобы получить заветную прописку. Конечно, пресса и пропагандистские брошюры приводили совсем другие примеры: сельский отличник поступает в столичный вуз; вчерашний сельский паренек, приехав в город по оргнабору, через 3 года возглавил передовую комсомольско-молодежную бригаду и т.д. И это часто было правдой, ибо страна находилась тогда еще на подъеме.

После окончания средней школы одних ждали институты, других – техникумы, третьих – заводы, стройки, колхозы и совхозы, где, кстати говоря, можно было быстро заработать трудовой стаж, необходимый для поступления в вуз. Это были 1960-е гг. – очень сложное, интересное, но крайне противоречивое время. Вера в коммунизм еще не была подорвана, но уже начинала давать трещины. Однако у молодежи преобладали тогда другие настроения – ощущение собственной молодости и силы совпадало с лозунгами обновления социализма и критики сталинизма. Жизнь бурлила, шло освоение целины, человек полетел в космос и настроение у большинства молодого поколения было приподнятым, они были полны оптимизма.

Придя на производство, ровесники войны становились членами профсоюза, участвовали в заводских и колхозных собраниях. При этом работа коренным образом меняла их социальное положение и самочувствие. В начале 1960-х гг., походив месяца три в учениках, они потом несколько лет подряд оставались, скажем, станочниками 2–3-го разрядов с «потолком» сдельной якобы зарплаты рублей в 70 в месяц. Столько стоил тогда, к примеру, стандартный костюм из ткани с лавсаном. А тот, кого не устраивали отечественные товары, обращался к «фарцовщикам». Те сколачивали приличные деньги, но велик был и риск, что придет письмо из милиции на работу или в деканат института. Тем, кого до армии кормили родители, хватало зарплаты на одежду, выпивку и на загородную поездку в выходной, весьма актуальную для сексуально озабоченной, но не имевшей отдельных комнат городской молодежи. Заметим, что большинство молодых людей из возрастной группы ровесников войны в 1960-х гг. уже вступали в брак и обзаводились детьми, что означало наступление в их жизни принципиально нового этапа.

Парни женились большей частью после прохождения действительной военной службы. Это было время, когда в Вооруженных силах тоже происходили большие изменения, связанные с их перевооружением и численным сокращением. Ситуация в армии была сложной. Техническая модернизация требовала больше образованных людей, и они приходили из городов, прежде всего в лице студентов вузов без военных кафедр. Старшины же и сержанты, многие – из деревень, старшие по возрасту, менее образованные и не «отравленные» городским свободомыслием, воспитывали, а попросту говоря, безжалостно гоняли бойких городских ребят, вызывая у них постоянное раздражение и злобу. Офицеров-фронтовиков в нижнем командном звене уже почти не оставалось, а новое офицерство, не имея авторитета фронтовиков, начинало все больше воспитывать молодых солдат «руками» (часто в буквальном смысле слова) младшего комсостава. Возможно, на ухудшении моральной обстановки в армии, как и во всем обществе, сказались и массовые амнистии 1950-х гг. В итоге днем армейская жизнь шла по уставу, а ночью – по праву сильного и старшего по сроку службы. Так называемые неуставные отношения постепенно все глубже проникали в жизнь Вооруженных сил, разрушая сначала армию, а затем и общество в целом. Ровесники войны отчасти испытали это на себе, хотя до пика данного процесса было еще далеко.

Весьма значительны были перемены и в области образования. За первую половину 1960-х гг. численность студентов выросла в РСФСР с 1.4 млн. до 2.3 млн. человек. Ежегодно в ряды специалистов вливалось около 360 тыс. молодых людей, в том числе 170 тыс. инженеров и техников и около 60 тыс. педагогов⁹.

Важная особенность рассматриваемой нами возрастной когорты – совпадение ее профессионального становления с этапом существенного роста жизненного уровня населения СССР. Сред-

немесячная зарплата выросла в 1960-е гг. в 1.5 раза, а расходы на питание в 1965 г. составляли уже меньше половины доходов семей¹⁰. Мы уже покупали новую одежду, а не отдавали лицезать старую, стояли ночами в очередях не за галошами и часами, как родители, а за мебельными гарнитурами и холодильниками, обедали на работе в столовой, а не ели всухомятку. Росли темпы жилищного строительства, и многие мои ровесники заводили семью уже в своей собственной комнате, а некоторые – и в отдельной квартире. Эластичнее становился спрос на товары, прихотливее – требования к проведению досуга. Теперь мы уже предпочитали обращаться в ателье бытового обслуживания (а не возиться самим с ремонтом), чтобы не пропустить хоккей, фигурное катание или «Клуб кинопутешествий» по ТВ.

В то же время ровесники войны, политически формировавшиеся под влиянием докладов Н.С. Хрущева на XX и XXII партсъездах, думали не только о телевизорах, джинсах и женских сапогах, но и о своей стране, ее строе, о нашем общем будущем. Они надеялись на то, что советская система будет становиться более разумной, жизнеспособной, гуманной. Первые социологические опросы начала 1960-х гг. показали, что большинство молодежи было убеждено в правильности курса партии и реальности ее третьей программы. Из более чем 15 тыс. опрошенных лишь несколько сот признались в безыдейности, «вещизме», карьеризме, стремлении к легкой жизни¹¹. И у людей действительно были основания для оптимизма. Советское общество приоткрылось для мира, и руководство пыталось брать с Запада все лучшее, чтобы использовать потом для построения коммунизма: технику, гибридные семена кукурузы, столовые самообслуживания, произведения прогрессивных или хотя бы политически нейтральных, но великих писателей. Микроскопические по сегодняшней мерке новшества в плане демократизации казались тогда крупным шагом вперед: расширение хозяйственной самостоятельности союзных республик, оживление работы Советов и профсоюзов, развитие демократических начал в партийных и комсомольских организациях, появление товарищеских судов и добровольных народных дружин – все это воспринималось сначала положительно, с надеждой и доверием.

Как всегда бывает в эпоху перемен, часть населения считала последние слишком медленными. Особенно это относится к молодежи, которая сравнивала настоящее не с прошлым, а с мнящим идеалом. Поэтому более неторопливое старшее поколение, а тем более старики из высшего руководства казались молодым живым анахронизмом. И хоть писатель А. Рыбаков вкладывал в уста юного героя повестей о Кроше слова: «Сын не может быть судьей своего отца», мы судили наших отцов и матерей и дома, в семейных перепалках, и на работе, а в исключительных случаях – даже на площадях, как это было, например, в 1962 г. в Новочеркасске¹². Недовольных же из моих сверстников тихо «усмиряли» по месту работы или учебы, так что репрессированные Ю. Галансков, Б. Вайль, В. Делоне, близкие нам по возрасту, были только исключением из этого правила.

Младшему сверстнику ровесников войны Вадиму Делоне в момент выбора судьбы правозащитника было всего 19 лет. За участие в демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. он отсидел 3 года и умер в 35-летнем возрасте в вынужденной горькой эмиграции, навсегда заклеив нас, трусивших и успокаивавших свою совесть тем, что нельзя «отдавать» Западу ни одну из соцстран, некогда освобожденных Советским Союзом от немецко-фашистской оккупации. Мы молчали, а Делоне тогда же написал: «И молчание не обманет, / И грядущее поколение / Вас ни славою не помянет, / Ни торжественным песнопением... / Так и думайте только «с ведомо», / Точно следуя указаниям, / Так молчите же до последнего, / Вплоть до вечного до молчания»¹³. Но таких, как Вадим Делоне, было тогда еще очень и очень мало.

Рядом с немногочисленными противниками режима и молчаливым большинством, не имевшим доступа к неофициальной информации (отчасти по незнанию иностранных языков), существовали и активные защитники диктатуры КПСС. Вот описание вербовки старшим стукачом-аспирантом первокурсника одного из вузов: «...Мне нужен союзник... Эта шваль расплодилась на всем готовом, и нас за людей не считает... А коль скоро мы объединимся, мы их скинем»¹⁴. Я и сам помню, как шли доносы студентов в партбюро, если преподаватель допускал, например, вольную трактовку «концепции» развитого социализма. Впрочем, дело не только в политических «фронтах», прорезавших наше безмятежное внешне общество.

И все же наше духовное развитие шло тогда необычайно интенсивно. Мы открывали для себя десятки и сотни новых литературных имен, жадно глотали недоступные прежде переводные западные книги, уже презирая при этом ремесленников от соцреализма и преклоняясь перед Ремарком или Кафкой. Конечно, в провинции, а тем более в деревне все это складывалось по-другому.

Так ровесники войны подошли к 1970-м гг. – началу их зрелости, совпавшему случайно с провозглашением зрелости социализма в СССР. Эти годы казались нам очень долгими и скучными. Постепенно нарастали чувства тревоги, стыда и в конце концов отвращения из-за того, что плавать пришлось не в чистой воде, а в болоте. Но живой, как говорится, думает о живом. Политика

политикой, а семья – семьей. По данным одного из социологических опросов, ровесники войны уже ставили секс на третье по важности место (после духовной и психологической совместимости) среди факторов, обеспечивающих прочность семейного союза. Однако рост рождаемости сдерживался нехваткой жилья, мест в детских дошкольных учреждениях, а также занятостью женщин в общественном секторе народного хозяйства. Доходы семей увеличивались, но росло и пьянство, а с ним – количество разводов. Период застоя (и запоя) заканчивался для мужчин – ровесников войны – тревожным показателем: смертность среди них сравнивалась со среднероссийской, а ведь в последнюю входили показатели смертности младенцев и стариков. При этом село опережало город в 1.25–1.4 раза из-за пьянства, плохого медицинского обслуживания, перегрузок сельской полевой страды, высокого производственного травматизма¹⁵.

К 1970 г. ровесники войны вместе с родившимися во второй половине 1940-х гг. вышли на третье место по удельному весу занятых в народном хозяйстве (88%)¹⁶. В больших городах и промышленных районах, не говоря уже о деревне, трудностей с трудоустройством не было. Но в малых городах с одним или несколькими промышленными предприятиями за рабочее место уже приходилось держаться обеими руками. Интересны данные переписи населения 1970 г. о доле родившихся в 1940-х гг. среди занятых физическим (224 на тысячу) и нефизическим (248 на тысячу) трудом. На стройках их было более 30%, примерно столько же – среди культпросветработников и в сфере искусства, тогда как в торговле – только 16%, а в сфере обслуживания – 8%. Среди освобожденных комсомольских и партийных работников ровесники войны составляли немногим более 20%¹⁷ и не потому, что не хотели идти на эту работу, а потому, что такие места уже были заняты более старшими товарищами.

Еще сохранялся престиж высшего образования. За 1960-е – первую половину 1970-х гг. количество специалистов с высшим образованием увеличилось в РСФСР в 2.5 раза, а научных работников – в 3.4 раза¹⁸. «Опять великий перелом, – горько шутили тогда, – середняк пошел в науку». Таким образом, налицо был настоящий качественный скачок по сравнению с началом XX в. Если деды ровесников войны были в основном неграмотными и полуграмотными крестьянами, а среди родителей наших, 1910-х гг. рождения, на тысячу человек приходилось 722 с начальным и ниже образованием, то родившиеся в 1940-х гг. по удельному весу лиц с высшим образованием опережали родителей в 2 раза, а людей с начальным и ниже образованием среди нас к 1970 г. было в 6 раз меньше, чем среди родителей¹⁹.

Важнейшей особенностью ровесников войны было то, что время их зрелости совпало с этапом дальнейшего роста материального уровня жизни в советском обществе. Дефицит товаров делал его номинальным, но лишь отчасти. Малообеспеченные категории населения оставались, но они жили не хуже (отвлекаясь от сравнений с более продвинутыми группами рядом с ними), чем среднезажиточные слои предшествующего периода. Беда, однако, в том, что это утешает только старших, средние же по возрасту, а тем более младшие измеряют свой жизненный уровень не по «было – стало», но по «у меня – у богатого соседа – у среднего обитателя якобы загнившего Запада». Так что впечатляющие темпы роста народного благосостояния воспринимались на «ура» далеко не всеми.

Жизнь становилась более сытой, налаженной, спокойной. Но что стояло за всем этим? Вот лишь одно описание серого, растительного существования наших младших братьев, во многом приложимое и к жизни ровесников войны в конце 1970 – первой половины 1980-х гг.: «Инженеры 1950-х гг. рождения. Они родились слишком поздно, чтобы участвовать в спорах “физиков” и “лириков” или потерять юношеский оптимизм под обломками “оттепели”. Они поступили в институты только потому, что на дворе были 70-е, в стране было полно НИИ, гарантировавших 120 р. в месяц, вечное чаепитие на работе и чувство причастности к чему-то важному. Учились на “троечки”. Не верили в коммунизм, но состояли в партии. Носили бороды, ходили на байдарках, верили в торжество разума, читали Стругацких... Потом – двое детей, летом – “шабашки”... Решений принимать не научились. Перестройка. Сначала, “как все”, поддерживали. К началу 90-х поняли, что очутились на обочине. Менять себя, профессию поздно, а на дачу, выращивать огурцы – рано вроде. Продаться за бугор – никто не купит. Тоска по государству, по предсказуемости, по социальному статусу... Неудачливые бизнесмены, уфологи, неприметные мужчины среднего возраста²⁰. Стоит ли удивляться, что «народным» гимном брежневской поры стали слова из песни: «А нам все равно...»? И в этом был приговор общественному строю и предупреждение тем, кто считал его вечным.

Психологи полагают, что после 40 лет у людей складывается такая шкала ценностей: здоровье, благополучие в семье и любовь, материальная обеспеченность, уверенность в себе, интересная работа²¹. Посмотрим, с этой точки зрения, как жили и живут ровесники войны во время их «поздней зрелости», т.е. с середины 1980-х гг. и до настоящего времени.

Известное неблагополучие в области медико-социальной было зафиксировано еще в 1970-е гг. Смертность среди ровесников войны росла сначала плавно, на 12–25% каждые 5 лет, а после 1990 г. всего за 5 лет увеличилась в 2.2 раза у женщин и в 2.5 раза у мужчин. В итоге на 1 января 1999 г. ровесников войны оставалось в России 5.1 млн. человек²².

В последние годы большинству населения приходилось тяжело, но по-разному, в зависимости от многих факторов. Возраст мешал ровесникам войны при перемене работы. Все чаще мы слышали: «Нет, берем только до 40 лет». Зарплату задерживали, на «халтуру» не хватало сил, да и мастерства. Легче пришлось тем, у кого дети уже встали на ноги, а родители оставили этот мир... В рассматриваемый период большинство родившихся в 1940-е гг. пребывало в браке, хотя активность их по части разводов была не меньшей, чем у более молодых. Резко уменьшилась она с середины 1990-х: после 50-летнего рубежа уже трудно было что-то менять в личной жизни. Основные семейные заботы были связаны с образованием старших или средних детей. В результате дети ровесников войны вдвое опередили родителей по удельному весу получивших среднее образование. Однако продвижения по удельному весу людей с высшим образованием уже не было²³, и это крайне важно. Хотя бы по этому показателю, а также по уровню общей культуры и бытовым признакам различия между нами и нашими старшими детьми были, видимо, меньше, чем между нами и нашими родителями (поклон им за материальную помощь, не говоря об их помощи по хозяйству и в воспитании наших детей). И все же многие факторы – и материальные, и нравственные – разрушали нашу духовную связь с детьми, если таковая прежде и намечалась. Нередко можно было услышать от ровесниц: «Я сына одна поднимала. И все вроде хорошо было. А сейчас придет из училища, закроется..., включит свою дикую музыку и... молчит»²⁴. И это было еще не самым страшным. В 1990-е гг., когда стало можно всё, «деточка», случалось, пропивал, проигрывал мамино жилье, и мама превращалась в бомжа²⁵.

Обращаясь к проблемам уровня жизни, отчетливо видишь разницу между сравнительно благополучными 1980-ми и крайне трудными для большинства населения, в том числе и для ровесников войны, 1990-ми гг. Достаточно сказать, что в 1988 г. удельный вес расходов на питание снизился в советских семьях примерно до 1/3, а в 1990-е гг. семьи почти прекратили приобретать предметы длительного пользования²⁶. Многим не хватало и на еду, мучили задержки с выплатой зарплат. В 1994 г., когда падение в пропасть бедности и даже нищеты еще продолжалось, 50–54-летние, т.е. ровесники войны, составляли 9.2% получавших доход от работы по найму, 3.8% – от предпринимательства, 6.5% – от фермерства, 11.7% – от личного подсобного хозяйства, 8.1% – от владения собственностью. 2.4% они составляли среди иждивенцев, 34.5% – среди пенсионеров²⁷. Среди экономически активного населения ровесники войны составляли тогда 7.3%. Внутри же данной возрастной когорты экономически активных было 78%. Таким образом, мы были в середине 1990-х гг. еще заметной частью трудовых ресурсов страны. Именно в это время нас обошли на крутом повороте наши старшие дети. Ровесники войны составляли среди работодателей 3%, а 25–29-летние – 15.7%. В то же время нас было в 3–3.5 раза меньше, чем старших детей, среди зарегистрированных безработных. И, конечно, мы не могли тягаться с взрослыми детьми по трудоустройству за границей – соответственно 5.2 и 23%. Внутри страны дети опережали нас по доле занятых в финансах, торговле и т.д.²⁸ Все это понятно. Теперь нередко преуспевающие дети помогают своим работающим, но бедствующим родителям из числа ровесников войны.

Как же изменялись общественно-политические ориентации ровесников войны во времена перестройки и в 1990-е гг.? На самом веру, среди нескольких сот представителей правительственной и партийной «элиты» рожденные в 1940-е – начале 1990-х гг. составляли лишь 15–20%. Масса, согласно многочисленным опросам, держалась ближе к консервативным позициям, понимая, что легкого перехода в рыночно-демократический «рай» нет и быть не может. Мы поняли, что нас, молчаливое большинство, все равно обманут и править будет «Собственность-Власть» под любым флагом и гербом. А ведь с каких радужных надежд все начиналось, какими значительными, небывальными на нашей памяти казались первые победы! Вспоминает И.А. Строгая, инициатор восстановления церкви в Лахте, под Ленинградом: «Мы верили в скорое возрождение России... Преодолевая остатки собственной неуверенности, холодную злобу представителей старой власти, боязливость прихожан, сомнения епархиальных руководителей в коммерческой (!) целесообразности проекта, мы, актив, начали в 1988 г. восстановление храма Апостола Петра в Лахте»²⁹. Но спектр подобного энтузиазма был, естественно, очень широк: одни еще надеялись построить «социализм с человеческим лицом», другие жаждали демократии западного типа, третьи просто старались обогатиться в начавшейся социальной неразберихе. Жизнь показала, что удержаться на плаву сумели только эти последние, да и то далеко не все.

Подводя итог, можно сказать, что в массе своей ровесники войны, к сожалению, стали сегодня олицетворением нереализованности возможностей и утраченных иллюзий. Характерно, что среди них меньше, чем в других возрастных группах, выдающихся деятелей в сфере политики, экономики, науки, культуры. Ровесники войны представляют собой промежуточную возрастную группу, мета-входящую между либеральными мечтаниями «шестидесятников» и жестким прагматизмом тех, кто родился в 1950–1960-х гг. И все же среди них много честных и талантливых людей, которые не только дали жизнь своим потомкам, но и сделали немало полезного для своей Родины.

Примечания

- ¹ С е н я в с к а я Е.С. Фронтное поколение: историко-психологическое исследование. М., 1995; Человек на войне. Историко-психологические очерки (на примере двух мировых и афганской войн). М., 1997. Правда, иногда определения поколений выглядят как публицистические метафоры: поколения «бизнесменов» 1960-х гг. рождения, «нигилистов» 1965–1970 гг. рождения, – «наблюдателей», родившихся после 1970 г. и т.д. (См.: Б о б р о в а С.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 95).
- ² К этой же возрастной группе, если подходить к делу не формально, принадлежат родившиеся и в последние предвоенные годы, и в невероятно трудные 1946–1947 гг., поскольку их детство и юность тоже прошли под знаком войны и ее последствий. Таким образом, понятие «ровесники войны» может употребляться в узком и в широком смысле слова.
- ³ См.: Народонаселение России в XX веке: исторические очерки. В 2 т. Т. 2. 1900–1939 гг. М., 2001. С. 14, 100.
- ⁴ Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 74.
- ⁵ Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. М., 1947. С. 131–134; Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Т. 1. М., 1948. С. 135–151. См. также: С м у л е в и ч Е.Я. Динамика показателей здоровья и состояние здравоохранения // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970. С. 46.
- ⁶ Расскази свою историю. СПб., 1999. С. 244, 249.
- ⁷ Ж и т н с к и й А. Типичный представитель // Звезда. 1990. № 1. С. 108–148.
- ⁸ Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сб. М., 1977. С. 70–71; О голоде, мучившем школьника в сибирском поселке, см.: Р а с п у т и н В. Уроки французского // Мой лучший рассказ. 70–80-е годы. М., 1988. С. 483–509.
- ⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Стат. ежегодник. М., 1966. С. 412, 468; Народное образование, наука и культура в СССР. С. 232–233.
- ¹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. М., 1976. С. 596–597; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М., 1986. С. 234.
- ¹¹ См.: Г р у ш и н Б., Ч и к и н В. Лицо поколения. М., 1961. С. 6, 9, 12, 16, 37.
- ¹² См.: Новочеркасская трагедия. 1962 // Исторический архив. 1993. № 1. С. 131.
- ¹³ Портреты в колодежной раме. Лондон, 1984. С. 10–17; Д е л о н е В. Хоть полслова родного еще услышать... // Дружба народов. 1990. № 5. С. 151.
- ¹⁴ В а р л а м о в А. Запах страха // Истоки. Альманах. Вып. 20. М., 1989. С. 65.
- ¹⁵ Население СССР. Стат. ежегодник. М., 1989. С. 416–417.
- ¹⁶ Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 154.
- ¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 года. Т. VI. М., 1973. С. 469.
- ¹⁸ Народное образование, наука и культура в СССР. С. 292, 303.
- ¹⁹ Н и к и т е н к о В.В. Демографический анализ поколений. М., 1979. С. 111.
- ²⁰ Ф е д ю к и н И. Кризис среднего возраста // Неприкосновенный запас. 2000. № 5(13). С. 34.
- ²¹ Р ы б а л к о Е.Ф., Г е р а с и м о в а Н.С. Динамика групповых ценностных ориентаций старшеклассника и взрослого // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4. СПб., 2000. С. 163–164.
- ²² Население СССР. 1988. С. 588–592; Российский стат. ежегодник. М., 1996. С. 54; Демографический ежегодник России. 2000. М., 2000. С. 170, 260–262.
- ²³ Образование населения России (по данным микропереписи 1994 г.). М., 1995. С. 7–8.
- ²⁴ С и к е в и ч З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990. С. 4.
- ²⁵ Расскази свою историю. С. 211–216, 439–456.
- ²⁶ Социальное развитие СССР. 1989. М., 1991. С. 126; РСФСР в цифрах в 1989 г. М., 1990. С. 79; Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 1999. С. 238.
- ²⁷ Источники средств существования населения России. М., 1995. С. 342–343 (среди находившихся в трудоспособном возрасте – пересчет мой. – Ч.С.).
- ²⁸ Труд и занятость в России. Стат. сб. М., 1996. С. 6–19, 24, 74.
- ²⁹ Запись воспоминаний – в домашнем архиве автора.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2003 г. Б. Н. МИРОНОВ*

ПРИШЕЛ ЛИ ПОСТМОДЕРНИЗМ В РОССИЮ?

Заметки об антологии «Американская русистика»¹

Составитель антологии Майкл Дэвид-Фокс собрал в двух томах 15 широко известных в США работ, хорошо переведенных на русский язык, предпослав каждому тому интересные введения, в которых представил читателю авторов, рассказал об их творчестве, объяснил, почему для антологии были выбраны именно эти, а не другие исследования. Особого внимания заслуживает введение к первому тому «Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России», где Дэвид-Фокс предложил периодизацию послевоенной американской русистики на основе поколенного принципа: «отцы» (конец 1940 – середина 1960-х гг.), «дети» (конец 1960 – конец 1980-х гг.) и «внуки» (1990-е гг.), имея в виду не возраст, а время активной деятельности историков. Такой критерий классификации нельзя не признать весьма приблизительным, учитывая, что многие профессиональные историки в течение своей жизни меняют если не исторические взгляды, то по крайней мере свои интеллектуальные пристрастия. Наверное, точнее было бы говорить не о поколениях, а об этапах развития русистики, имея в виду, что на каждом из них большинство историков были одного возраста. Такая классификация при всей ее условности имеет смысл, поскольку отражает смену господствующей парадигмы или, как предпочитает говорить Дэвид-Фокс, структурные сдвиги в историографии. В смене поколений прослеживается логика, а соотношение взглядов «отцов» и «детей», по мнению Дэвид-Фокса, характеризуется как тезис–антитезис. Можно добавить, что третье поколение выступало по отношению к предыдущим в качестве синтеза.

«Отцы» писали историю «сверху вниз», «дети» – «снизу вверх», «внуки» предпочитают взгляд «изнутри». «Отцы» подчеркивали определяющую роль политики, выдающихся личностей и идеологии; «дети» строили свои интерпретации вокруг «общественных сил»; центральным пунктом у «внуков» может быть и идеология, и личности, и социальные группы. Неотъемлемой частью подхода «отцов» было подчеркивание случайности большевизма и возможности либеральной альтернативы ему; «дети» охотнее писали о социальной необходимости революций и взаимодействии народа с революционными партиями; «внуки» допускают любые варианты. «Отцы» были антикоммунистами и антимарксистами; «дети» придерживались более левых взглядов, не чурались марксизма, использовали данные и постулаты официальной советской историографии; «внуки» принадлежат к разным партиям. «Отцы» изучали преимущественно политическую историю конца XIX-начала XX в.: большую политику и ее главных действующих лиц, метаидеи, партии, государство, элиту, истоки и альтернативы революций, революционное движение, русский марксизм; «дети» предпочитали социальную историю от Великих реформ до 1917 г.; «внукам» нравится изучать «белые пятна» советского периода, XVIII – начало XIX в., империю и нерусские народы. С точки зрения интеллектуальных ориентаций «отцы» считали за лучшее принцип Леопольда фон Ранке: «установить, как собственно все происходило»; «дети» придерживались парадигмы западной социальной истории, построенной на количественных и социологических методах и междисциплинарном подходе. «Внуков» можно назвать эклектиками – не отказываясь от сравнительно-исторического и междисциплинарного подходов (правда, они отдают предпочтение литературоведению, семиотике и культурной антропологии), они с удовольствием работают в рамках новой культурной истории, изучают умонастроения, социальные идентификации, народную культуру, метаисторию приносят в жертву частному случаю

* Мировов Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

(case-study), постижение общего – изучению конкретного и индивидуального, анализ – повествованию. Почти все «внуки» находятся под сильным влиянием постмодернизма, правда, не избежали его влияния и ныне здравствующие «отцы» и «дети». Однако постмодернистские настроения среди русистов, как и историков вообще, не стали доминирующими, так как в противном случае изучение прошлого потеряло бы смысл. Сдвиг во взглядах трех поколений русистов на исторический процесс М. Дэвид-Фокс определяет следующим образом: «Это сдвиг от “большой” политики и грандиозных идей “отцов” к рассмотрению “детьми” проблем общества и общественных сил, и к широкому понимаю культуры “внуками”». Он справедливо подчеркивает, что «каждый структурный сдвиг дает определенные преимущества и позволяет увидеть много нового» (ч. 1, с. 20).

16 авторов, представленных в антологии (включая ее составителя), распределяются по поколениям следующим образом (в скобках после фамилии указаны годы защиты диссертации и первой публикации работы, переведенной для антологии). Отцы: Марк Раев (1950-е, 1975), Дэвид Джоравски (1957, 1993), Альфред Рибер (1959, 1993); дети: Шейла Фицпатрик (1969, 1993), Джеймс Уэст (1969, 1984), Катерина Кларк (1971, 1995), Грегори Фриз (1972, 1986), Пол Бушкович (1975, 1997), Лора Энгельстейн (1976, 1986), Дэниел Тодес (1981, 1987), Джейн Бербанк (1981, 1997); внуки: Стивен Коткин (1988, 1995), Юрий Слезкин (1989, 1994), Майкл Дэвид-Фокс (1993, 2000), Питер Холквист (1995, 1997), Томас Баретт (1997, 1995).

Представленные в антологии работы первого послевоенного поколения мало соответствуют типологическим признакам «отцов». Кратко напомним их содержание.

Согласно М. Раеву («Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме»), реформы Петра I и Екатерины II ввели в России характерную для Центральной Европы XVII в. форму государственной практики. На смену пассивной обязанности государства поддерживать законность и общественный порядок пришла активная, динамичная задача развития производительной энергии общества и создания для этого надлежащей институциональной основы. Вследствие этого Россия XVIII в. представляла собой один из вариантов общеевропейского феномена регулярного полицейского государства. Отличие России, по мнению Раева, состояло в том, что европейские государи опирались в реализации этой цели главным образом на бюрократию, а российские императоры – на выборных представителей существовавших корпораций горожан и крестьян. Поскольку выборы не проявляли большой заинтересованности в выполнении государственных задач, модернизация в России происходила медленно. Осознавая это, Петр I и Екатерина II пытались создать в качестве опоры систему сословий. Однако они потерпели в этом неудачу, поскольку в принципе невозможно создать автономные и инициативные сословные учреждения под контролем и опекой государства.

А. Дж. Рибер в статье «Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации» доказывает несостоятельность трех распространенных в американской историографии концепций («мифов»): об экспансионизме, геополитическом «стремлении к морю»; о русском мессианизме и вере русских в свою избранность (Москва – третий Рим); о восточно-деспотическом, или патриархальном (вотчинном), характере российского государства. Он подвергает критике также возникшую на основе этих мифов идею о русской угрозе и стремлении России к мировому господству, которая превалировала в западной историографии и массовом сознании с середины XIX в. до конца «холодной войны». Экспансионизм российской внешней политики, считает автор, определялся существованием устойчивых факторов – экономической отсталостью, уязвимыми границами, многонациональностью и расположением на периферии великих очагов культуры. Именно попытки преодолеть их, а не стремление к мировому господству, лежали в основе внешней и отчасти внутренней политики России. Однако эти попытки так и не увенчались успехом, а сам экспансионизм привел к парадоксу – постоянно усиливавшаяся внешняя мощь России опиралась на все более слабый и шаткий фундамент. Устойчивые факторы существования, полагает автор, в принципе можно изменить при условии коренного пересмотра лежащих в основе политики принципов. Как видим, Рибер использует структурный подход, придавая наибольшее значение поиску имплицитных факторов внешней политики, а не психологии народа или поведению политических лидеров. Из его объяснительной схемы следует, что любое государство в положении России было бы вынуждено делать то же. Поэтому в построениях историка нет негативизма, и Россия не выглядит «империей зла».

В статье «Сталинистский менталитет и научное знание» Д. Джоравски смягчает традиционную для ранней западной русистики точку зрения о непримиримых противоречиях между властью и интеллигенцией, идеологией и наукой. Он считает, что в период расцвета сталинизма, в 1930–начале 1950-х гг., отношение власти к науке определялось двумя принципами – партийностью и прагматизмом, а практические результаты научных исследований контролировались на

оселке идеологической чистоты. Однако приложение этих принципов к отдельным научным дисциплинам отличалось разнообразием, что и предопределяло их прогресс: там, где прагматизма было больше, большими были успехи. В точных и естественных науках враждебности к независимым исследованиям было меньше, в науках о человеке – больше. Наука развивалась благодаря постоянным компромиссам между коммунистическими правителями и учеными – и те, и другие демонстрировали образцы «сговорчивой принципиальности» (ч. 2, с. 231). Феномен и парадокс советского строя заключался, по мнению Джоравски, в попытке научной организации жизни, что было характерно для всех развитых стран в XX в., причем нигде попытки «техницировать» науки о человеке не заходили так далеко и не приводили к столь катастрофическим последствиям, как в СССР.

В перечисленных работах Россия не противопоставляется Западу, не представляется уникальной и принципиально отличной от Европы. М. Раев полагает, что государственность России XVIII в. просто отставала в своем развитии, повторяя пройденный в центрально-европейских странах путь. Д. Джоравски обнаруживает в сталинскую эпоху триумф прагматизма, характерного для всех европейских стран XX в. А. Рибер редуцирует уникальность исторического пути России до ординарного национального своеобразия, объясняемого объективными геокультурными и геополитическими факторами. При этом хотя темы этих работ вписываются в рамки популярной в 1950-е гг. проблематики, однако, с точки зрения методологии и ревизионистских выводов, все 3 работы можно отнести скорее к новой социальной истории, в них активно используется сравнительно-исторический анализ, пересматриваются старые концепции. В результате благодаря большому творческому потенциалу и творческому долголетию, все 3 автора вышли за рамки парадигмы, которой придерживалось большинство представителей первого поколения, и построили мост, связавший «отцов» и «детей».

Статьи Дж. Уэста, П. Бушковича и К. Кларк представляют эталонными для второго поколения. В работе Уэста «Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914)» анализируются попытки российской буржуазии мобилизовать общественность и народ в 1909–1914 гг. на борьбу против монархии. Оценивая способность буржуазии и шире – всей образованной части общества идентифицировать свой статус, определить свои отношения с государством, мобилизовать общество на реализацию своих политических целей, автор приходит к выводу о провале всех этих усилий по двум главным причинам. Во-первых, ни одна из общественных групп не владела навыками политического сотрудничества и готовности идти на компромисс. Во-вторых, радикальная буржуазно-демократическая программа не имела массовой общественной поддержки: социальная структура в начале XX в. пребывала в состоянии дезинтеграции или перехода от сословий к классам, средний и высший классы были малочисленны и разрозненны.

П. Бушкович («Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г. Устрялов (1845–1859)»), изучив на базе новых архивных документов конфликт между Петром I и царевичем Алексеем, приходит к выводу, что сущность его состояла не в личных противоречиях на почве приверженности первого европейским ценностям, а второго – старине, как традиционно принято считать в историографии. И Петр, и Алексей были «европейцами», хотя и разной ориентации: первому нравилась протестантская Европа, второму – католическая, барочная. Конфликт возник по другим причинам. Во-первых, существовали глубокие противоречия в высших эшелонах власти, широкая, но скрытая антиреформаторская оппозиция среди дворянства, духовенства и народа. Значительная часть аристократии симпатизировала царевичу, разделяя его недовольство строительством Петербурга и продолжавшейся войной со Швецией. В этих условиях царевич мог стать знаменем оппозиции. Кроме того, Австрия и Швеция не прочь были воспользоваться в своих интересах противоречиями среди элиты и в императорской семье. Традиционная трактовка конфликта восходит к его первому исследователю, придворному историку Н.Г. Устрялову, в угоду Николаю I фальсифицировавшему документы, чтобы преуменьшить оппозицию Петру. Тонкий классический источниковедческий анализ новых документов привел автора к важным выводам.

В статье К. Кларк «Становление советской культуры» исследуется развитие социалистического искусства в судьбоносные 1920-е гг. Автор отказывается от традиционно фаталистического взгляда на историю советской культуры, в соответствии с которым на эти годы смотрели как на время закладки основ «культуры сталинизма», как на необходимый и логической этап в ее развитии. В действительности в то время не было ничего предсказанного, считает Кларк. Искусство развивалось не по заранее заданному плану, а спонтанно и эволюционно, так как «история культуры – не роман, написанный по канонам социалистического реализма» (ч. 2, с. 167). Власть выбирала эталоны случайно и непоследовательно, нередко идя на поводу у масс, так как по своим

вкусам недалеко ушла от рядового городского обывателя. В своем выборе руководители страны руководствовались политическими целями – создать антибуржуазную культуру, перевоспитать зрителя или читателя в соответствии с новыми идеологическими и культурными стандартами. Значительная часть творческой интеллигенции разделяла эти цели. Между различными ее группировками шла борьба главным образом вокруг того, какой стиль или какое произведение станет эталоном. В результате взаимодействия власти, интеллигенции и народа, а также под воздействием идеологии во второй половине 1920-х гг. произошел культурный сдвиг: петербургский интернационалистский авангард был потеснен московской «русоцентристской» культурой, иконоборчество уступило место иконотворчеству, борьба за создание «истинно советской» культуры стала более нетерпимой и воинственной.

Остальные представленные в антологии авторы второго поколения сочетают «социальный» и постмодернистский подходы. Используя методологию немецкой школы «истории понятий», Г. Фриз в своем широко известном исследовании («Сословная парадигма и социальная история России») пришел к важным и свежим выводам. Сословная система в России к концу XVIII в. едва сформировалась, а в первой половине XIX в. была динамичным и развивающимся институтом; она сыграла существенную роль в пореформенной России и даже после 1917 г. не полностью утратила свое значение. Автор полагает, что идея сословности способствовала структурированию общества. Движущими силами в процессе формирования сословий наряду с государством выступали сами социальные группы, так как сословная система соответствовала интересам не только государства, но и населения.

Ш. Фицпатрик, своей статьей «“Приписывание к классу” как система социальной идентификации» как бы продолжая исследование Г. Фриза, проверяет его вывод о живучести сословной парадигмы после революции 1917 г. на данных 1920–1930-х гг. Она находит, что государство под влиянием марксистской идеологии само создало, или «изобрело», классовое общество с целью достижения социальной стабильности, разрушенной революциями и войной: власти «приписали каждого человека к классу», наложили на него «наследственное клеймо классовой принадлежности» и заставили выполнять соответствующие его статусному положению функции. В результате возникли «мнимые классы», в действительности являвшиеся «советскими сословиями», которые как в допетровское время были закрепощены государством. Регенерация такой структуры отвечала представлениям и ожиданиям большинства населения и служила интересам новых «привилегированных сословий» – пролетариата и трудового крестьянства, в новых условиях оказавшихся наверху социальной пирамиды. Возрождение сословной структуры стало возможным благодаря тому, что она не была изжита к 1917 г., что, между прочим, доказывает правильность выводов Фриза о незавершенности процесса превращения сословий в классы до революции. Таким образом, Фицпатрик понимает сталинизм как феномен, вобравший в себя реалии предшествующей эпохи.

Дж. Бербанк в статье «Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века» показывает влияние правовой идеологии на развитие российской государственности в пореформенное время. По ее мнению, крестьянские волостные суды после судебной реформы 1864 г. были популярны в деревне и приобрели важное значение в регулировании общественных отношений. В своей деятельности они использовали огромное количество формальной документации и нормы официального права. Все это способствовало проникновению писаного закона в практику крестьянской жизни и, что особенно важно, развитию правовой культуры в среде крестьянства, упорочению его связей с государством. Однако господствовавшая правовая идеология, противопоставлявшая закон и обычай, препятствовала пониманию юристами истинного значения волостных судов в развитии правовой культуры крестьян. Вследствие этого общественность не обратила должного внимания на успешную деятельность судов, что затормозило появление у крестьян веры в беспристрастное правосудие для всех, а в итоге помешало развитию правовой культуры в стране.

В статьях Л. Энгельстейн и Д. Тодеса исследуются дискурсивные практики врачей и ученых с целью обнаружения культурного (исторического) бессознательного – в обоих случаях эта была народническая идеология, господствовавшая в среде русской интеллигенции в пореформенное время. Анализируя дискуссии в среде русских врачей в конце XIX–начале XX в. о причинах распространения проституции и сифилиса, Энгельстейн («Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905)») приходит к выводу, что врачи считали главной причиной распространения сифилиса в деревне антисанитарию, а не половые контакты, так как не допускали возможности существования внебрачных половых связей в высоконравственной, с их точки зрения, крестьянской среде. При всех расхождениях во мнениях, врачи относили женщин всех сословий и крестьян обоего пола к людям, сохранившим первич-

ную чистоту и близость к природе и не способным сделать сознательный моральный выбор в сфере сексуальности. Согласно их представлениям, лишь мужское городское население, безотносительно к его сословной принадлежности, могло регулировать свое сексуальное поведение. Говоря о противодействии проституции, врачи под влиянием народнических взглядов отдавали предпочтение просветительским мерам перед принудительным государственным регулированием.

Д. Тодес («Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль (1859–1917)») обнаружил, что интерпретация идей Дарвина на русской и английской почве была различной и зависела от той институциональной, культурной и социальной системы, в которой работало научное сообщество. Большинству русских ученых, в отличие от англичан, идея «борьбы за существование» представлялась в лучшем случае неточной и вызывала смущение, хотя теория «естественного отбора» казалась здоровой. Подобная реакция имела свое объяснение. В условиях низкой плотности населения, огромной незаселенной территории и доминирования общинных отношений идея борьбы за существование, воспринимавшаяся как метафора мальтузианской доктрины, была для русских бессмысленной и противоречила их системе ценностей. Англичане придерживались индивидуалистической политической и идеологической ориентации, а русские – коллективистской. Поэтому первым идея «бездушного» индивидуализма казалась нормальной, а для вторых была неприемлема; русские отдавали предпочтение «закону о взаимной помощи» российского ихтиолога К.Ф. Кесслера.

Как можно видеть, в поздних работах историков второго поколения в большей или меньшей степени ощутимо влияние постмодернистской методологии. Ш. Фицпатрик и Г. Фриз имплицитно используют постмодернистскую концепцию «воображаемых сообществ», рассматривая социальную структуру как результат конструирования, статусного приписывания людей. Однако в противоположность постмодернистам, они являются сторонниками континуитета и не отрицают объективного существования сословий и классов. Л. Энгельстейн и Д. Тодес анализируют столь важное для постмодернизма понятие, как «дискурсивная практика» и не задаются вопросом о соответствии мнений экспертов и реального поведения людей.

«Внуки» используют постмодернистскую методологию еще более активно. Ст. Коткин в статье «Говорить по-большевистски» (являющейся частью книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») анализирует повседневную жизнь рабочих Магнитогорска в 1930-е гг., чтобы реконструировать ментальную структуру («историческое бессознательное») людей сталинской эпохи, внутреннюю логику их мышления и самоидентификации. Он выявляет понимание современниками ключевых для той эпохи понятий: производительности труда и трудовой дисциплины, социального происхождения и политической лояльности. По его мнению, власти удалось сконструировать «советскую», или «сталинскую цивилизацию», достичь лояльности со стороны подавляющего большинства и трудового энтузиазма со стороны значительной части рабочих, потому что она добилась позитивной интеграции рабочих и режима, внедрила в них чувство неразрывной связи партии и рабочих посредством «игры в социальную идентификацию». Жители Магнитогорска считали сталинскую общественную систему прогрессивным, антикапиталистическим обществом, новой цивилизацией с новым советским языком, новой советской идентичностью, новым отношением к труду и т.д. При этом они воспринимали себя советскими гражданами русской, татарской или узбекской национальности. Люди сначала вынужденно или неосознанно говорили «правильные слова по-большевистски» из-за необходимости публично продемонстрировать свою веру в Советскую власть. Но постепенно эти «правильные слова» превращались в категории индивидуального, а затем и массового сознания, так как словесная артикуляция социальной идентичности предопределяет мышление и, в конечном итоге, – социальное и политическое поведение человека.

Ю. Слезкин («СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность») полагает, что Советская власть планомерно «конструировала» не только новые социальные реальности, но и целые нации, создавая национальную государственную территорию, «коренную» бюрократию и интеллигенцию, национальные науку, культуру, учебные заведения, в ряде случаев – даже национальный литературный язык. За интенсивным национальным строительством, или «этнофилией» (ч. 2, с. 330), стояла марксистская идеологическая догма, согласно которой угнетенным народам социалистические идеи доступны только в национальной форме, дорога к пролетарскому интернационализму лежит только через национальное размежевание. Однако надежды властей на создание некоей новой советской идентичности на базе пролетарского интернационализма не оправдались. Одной из причин этого оказалась неспособность создать культурную традицию, приемлемую для всех обитателей советской «коммунальной квартиры», как (вероятно, под влиянием А.А. Зиновьева) автор метафорически называет СССР. Кроме того, Советская власть декларировала принцип

республиканской государственности и право на собственное государство и не пыталась слепить советскую нацию или превратить СССР в русское или советское национальное государство. Поэтому когда СССР – «ненациональное государство без национальной идентичности, национальной культуры и официального языка перестало существовать, национальные негосударства оказались его единственными законными наследниками» (ч. 2, с. 349, 364). Отсюда напрашивается вывод, которого автор, правда, не делает: «воображаемые нации» стали действительными нациями благодаря тому, что их хорошо сконструировали.

В статье Т. Баретта «Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России» реконструируется повседневная жизнь на подвижной российско-кавказской границе в XVIII–первой половине XIX в. Он обнаруживает там нечто подобное броуновскому движению: процесс, включавший завоевание Северного Кавказа, истребление аборигенов и сближение народов и культур, изменение экологии и адаптацию колонистов к своеобразной географической среде, создание новых семей, новых крепостей и поселений и разрушение старых, взаимодействие культур, русификацию местного населения и аборигенизацию русских, насилие и взаимопомощь и многое другое. Отношения между кавказцами и русскими нельзя поэтому подвести под какую-нибудь жесткую дефиницию, например под понятие «колониализм». На «фронтире» формировались принципиально новые реальности. Скажем, армявские армяне по вере были христианами, по подданству – россиянами, по одежде и обычаям – черкесами, по статусу – купцами и государственными крестьянами и только по самосознанию – армянами. Автор явно вдохновлен получившим распространение в 1990-е гг. новым подходом к изучению подвижной границы в США, который постулирует отказ от одностороннего взгляда на американскую колонизацию Запада как продвижение демократии и прогресса вместе с белыми поселенцами.

Работа П. Холквиста «“Осведомление – это альфа и омега нашей работы”: Надзор за настроениями населения в годы фашистского режима и его общеевропейский контекст» может служить российской иллюстрацией концепции Мишеля Фуко о возникновении в Европе новейшего времени сильной тенденции к политическому господству в форме контроля за каждым членом общества и моделирования желательного жизненного пути индивидов². Даже название статьи перекликается с названием известной книги Фуко «Надзирать и наказывать» («*Surveiller et punir*»). Сам Холквист не скрывает, что его взгляды на развитие государства сформировались под влиянием работ Фуко (ч. 2, с. 77). Поскольку стремление государства «не просто править землями, но управлять и манипулировать населением» было общеевропейским явлением, то «надзор за настроениями населения надо понимать не просто как “русский феномен”, а как вспомогательную функцию политики современной эпохи (одним из вариантов которой является тоталитаризм)». В XX в. цели такого надзора во всех странах были одинаковыми – наблюдение и контроль над общественными настроениями и мнениями, стремление изменить сознание и мировоззрение граждан. В Советской России превалировала конструктивная функция надзора – формировать нового человека, способствовать строительству нового общества, «воздействовать на людей, чтобы их изменить» (ч. 2, с. 47), в Британии – наблюдательная и контрольная. В принципе П. Холквист, как и Ст. Коткин, рассматривает СССР как один из европейских вариантов социального государства, или государства всеобщего благоденствия, которое черпает обоснование своей легитимности и своего предназначения в социальной сфере. Тем самым оба автора отрицают уникальность советского пути развития.

Как видим, у «внуков» дело не ограничилось, вопреки мнению М. Дэвид-Фокса, «флиртом» с постмодернизмом, влияние этой методологии в их работах достаточно ощутимо. Мир в значительной степени воспринимается ими как текст и изображается дискретным, фрагментарным, порой даже хаосом. «Внуки» используют ряд базисных постмодернистских понятий: «повседневность» (*quotidian*) как культурное бессознательное в самом широком диапазоне социокультурных практик; «дискурс» как специфический способ конструирования социального; «идеология» как любая система явных и неявных взглядов (бытовых, семейных, религиозных, политических и прочих)³; «воображаемое сообщество» (согласно этому подходу, понятия «сословие», «класс», «нация» и им подобные существуют преимущественно в сознании, предопределяя мышление и поведение людей). «Внуки» по возможности избегают количественных данных, редко обращаются к методологии современных социальных наук, их анализ намеренно качественен. Они стремятся к интерпретации изучаемого явления в понятиях и нормах, свойственных современникам изучаемого времени; уделяют большое внимание обыденным ритуалам, рутине, манере общения, самоидентификации, словам, символизму повседневной жизни. Однако на этом пути неизбежно возникает проблема адекватности сделанных выводов.

Ст. Коткин считает, что самоидентификация рабочих в 1930-е гг. вполне соответствовала официальной марксистской доктрине, Фицпатрик же, опираясь на законодательство и политику

в социальной сфере, приходит к выводу, что социальные образования, возникшие под влиянием феномена «приписывания к классу», следует характеризовать как советские сословия; между тем они выглядели как классы и именно так описывались современниками. Ю. Слезкин, опираясь на законодательство и политику в сфере национальных отношений, утверждает, что новая советская идентичность граждан СССР так и не возникла, а Коткин, анализируя самоидентификацию, приходит к противоположному выводу – татарин считал себя советским гражданином татарской национальности, узбек – советским гражданином узбекской национальности и т.д. Этот ряд легко можно продолжить. Бесспорно, очень важно знать, что сами люди думали о себе и о стране, в которой они жили, но вряд ли этого достаточно – хотелось бы знать, что же они и страна представляли собой в соответствии с некоторыми общепризнанными критериями и в сравнении с другими народами и странами. Большинство советских людей в 1950–1970-е гг. имели твердое убеждение, что они живут в самой богатой, передовой, демократической, просвещенной, гуманной стране в мире. Разве этой констатации достаточно для суждения об СССР? Можно ли при этом не использовать данные о национальном доходе, смертности, зарплате, соблюдении прав человека и другие показатели и понятия современной экономической науки, социологии и психологии? На мой взгляд, подход, объединяющий самоидентификацию с объективными параметрами, имеет больше перспектив.

И все же М. Дэвид-Фокс прав – о полном приятии «внуками» постмодернистской эпистемологии говорить не приходится. Они не утратили желания давать объяснения, устанавливать причинно-следственные связи; они не стали нигилистами, не заменили истину иронией; они вглядываются в мир как ученые, а не как поэты. Поворот в сторону новой культурной истории и лингвистики обогащает традиционные методы исследования, придает больший вес их выводам, развивает традиционные направления русистики, заложенные «дедами». Сам составитель антологии принадлежит к «внукам», однако вряд ли можно отнести его историографический анализ во введениях к обоим томам антологии к постмодернистским эссе.

Работы первого поколения русистов (в данном контексте речь идет о всех «отцах») были сильно идеологизированы, политизированы и телеологичны, поскольку их авторы исходили из идеи, что раз империя потерпела крах, то она всегда и во всем была несостоятельна и каждое событие или явление в ее истории в конечном счете вело ее к гибели. Идеи о «кризисе старого режима» и «дороге к революции» также довели над многими исследователями второго поколения (хотя и не над теми, кто представлен в антологии). Третье поколение стремится избежать фаталистического взгляда, изучать прошлое ради прошлого, пытаться видеть в истории открытый, а не предрешенный конец. Поэтому «внуки» предпочитают культурный подход, микроанализ с акцентом на изучении специфических эпизодов и ситуаций, а не долговременных процессов.

При всем разнообразии тем, интерпретаций и методологий в развитии послевоенной американской русистики просматриваются, на мой взгляд, следующие тенденции: 1. Отказ от парадигмы кризиса Российской империи или СССР. 2. Признание факта, что российские гражданские и государственные институты действовали достаточно эффективно, чтобы поддерживать общество как живой, функционирующий организм. 3. Исчезновение враждебности к самодержавию, российской бюрократии, советскому правительству или коммунистической партии; на них все чаще смотрят как на институты, которые в меру своих возможностей заботились о благосостоянии страны. 4. Отказ от противопоставления общества и государства или народа и государства. 5. Отказ от противопоставления России и Запада; все чаще Россия рассматривается как часть Европы, имеющая, как и другие европейские страны, свои особенности. 6. Расширение тематики и методологического разнообразия, междисциплинарность подходов.

Теперь рассмотрим еще один актуальный вопрос, затронутый Дэвид-Фоксом: происходит ли интеграция российских историков в международное сообщество и наблюдается ли при этом конвергенция взглядов, методологий и концепций? М. Дэвид-Фокс дает на него положительный ответ. Но не все с ним согласны. Так, Д. Рансел считает, что в доперестроечное время, до конца 1980-х гг., между американской и советской историографией было больше общего, чем в начале XXI в., так как и в США, и в СССР исследовались одни и те же проблемы и использовались одни и те же подходы и методы, ассоциируемые обычно со «школой Анналов»⁴. В 1990-е же годы, по его мнению, американцы переориентировались на культурную историю с акцентом на антропологическое изучение символических систем, литературоведческий анализ, историю искусств, совершив «лингвистический поворот», а россияне осуществили лишь тематический поворот, не изменив прежней методологии. Американцы подвергли фундаментальному сомнению методологическую ценность научных понятий и статистических данных. Они обнаружили, что одни и те же понятия в разное время имеют разный смысл и наполняются различным содержанием. Статистику также нельзя считать прозрачным окном в прошлое, поскольку и она

наполнена концептуальными категориями и поэтому включает или исключает информацию в зависимости от представлений их составителей, от требований заказчиков и общественного мнения. Правда, добавляет Рансел, и в России есть постмодернисты, но они не многочисленны и встречаются главным образом среди некоторых историков западного средневековья и литературоведов.

На мой взгляд, Д. Рансел преувеличивает поворот в американской историографии и недооценивает изменения в российской. Хотя американские социальные историки и испытали влияние постмодернизма, большинство их не стало последовательными постмодернистами⁵. Их методология, как мы видели на примере американских русистов, обогатилась, но ни «внуки», ни «дети» не пренебрегают ни методами новой социальной истории, ни статистическими данными. Например, в книге Дж. Брукса «Спасибо Вам, товарищ Сталин»⁶ используются теория моральной экономики, структуралистский подход, социальная психология и даже контент-анализ, как и в его первой книге «Когда Россия училась читать»⁷. На мой взгляд, и сам Рансел не стал постмодернистом. Нельзя также забывать, что в США постмодернистская методология встречает не только поддержку, но и серьезные возражения⁸. А американские экономические историки продолжают как прежде работать со статистическими данными.

Почти все примеры, которыми Д. Рансел иллюстрирует «лингвистический поворот» в США, касаются американистов. Что же касается русистов, то работы Г. Фриза (охарактеризованная выше статья) и Э.К. Виртшафтер⁹, на которые он ссылается, вряд ли можно назвать постмодернистскими. История социальных категорий – это традиционное направление не только в западной, но и в российской историографии. Более активно использует постмодернистскую методологию Л. Энгельштейн¹⁰, но, во-первых, она настроена достаточно критично к постмодернизму¹¹, а во-вторых, идея о существовании у интеллигенции так называемой ментальной решетки, которая ограничивала и искажала ее видение – это, в сущности, – старая марксистская идея о социальной или идеологической обусловленности сознания, подновленная постмодернистами в духе «лингвистического поворота».

Д. Рансел прав, когда пишет, что в методическом отношении практика российских и американских историков имеет различия. Но это верно только в том смысле, что среди американцев больше испытывавших влияние постмодернизма и социальной антропологии, чем среди россиян. Однако, и это даже более важно, *мировоззрение, интеллектуальные и ценностные ориентации тех и других чрезвычайно сблизились за последние 15 лет.*

Чем же обусловлены все-таки существующие различия в методах, подходах, понимании объекта изучения между российскими историками и их американскими коллегами? Во-первых, вопреки мнению Д. Рансела, паритет едва ли существовал и в конце 1980-х гг. Советские историки изучали те же сюжеты, а количественные методы применяли, пожалуй, даже больше, чем американские русисты. Однако концептуализация исторического процесса была у них принципиально иной, поскольку иной была эпистемологическая парадигма (у советских авторов она была ровесницей середины XIX в., у американцев – второй половины XX в.). В настоящее время этот эпистемологический разрыв значительно сократился.

То, что россияне меньше поддаются постмодернистским соблазнам, также имеет свое объяснение. Они во многом озабочены другими проблемами. Американскому обществу давно ясна его национальная и цивилизационная идентификация. Огромное большинство американцев разделяют единую систему ценностей. В российском же обществе по этим и другим мировоззренческим вопросам нет консенсуса – треть населения ностальгирует по советскому прошлому, другая обращается в поисках идеалов на Запад, а остальные ищут «самобытный путь». Неудивительно, что общество требует от историков ответа прежде всего на наиболее болезненные вопросы.

В США сложилось намного более ясное представление о своем прошлом, чем в России, где существует огромный дефицит добротной исторической информации, не искаженной идеологическими догмами. Могло ли быть иначе при архаичной теории, идеологическом диктате, тематических перекосах (известно, что в советское время сотни диссертаций посвящались немногим популярным сюжетам, например, революционному движению, рабочему классу или ведущей роли КПСС в индустриализации, коллективизации, Отечественной войне, строительстве коммунизма и т.д.).

Еще одна причина различий в методологии – профессиональное отставание российских историков. В настоящее время Запад и в особенности США занимают в науке лидирующие позиции; новые идеи, как и любая мода, приходят в Россию с опозданием. Естественно, с опозданием пришел и постмодернизм, причем встречен он был в основном враждебно, возможно, также и потому, что он некоторыми своими положениями напоминает марксизм, на который у многих российских исследователей существует острая аллергия. Не актуально для современной российской

интеллигенции и специфическое постмодернистское видение мира, в том числе современного западного общества как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, децентрализованного, неупорядоченного и фрагментарного. Не привлекают ее и идеи о глобальном мировоззренческом кризисе буржуазного общества, ложности буржуазной рационалистичности, недостоверности научного познания, бессмысленности конструирования картины мира, двусмысленности и нестабильности человеческого существования, социальной, классовой, идеологической обусловленности сознания каждого индивида, враждебности власти к человеку, недоверия к теории и к любой объяснительной системе, будь то религия, история, наука, психология, искусство. Принять постмодернизм – значит утратить не только идеал, но даже надежду на его обретение.

Впрочем, в последние годы началась осторожная диффузия новейших западных подходов в российскую историографию¹². И если не произошел еще «лингвистический поворот», то поворот к социальной антропологии налицо¹³. Кроме того, в России, как и в США, популярны другие направления и теории, в частности теория модернизации и ее приложение к анализу российской истории¹⁴.

Говоря об увеличившемся разрыве между американскими и российскими историками, Д. Рансел ссылается также на дискуссию на международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» (1994), участники которой не проявили интереса к современной западной трактовке термина «менталитет». Стоит напомнить, что термин пришел в российскую историографию с Запада и в широкое научное обращение вошел в конце 1980-х гг. (а до тех пор считался изобретением буржуазной историографии), что само по себе свидетельствует о проникновении современных западных понятий в российскую социальную науку. Термин многозначный и использовался участниками конференции (в том числе и 4 американцами) в разных смыслах, кроме одного, на котором настаивал Рансел, считающий, что ментальность следует понимать как «ментальную решетку», формирующую и как бы предвещающую восприятие действительности¹⁵. Однако существование «ментальной решетки» (или социальной установки, диспозиции) открыто не постмодернистами, а намного раньше – классиками марксизма, а затем американскими социологами У. Томасом (W.I. Thomas) и Ф. Знанецким (F. Znaniecki); идея развивалась в 1960–1980-е гг. российскими психологами и социологами В.Н. Мясищевым, А.Н. Леонтьевым, В.А. Ядовым¹⁶ и хорошо известна российским историкам.

Думаю, что выступление Рансела не получило отклика у присутствующих по каким-то случайным обстоятельствам. Но вот что пока не нашло применения в российской историографии, хотя этот пробел уже осознан¹⁷, так это новый тип социального объяснения, предложенный социальной антропологией и хорошо усвоенный американскими русистами. Согласно ему, человек не является только производным социальной структуры, а социальный мир – только пространством объективно заданных связей, внешним по отношению к человеку (как постулировал марксизм); человек сам творит структуры и социальный мир. Другими словами, человек не только наследует общество, но и изобретает его, и этот процесс изобретения общества бесконечен. Эта идея интересно реализована в статьях Ст. Коткина, Ю. Слезкина, П. Холквиста и др.

В целом Д. Рансел прав, когда говорит, что единой русистики пока нет. Однако в вопросе о доминирующих тенденциях мне ближе позиция М. Дэвид-Фокса, который считает, что «в настоящее время идет процесс создания новой интернациональной историографии России, заметное стирание национальных границ между тремя основными центрами исследований в данной области исторической науки – между англо-американской, русскоязычной и европейской историографией». Признаки такого сближения – «возможность читать одну и ту же историческую литературу», взаимные переводы, «постоянное научное общение и взаимное обогащение идеями» (ч. 2, с. 39–40). Однако этот процесс далек от завершения, и его дальнейший ход, на мой взгляд, в значительной степени зависит от развития отношений между Россией и США, Россией и Западом в целом. До сих пор в американских средствах массовой информации Россия нередко предстает в образе врага свободы и демократии, а, значит, врага США и их западных союзников. Некоторые социологи полагают, что негативная интерпретация действий российского правительства объясняется потребностью создать образ врага, чтобы продемонстрировать американскому народу превосходство американской системы ценностей и образа жизни, поддерживать американскую идентичность. Если партнерские отношения между Россией и США, наметившиеся после 11 сентября 2001 г., не получат продолжения, если в США трактовка России как отсталой империи зла и, наоборот, восприятие США в России как передовой империи зла реанимируются, то становление подлинно интернациональной историографии замедлится; напротив, если возобладает взаимное понимание и уважение, то формирование единой мировой русистики пойдет с ус-

коренным. Поэтому наше будущее до некоторой степени в руках историков, которые часто выступают экспертами для своих правительств и влияют на общественное мнение.

Подведу итоги сказанному. В настоящее время в американской историографии сосуществуют различные направления, наиболее влиятельными среди них являются «другая социальная история», постмодернизм, психоистория, клиометрика, неомарксисты, «школа Анналов», историческая антропология¹⁸. Многие американские русисты, хотя, вероятно, не большинство, придерживаются важнейших принципов, приемов наблюдения и интерпретации данных, постулируемых постмодернизмом и исторической антропологией. Большинство же используют разные методики и подходы, в том числе и идеи постмодернизма в их умеренном варианте, не принимая крайностей, вроде того, что прошлое создается самими историками, а социальные явления суть только тексты. Они придерживаются компромисса: язык порождает, но также и отражает социальную реальность; он содержит в себе социальный мир, но также может быть использован для его описания и объяснения; социальные явления обретают значение в жизни людей через дискурс, но при этом они реально существуют, обуславливая действия отдельных людей и социальных групп.

Если иметь в виду содержательные результаты работы современных американских русистов, то не может не радовать тот факт, что авторы отходят от клише времен «холодной войны», которые представляли не только СССР, но и Россию как империю зла, обреченную на кризис, как страну уникальной неевропейской культуры. Свежие взгляды американцев гармонируют с новыми течениями в российской историографии, также предлагающими смотреть на Россию как на европейскую страну, в которой действовали общеевропейские тенденции и закономерности.

Должен сознаться, что в «антропологическом повороте» меня смущает один момент – наметившаяся переориентация американских русистов от метаистории в сторону простого нарратива и изучения отдельных эпизодов и событий¹⁹. Такой подход обеспечивает глубину анализа, но гарантии от фатализма и предвзятости не дает. Кроме того, он имеет, на мой взгляд, и очевидные минусы – фрагментарность, неясность, неопределенность результатов, невозможность получить общую картину. Это все равно, что смотреть на монументальное живописное полотно вблизи, через увеличительное стекло – в пейзаже увидишь травинку, в портрете – носок сапога, а самого пейзажа или портрета не увидишь. Давайте представим, что историки всегда изучали только эпизоды и события, причем в восприятии их современников. Мы имели бы книгу анекдотов, в лучшем случае – целое собрание интересных рассказов, занимательных и любопытных, но не объясняющих, что, как и почему произошло. Изучение отдельных эпизодов и событий имеет смысл только при наличии капитальных исследований по социальной, экономической и политической истории, охватывающих большие периоды и применяющих современный научный язык. Если мы достоверно выясним, сколько еврейской крови текло в жилах Ленина и получал ли он деньги от правительства Германии, был ли Сталин агентом царской охраны, каковы были отношения Распутина с императорской семьей, кто расстрелял семью Романовых и т.п., много ли ясности внесет это в понимание сущности революции? Если мы будем знать, как Ленин относился к Сталину, как Сталин относился к Крупской, кто стрелял в Кирова, хотел ли Сталин первым напасть на Германию, сколько инфарктов перенесли Брежнев или Ельцин, поможет ли это нам понять сущность советского строя и реформ 1990-х гг.? Как соединить маленькие истории в большую историю процессов, как объединить результаты отдельных маленьких трагедий и триумфов в общую картину? Эти вопросы задаются историками, работающими во всех областях и во всех странах, поскольку постструктуралистские, феминистские и постмодернистские исследования поставили под сомнение интерпретации, основанные на постулатах классической эпистемологии. Но удовлетворительного ответа пока не предложено.

При чтении работ, включенных в антологию «Американская русистика», большую часть которых я читал в свое время по-английски, еще раз убедился в том, что хорошо переведенный русский текст понимается глубже и отчетливее оригинала. Отчасти это объясняется тем, что слова родного языка имеют для русскоязычного читателя более определенное и ясное значение, чем английские. Но главная причина, как мне кажется, в том, что многие термины (класс, сословие, государство, общество, сталинизм, нация и т.д.) в русском и английском языках звучат одинаково, но имеют различное значение и при чтении по-английски вызывают у русскоязычного читателя противоречивые ассоциации – он читает по-английски, но думает-то по-русски. Мне известны некоторые российские историки, которые для лучшего понимания англоязычных работ сначала сами делают письменный перевод, и только потом этот перевод читают и осмысливают. В годы «холодной войны», когда русистика в США находилась в привилегированном положении, было написано много интересных работ, которые не утратили и еще долго не утратят своего научного значения, но, к сожалению, недоступны российским читателям, слабо знающим иност-

ранные языки. Некоторые из этих работ с течением времени переводятся. Это очень важное и полезное дело для российской историографии, и в то же время – один из способов сближения американских и российских историков. Антология, несомненно, будет помогать этому процессу. Интеллектуальная мода приходит и уходит, а хорошие, профессиональные работы остаются.

Для российских историков антология интересна еще в одном отношении: она иллюстрирует характерные принципы деятельности американских историков. *Мобильность и инициативность* – еще не закончилась «холодная война», а американские историки уже задумались над тем, что пора подводить черту под историографией эпохи «холодной войны» и открывать новую страницу русистики. *Организованность* – американцы действуют не в одиночку, а коллективом единомышленников. Парадокс, но самые большие в мире индивидуалисты объединяются для достижения поставленных целей, а самые большие в Европе коллективисты предпочитают действовать в одиночку. *Информированность* – они внимательно следят за тем, что делается в других отраслях исторической науки, в других гуманитарных и социальных науках и все полезное берут на вооружение (кстати, они знают, что происходит в российской историографии, нередко лучше, чем сами российские историки). Пришла мода на постмодернизм – русисты совершают «лингвистический поворот». Стали популярны концепции и подходы социальной антропологии – русисты делают «антропологический поворот». Раздались первые залпы американистов по колониальной истории США, и вот русисты открывают огонь по старой концепции колониальной России. *Новаторство* – они не боятся бросать вызов традициям, не страдают комплексом неполноценности, с готовностью и без больших сомнений отказываются от того, что кажется им устаревшим, не функциональным. Мне кажется, что российским историкам не следует пренебрегать этим почтенным опытом.

Примечания

¹ Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство Самарского университета, 2000. 332 с. Тир. 1000; Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство Самарского университета, 2001. 376 с. Тир. 1000. Далее ссылки на книги даются в тексте статьи с указанием выпуска и страницы.

В настоящее время вышла и третья часть антологии: Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Царский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство Самарского университета, 2002.

² См.: The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and Interview with Michel Foucault // Burchell G., Gordon C., and Peter Miller P., eds. L., 1991.

³ Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М., 2001. С. 97, 202–204.

⁴ Ransel D. A Single Research Community: Not Yet // Slavic Review. Fall 2001. Vol. 60(3). P. 550–557.

⁵ См.: Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 154–161.

⁶ Brooks J. Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000.

⁷ Idem. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.

⁸ Прямое осуждение постмодернистского подхода, известного как «лингвистический поворот», см.: Palmer B. D. Descent into Discourse: The Reification of Language and the Writing of Social History. Philadelphia, 1990. Более взвешенную дискуссию см.: Berkhofer R. F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, Mass., 1995. См. также: Carroll N. Tropology and Narration // History and Theory. 2000. Vol. 39. 396–404; Martin R. History as Moral Reflection // Ibid. P. 405–416; Neesh P. Shaped Like Themselves // Ibid. P. 417–427; Жук С. И. Заметки о современной американской историографии // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 162–167.

⁹ Wirtschafter E. K. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, 1997.

¹⁰ Д. Рансел ссылается на книгу: Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992. Книга переведена на русский язык.

¹¹ Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review. 1993. April. Vol. 98.

¹² Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы / Составители А.И. Муравьев, Б.А. Старков. СПб., 1995; Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; Эткнд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998; Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения //

Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. М., 1999. С. 39–76; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

¹³ Куприянов А.И. Историческая антропология: проблемы становления // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 366–385.

¹⁴ Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. С.Я. Матвеева. М., 1994; Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Модернизация и национальная культура: Материалы теоретического семинара (1993 г.). М., 1995; Делбювич О.Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития. М., 1996; Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000; Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. Вып. 5–6.

¹⁵ Сокращенная стенограмма обсуждения докладов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. / В.П. Данилов, Л.В. Милов, отв. ред. М., 1996. С. 401.

¹⁶ Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 63–64, 429–430. См. также: Myers D.G. Social Psychology. The McGraw-Hill Companies, 1999. Chapter 4.

¹⁷ Соколов А.К. Указ. соч. С. 39–76.

¹⁸ Жук С.И. Указ. соч. С. 162–166; Смит С. Указ. соч. С. 154–161; Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. N.Y., 1994; Himmelfarb G. The New History and the Old. Cambridge, Mass.; L., 1987; Novick P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge et al., 1990.

¹⁹ См., напр.: Imperial Russia: New Histories for the Empire / Burbank J., Ransel D.L., eds. Bloomington; Indianapolis, 1998. Редакторы провозглашают преимущества нарратива и микроисследований, а авторы сборника эту идею реализуют.

© 2003 г. Ю.А. ТИХОНОВ*

ДОГОВОР (КОНТРАКТ) 1740 ГОДА М.Г. ГОЛОВКИНА С ВЫБОРНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМИ ИМЕНИЕМ В СЕЛЕ КИМРЫ С ДЕРЕВНЯМИ

Все известные до сих пор помещичьи инструкции были адресованы управителям или приказчикам – людям, стоявшим во главе вотчинной администрации¹. К старостам и общинным властям с письменными наказами, содержащими инструкции общего порядка, землевладельцы не обращались. Казалось бы, для управления оброчными имениями приказчика можно было заменить выборными крестьянами. Ведь это позволило бы избежать расходов по содержанию вотчинной администрации (а они были значительными). И все же в сознании дворян укрепились недоверие к сельской общине, что отразилось и в отмеченных золотыми медалями Вольного экономического общества инструкциях А.Т. Болотова и П.И. Рычкова. Приказчик, пусть и запускаящий руки в господское добро, считался незаменимым в сфере управления имением.

Тем не менее мне удалось обнаружить предписание помещика, адресованное не приказчику, а выборным крестьянам. Оно сохранилось в фонде Дворцового отдела РГАДА среди бумаг, относящихся к вотчинам гр. Михаила Гавриловича Головкина, назначенного регентшей Анной Леопольдовной вице-канцлером. Вотчины были конфискованы и взяты в дворцовое ведомство в конце 1741 – начале 1742 г. по приказу совершившей переворот императрицы Елизаветы Петровны, а сам граф сослан в Сибирь.

Документ представляет собой договор (контракт) М.Г. Головкина с выборными крестьянами об управлении селом Кимры с деревнями. По форме он подобен другим инструкциям, а написан

* Тихонов Юрий Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

в середине 1740 г. при необычных для вотчины обстоятельствах. Владелец решил упразднить господское хозяйство и полевую барщину и перевести крепостных с 1 января 1741 г. на повышенный денежный оброк. Возможно, М.Г. Головкин сомневался в том, что приказчик сумеет провести такой перевод без уменьшения доходности имения. Помещик считал, что при резком изменении хозяйственного статуса имения сами крестьяне будут заинтересованы в исправном сборе увеличенного платежа.

Скорее всего М.Г. Головкин, как и его отец канцлер Г.И. Головкин, и ранее составляли инструкции по управлению своими многочисленными вотчинами, хотя сведений о них не имеется. Головкины занимали высшие посты в государственном управлении и являлись богатейшими душевладельцами². Известно, что многие крупные помещики (Шереметевы, А.П. Волынский, П.А. Румянцев, М.М. Щербатов и др.) давали приказчикам наказы³.

По предписанию М.Г. Головкина в середине 1740 г. крестьяне кимрского имения выбрали для управления 8 человек – троих из пашенных деревень и пятерых из непашенных (преобладание непашенных отражало промысловый характер крестьянских занятий). Они явились в Санкт-Петербург и здесь «с ними учинен договор для облечения их по нижеписаному, что вы учините». Таким образом, договор-инструкция получил силу юридического документа. После подписания контракта помещиком (9 июня 1740 г.) выборным (пашенных деревень Ивану Алманову, Андрею Иванову и Ивану Фролову, непашенных деревень Дмитрию Соболеву, Дмитрию Иванову, Петру Кобылину, Степану Дякину и Кондратию Пентюхову) вручили копию и отпустили их в тот же день «в дома своя»⁴.

Кимрская вотчина располагалась по р. Волге, важнейшему транспортному пути Нечерноземья. Она была известна обувными промыслами. По справке Канцелярии конфискации от 13 июля 1744 г. здесь насчитывалось 18 дворовых людей м.п., 1 986 крестьян м.п. и 12 «богаделенных». В селе стоял двор помещика с хоромным строением и каменными палатами, а возле палат две березовые рощи. У двора был копаный пруд. На речках отмечено 5 водяных мельниц; рыбные ловли располагались вверх по Волге до р. Сози на 75 верст, вплоть до вотчины тверского архиерея⁵.

Необычная мера по замене приказчика выборными крестьянами, естественно, потребовала включения в текст договора всех деталей процедуры перехода к новому порядку управления. Выборные должны были провести избрание в имении старост. М.Г. Головкин распорядился, чтобы в с. Кимры «прикащику не быть, а вотчину править вместо прикащика погодна выбранным от всего миру» трем старостам. Один из них избирался из первостатейных крестьян, второй – из среднестатейных, третий – «из убогих». Сменяемые ежегодно старосты должны были решать всякие вотчинные дела «согласия и совету мирских людей». Передача управления селом трем старостам совершалась «по росписному списку с рук на руки». «Росписной список» «за отдатчиковой и приемщиковыми руками» выборные должны были «взять <...> к домовым делам для знания, что чего отдано будет в селе, а буде не все, что то отыщете» (л. 63 об. – 64).

Выборным предписывалось: «Нынешнего прикащика Галахова и помощника ево Кирилова генваря с 1 числа 741 г. возмите в Москву совсем из бытия ево, Галахова». При этом им поручалось проверить все денежные дела приказчика («по указом моим сочтите и буде что на нем явитца начету, то с него доправьте; а ежели и от крестьян на него жалобы будут в чем, то исследуйте, и буде в чем по следствию явитца виновен, то учините с ним по указом моим, как и с протчими прикащиками за их вины поступлено»).

Итак, выборным передавалось общее управление имением. Повседневное исполнение («править <...> всякие вотчинные дела») функций приказчика поручалось старостам. Однако они избирались оригинальным образом – от трех имущественных групп сельчан. Такое представительство, по мнению помещика, сужало для сельских богачей возможность прибрать все управление к своим рукам.

В трехзвенной цепи (приказчик – старосты – общинные власти) заменялось высшее звено. Первостепенную задачу всех управленческих звеньев помещик видел (как и в обычных инструкциях приказчикам) в обеспечении доходов с имения. Выборные обязывались 1 января нового года собрать в господском доме всех крестьян и новоизбранных старост и «по совету своему разложить» поступление подушных денег по полугодиям, а помещичьего оброка по третям года с каждой окладной единицы – осьмака. Расклад фиксировался в мирском приговоре, а старостами – в приходной книге. Помещик требовал деньги «збирать заранее, до срока, изподоволь» и «платить, не пропуская срока, но конечно до срока за сколько времени возможно». Копии квитанций о плате надо было присылать в Петербург. То же касалось уплаты в «казну» откупных денег за мельницы, перевоз, конскую площадку (место продажи лошадей и сбора пошлин) и др.

«Зборные деньги» предписывалось «содержать в удобном месте в сундуке» вместе с приходо-расходной книгой. Во избежание злоупотреблений полагалось «в тот сундук ходить всем оним трем человекам старостам и при них одному земскому». Подчеркивалось, что «в тот сундук ходить» обязательно должны были все старосты вместе («чинить всем обще приход и расход справедливой и из приходу не убавливать, а к расходу лишнего не приписывать»). После проверки выбранными через год новыми старостами и поверенными от всех крестьян приходо-расходные книги отправлялись в домовую канцелярию (л. 64–64 об.).

Основное место в договоре занимает текст о переменах в системе крестьянских повинностей и вытекавших из этого изменений в господском хозяйстве. Последнее стало теперь занимать довольно скромное место⁶.

В первом пункте договора владелец приказывал крестьянам имения до 1 января 1741 г. «быть на пашне и на работах всяких так, как они прежде были и ныне имеютца». При выполнении полевой барщины в течение года сохранялся прежний порядок. Предписывалось яровые и рожь «зжать, и убрать, и обмолотить». После обмолота зерно надлежало продать в с. Кимры своим крестьянам или посторонним «по тверской настоящей цене» (кроме необходимого для местной богадельни) до прихода с зерном «низовых или шацких стругов». При низкой цене хлеб надо было «перевести зимою на подводах или весною на барках во Тверь» (выбор перевозки зимой или летом отдавался на усмотрение крестьян). Крепостные освобождались от посева озимой ржи на господском поле на 1741 г., а сам барщинный клин приказывалось отдать «им, крестьяном, во весь мир», т.е. всей общине (л. 62).

Сенные покосы требовалось также «подкосить и убрать», а сено продать в Кимрах, Твери или Кашине по настоящей цене, а в Москву не привозить. Крестьяне могли господский укос отдать «внаймы за настоящую цену» (л. 62).

Помещичье скотоводство в Кимрах упразднилось. Господский племенной скот выборные обязывались «разослать» по пахотным деревням («куда усмотрите, туда и разошлите»). Неясно, оставалась ли племенная живность в собственности графа или же передавалась крестьянам.

Господское рыбное хозяйство сохранялось. Рыбу «в улове» требовалось содержать «в прудах и в садках или прорезах». Осенью часть ее, включая стерлядей, «в барочке прислать суда», а прочую по первому пути перевезти в московские пруды и в пруды подмосковных деревень (л. 62 и об.).

В крестьянские обязанности по-прежнему входило обслуживание господских садов («садовников содержать им, крестьяном, на своем коште и обноваживать садовую землю их крестьянским навозом»). Яблоки и прочие фрукты выборным надо было «продавать в Москве ль или где вы за благоразсудите» (л. 66).

В текущем 1740 г., согласно окладной книге, крестьяне обязаны были сдать сполна денежный оброк и «разные припасы» и «в доимку ничего не запустить». То же касалось сборов с мельниц, перевоза, конской площадки и прочего. В последних числах декабря все должно было быть доставлено в Москву к казначею. «А как 1741 год придет», указано отдать крестьянам «все сенные покосы, пашню, мельницы, пруды и рыбные ловли, волской перевоз, конскую площадку, полавочныя, пчелиныя и протчия все доходы, житницы и анбары и рыбных ловцов» (л. 62 об.).

За все перечисленные и за другие «всякие работы» крестьяне обязывались в течение 1741 г. по третям уплачивать 2 600 руб. (на треть 866 руб. 66.5 коп.). В 1742 г. оброк повышался на 200 руб. В 1743 г. сумма возрастала еще на 200 руб. – до 3 000 руб. (л. 63)⁷.

Барщинные работы в господском хозяйстве полностью не отменялись. Сверх оброка крестьянам надлежало «исправлять работы в Кимре, что будет при церквах Божьих, при мельницах, и прудах, и при анбарах, и при нашем доме, и скотных и конюшенных дворах починок». Кроме того, надо было ремонтировать своим лесом двор и амбары в Твери, осенью выгружать из низовых и шацких барок хлеб и складывать в амбары тверского запасного двора. Весной «им же самим или наймом» грузить хлеб в барки «для отпуску питербургского». Как и прежде крестьяне должны были «взводить» барки до Вышнего Волочка. Эта повинность рассчитывалась из платежа 3 руб. на лошадь. Однако оговаривалось, что численность людей и время работы зависели от количества перевозимого хлеба (а его по годам «неравна бывает»). При отправке несоразмерного числа работников («со излишеством») и при наличии жалоб от них виновным грозили штраф и наказание (л. 63–63 об.).

Договор запрещал выборным под угрозой штрафа помимо вышеописанных работ устанавливать другие «и подвод никаких не спрашивать <...> для того, что они определены на оброк». Помещик был озабочен, чтобы в платеже оброка не было от крестьян «никаких отговорок и <...> прошеней, что они излишнее работали» (л. 63 об.).

Как видно, с 1741 г. в вотчине упразднялись барщинные полевые работы и сенокосение. Сохранялись повинности по рыболовству, садоводству, ремонту конюшенных и скотных дворов. Оставались работы по содержанию и ремонту господских дворов в Кимрах и Твери, церквей, мельниц, амбаров. Крестьяне по-прежнему должны были разгружать «низовые и шацкие барки» с зерном и переправлять их до Вышнего Волочка. Ликвидация полевой и луговой барщины обусловила исключение из договора разного рода наставлений о повышении продуктивности господского хозяйства. В целом договор расширял хозяйственные возможности крестьянского двора. Ликвидация барщины не могла не сказаться в усилении крестьянской заинтересованности в труде на своем наделе, в развитии инициативы и предпринимательстве. Таким образом помещик добился увеличения денежной ренты.

Довольно подробно оговаривалась судьба дворовых людей. С упразднением господского хозяйства многие дворовые люди переводились вновь в крестьянское состояние. Находящихся в Кимрах взятых из местных жителей скотников, конюхов и прочих М.Г. Головкин приказал отдать «всем крестьянам в мир ныне по-прежнему во крестьяня». Тех же, кого мир не примет, или же переведенных из других имений нужно было передать «в другая вотчины, где дворовых не достает». Особо оговаривалось оставление в Кимрах 9 дворовых: 2 земских, 2 денщиков, 2 садовников, 2 мельников и часовщика, которых крестьяне похотят». Канатчика (если он из дворовых) помещик указал перевести «в тверской запасной двор в дворовыя и для дела канатов». Если же он из крестьян и женат, то «туда, откуда был взят» (л. 62–62 об.).

М.Г. Головкин подробно расписал в договоре денежное и хлебное жалованье дворовым людям. Оно шло от общины («от всего миру»). Земским полагалось каждому по 3 руб. денег, по 6 четв. ржи, по 3 четв. овса и ячменя, по пуду соли, по 3 пуда мяса, по 4 барана. Каждый дворовый получал ежегодно по 1 руб., по 6 четв. ржи, по 1 четв. овса, по 4 четверика круп, по пуду соли, по 3 пуда мяса, по 3 барана. Мир мог заменить продукты деньгами (1 четв. ржи – 50 коп., 1 четв. овса – 36 коп., 1 четв. ячменя – 45 коп., 1 пуд соли – 25 коп., 1 пуд мяса – 30 коп., 1 баран – 25 коп.). Видимо, имеются в виду местные низкие цены. Известно, что в 1744 г. в Москве за пуд соли давали 40 коп. В таком случае весь оклад земского составлял в год 10 руб. 58 коп., дворового – 6 руб. 62 коп. На семью давалось также по 2 сажени дров (л. 66–66 об.).

В 1744 г. Канцелярия конфискации указала другие сведения о дворовых. В списке 25 человек. В их числе 3 подъячих, писарь, 2 дьячка, денщик, 5 садовников, псарь, конюх, гребец, 2 столяра, котельник, истопник, сторож, ученик каменного резного дела. О пятерых нет сведений. Не совпадают и показатели годового «хлебного и протчих запасов и денежного жалованья». Можно предположить, что М.Г. Головкин увеличил число дворовых и снизил их оклады по просьбе выборных крестьян и старост. Они лучше представляли себе, сколько людей требовалось иметь в вотчине и каково должно быть их содержание. Другое предположение заключается в том, что в Канцелярии конфискации перечислены все дворовые, положенные в подушный оклад по кимрскому имению, а часть их, правда очень небольшая, могла проживать в других вотчинах.

Денежное жалованье было определено 17 из 25 человек. Общая сумма 47.5 руб. (на человека от 1 до 6 руб.). По сравнению с договором 1740 г., денежные выплаты каждому были существенно сокращены. Хлебное (не определено троем) состояло из муки ржаной (92 четв. 2 четверика, от 1.5 до 6 четв.) и круп (17 четв., от 2 до 8 четвериков). Ячмень (3 четв.) и овес (7 четв.) получал лишь один из подъячих, видимо, старший. Мясо свиное выдавалось 20 человекам (85 пуд. 37 фунтов, от 2.5 до 6 пуд.), рыба – только четверым (12 пуд. 2.5 фунта). Лишь 3 человека обеспечивались баранами (20 голов). Соль (18 пуд. 4 фунта, от 0.5 до 2 пуд.) доставалась 21 человеку, дрова (18 саж., в основном от четверти до 0.5 саж.) – 16-ти. Раз в 3 года 17 человек получали по 8 овчин на шубу. Кафтаны выделяли только старшему подьячему и ученику каменного дела. Сермяжное домашнее сукно синего цвета на кафтаны, камзолы и штаны имели только пятеро дворовых, посконь на рубахи – двое, шапки и рукавицы – трое. Двое (денщик и сторож) получали по красному покупному картузу; холст на чулки по 20 арш. – только трое подъячих.

Таким образом, на содержание дворовых община тратила немалые средства.

Перевод на денежный оброк способствовал расширению сферы компетенции крестьянской общины. Усилились ее контрольные функции. Записано право общины отдавать на оброк рыбные ловли как своим, так и посторонним. М.Г. Головкин предложил рыбаков «положить в тягло» с предоставлением пашенной земли и сенокосов. Крестьяне сами всем миром решали, держать ли на вере или сдавать на откуп мельницы, волжский перевоз и конскую площадку «к лутчему и доброму своему прибутку». Плату за помол на мельницах устанавливала община («как они миром похотят»). Община же определяла плату за хранение в амбарах и житницах «купецкого хлеба» (л. 65 об. – 66). В случае отдачи мельниц на откуп община решала, каково должно стать положение мельников: либо они брали мельницы на содержание, либо определялись

«во крестьяня» (л. 66 об.). Крестьянам-отходникам, живущим в Санкт-Петербурге, Москве и в других местах, полагалось «быть под ведением» кимрской общины, которая устанавливала размер оброчных денег. Общине отдано право решать дела о досрочном возвращении отходников в кимрскую вотчину. В обязанность кимрских крестьян входил розыск «своим коштом» беглых. Вернувшимся община давала льготы в оброке на 1–2 года и оказывала помощь в дворовом строении («дворовое им строить миром и скотом ссужать»). Показательно при этом запись: «А на развод давать с возвратом капиталный хлеб на емена и на семена» (л. 65).

Можно полагать, что большинство перечисленных в договоре функций общинных властей прежде находилось либо в ведении одного приказчика, либо в совместном ведении приказчика и общины.

Договор, заключенный М.Г. Головкиным, существенным образом отличается от других помещичьих инструкций. Однако граф разделял воззрения многих сановников, считавших основным занятием крепостных крестьян сельскохозяйственное производство⁸ (даже в имениях с развитыми промыслами). М.Г. Головкин не удержался от сентенции о предпочтительности земледельческих занятий своих крепостных. Он писал: «А ежели можно, то б и всякой свою тяглую пашню всю засевал и тем себе сверх своего промыслу прибыток имел первой тот, что бес купки своим хлебом себя содержать мог». Привязанность к дому и наделу, по мнению помещика, не только обеспечивала безбедное существование, но и являлась основой крестьянского трудолюбия («коль крестьянин пристанит к дому, то он и отстать от него не может; а гуляки, то есть непашенные, всегда бывают лытуны и бездомцы, и для того надобно, чтоб они были пашенные и домовитые крестьяня»).

Понимание М.Г. Головкиным уравнительного состояния крепостных крестьян оказывается сходным с другими инструкциями: он сторонник равного для всех отбывания тягла. Причем помещик понимал равенство не по дворовому или душевому числу, а по числу окладных единиц обложения – осьмаков, т.е. по площади наделов. М.Г. Головкин писал: «Всем того села Кимры з деревнями крестьяням быть одного звания, что кимерския крестьяня, и быть им в одном оброке всем тяглами уравнительным по мирскому расположению; и со всякого тягла <...> платить им поравну». «Бестолоковыя» единицы тягла – копейки и полушки он требовал «отставить, а дать им знать, что есть осьмак». «А всю пашенную прежде бывшую нашу, – продолжал владелец, – и их крестьянскую пашню, и сенные покосы розделить им, крестьяном, поравну каждому, что на осьмак достанется, а кто хотя и пахать не будет, то он может отдавать внаймы, но только быть всем пашенным и всякому платить подушныя денги и оброк с тягла своего поравну, а не меньше и больше одному перед другим <...> не платить» (л. 64 об.).

Как видно, введение оброчных повинностей вместо барщинных вынудило М.Г. Головкина разрешить убогим сдачу надела своим состоятельным односельчанам. Однако сделанная помещиком оговорка не скрывала его желания видеть всех крепостных прежде всего «пашенными» и полностью платежеспособными.

Помещики считали, что все сельские жители должны быть полными тяглецами. М.Г. Головкин также отметил в договоре: «А бобылям не быть никому, а быть всем тяглыми крестьяны». Однако он хорошо представлял имущественную дифференциацию крепостных в кимрской вотчине (вспомним указания о выборе трех старост: одного из первостатейных, другого от среднестатейных, третьего от убогих).

Всевозможные ограничения хозяйственной деятельности крепостных крестьян в инструкциях приказчикам превращали имение в замкнутую, закрытую для посторонних территорию. Помещичьи инструкции включали детально разработанную систему наказаний крепостных крестьян. В договоре М.Г. Головкина бросается в глаза почти полное отсутствие упоминаний о наказании крестьян за леность, кражи, пьянство и др. Можно связать это с переводом кимрской вотчины с барщины на денежный оброк. Контроль за трудовыми занятиями, за соблюдением обычных правил деревенского общежития практически возлагался на общину.

Выдача хлебных ссуд крестьянам с последующим возвратом отмечена лишь в одной инструкции приказчику начала XVIII в. Но, конечно, выдачи ссуд практиковались и позднее. В отдельной статье договора Головкина говорится о выдаче зерновых ссуд (капитального хлеба) из господских запасов. Имевшееся барское зерно в Кимрах выборным следовало оставить на месте. Если крестьянам не хватало его на семена, разрешалось прибавить зерно из урожая 1740 г. Хлеб старосты раздавали до осени, «а в осени, – писал помещик, – збирать обратно в жиницы по указом моим». В случае ненадобности капиталный хлеб из Кимр предписывалось переправить в Тверь крестьянским «коштом» «для того, что они им пользовались; в буде себе пожелают купить, то им продать по настоящей тверской цене». Как видно, помещик, поддерживая крепостных ссудами, не желал терпеть даже небольшой убыток. Он принуждал крестьян покупать вы-

деленный им же в неурожайные годы хлеб. В противном случае крестьянам приходилось самим переправлять его в Тверь. Заботу о стариках и больных М.Г. Головкин разделил между собой и общиной. Крестьяне обязаны были ремонтировать богадельни. Выборным приказывалось «богадельщиков содержать пищею, и одежею, и протчим из нашего и хлеб им и протчее складывать, что надлежит на год, с низовых или шацких стругов» или из других вотчин.

Существенное значение имеет отсутствие в договоре М.Г. Головкина на 1740 г. обычных для многих помещичьих инструкций приказчикам статей об исполнении рекрутской повинности, о наблюдении за поведением крестьян в деревенском общежитии, о благоустройстве деревень, об охране от пожаров, воров и разбойников, о воспитании и обучении детей, о семейных разделах и т.п. Можно полагать, что он считал это делом общины и ее выборных.

Договор не запрещал браки с крестьянами из имений других помещиков. Не оговаривались сборы с женщин, вышедших замуж. Жених уплачивал свадебные деньги в размере 45 коп.

Думается, что основным фактором, усилившим значение общины, являлся не перевод на денежный оброк как таковой, а устранение из имения приказчика (управителя) как главы вотчинной администрации в кимрском имении.

Итак, заключение М.Г. Головкиным договора с выборными крестьянами об управлении имением стало значительным событием в жизни кимрской вотчины. Произошла смена одной системы эксплуатации (полевая барщина) другой (денежная рента), и это открывало новые возможности для крестьян-оброчников. Заметно сужался объем крестьянских работ по обслуживанию барского хозяйства. Вотчинная администрация во главе с приказчиком заменялась выборными крестьянами, а повседневные управленческие заботы перекладывались на избираемых старост и общинные власти. В связи с этим расширялась сфера действий общины и ее контроля за всеми сторонами крестьянской жизни.

Сибирская ссылка М.Г. Головкина и конфискация его кимрской вотчины привели к тому, что уникальный договор помещика с выборными крестьянами к концу 1741 г. утратил свою силу. К сожалению, невозможно проследить, как он реально действовал в жизни оброчного имения.

Примечания

¹ См.: Петровская И.Ф. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII – первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. Т. 6. М., 1958; Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.

² Алефиренко П.К. Крупное вотчинное хозяйство гр. М.Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961.

³ Александров В.А. Сельская община в России. М., 1976. С. 45–46; Прокорьев А.Л. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (по материалам вотчин Шереметевых). М., 1981. С. 18–19.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 369, л. 62–66 об. (копия). В конце контракта (он же именуется договором) помечено: «Получен из Манетной канцелярии июня 16 дня 740 году». М.Г. Головкин был ее директором. Ссылки на листы договора даны в тексте сообщения.

⁵ Там же, л. 40–41 об.

⁶ П.К. Алефиренко посчитала кимрскую вотчину Кашинского уезда оброчным владением (в действительности, в ней бытовали и барщина полевая, и денежный оброк). В среднем с души м.п. взимался платеж в 1 руб. 51 коп., о продуктовом сборе сведений нет. Крестьяне занимались в основном сапожным промыслом (в 1741 г. отходников в Москву «для прокормления» насчитывалось 89 человек). О земледелии и животноводстве крестьян материалов в фонде Конфискации РГАДА не обнаружено (Алефиренко П.К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М.Г. Головкина в 40–50-х годах XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. С. 137, 141, 143).

⁷ В справке Канцелярии конфискации отмечено, что в 1742 г. крестьяне внесли 2 584 руб. 79.5 коп. С зачетом за отбылых, дворовых и богаделенных оброк достигал 2 800 руб. В 1743 г. взнос составил 2 627 руб. 71 коп. (без зачетных денег). В доимке на крестьянах «московских жителях» и на погорельцах оказывалось 97 руб. 79 коп. Видимо крестьяне выплачивали увеличенный оброк (д. 369, л. 41 об. – 42).

⁸ См.: Алефиренко П.К. Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 262.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ТОЧНОСТЬ. ПОСЕТИТЕЛИ КРЕМЛЕВСКОГО КАБИНЕТА И.В. СТАЛИНА

В журнале «Исторический архив» с 1994 по 1997 гг. публиковались журналы записи лиц, принятых И.В. Сталиным в его кремлевском кабинете¹, хранящиеся в Архиве Президента Российской Федерации.

За 30-летний период правления Сталина через его кабинет в Кремле прошла практически вся высшая партийно-государственная номенклатура СССР, а также некоторые зарубежные гости. Всего в журналах (тетрадах) зафиксировано примерно 30 тыс. посещений и около 3 тыс. посетителей².

Конечно, это далеко не все лица, с которыми общался Сталин, поскольку он принимал людей не только в кремлевском кабинете. Тем не менее можно согласиться с главным редактором «Исторического архива» А.А. Чернобаевым в том, что «журналы (тетради) записи лиц, принятых в его кремлевском кабинете, содержат сведения, позволяющие конкретизировать многие детали недавней истории, скорректировать устоявшиеся мнения, уточнить известные, казалось бы, факты, избежать неточностей, встречающихся в научной литературе и мемуарах. Через круг общения Сталина приоткрывается возможность анализа механизма принятия решений партийно-советским руководством СССР»³.

Завершив публикацию источника, А.В. Коротков, А.Д. Чернев и А.А. Чернобаев составили единый алфавитный указатель лиц, принятых Сталиным, и представили его на суд читателей⁴.

Алфавитный указатель содержит краткие биографические сведения о лицах, побывавших в кабинете Сталина. Он позволяет определить, кто, когда и сколько времени был у вождя. При этом сведения о должности, воинском звании и т.п. приводятся прежде всего на тот момент, когда посетитель был принят Сталиным.

Журналы (тетради) заполнялись на протяжении многих лет дежурными секретарями, которые не всегда лично знали тех, кто заходил в кабинет Сталина. Это привело в ряде случаев к искажению фамилий. Фамилии посетителей записывались, как правило, без инициалов. В журналах зафиксировано множество однофамильцев. Эти обстоятельства очень затруднили идентификацию людей, побывавших у Сталина.

Естественно, что наиболее частыми посетителями были те, кто принадлежал к высшей партийной элите. Кроме того, со второй половины 1930-х гг. Сталин часто приглашал к себе работников НКВД, высших военных, руководителей военно-промышленных наркоматов и создателей военной техники. Составители указателя отметили, что не все фамилии пока удалось расшифровать. Тем не менее предлагаемый вниманию читателей источник позволяет более точно определить круг общения Сталина и тем самым конкретизировать многие детали новейшей истории.

Но для правильного решения определенных задач, стоящих перед исследователями, необходимо абсолютно точно установить, с кем встречался Сталин в каждом конкретном случае. Это не всегда удается сделать из-за имеющихся в источнике описок и наличия большого количества однофамильцев. Проверить все десятки тысяч посещений одному человеку невозможно. Поэтому автор данной статьи решил сосредоточить внимание на явных ошибках, допущенных в именном указателе.

Прежде всего были выявлены «мертвые души», т.е. люди, которых в день приема уже не было в живых. Так в 1935 г. зафиксировано 3 посещения человека по фамилии Куйбышев (22 и 31 мая, 25 июля). В указателе есть только Валериан Владимирович Куйбышев – член Политбюро ЦК ВКП(б). Но он умер 25 января 1935 г. и, значит, не мог прийти в Кремль в мае и июле того же года. Этим посетителем был известный военный деятель Николай Владимирович Куйбышев, в середине 1930-х гг. возглавлявший военно-морскую группу Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а впоследствии командовавший войсками Закавказского военного округа.

То же самое произошло с Иосифом Коссиором (1893–1937), которому приписали 5 визитов в сталинский кабинет в январе и марте 1938 г.⁵ Конечно, в эти дни в Кремле был его брат Станислав (1889–1939).

* Печенкин Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, докторант Московского педагогического государственного университета.

25 января 1937 г. с 20–50 до 21–50 в кабинете Сталина находились Урицкий и Мрачковский⁶. Составители указателя предположили, что это был известный хозяйственный руководитель С.В. Мрачковский. Но С.В. Мрачковский еще в августе 1936 г. вместе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым был осужден к расстрелу по делу «троцкистского-зиновьевского террористического центра». Этот приговор был приведен в исполнение за 5 месяцев до обозначенной даты посещения сталинского кабинета. А 25 января 1937 г. Сталин принимал руководителей советской военной разведки Семена Петровича Урицкого и Стефана Иосифовича Мрачковского. В данном случае дежурный секретарь искажил одну букву в фамилии посетителя, что случалось неоднократно.

В журнале посещений 8 раз упоминается фамилия Харламов (четырежды с 1934 по 1936 гг. и столько же раз – с 1946 по 1949 гг.). В указателе все 8 посещений приписаны начальнику Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ) Николаю Михайловичу Харламову (1892–1938). Проверка показала, что половина этих визитов действительно была осуществлена им. Но в 1937 г. начальник ЦАГИ был арестован, а затем расстрелян. А с 1946 по 1949 г. на приеме у Сталина бывал начальник Главного морского штаба адмирал Н.М. Харламов (1905–1983).

Так же не мог 11 декабря 1941 г. посетить Сталина и генерал-полковник Александр Дмитриевич Локтионов (1893–1941), так как он был арестован еще в июне этого года, а 16 октября в составе группы особо важных заключенных вывезен из Москвы в Куйбышев, где и расстрелян 28 октября. Документы о его расстреле опубликованы в 1993 г.⁷ Следовательно, в декабре 1941 г. в Кремле на приеме был какой-то его однофамилец.

Вообще среди посетителей Сталина были даже полные тезки: два Николая Михайловича Харламова. Были родные братья Валерий и Иван Межлауки, Валериан и Николай Куйбышевы, Анастас и Артем Микояны, Иосиф и Станислав Коссиоры, Лазарь, Михаил и Юлий Кагановичи.

Среди номенклатурных работников было немало людей, носивших очень распространенные фамилии: Иванов, Кравченко, Кузнецов, Левин, Петров, Попов, Степанов и т.п. Когда в числе посетителей значится фамилия «Петров» без всяких пояснений и без инициалов, то перед составителями алфавитного указателя встанет нелегкая задача: установить именно того Петрова, который был у вождя в этот день. При решении этой задачи не обошлось без ошибок. Так среди посетителей фигурирует Федор Федорович Петров видный артиллерийский конструктор, Герой Социалистического Труда. В алфавитном указателе ему приписано более 10 посещений. Однако внимательное изучение источника (журнала посещений) показывает, что в большинстве случаев это были другие Петровы. Так, например, 2, 5, 9, 11 и 12 июля 1945 г. на приеме у Сталина были китайцы и с ними некий Петров. Безусловно, что это не артиллерийский конструктор Ф.Ф. Петров, а посол в Китае Аполлон Александрович Петров (1907–1949). Кроме того, в журнале 17 апреля 1945 г. значится «Петров НКВД», а 30 июня 1945 г. – «Петров А.А. посол СССР в Китайской республике»⁸.

В решении проблемы идентификации посетителей Сталина можно воспользоваться следующей особенностью. Сталин редко встречался с приглашенным один на один. Обычно в кабинет входили группы специалистов одного профиля. Обсудив свои проблемы, они покидали кабинет, а им на смену входила следующая группа. Допустим, писателей сменяли военные моряки, затем входили дипломаты, далее – военные конструкторы и т.п. В ряде случаев, просматривая список лиц, одновременно находившихся на приеме, можно с большой долей вероятности определить, к какой профессиональной группе принадлежали неизвестные Иванов, Кузнецов или Петров.

В период Второй мировой войны частым гостем в кремлевском кабинете был Николай Герасимович Кузнецов (1902–1974). После возвращения из Испании Сталин назначил молодого офицера командующим Тихоокеанским флотом, а вскоре и народным комиссаром Военно-морского флота СССР. Всего в алфавитный указатель включены 10 Кузнецовых, но Николай Герасимович бывал у вождя чаще, чем все остальные вместе взятые. Может быть, поэтому составители указателя именно на его счет отнесли все посещения, когда было трудно установить, о каком Кузнецове идет речь в журнале регистрации. И надо сказать, что в ряде случаев они ошиблись. Так, 11 июня 1941 г. в кабинете Сталина с 21–55 до 22–55 находились нарком обороны, его заместители, а также Кузнецов и Диброва⁹. Ясно, что это не адмирал Н.Г. Кузнецов, а командующий Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник Федор Исидорович Кузнецов и член Военного совета того же округа П.А. Диброва. Кроме того, 2 января 1941 г. с 19–30 до 21–45 Сталин принимал военачальников, в их числе были Жуков, Павлов, Кирпонос, Черевиченко, Апанасенко, Тюленев, Кузнецов, Попов, Ефремов¹⁰. Составители алфавитного указателя посчитали, что последние трое это нарком тяжелого машиностроения А.И. Ефремов, второй секретарь Московского городского комитета ВКП(б) Г.М. Попов и нарком ВМФ

Н.Г. Кузнецов¹¹. Безусловно, это ошибка. Московскому партийному секретарю и наркому тяжелого машиностроения нечего было делать на специальном заседании, где подводились итоги прошедшего с 23 по 31 декабря 1940 г. совещания высшего руководящего состава Красной армии и обсуждались вопросы предстоящей военной игры на картах. Все 9 посетителей 2 января 1941 г. занимали должности командующих военными округами: М.М. Попов – Ленинградского, М.Г. Ефремов – Закавказского, Ф.И. Кузнецов – Прибалтийского и т.д.

4 октября 1944 г. в журнале записано: «Кузнецов РУ ГРУ»¹². Следовательно, в этот день Сталин принимал не адмирала Н.Г. Кузнецова, а генерал-полковника Федора Федотовича Кузнецова (1904–1979), возглавлявшего в тот период Разведывательное управление Генерального штаба.

На 32-й странице алфавитного указателя записано: «Бирюков Н.И. (1901–1980) – участник войны в Испании, в Великую Отечественную войну командовал 20-м гвардейским стрелковым корпусом, заместитель (по политической части) начальника (затем – командующего) Главного управления бронетанковыми и механизированными войсками»¹³. В этих строчках соединены биографии двух Николаев Ивановичей Бирюковых. Первый из них Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Н.И. Бирюков (1901–1980) всю войну находился на фронте, командуя сначала стрелковой дивизией, а затем корпусом. Командиры такого ранга редко приглашались в Кремль больше 1–2 раз. Согласно алфавитному указателю, Бирюков с 1939 по 1945 гг. 90 раз бывал на приеме у Сталина. Это свидетельствует о его высоком служебном положении. За 1939 и 1940 гг. зафиксировано 5 посещений, и каждый раз Бирюков был у Сталина вместе с Г.М. Штерном, который в эти годы командовал фронтовой группой, Отдельной Краснознаменной армией и Дальневосточным фронтом. Разумеется, Бирюков, сопровождавший Г.М. Штерна, – не был командиром стрелкового корпуса. Второй Н.И. Бирюков (1901–1974) был крупным политработником и с 1939 по 1941 гг. последовательно занимал должности члена Военного совета фронтовой группы, Отдельной Краснознаменной армии, Дальневосточного фронта и 3-й армии¹⁴. В приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. армейский комиссар 2-го ранга Н.И. Бирюков был назван в числе лучших военных, отличившихся в первых боях с фашистами¹⁵. Через два дня после подписания этого приказа Сталин принял Н.И. Бирюкова и назначил его заместителем по политической части начальника Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ), а в 1942 г. – заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии. Свыше 80 визитов Бирюкова за 1941–1945 гг. проходили совместно с маршалом бронетанковых войск Я.Н. Федоренко или другими руководителями ГАБТУ. В 1944 г. Бирюкову присвоено звание генерал-полковника танковых войск.

22 июля, 4 октября и 15 ноября 1940 г. в кабинете Сталина побывал человек по фамилии Таубин. Составители алфавитного указателя посчитали, что это был инженер-артиллерист А.А. Таубин. Такой человек действительно существовал, но будущему генерал-майору А.А. Таубину (1920–1979) в 1940 г. было всего 20 лет, и он пока еще не мог интересоваться Сталина. Эту ошибку обнаружили еще в 1990 г. при публикации других документов из архива ЦК КПСС¹⁶. Тогда было доказано, что речь шла о талантливом конструкторе стрелково-пушечного вооружения Якове Григорьевиче Таубине, возглавлявшем КБ № 16 Наркомата вооружения СССР. В тот самый день, 4 октября, когда Сталин принял в Кремле Якова Григорьевича, было подписано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об изготовлении опытных образцов вооружения для НКО», в соответствии с которым Я.Г. Таубину поручалось за два с половиной месяца сконструировать и представить на испытания 37-миллиметровую авиационную пушку¹⁷. Во время следующей встречи, в ноябре, Таубин был награжден орденом Ленина. Однако как и многие другие посетители кремлевского кабинета, Я.Г. Таубин был репрессирован: в июне 1941 г. его оклеветали, арестовали и 28 октября 1941 г. расстреляли без суда.

Вечером 16 октября 1940 г. в кремлевском кабинете одновременно собралось 20 генералов и полковников Военно-Воздушных сил¹⁸, в их числе был человек по фамилии Левин. В указателе он значится как заместитель наркома легкой промышленности СССР В.А. Левин¹⁹. Установлено, что в этот день обсуждался вопрос о присвоении новых званий выпускникам авиационных училищ. Поэтому можно утверждать, что в кабинете Сталина был не замнаркома легкой промышленности, а его однофамилец генерал-майор авиации Александр Алексеевич Левин (1896–1942), возглавлявший Управление учебных заведений Военно-Воздушных сил Красной армии.

Так же ошибочно приписаны 3 посещения (8 и 17 марта и 30 апреля 1941 г.) директору завода № 16 Наркомата вооружения СССР А.К. Володину. В эти дни у Сталина собирались руководители Наркомата обороны и Военно-Воздушных сил. 8 марта 1941 г. начальником штаба ВВС был назначен генерал П.С. Володин (1900–1941). Он и был в Кремле в указанные дни.

Вечером 17 июня 1942 г. у Сталина были Маленков, Молотов, Ворошилов, а в 21–15 к ним присоединились еще 7 человек, среди которых были известные генералы Антонюк, Герасимов, Мордвинов, Собенников, Чибисов, Аргунов и Сивков. Они пробыли там полтора часа. В алфавитном указателе утверждается, что последним в этом списке является летчик-штурмовик Г.Ф. Сивков (р. 1921 г.). Но Георгий Флегонтович Сивков лишь к концу войны стал знаменитым асом, дважды Героем Советского Союза, а в 1942 г. он был всего лишь младшим офицером и не мог оказаться в кабинете вождя среди семи генералов и одного маршала. Несомненно, здесь речь идет о генерал-лейтенанте артиллерии А.К. Сивкове (1899–1943), который работал в аппарате маршала Ворошилова, а с сентября 1942 г. возглавлял Оперативное управление Центрального штаба партизанского движения.

Те случаи, когда в алфавитном указателе перепутали однофамильцев, сведены мною в таблицу № 1.

Таблица 1

Посещения	В алфавитном указателе	Следует читать
90 раз период с 1939 по 1945 гг.	Бирюков Н.И. (1901–1980) – участник войны в Испании, в Великую Отечественную войну командовал 20-м гвардейским стрелковым корпусом, заместитель (по политической части) начальника (затем – командующего) Главного управления бронетанковыми и механизированными войсками	Бирюков Н.И. (1901–1974) – в 1939–1941 гг. член Военного совета Отдельной Краснознаменной и 3-й армий, с 1941 г. заместитель начальника Главного автобронетанкового управления, с 1942 г. – заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии, генерал-полковник
8.03 и 17.03; 30.04.41.	Володин А.К. – директор завода № 16 Наркомата вооружения СССР	Володин П.С. (1900–1941) – начальник штаба ВВС РККА, генерал-майор авиации
2.01.41	Ефремов А.И. – нарком тяжелого машиностроения	Ефремов М.Г. (1897–1942) – командующий Закавказским военным округом, 1-й заместитель генерал-инспектора пехоты, генерал-лейтенант
11, 16, 24.01; 9, 23.03.38	Косиор (Коссиор) И.В. (1893–1937) – заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, уполномоченный СНК СССР по Дальневосточному краю	Косиор (Коссиор) С.В. (1889–1939) – член Политбюро ЦК ВКП(б)
2.01.41; 11.06.41	Кузнецов Н.Г. (1902–1974) – народный комиссар Военно-морского флота СССР, адмирал	Кузнецов Ф.И. (1898–1961) – командующий Прибалтийским особым военным округом
4.10.44	Кузнецов Н.Г. (1902–1974) – народный комиссар Военно-морского флота СССР, адмирал	Кузнецов Ф.Ф. (1904–1979) – начальник Разведуправления Генерального штаба РККА, генерал-полковник
22 и 31.05.35; 25.07.35	Куйбышев В.В. (1888–1935) – член Политбюро ЦК ВКП(б)	Куйбышев Н.В. (1893–1938) – руководитель военно-морской группы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)
16.12.40	Левин В.А. – заместитель наркома легкой промышленности СССР	Левин А.А. (1896–1942) – начальник Управления учебных заведений ВВС РККА, генерал-майор авиации
17.04; 30.06; 2–12.07.45	Петров Ф.Ф. (1902–1978) – конструктор артиллерийского вооружения, Герой Социалистического Труда	Петров А.А. (1907–1949) – заведующий отделом печати НКВД, в 1945–1948 – посол в Китае
17.06.42	Сивков Г.Ф. (1921 г.) – летчик-штурмовик, командир эскадрильи	Сивков А.К. (1899–1943 г.) – начальник Оперативного управления Центрального штаба партизанского движения, генерал-лейтенант
22.07; 4.10; 15.11.40	Таубин А.А. – инженер-артиллерист	Таубин Я.Г. (1900–1941) – главный конструктор КБ № 16 Наркомата вооружения СССР
1.02.46; 23.01; 10.06.47; 16.07.49	Харламов Н.М. – начальник Центрального аэрогидродинамического института	Харламов Н.М. (1905–1983) – начальник Главного морского штаба, заместитель начальника Генерального штаба, адмирал

В алфавитном указателе	Следует читать
Антилла – деятель Карело-Финской ССР (с. 21)	Антилла А.М. – комдив Красной армии, в 1939–1940 гг. командир корпуса, а затем министр обороны в правительстве Финляндской демократической республики (“Правительство Куусинена”). Генерал-майор РККА
Авиюга (с. 21)	Аппога Э.Ф. (1898–1937) – комкор, начальник военных сообщений РККА
Анципо-Чикунский Л.В. (1898–?) – инженер флагман III ранга, военно-морской атташе СССР в Италии (до 1933 г.), затем на командных должностях в РККА	Анципо-Чикунский Л.В. (1898–1938) – военно-морской атташе СССР в Италии, Греции и Великобритании (до 1937 г.), заместитель начальника отдела Главного морского штаба РККФ (до января 1938 г.)
Апанасенко И.Р. (1890–1943) – с 1938 г. командующий войсками Дальневосточного военного округа, с января 1941 г. командующий войсками Дальневосточного фронта, с июня 1943 г. заместитель командующего войсками Воронежского фронта, генерал армии (1941)	Апанасенко И.Р. (1890–1943) – с 1938 г. командующий войсками Среднеазиатского военного округа, с января 1941 по апрель 1943 г. командующий войсками Дальневосточного фронта, генерал армии (1941)
Арженухин Ф.К. (1902–1941) – начальник Военно-Воздушной академии ВВС, генерал-лейтенант авиации	Арженухин Ф.К. (1902–1941) – в 1938 г. начальник штаба ВВС РККА, комкор, в 1941 г. начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС, генерал-лейтенант авиации
Белов В.П. – генерал-майор авиации, сотрудник наркомата обороны	Белов В.П. – заместитель начальника 3-го управления Главного управления ВВС, генерал-майор авиации
Вашугин Н.Н. (1900–1941) – корпусной комиссар, член Военного совета Киевского особого военного округа и Юго-Западного фронта	Вашугин Н.Н. (1900–1941) – корпусной комиссар, член Военного совета ленинградского (1938–1940) и Киевского особого военных округов (1940–1941)
Каюков М.М. – сотрудник Наркомата обороны, с 1940 г. генерал-майор технической службы	Каюков М.М. (1892–1941) – заместитель начальника Главного артиллерийского управления РККА
Павфилов А.П. – уполномоченный Главного Верховного Командования СССР по связям с чехословацкой военной миссией, генерал-лейтенант танковых войск	Павфилов А.П. (1898–1966) – начальник Главного разведывательного управления Красной армии, генерал-майор танковых войск (1940), Герой Советского Союза
Парусинов Ф.А. – с 22 июля 1938 г. командующий Одесской армейской группой войск	Парусинов Ф.А. – с марта 1940 г. командующий 25-й армией Дальневосточного фронта, комкор
Проскурор И.И. (1907–1941) – член Комиссии Обороны Политбюро и Совнаркома СССР, с 1937 г. начальник Главного разведывательного управления Генштаба, с 1939 г. заместитель наркома обороны, с 1940 г. командующий ВВС Дальневосточного военного округа	Проскурор И.И. (1907–1941) – с апреля 1939 по июль 1940 г. начальник разведывательного управления Генштаба и заместитель наркома обороны, с октября 1940 по апрель 1941 г. начальник Управления Дальнебомбардировочной авиации, генерал-лейтенант авиации
Птухин Е.С. (1902–1942) – генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС Северо-Западного фронта, затем заместитель начальника Главного управления ПВО Красной армии, Герой Советского Союза	Птухин Е.С. (1902–1942) – командующий ВВС Киевского особого военного округа (март–июнь 1941 г.), генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза
Пумпур П.И. (1900–1942) – генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза	Пумпур П.И. (1900–1942) – с 1937 г. комкор, помощник командующего ОКДВА по авиации, в 1940–1941 гг. командующий ВВС Московского военного округа, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза
Сакриер И.Ф. – начальник Управления авиации РККА, бригадный инженер, с 19 ноября 1939 г. помощник начальника Главного управления авиаснабжения РККА	Сакриер И.Ф. (1900–1941) – начальник Управления военных приборов ГАУ РККА (1934–1936), дивизионный инженер, доктор технических наук, профессор, с 19 ноября 1939 г. помощник начальника Главного управления авиаснабжения РККА, начальник управления вооружения ВВС РККА
Штеменко С.М. (1907–1976) – с июля 1942 начальник направления в Оперативном управлении, с апреля 1943 г. 1-й заместитель начальника, с мая 1943 г. начальник Оперативного управления Генштаба	Штеменко С.М. (1907–1976) – с июля 1942 начальник направления в Оперативном управлении, с апреля 1943 г. 1-й заместитель начальника, с мая 1943 г. начальник Оперативного управления Генштаба. С апреля 1946 по ноябрь 1948 г. начальник ГОУ и заместитель начальника Генштаба. С ноября 1948 по июнь 1952 г. начальник Генштаба и заместитель министра Вооруженных сил СССР. Генерал армии

В ряде случаев в алфавитном указателе правильно были названы фамилии посетителей сталинского кабинета, но допущены ошибки в обозначении должностей, которые они занимали. Некоторые лица встречались со Сталиным на протяжении многих лет. И их служебное положение за это время несколько раз менялось. Поэтому в указателе надо записать названия всех должностей, которые они занимали в эти годы. Например, Сергей Матвеевич Штеменко впервые докладывал Верховному Главнокомандующему в октябре 1942 г., будучи полковником, а последний раз – в августе 1951 г., когда был уже генералом армии, начальником Генштаба и заместителем Военного министра СССР. Эти последние его звания и должности не нашли отражения в алфавитном указателе. На мой взгляд, очень важно точно указать служебное положение лиц, окружавших Сталина. Замеченные ошибки исправлены в таблице № 2.

Составители указателя проделали большую и очень важную работу. Но ее еще нельзя считать завершенной. Разумеется, для полной идентификации всех лиц, посетивших И.В. Сталина в его кремлевском кабинете, потребуются усилия многих исследователей, хорошо знающих партийно-государственную номенклатуру 1920–1950-х гг. В данной публикации внимание автора было сосредоточено на военнослужащих.

Примечания

- ¹ Исторический архив (далее – ИА). 1994. № 6; 1995. № 2–6; 1996. № 2–6; 1997. № 1.
- ² ИА. 1998. № 4. С. 3.
- ³ Там же.
- ⁴ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 4.
- ⁵ Там же. С. 96.
- ⁶ ИА. 1996. № 2. С. 41.
- ⁷ В а к с б е р г А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 64.
- ⁸ ИА. 1996. № 4. С. 98, 106.
- ⁹ ИА. 1996. № 2. С. 50.
- ¹⁰ Там же. С. 36–37.
- ¹¹ ИА. 1998. № 4. С. 70, 102, 144.
- ¹² ИА. 1996. № 4. С. 86.
- ¹³ ИА. 1998. № 4. С. 32.
- ¹⁴ Военно-исторический архив. 1998. Вып. 2. С. 231.
- ¹⁵ Там же. 1988. № 9. С. 26–28.
- ¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 217; № 6. С. 223.
- ¹⁷ Там же. 1990. № 2. С. 190, 191.
- ¹⁸ ИА. 1996. № 2. С. 35.
- ¹⁹ ИА. 1998. № 4. С. 107.

© 2003 г. В.С. АНТОНОВ*

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ МЕМУАРОВ ЗНАМЕНИТОГО ПОЛКОВОДЦА (к характеристике воспоминаний Г.К. Жукова как исторического источника)

Отличительная особенность мемуарной литературы при всех ее неоспоримых достоинствах – известная субъективность. Это нередко приводит к своеобразному смещению событий в памяти рассказчика и к фактическим ошибкам, особенно если автор вспоминает о прошлом много лет спустя и в силу тех или иных причин имеет ограниченную возможность использовать для проверки подлинные документы того времени, о котором он пишет. Но из-за авторитета и действи-

* Антонов Вадим Степанович, кандидат исторических наук (Москва).

тельных заслуг мемуариста такие ошибки нередко входят в широкий научный оборот и как бы увековечиваются. Поэтому лишь сочетание мемуарных и документальных источников позволяет исследователю представить себе события во всей полноте и достоверности. Все это относится и к такому интересному и заслуженно широко используемому в исторической литературе источнику, как мемуары прославленного полководца, лучшего маршала Второй мировой войны Г.К. Жукова. Его «Воспоминания в размышления», увидевшие впервые свет в 1969 г., в настоящее время насчитывают уже 12 изданий, дополнены прежде изъятými из рукописи текстами и вошли в самый широкий научный оборот.

Однако сейчас появилась долгожданная возможность документально проверить некоторые важные сообщения мемуариста за 1940–1941 гг., привлекая опубликованные ныне материалы того времени – журнал посещений кремлевского кабинета Сталина, а также документы и материалы Ставки и приказы народного комиссара обороны СССР¹. Определенный интерес представляют в этом плане и воспоминания военных соратников Г.К. Жукова – маршала А.М. Василевского и адмирала Н.Г. Кузнецова, хорошо знавших Жукова². С помощью всех этих свидетельств (а также некоторых опубликованных недавно документов из Президентского архива) можно уточнить ряд важных обстоятельств жизни и деятельности Г.К. Жукова.

1. О дате первой встречи Жукова со Сталиным и содержании их беседы.

В 1930-е – начале 1950-х гг. личная встреча со Сталиным становилась значительным событием в жизни каждого, удостоенного такого приема. Часто она служила своеобразной наградой и определяла его дальнейшую судьбу. Вполне естественно, что вспоминает об этом и Жуков. Достижение решительной победы в необъявленной войне с Японией на Халхин-Голе, за что Жуков получил звание Героя Советского Союза, вызвало решение Сталина выдвинуть его на пост командующего одним из важнейших военных округов на Западе страны.

Жуков вспоминал: «В начале мая 1940 г. я получил приказ из Москвы явиться в Наркомат для назначения на другую должность... Через несколько дней я был принят И.В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом... Кроме И.В. Сталина, в кабинете были М.И. Калинин, В.М. Молотов и другие члены Политбюро». Рассказав далее о состоявшемся обмене мнениями о ходе боев с японцами (по сообщению мемуариста, в нем приняли участие Сталин и Калинин), Жуков заканчивает описание воспроизведением следующего эпизода: «Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил: “Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?” Усмехнувшись, Сталин сказал: “Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно втягиваться в войну с Гитлером... Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику”»³.

Как же в свете документального материала представляются теперь обстоятельства этой встречи и достоверность приведенных диалогов? Прежде всего необходимо уточнить дату приезда Жукова из Монголии. Его двоюродный брат М.М. Пилихин, подававший Жукову к вокзалу машину, называет ее точно: 15 мая 1940 г.⁴ Дату же приема Жукова Сталиным журнал посетителей сталинского кабинета в Кремле позволяет определить также точно – это 2 июня 1940 г.⁵ Вечером именно этого дня Сталин впервые принял Жукова в присутствии только одного члена Политбюро В.М. Молотова. Ни М.И. Калинина, ни «других членов Политбюро» журнал не зафиксировал (А.И. Микоян и Л.М. Каганович появились в кабинете Сталина через 25–30 минут после ухода Жукова). Поэтому те вопросы, которые, согласно мемуарам, задавались членами Политбюро, реально мог задавать только Молотов. Жуков вошел в кабинет Сталина в 23 часа, а вышел оттуда через 30 минут.

Еще более существенные уточнения должны быть внесены в содержание беседы. Дело в том, что 2 июня 1940 г. война на Западе уже давно не носила «крайне пассивного характера». 10 мая 1940 г. началось решительное наступление немцев на Западе, к 20 мая намечилось окружение союзников в Северной Франции и произошла капитуляция бельгийской армии. В начале июня шла уже интенсивная эвакуация союзников из Дюнкерка (последние их части покинули материк в ночь с 3 на 4 июня). К тому же Сталин никак не мог произнести в то время приписываемых ему слов о нежелании Даладье и Чемберлена «серьезно втягиваться в войну с Германией»⁶. Не говоря уже о том, что эти страны ко 2 июня уже более чем серьезно втянулись в войну, ни Даладье, ни Чемберлен уже не возглавляли правительств своих стран (Чемберлена уже в мае сменил Черчилль, а Даладье уступил свой пост Рейно еще в марте 1940 г.)⁷. Следовательно, данное место изложения беседы Жукова со Сталиным следует признать недостоверным – память

здесь существенно подвела мемуариста, а подготовители публикации в издательстве не помогли ему в проведении соответствующей фактической проверки.

Какое же (с учетом имеющихся прямых и косвенных свидетельств) осталось у Жукова и Сталина впечатление друг о друге после первой их встречи? В мемуарах Жуков пишет, что «конкретность и глубина суждений» Сталина произвели на него «большое впечатление»⁸. Эту же оценку первого впечатления от встречи со Сталиным он ранее давал и в беседах с К.М. Симоновым. Сталин, вспоминал Жуков в середине 1960-х гг., встретил меня «очень хорошо. Я увидел человека... спокойного, приветливого, показавшегося мне очень внимательным и человечным»⁹. О впечатлении же, произведенном Жуковым на Сталина, можно судить по косвенным данным: по появившейся на третий день после их встречи передовице в «Красной звезде» под названием «Пламенный привет советским генералам»¹⁰. Статья носила официальный характер и явно была написана по указанию самого Сталина. Поводом к ее появлению было начало присвоения вышнему командному составу Красной армии генеральских званий согласно постановлению СНК от 4 июня 1940 г. Особо были выделены при этом три лица – Г.К. Жуков, К.А. Мерецков и И.В. Тюленев, которым присваивалось звание генерала армии. В уже упоминавшейся передовице перечисление их фамилий сопровождалось характерным восклицанием: «Велики их заслуги перед Родиной!» Список фамилий новых генералов и публикация их портретов начинались с Жукова. О нем были самые лестные слова и в передовице. Кроме того, надо учесть, что Мерецков и Тюленев ранее имели более высокие воинские звания, а Жуков был только комкором и производился в генералы армии, минуя звания командармов 1-го и 2-го рангов¹¹. Все это характеризует оценку Сталиным Жукова в июне 1940 г., на которую их личная встреча не могла не повлиять весьма существенно.

2. О смещении Жукова с поста начальника Генерального штаба и проведении Ельнинской наступательной операции в августе–сентябре 1941 г.

О смещении Жукова с поста начальника Генштаба в мемуарах имеется подробный рассказ самого Георгия Константиновича, где названа точная дата события – 29 июля 1941 г. и приводятся яркие подробности обсуждения его доклада, содержавшего предложения об отводе войск Юго-Западного фронта за Днепр и оставлении Киева:

«Какие там еще контрудары, что за чепуха?» – выпалил И.В. Сталин. – “Опыт показал, что наши войска не умеют наступать...” И вдруг на высокой ноте бросил: “Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?” – Я не смог сдержаться и ответил: “Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт...” Опять наступила тягостная пауза. “Вы не горячитесь, – заметил И.В. Сталин. – А впрочем... Если мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...” Сборы на фронт были недолгими. Вскоре в Генеральный штаб прибыл Б.М. Шапошников. После сдачи ему обязанностей начальника Генерального штаба я выехал в район Гжатска...”¹²

Это сообщение долго не подвергалось сомнению, тем более что дата смещения подтверждалась публикацией приказа наркома обороны от 10 августа 1941 г., в котором была ссылка на постановление ГКО от 29 июля 1941 г.¹³ Однако П.Н. Бобылев вот что пишет об этом факте из мемуаров Жукова: «Есть основания сомневаться в достоверности данного эпизода, поскольку 29 июля 1941 г. на приеме у И.В. Сталина не было ни Жукова, ни названных им лиц»¹⁴.

Но такое категорическое утверждение П.Н. Бобылева не учитывает других источников, которые его убедительно опровергают. Во-первых, Ю.А. Горьков в приложении к своей книге перечень посетителей кабинета И.В. Сталина за 29 июля 1941 г. дает более подробно, чем в журнале «Исторический архив», на который ссылается Бобылев. Сообщив о приеме в первую половину суток 29 июля 1941 г. авиаторов, Н.Г. Кузнецова и Г.И. Кулика, сообщает, что во второй половине того же дня Сталин принял Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского, Л.З. Мехлиса, Жукова и еще раз Василевского¹⁵, о чем умалчивается в публикации журнала посетителей Сталина в «Историческом архиве». Во-вторых, рассказ Жукова фактически подтверждает такой компетентный свидетель, как Василевский, который, судя по публикации Горькова, дважды в этот день входил в кабинет Сталина. Как вспоминает Василевский в беседах с К. Симоновым, Жуков в должности начальника Генштаба пробыл до конца июля 1941 г., «когда сам (выделено мною. – В.А.) попросил освободить его от этих обязанностей и направить на один из фронтов. Сталин удовлетворил тогда его просьбу и назначил вместо него Шапошникова»¹⁶.

На обстоятельства снятия Жукова проливает свет и недавно опубликованный документ – записка неожиданного свидетеля этого эпизода в лице Л.П. Берии. 1 июля 1953 г. арестованный к тому времени Берия направил своему бывшему другу Г.М. Маленкову записку, в которой постарался смягчить свою участь напоминанием другим членам сталинского Политбюро, что они сов-

местно смогли умерить гнев Сталина и поэтому Жукова не постигла трагическая судьба генерала Д.Г. Павлова. «М[икоян] и Молот[ов], – писал Берия, – хорошо должны знать, что Жук[ов], когда [его] сняли с генер[ального] штаба по наущению Мехлис[а], ведь его положение было очень опасно. Мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем спасли будущ[его] героя нашей Отеч[ественной] войны»¹⁷.

Этот документ, написанный задолго до публикации мемуаров Жукова, подтверждает резкий характер спора последнего со Сталиным и неблагоприятную роль Мехлиса, спровоцировавшего вспышку сталинского гнева. Записка Берии (как и высказывание Василевского) документально и убедительно опровергает необоснованные утверждения одного из новейших биографов Жукова – Бориса Соколова о том, что 29 июля якобы и не было «никакого конфликта Сталина с Жуковым из-за Киева, никакого жуковского прощения об отставке»¹⁸. Наоборот, учитывая все достоверные свидетельства того времени, можно сделать однозначный вывод: факт приема Жукова Сталиным подтверждается различными источниками, и сомневаться в этом оснований нет, хотя в «Историческом архиве» факт приема Жукова Сталиным 29 июля 1941 г. пропущен.

Но совсем другой аспект проблемы отношений Сталина и Жукова – это их контакты в последующие за отставкой дни августа 1941 г. Сам Жуков после рассказа о стычке 29 июля пишет, что следующая его встреча со Сталиным состоялась лишь в начале сентября. В результате получается, что в августе дело ограничивалось лишь общением Жукова со Сталиным по спецсвязи и сталинская опала длилась более месяца. Так и считали все писавшие о деятельности Жукова¹⁹. Между тем такое мнение требует существенной корректировки, поскольку личное и непосредственное общение Жукова с Верховным главнокомандующим в августе 1941 г. не прерывалось. Штаб Резервного фронта располагался неподалеку от Москвы, и Жуков неоднократно лично участвовал в работе Ставки. Журнал посещений кабинета Сталина фиксирует появление там Жукова на заседаниях 5, 9, 15, 17, 20 и 24 августа 1941 г.²⁰ Таким образом, в июле Жуков присутствовал на заседаниях 9 раз, а в августе – 6, хотя его фронт почти все время вел активные действия, увенчавшиеся 6 сентября 1941 г. освобождением Ельни и ликвидацией опасного Ельнинского выступа. Приезды Жукова в Ставку в это время, по-видимому, были напрямую связаны как с пополнением фронтовых частей живой силой и техникой, так и с обсуждением других проблем.

Хочется особо подчеркнуть: согласие Сталина на частые отлучки Жукова с фронта никоим образом не обнаруживает признаков его опалы в августе 1941 г. Об этом же свидетельствует и текст приказа об освобождении Жукова с поста начальника Генерального штаба, который Сталин подписал только 10 августа 1941 г. Приказ гласил: «Заместитель Народного комиссара обороны генерал армии Жуков Г.К., в связи с назначением его командующим резервными армиями, освобождается от должности начальника Генерального штаба Красной армии»²¹. С образованием 30 июля Резервного фронта, строго говоря, формулировка приказа уже не соответствовала фактическому положению дел, ибо в действительности Жуков стал командующим фронтом, а не резервными армиями. Но эта формулировка, видимо, не была случайной оговоркой: Сталин явно желал пресечь разговоры, которые могло вызвать смещение Жукова с поста начальника Генштаба, и подчеркивал свое нежелание бросить тень на авторитет полководца, фронт которого начинал крупную наступательную операцию. Наконец, при преобразовании 8 августа 1941 г. Ставки Верховного командования в Ставку Верховного главнокомандования Сталин сохранил Жукова в ее составе. Таким образом, в своих мемуарах Жуков опустил существенную деталь – свои регулярные личные контакты со Сталиным в Ставке, в большой степени влиявшие на успешную подготовку Ельнинской наступательной операции.

3. О дате отъезда Жукова в Ленинград в 1941 г. и вступления в командование Ленинградским фронтом.

В мемуарах Г. Жукова этот эпизод освещается так: «Почти до самого вечера 9 сентября пришлось мне вместе с командиром находиться на его наблюдательном пункте... Пришла телефонограмма от Б.М. Шапошникова: к 20 часам того же дня меня вызывал в Ставку Верховный... Войдя в столовую, где за столом сидели И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков и другие члены Политбюро, я сказал: "Товарищ Сталин, я опоздал на один час". После обмена мнениями И. Сталин решил: "Езжайте под Ленинград". А затем Верховный произнес: "Плохо складываются дела у Буденного... Кого, по вашему мнению, следует туда послать?" – "Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо. Рекомендую послать его", – ответил я. – "Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?" – "Я предлагаю командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева". И.В. Сталин согласился и с этим и тут

же по телефону дал указание Б.М. Шапошникову о вызове маршала С.К. Тимошенко и передаче приказа И.С. Коневу о вступлении в командование Западным фронтом»²².

Сопоставление имеющихся в настоящее время в распоряжении историков материалов позволяет существенно уточнить действительные обстоятельства этого важного назначения Жукова. Прежде всего обратимся к журналу посещений Сталина. Судя по журнальной записи, это заседание происходило не 9, а 11 сентября с 17 час. 10 мин. до 22 час. 15 мин. Жуков присутствовал на нем с 17 час. 10 мин. до 21 час. 15 мин. А.С. Щербакова в числе присутствовавших не было, зато участвовали С.К. Тимошенко и Шапошников (так что звонить по телефону было незачем – они сами были активными участниками обсуждения)²³. Поскольку Тимошенко был заранее вызван на заседание и вошел вместе с Жуковым, вряд ли последний мог рекомендовать его на новую должность: Сталин скорее всего принял решение о них раньше и не случайно вызвал обоих вместе. Рекомендация же в отношении назначения Конева вполне могла иметь место – на заседании он приглашен не был, и вопрос о нем и С.М. Буденном решался заочно. В директивах Ставки о новых назначениях, принятых 11 сентября 1941 г., проставлено время: Жуков был назначен командующим Ленинградским фронтом в 19 час. 10 мин., Конев – командующим Западным фронтом – в 19 час. 20 мин., Тимошенко (главкомом Юго-Западного направления) и Буденный (командующим Резервным фронтом) – в 19 час. 25 мин.²⁴

Интересно, что в мемуарах Жукова обнаруживается, что дату заседания Ставки – 11 сентября – подтверждает и сам автор, когда, рассказав о переговорах в этот день Сталина и Шапошникова с Военным советом Юго-Западного фронта, сообщает о своем разговоре с Василевским «до отлета в Ленинград»²⁵. Но, несмотря на все это, в мемуарах Жукова (глава «Битва за Ленинград») излагается версия о вылете в Ленинград в сопровождении генералов М.С. Хозина и И.И. Федюнинского «прохладным и пасмурным утром 10 сентября 1941 г.»²⁶ (выделено мною. – В.А.). «К исходу 10 сентября, – продолжает Жуков свои воспоминания, – руководствуясь личной запиской Верховного и без объявления официального приказа, я вступил в командование Ленинградского фронта». И далее: «Приказ Ставки о назначении меня командующим войсками Ленинградского фронта был подписан 11 сентября, после того как я доложил И.В. Сталину о своем прибытии в Ленинград» (выделено мною. – В.А.)²⁷.

Четкая фиксация в журнале посетителей кабинета Сталина фамилии Жукова в числе участников заседания Ставки вечером 11 сентября и подписание в 19 час. 10 мин. (т.е. во время его пребывания в Ставке) директивы о назначении нового командующего Ленинградским фронтом делают вышеприведенные утверждения из мемуаров несостоятельными. Вылететь в Ленинград ранее утра 12 сентября Жуков практически не мог (возможно, сообщение генерала Федюнинского о вылете утром 13 сентября наиболее точно и достоверно). Обращает на себя внимание и то, что именно 13 сентября датирована телеграмма из Ставки К.Е. Ворошилову об отзыве его из Ленинграда²⁸.

14 сентября состоялось назначение прибывшего с Жуковым генерала Федюнинского командующим 42-й армией, которая вела ожесточенное сражение на наиболее опасном для города в тот момент Пулковском направлении. В тот же день состоялись первые телеграфные переговоры о положении на фронте между Жуковым и Шапошниковым, в ходе которых Жуков, в частности, заявил, что «обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу». О своем прибытии в Ленинград на смену Ворошилову он говорил и в своих переговорах с командующим 54-й армией Г. Куликом в ночь с 14 на 15 сентября как о свежей новости²⁹.

Все это доказывает, что Жуков прибыл в Ленинград 13 сентября и опровергает как утверждение о вылете его в Ленинград утром 10 сентября, так и мнение составителей «Хроники деятельности маршала Советского Союза Г.К. Жукова» о том, что он прибыл в Ленинград даже еще к вечеру 9 сентября. Вылетев в Ленинград утром 13 сентября, Жуков по прибытии в город с обычной для него твердостью взял руководство обороной в свои руки и сыграл значительную роль в отражении немецких атак, которые затихли только к 20 числам сентября³⁰.

¹ Журналы (тетради) записи лиц, принятых И.В. Сталиным // Исторический архив. 1996. № 2; Русский архив. Т. 13. 2 (2). Великая Отечественная. М., 1997; Русский архив. Т. 16. 5 (1). Великая Отечественная. М., 1996; Выписки из журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете // Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Приложение № 1. Тверь, 1995.

² Симонов К. Сталин и война // Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989; Кузнецов Н.Г. «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими» // Военно-исторический журнал. Из неопубликованных рукописей. 1992. № 1.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. Изд. 11, дополненное по рукописи автора. 1992. С. 286.

⁴ См.: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000. С. 165. Сам Б. Соколов считает, что Жуков «в столицу должен был прибыть где-то между 7 и 10 мая, но никак не 15 числа» // Там же. С. 166. Думается, что свидетельство непосредственного участника встречи заслуживает предпочтения и говорит за дату 15 мая. Этот вывод подкрепляется и отсутствием фамилии Жукова среди участников ряда важных мероприятий, которые Сталин проводил в мае 1940 г.

⁵ Исторический архив. 1996. № 2. С. 17. Следует отметить, что Ю.А. Горьков эту дату пропустил: за 1 июня у него сразу же идет 3 июня // Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 249.

⁶ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 1. С. 286.

⁷ Б. Соколов всерьез считает, что во время первой встречи Сталина и Жукова в 1940 г. действительно шла речь «о скорой расплате» Чемберлена и Даладье за их близорукую политику, и он даже не задается вопросом, а были ли последние в тот момент у власти в своих странах? // Соколов Б. Указ. соч. С. 167.

⁸ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 1. С. 287.

⁹ Симонов К. К биографии Г.К. Жукова // Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 359.

¹⁰ Красная звезда. 1940. 5 июня.

¹¹ Следует учесть и то, что командующий соседним с Жуковым военным округом Д.Г. Павлов получил звание генерал-полковника танковых войск, а отнюдь не генерала армии. А округа эти по важности соответствовали друг другу.

¹² Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 127, 128.

¹³ Русский архив. Т. 13. 2 (2). С. 49. В приказе Сталина от 10 августа 1941 г. ссылка дается на постановление ГКО от 29 июля 1941 г. за № ГКО-325 с.

¹⁴ Бобылев П.Н. Точку в дискуссии ставить рано // Отечественная история. 2000. № 1. С. 60. П.Н. Бобылев не учел, что в период между 24 июля (после начала налетов немецкой авиации на Москву) и 4 сентября Сталин проводил прием посетителей в разных помещениях. Регистрация посетителей за это время велась параллельно разными лицами в различных журналах.

¹⁵ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 257–258. П.Н. Бобылев пишет: «По воспоминаниям Жукова, при этой встрече присутствовали Л.З. Мехлис и Г.М. Маленков» // Бобылев П.Н. Указ. соч. С. 60. Но еще В.В. Карпов в биографии Жукова отмечал присутствие Мехлиса, Маленкова и Берии // Карпов В.В. Маршал Жуков: его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. С. 319, 322.

¹⁶ Беседы с маршалом Советского Союза А.М. Василевским // Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 445. Именно командирские качества Жукова особо подчеркивал встречавшийся с ним в 1941 г. Н.Г. Кузнецов. Он даже высказал такое мнение: «Жуков был строевым начальником, обладавшим сильной волей и стальным голосом. Ему больше было к месту командовать, а не копать в бумагах. Роль начальника штаба не для него. Каждому – свое!» // Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 76. Мнение Кузнецова вполне совпадает с официальным заключением, которое сделал еще в 1930 г. командир 7-й Самарской кавдивизии К.К. Рокоссовский, аттестуя командира 2-й кавбригады той же дивизии Жукова: «На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может – органически ее ненавидит» // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 22.

¹⁷ Красная звезда. 2002. 21 сентября. С. 4. В пользу достоверности утверждений автора записки свидетельствуют совпадение описания события с последующими мемуарами Жукова, а также сами обстоятельства ее написания: находящийся в заключении Берия вовсе не был заинтересован в усугублении тяжести своего положения недостоверными утверждениями.

¹⁸ Соколов Б. Указ. соч. С. 249.

¹⁹ Так, в «Хронике деятельности маршала Советского Союза Г.К. Жукова» указывается, что в период с 31 июля по 8 сентября он работал на фронте и исполнял обязанности командующего, а о поездках в Москву и пребывании в Ставке не сообщается // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 23. Примерно так же пишут Н. Яковлев (Жуков. 1992), В. Карпов (Маршал Жуков. 1994), Б. Соколов (Неизвестный Жуков. 2002).

²⁰ Исторический архив. 1996. № 2. С. 58–62.

²¹ Русский архив. Т. 13. 2 (2). С. 49.

²² Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 147, 148, 150.

²³ Исторический архив. 1996. № 2. С. 64.

²⁴ Русский архив. Т. 16. 5 (1). С. 175, 176.

Текст директивы о назначении Г.К. Жукова гласил:

«11 сентября 1941 г. 19 ч. 10 мин.

1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей главнокомандующего Ленинградским фронтом.

2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Резервным фронтом.

3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта, а тов. Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград тов. Жукова...

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин

Б. Шапошников».

²⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 151, 153. В свою очередь Василевский полностью подтверждает этот эпизод и нахождение Жукова 11 сентября в Москве. Рассказав о переговорах с командованием Юго-Западного фронта 11 сентября, он пишет в своих воспоминаниях: «Незадолго до приведенного разговора в мою рабочую комнату зашел генерал армии Г.К. Жуков. Он улетел в Ленинград (выделено мною. – В.А.) и хотел побеседовать об обстановке там, о войсках этого фронта» (Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 146).

²⁶ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 165. Большинство авторов, писавших об отъезде Жукова в Ленинград, безоговорочно приняли дату 9–10 сентября. Лишь В. Карпов обратил внимание на разночтения по этому вопросу (сам Жуков указывал 10 сентября, его телохранитель Бедов – 11, генерал Федюнинский – 13 сентября). Однако В. Карпов не попытался прояснить этот вопрос. В новой двухтомной книге Н.А. Ломагина, специально посвященной битве за Ленинград и жизни блокадного города, также уверенно сообщается о прибытии Жукова в осажденный город 10 сентября 1941 г. // Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 68.

²⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 169–170. Обратим внимание на то, что составители «Хроники деятельности маршала Советского Союза Г.К. Жукова» о начале его ленинградского периода сообщают так: «9 сентября – утром с Центрального аэродрома вылетел в Ленинград и только к вечеру прилетел в Ленинград на городской аэродром и вступил в командование Ленинградским фронтом, приняв его от К.Е. Ворошилова. Приказ ВГК о назначении генерала армии Жукова Г.К. поступил на фронт 11 сентября в 19.10 К.Е. Ворошилов 11 сентября убыл в Ставку» // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 23.

²⁸ Телеграмма гласила: «Совершенно секретно. Ворошилову. Приезжай в Москву. 13.09.41 г. № 1686/Ш. Сталин, Молотов» // Труд – 7. 2001. 6 сентября (Турченко С. Через месяц началась блокада).

²⁹ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 178, 181.

³⁰ Все наиболее известные биографы Жукова, а также военные специалисты высоко оценивают его деятельность на посту командующего Ленинградским фронтом в тяжелых условиях 1941 г. Их мнение концентрированно выразил опытный генштабист генерал армии А.И. Грибков, который отмечал: «Его (Жукова. – В.А.) прибытие в Ленинград спасло этот город...» И далее: «Москва так же, как Ленинград, была спасена Г.К. Жуковым благодаря его выдающемуся военному таланту быстро оценивать сложнейшую обстановку, умению найти главное направление ударов противника и принять наиболее правильное решение» (Грибков А.И. Исповедь лейтенанта. Встречи с полководцами. Операция «Анадырь». М., 1999. С. 125). Ему (правда, весьма необдуманно) попытался возражать Б. Соколов, который считает, что Жуков под Ленинградом действовал неправильно. «В действительности, – размышляет Соколов, – правильным решением в сложившейся ситуации было бросить основные силы Ленинградского фронта на встречу Кулику... Даже если бы немцы смогли в результате выйти к окрестностям Ленинграда (будто заняв Петергоф, Стрельню, выйдя в Колпино, они там уже не стояли! – В.А.), для захвата, для тяжелых уличных боев у них не было бы сил» (Соколов Б. Указ. соч. С. 269). Если бы Жуков попытался провести подобный, практически неосуществимый в тех условиях план, город был бы сдан, флот уничтожен, а армии фронта потерпели бы катастрофу, сравнимую с Киевской.

Книги о Второй мировой войне

МОСКВА ПРИФРОНТОВАЯ. 1941–1942 гг.

Архивные документы и материалы. М.: Мосгорархив, 2001. 662 с. с илл. Тир. 4000

Хронологические рамки рецензируемого издания охватывают период с начала 1941 по апрель 1942 г., а территориальные – Москву и Московскую обл. Составители сборника, подготовленного в Мосгорархиве, – М.М. Горинов, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. Книга является продолжением и дополнением предыдущей публикации Мосгорархива «Москва военная. 1914–1945. Мемуары и архивные документы» (М., 1995), причем на этот раз составители решили сосредоточить внимание не на батальных событиях, а на жизни Москвы и москвичей в самый сложный начальный период войны.

Составители включили в сборник около 400 интересных документов и материалов, обнаруженных в 14 крупных архивохранилищах, включая Центральный архив общественных движений Москвы, Московский муниципальный архив, Центральный архив документальных коллекций Москвы, РГАЛИ, РГАСПИ, ГФ РФ, ЦА ФСБ, Научный архив ИРИ РАН, Российский государственный архив кинофотодокументов и др. Этот более чем внушительный список дополняют материалы музеев боевой славы воинских частей и соединений и школьных музеев Москвы. При этом целые комплексы документов публикуются в сборнике впервые, поскольку находились прежде на специальном хранении. Впервые публикуется и большинство из более чем 400 помещенных в сборнике иллюстраций. Сразу же отметим высокий уровень археографической обработки публикуемых документов и материалов (археографы И.И. Кудрявцев, И.С. Месяц, Н.А. Тесемникова).

В прологе («Если завтра война») помещены документы и материалы, раскрывающие подготовку Москвы к неизбежной войне. Многие читатели, в частности, впервые узнают о том, что планы светомаскировки московских электростанций и места будущих позиций зенитной артиллерии в городе были подготовлены еще в январе 1941 г. (с. 31, 33). Оправдано и включение в данный раздел текста выступления И.В. Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. и записки наркома обороны С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова Сталину с предложением о превентивном ударе по Германии и ее союзникам, им отвергнутым. Здесь же публикуются

документы об использовании метрополитена в качестве массовых бомбоубежищ и о строительстве правительственного убежища у дома № 3 по ул. Кирова. Для сооружения последнего объекта НКВД должен был представить Метрострою необходимое количество заключенных в качестве рабочей силы (с. 41). Документы рассказывают о проведенных в Москве и области в конце мая – начале июня 1941 г. учений по мобилизации и противовоздушной обороне (с. 46–52, 57). При этом сразу же обнаружился ряд досадных сбоев. Так, например, необходимый для наполнения аэродромов, а также для хозяйственных нужд водород специально везли из Донбасса, хотя он имелся в Москве на одном из предприятий в качестве отходов основного производства (с. 52).

В 1-й части сборника («Фронт приближается») речь идет о периоде с 22 июня до конца сентября 1941 г. Естественно, война нарушила привычный ритм жизни города. Сразу же возникли очереди за продуктами, мылом, керосином, спичками. Многолюдно стало вдруг в сберкассах. В Москве началась мобилизация. Военный отдел Москворецкого РК ВКП(б) отмечал: «Явка военнообязанных по мобилизации была полная и своевременная. Настроение отправляемых на фронт было хорошее. Со стороны сотен и тысяч людей, горящих ненавистью к фашистским извергам, были требования о скорейшей отправке на фронт» (с. 74). Вместе с тем документы говорят о том, что на мобилизационных пунктах и вокзалах было грязно, отсутствовали вода, буфеты, скамейки и стулья, радио, газеты. На одном из вокзалов агитпункт был превращен в «место беспорядочной свалки людских тел, спящих прямо на полу и друг на друге» (с. 72–74). Констатируется и нечеткая работа железных дорог в первые дни войны, срыв воинских перевозок. «На Октябрьском вокзале, – отмечается 24 июня, – из 12 эшелонов (672 вагона) погружено и отправлено всего лишь 5, с общим количеством 120 вагонов. Основной причиной срыва отправок является отсутствие подвижного состава» (с. 77).

Много места в 1-й части книги уделено формированию истребительных батальонов и дивизий народного ополчения (ДНО). Впервые полностью публикуется постановление Военного совета Москов-

ского военного округа о создании московского пополнения: намечалось создать 25 дивизий ДНО «за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет» (с. 89). Однако были случаи, когда в ополчение насильно записывали заведомо больных и негодных к военной службе, а также просто случайных людей. В результате только в 61-м полку 21-й ДНО «было отчислено по инвалидности за 7 и 8 июля около 25% личного состава, а по некоторым ротам – около 40%» (с. 91). Документы подтверждают и плохое вооружение бойцов ДНО: нехватку винтовок и пулеметов, отсутствие шанцевого инструмента и т.д. (с. 93). Большой интерес вызывают также материалы о формировании Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. В нее отобрали лучших советских спортсменов (около 800 человек), иностранцев-антифашистов, студентов, инженеров и молодых рабочих-добровольцев. Кроме них, в состав бригады включали комсомольцев из 14 областей РСФСР. Всем им предстояло действовать в тылу врага, их хорошо обучили и вооружили.

На третий день войны началась мобилизация москвичей на оборонные работы. 3 июля «на окопы» выехали первые 1200 человек. Участие москвичей в создании оборонительных сооружений посвящен отдельный раздел.

В этих работах участвовали даже школьники старших классов, включая девочек. Они работали в любую погоду, иногда под бомбами, до самого подхода войск противника.

С 1 июля в Москве начались бомбежки, через день стали эвакуировать детей и «лишнее население», а 17 июля была введена карточная система. Документы рассказывают, как с каждой неделей ухудшалось питание москвичей, как возродились «мешочники» и натуральный обмен. В то же время, несмотря на все эти трудности, москвичи с конца июня начали сбор средств в фонд обороны. Целые коллективы принимали решения о ежемесячном отчислении дневного заработка, люди добровольно сдавали в пользу государства деньги и облигации. С конца августа начался сбор теплых вещей для армии. Врач А.Г. Дрейзер записал в августе в дневнике: «Редко приходилось слышать жалобы на лишения, ограничения, отсутствие отопления, освещения и пр. Русский народ понимает, что такое Отечественная война, и героизм его является естественным» (с. 169).

30 сентября немцы начали операцию «Тайфун», имевшую своей целью захват Москвы. 2-я часть книги («Враг у ворот») открывается не публиковавшимися прежде воспоминаниями маршала Жукова о положении на фронте и планах обороны Москвы (с. 179–180). Далее впервые публикуется ряд материалов о боях под Москвой, о наших окруженцах и пленных, о начале действий партизан, о единстве армии и народа. В октябре продолжалось создание московской зоны обороны. В самом городе огневые точки оборудовались даже в жилых помещениях, а

отдельные предприятия по собственной инициативе строили укрепления вокруг своей территории. Правдиво и подробно говорят документы о тревожном положении в октябрьской Москве, об эвакуации различных учреждений, введении осадного положения, бегстве отдельных представителей власти, о панике 16 октября, когда московские предприятия готовили к взрыву и даже «в кабинетах ЦК царил полный хаос: многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы» (с. 272).

3-я часть сборника («Москву не сдадим») охватывает период с конца октября до начала контрнаступления советских войск. Сюда вошли документы и воспоминания о повседневной жизни осажденной Москвы, о заводах и фабриках, работавших на оборону, о легендарном параде 7 ноября 1941 г. Документы говорят о том, как нарастало наше сопротивление врагу, как из последних сил строили москвичи для своих защитников все новые и новые рубежи укреплений, включая 617 км электропрепятствий: ток московских и подмосковных станций, пущенный в эту проволоку, должен был помочь остановить вражеские танки и пехоту (с. 339).

Среди материалов о быте и жизни москвичей в то время можно найти документы о снабжении продовольствием, лимите на электроэнергию. Значительное место уделено также культурной жизни осажденного города: работе театров и кинотеатров, созданию фронтовых концертных бригад и цензуре их репертуара, возрождению эвакуированных московских театров из оставшихся в столице артистов труппы.

В 4-й части сборника («Враг отброшен») читатель знакомится с материалами о контрнаступлении Красной армии и разгроме немцев под Москвой, разрушенных врагом городах и селах Подмосковья, о насилиях фашистов над гражданским населением. Колхозница П.Ф. Лысова из деревни Рождественской Истринского района свидетельствует: «У нас некоторые ожидали прихода немцев. Они говорили: “Придут немцы, хуже не будет. Они установят другие порядки”. Теперь все узнали, кто такие немцы. Захватив нашу деревню, немецкие оккупанты хозяйничали над нами со всей присущей им наглостью, повсеместно издевались над мирным населением. Теперь все колхозники ненавидят их и проклинают» (с. 410). Документы сборника рассказывают также об участии московских предприятий в восстановлении хозяйства освобожденных районов области, о сборе москвичами вещей для жителей пострадавших от оккупантов районов. Освещается деятельность московских госпиталей. Немалый интерес представляют сведения о финансировании и деятельности созданного в Москве и области подполья, просуществовавшего до весны 1942 г.

В 5-й части книги («Герои битвы за Москву») помещены материалы о маршале Г.К. Жукове, со-

вершившем воздушный таран летчике В.В. Талалихине, снайпере Н.В. Ковшовой, партизанах В.Д. Волюшиной, М.А. Гурьянове и И.М. Кузине. По-новому освещен подвиг воинов-панфиловцев во главе с политруком В.Г. Клочковым. Читатель узнает, откуда появилась вошедшая во все учебники цифра 28 героев-панфиловцев, когда в действительности в том героическом бою только погибших было больше 100 человек. Теперь уже известно, что слова, якобы произнесенные Клочковым: «Россия велика, а отступать некуда – позади Москва», на самом деле были придуманы корреспондентом «Красной звезды» А.Ю. Кривицким, написавшим статью об этом драматическом эпизоде войны (с. 540, 640). Очищенный от вымыслов, подвиг панфиловцев предстает перед нами в новом величии и славе. Глубокое волнение вызывают и материалы о З.А. Космодемьянской. Как и в случае с панфиловцами, здесь тоже устраняются ненужные легенды и клеветнические измышления, искажавшие светлый образ героини.

В эпилоге содержатся материалы о деятельности московских комитетов ветеранов и о материальном положении москвичей – участников Великой Отечественной войны.

В приложении публикуются воспоминания Ф.Е. Медведева о создании комсомольского подполья Москвы, Б.П. Уткина – об участии ракетчиков в Московской битве, В.Н. Пархачева – о подготовке радистов для работы в тылу врага.

В разделе «Примечания» можно найти комментарии к публикуемым текстам, а также документы и воспоминания, не вошедшие в основную часть тома в связи с его ограниченным объемом. Сборник снабжен списком сокращений и именным указателем. Комментарии к документам выполнены на высоком научном уровне. Однако некоторые сюжеты остались без необходимых пояснений. Так, читателю непонятно, зачем спускали воду в Москве-реке в конце августа 1941 г. (с. 133). На с. 239 упомянуты французские винтовки 1848 г., и это сообщение никак не комментируется, хотя в 1848 г. никаких винтовок вообще еще не было (вероятно, здесь имеются в виду французские винтовки образца 1918 г.). Не приведены современные названия станций метро «Северный вокзал» и «Брянский вокзал» (с. 285, 292). Неудачна также подпись под одной из фотографий на с. 511: там значится, что радист передает в Центр разведданные, тогда как на снимке ясно видно, что радист не передает, а наоборот, принимает текст, записывая его карандашом.

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемый сборник является ценнейшей научной публикацией, которая будет способствовать углубленному изучению истории Великой Отечественной войны и патриотическому воспитанию граждан России.

**Б.И. Гаврилов, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

С.С. БУКИН. В ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск: Издательство «Гуманитарные технологии», 2000. 311 с. Тир. 500

Основная тема рецензируемой книги – поиск и восстановление кладбищ военнопленных. Тема актуальна хотя бы по той причине, что Россия заключила межправительственные соглашения «Об уходе за военными могилами» с такими государствами как Германия, Венгрия, Италия, Япония и др.

Своеобразие авторского подхода состоит в том, что в нем сочетаются теоретический и практический аспекты. Изучение советской политики по отношению к военнопленным, исследование их демографического состава, трудового использования, причин и динамики смертности дополняются установлением имен умерших пленных, поиском мест их погребения, благоустройством могил и передачей сведений поисковым службам Красного Креста соответствующих стран.

Книга состоит из трех глав, введения и эпилога, заостряющего внимание на нравственной стороне проблемы. Краткий анализ зарубежной и отечественной литературы по затронутой проблеме, на которую, вне всякого сомнения, наложили свой отпе-

чаток идеологические клише времен «холодной войны», дан в предисловии. В первой главе исследуется история одного из крупнейших в Сибири лагерей для военнопленных № 199, располагавшегося в Новосибирске в 1944–1948 гг. На основе секретных документов раскрываются организация лагеря, численность и состав узников, режим их содержания и условия быта. Автор, опираясь на архивные материалы, научную и мемуарную литературу, воссоздает жизнь одного из типичных островков огромного «архипелага ГУПВИ», чья «лагерная сеть простиралась на огромной территории – от западных границ советских оккупационных зон в Центральной Европе до тихоокеанского побережья». Исследователь подчеркивает особенности формирования лагерей военнопленных в Сибири. Во-первых, большинство лагерей здесь было создано в последние военные годы. Во-вторых, если в западной части региона среди военнопленных преобладали немцы, то в восточно-сибирских лагерях содержались преимущественно японцы. И, наконец, третьей характерной регио-

нальной чертой явилось использование значительного числа военнопленных в отраслях с тяжелыми условиями труда (например, в угольной и горной промышленности, торфодобыче, лесозаготовках, строительстве железных дорог), что в сочетании с воздействием сурового сибирского климата приводило к высокой смертности среди лагерного контингента.

В двух последующих главах автор рассказывает о поиске и благоустройстве кладбищ военнопленных, представляющих сегодня своеобразные памятники истории. Результаты кропотливой работы автора, опиравшегося в своей поисковой деятельности как на топографические схемы НКВД (МВД), так и на свидетельства старожилов, не заставили себя ждать – С.С. Букину удалось установить места расположения 4 кладбищ военнопленных, определить количество захоронений на каждом из них и национальный состав погребенных. Существенную помощь в этой работе исследователю оказали и его зарубежные коллеги, в частности представители МИДа Германии и немецких общественных организаций.

Большую часть книги занимают приложения: схемы расположения кладбищ, а также поименные списки умерших военнопленных (2 900 человек). Издание содержит обширный иллюстративный материал. Отрадно, что книга одновременно издана на

русском и немецком языках. На сегодняшний день это первое серьезное научное исследование подобного рода, опубликованное как в России, так и в Германии.

Отметим, что аналогичная поисковая работа ведется и в Вологодской обл. Еще в начале 1990-х гг. группа «Поиск» Вологодского государственного педагогического университета выступила с инициативой создания книги «Милосердие», в которой планировалось поместить имена иностранных военнопленных, погибших в лагерях и спецгоспиталях на территории региона. На настоящий момент известны имена более чем 6 тыс. солдат неприятельских армий, покоящихся на 14 кладбищах, разбросанных по вологодской земле. Несомненно, что накопленный материал представляет собой уникальный исторический источник и может быть положен в основу книги-мемориала. Хочется надеяться, что выход данной книги не заставит себя долго ждать. Возможно, она явится тем кирпичиком, который будет положен в возведение памятника жертвам Второй мировой войны и поможет подвести окончательную черту под той страшной войной.

**В.Б. Конасов, доктор исторических наук,
А.Л. Кузьминых, аспирант
(Вологодский государственный педагогический
университет)**

В.Б. КОНАСОВ, А.Л. КУЗЬМИНЫХ. НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 232 с. Тир. 200

Тема пребывания военнопленных на территории СССР сравнительно новая для отечественной историографии Второй мировой войны. Авторы рецензируемой работы поставили перед собой не легкую задачу: проработав сложившийся массив литературы, найти в многообразии нередко полярных точек зрения, подходов и мнений рациональные зерна исторической правды, и, соединив их, представить достоверную картину того явления, которое ныне получило наименование «архипелаг ГУПВИ».

В книге впервые дается подробный анализ отечественной и зарубежной литературы по истории немецких военнопленных в Советском Союзе. Исследователи рассматривают многолетний процесс осмысления исторической наукой проблемы пребывания плененных военнопленных вермахта на советской земле, выделяют этапы изучения проблемы, анализируют работы отечественных и зарубежных исследователей.

Вне всякого сомнения, заслуживает внимания оригинальность авторских позиций по ряду прин-

ципальных вопросов, таких как вклад немецких военнопленных в восстановление народного хозяйства СССР, судебное преследование военнопленных и их репатриация. Авторы не отказываются и от постановки новых проблем и поисков путей их решения, подготавливая почву для новых исторических изысканий по этой важной теме отечественной и германской истории.

Большой интерес представляет библиографическая часть книги, включающая обширный список публикаций документов, диссертаций, мемуаров, монографий, статей, рецензий и других литературных источников (более 830 наименований). На сегодняшний день это самая полная подборка литературы по указанной теме. Заслуживает внимания и структура построения библиографического списка, в основу которого положен не только типологический (по типу работы), но и проблемный принцип. Вся литература сгруппирована по следующим тематическим блокам: международно-правовой аспект и судебное преследование; прием, учет, размещение и организация материально-бы-

тового обеспечения; трудовое использование военнопленных и их вклад в восстановление народного хозяйства СССР; организация антифашистской работы и деятельность НКСГ и СНО; репатриация военнопленных на родину; проблема захоронений германских граждан в Советском Союзе. Такое построение позволяет исследователю быстро навести справку о книге на интересующую его тему, что значительно облегчает изучение истории немецких военнопленных в СССР. К тому же начинающий исследователь имеет теперь перед собой не только подборку архивного материала, содержащегося в многочисленных документальных сборниках¹, но и значительный массив литературных источников и публикаций, что позволит избежать ненужных повторений и неточностей.

Книгу завершает справочно-понятийный аппарат, в котором емко и точно даются определения терминов, характерных для данной области исторического знания. Выверенные данные, четкие формулировки, содержание которых опирается на достоверные архивные источники, помогут избе-

жать разночтений в толковании ключевых понятий истории военного плена.

**П.П. Исупов, кандидат исторических наук
(Московская гуманитарно-социальная академия)**

Примечание

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР // Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1): Нормативные документы. М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–2). Кн. 1. М., 1999; Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950 гг.): Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай; Авт. коммент. В.Б. Конасов. М., 2001; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000.

РОССИЯ XVII ВЕКА И МИР. К 80-летию доктора исторических наук, профессора Елены Викторовны Чистяковой: юбилейный сборник / Сост. Е.А. Соловьев, Л.В. Дунаевский. М.: Изд-во РУДН, 2001. 460 с. + вкл.

Юбилей известного исследователя и педагога Елены Викторовны Чистяковой отмечен выпуском в свет сборника, составленного ее друзьями, коллегами и учениками. Такие научные сборники не редкость в нашей историографии; однако нужно немало усилий и искреннего чувства, которые наделили бы подобное издание неповторимым обликом, выдвигая его из ряда стереотипных примеров того, что уже много десятилетий является обязательным атрибутом ученой юбилейной традиции.

Рецензируемое издание посвящено человеку, заслужившему искреннее уважение научной общности душевной цельностью, талантом, нестандартностью научных взглядов, глубиной суждений, кропотливым повседневным трудом исследователя и педагога, верностью принципам научной школы Михаила Николаевича Тихомирова, твердой жизненной позицией и личным обаянием. В то же время сборник можно считать частью комплекса работ, объединяемых созданной при активном участии Елены Викторовны книгой «Историки России. Послевоенное поколение» (М., 2000). Сборники, статьи, автобиографии, воспоминания историков и об историках этого поколения (а сколько в нем знаменитых имен!), переиздание их лучших и издание неопубликованных работ пронизаны стремлением с вершины рубежа столетий и, в сущности, из другой

страны увидеть собственный драматический путь, понять себя – и не остаться непонятым.

В рецензируемой книге, составленной учеником Елены Викторовны Е.А. Соловьевым и ее сыном Л.В. Дунаевским, отредактированной коллегой, профессором Университета дружбы народов Н.Г. Георгиевой, три части: биографическая («О педагоге и ученом»), «Из работ Е.В. Чистяковой», «Статьи коллег и учеников». Открывает сборник специально написанная для него Еленой Викторовной автобиография. Ценность таких историографических источников в рассказе о мотивации деятельности ученого, о его семье, воспитании, жизненном выборе, оценке происходящего в стране, отношении к коллегам, размышлениях по поводу собственного места в обществе. Елена Викторовна, сама будучи специалистом в области историографии, смогла вместить в несколько страниц самое главное – восприятие страны, людей и профессии.

В первый раздел издания вошли воспоминания сокурсника Е.В. Чистяковой С.О. Шмидта о предвоенных и военных годах в Московском университете, о первых четырех аспирантах М.Н. Тихомирова набора 1944 г. (В.А. Александрове, А.Н. Мальцеве, Е.В. Чистяковой, С.О. Шмидте), о начале творческого пути Е.В. Чистяковой, об атмосфере «тихомировской школы». Самые ценные наблюдения автора – о преемственности поколений в науке 1920–1950-х гг.,

о стиле общения и передаче исследовательского опыта, воплощении в творчестве учеников тех или иных черт, характерных для творчества М.Н. Тихомирова, – приближают личный по форме очерк к тонкому историографическому исследованию. Здесь же помещены краткая биография Е.В. Чистяковой, написанная Т.В. Батаевой и Е.А. Соловьевым, воспроизведена заметка В.И. Буганова (1991) об историковедческом и историографическом аспектах ее научных работ. В годы работы в Российском университете дружбы народов (1971–1998) Е.В. Чистякова, опираясь на интересы и способности студентов и аспирантов, открыла новую для нашей страны дисциплину – имагологию (от лат. *imago*, образ), изучающую системы представлений различных народов и обществ друг о друге. Открытие это не было случайным: в его основе лежали работы Е.В. Чистяковой о «Скифской истории» Андрея Лызлова и унаследованное от М.Н. Тихомирова бережное отношение к проблеме связей Руси с зарубежными славянами. В результате в стенах университета были созданы многочисленные публикации самой Е.В. Чистяковой (о знаниях и представлениях русских о Востоке и Новом Свете), а также работы ее учеников (о контактах и представлениях друг о друге русских и арабов, индийцев, испанцев, кубинцев, мексиканцев, бразильцев). Своей статьей об этой стороне научной деятельности Е.В. Чистяковой М.Н. Мосейкина, по существу, открывает историографию отечественной науки о контактной культуре народов. Наконец, завершая творческий портрет Е.В. Чистяковой, Л.А. Терентьева проанализировала опыт источникововедческой практики на кафедре истории России Университета дружбы народов и вклад целого поколения ученых – В.Ф. Антонова, Т.В. Батаевой, И.А. Булыгина, Н.Г. Георгиевой, Т.Д. Крупной, Е.В. Чистяковой – в ее становление и совершенствование.

Составителям сборника удалось справиться с нелегкой задачей и включить в его состав наиболее интересные из работ самой Е.В. Чистяковой. Так, в разделе «Об учителе» переиздана статья «М.Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры», написанная к 100-летию ученого. В раздел «Бунташный век» вошел прежде всего подготовленный для сборника своеобразный «дайджест» докторской диссертации и монографии Е.В. Чистяковой «Городские восстания в России в первой половине XVII века» (1975). Здесь события в России оценены как звено в цепи народных движений разной силы и значимости, охвативших Европу в завершающий период Тридцатилетней войны, вызвавших повсеместное экономическое напряжение, брожение в «низах» и одновременно определенную «солидарность» правящих верхов европейских стран. Опубликовав ряд работ о движении разинцев в Среднем Поволжье и книгу об Алене Арзамасской-Темниковской (1986), Е.В. Чистякова в сборнике вновь возвращается к этой теме, проанализировав, как соотносятся между собою русские и иноземные известия о событиях

1671 г., какой видели роль монахини – предводителя повстанцев – современники. Впервые изложено в книге в целостном виде и содержание защищенной в 1948 г. кандидатской диссертации Елены Викторовны, в центре которой была городская реформа А.Л. Ордина-Нащокина в Пскове 1665 г.

Этот же принцип – соединение опубликованных ранее работ с новыми наблюдениями и размышлениями – реализован в разделе «Историография», куда вошли лучшие работы Е.В. Чистяковой о русском историописании и публицистике конца XVII в. Это статья 1971 г. «Формирование новых принципов исторического повествования», написанная на основе сочинений П.А. Золотарева («Сказание о взятии Астрахани») и А.И. Лызлова («Скифская история»), дополненная некоторыми материалами о И.К. Шушерине-Рипатове («Известие о ...житии святейшего Никона...») и «Описание великих церкви Воскресенского монастыря Нового Иерусалима»), а также оставленная с 1974 г. без изменений статья «Синописис». Здесь же помещены ставшая классической работа о «Скифской истории» (1962) и опубликованная в 1978 г. статья об идее совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. Проведя в 1994–1995 гг. большую работу по подготовке к переизданию «Очерков по истории Смуты» С.Ф. Платонова, Е.В. Чистякова также передала в состав сборника свою статью-последствие к этой книге, внеся в нее небольшие исправления и дополнения.

В четвертом разделе «Россия и мир» собраны работы Е.В. Чистяковой по имагологии: теоретическая статья «Образ и тип: имагология», написанная для сборника; созданная на основе прочитанного в РУДН специального курса статья об историографии и источниках изучения контактов России с народами Азии, Африки и Латинской Америки. Две работы («Москва узнает об открытии Нового Света» и «Научная и просветительная деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) в Северной Америке на территориях Российско-Американской компании») уже публиковались соответственно в 1991 и 2000 гг. и являют собой образец «практической имагологии».

В последней части сборника собраны работы коллег и учеников Елены Викторовны. Это исторический и культурологический этюд А.П. Богданова «Первый Римский-Корсаков» о митрополите Сибирском и Тобольском, историке и публицисте конца XVII в. Игнатии Римском-Корсакове, первом русском литераторе, объявленном властями сумасшедшим; историографические заметки Т.С. Дорофеевой (Царевой) о Н.Н. Воронине и А.М. Дубровского о С.В. Бахрушине и его времени; статьи В.В. Керова о роли общины в хозяйственной системе старообрядчества в XVIII – первой половине XIX в., А.И. Комиссаренко и А.Е. Чекуновой о политических предпосылках секуляризационной реформы Екатерины II; В.Л. Керова о фантастическом рейде сослан-

ного на Камчатку участника Барской конфедерации М.-А. Беневого (Бениовского) от Петропавловска до Маскаренских островов, далее во Францию и вновь на Маскаренские острова. В статье Г.А. Санина соотнесены эволюция государственного строя России и состояние ее армии в XVI – первой половине XVII в. Закрывает раздел прекрасный этюд Н.М. Рогожина «Прогулка по древней Коломне» – напоминание юбилару о ее родине, южном Подмоскowie, о великих исторических событиях, совершавшихся здесь, о связи времен.

Сборник содержит библиографию работ Е.В. Чистяковой за 1948–2000 гг. и биобиблиографические материалы о ней (к сожалению, не вошедшие в себя данные о ее выступлениях на симпозиумах, конференциях, различных дискуссиях). Думается, эта книга станет заметным явлением в историографии тех проблем, которым посвятила свою жизнь и над которыми продолжает работать Елена Викторовна Чистякова.

**В.А. Муравьев, доктор исторических наук
(Российский государственный
гуманитарный университет)**

Н. К И Ц Е Н К О. МИЛОСТИВЫЙ СЯТОЙ: ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И РУССКИЙ НАРОД. Издательство Пенсильванского университета, 2000. 376 с.*

Книга Надежды Борисовны Киценко, профессора университета Олбани (штат Нью-Йорк, США) посвящена яркой фигуре российской истории второй половины XIX – начала XX в. – протонерею Иоанну Ильичу Сергиеву, известному как Иоанн Кронштадтский.

Будущий пастырь родился в 1829 г. в Архангельской губ. в многодетной семье сельского дьячка. Его родители происходили из духовного сословия, что во многом предопределило жизненную стезю и самого отрока: он окончил Архангельскую семинарию, а в 1855 г. – Петербургскую духовную академию. По окончании академии и хиротонии в сан иерея о. Иоанн начал свое пастырское служение в кронштадтском Андреевском соборе. И вплоть до своей кончины в 1908 г. он оставался священником этого прихода. Именно по месту служения в соответствии с церковной традицией его и стали именовать Иоанном Кронштадтским. Под таким именем он и был канонизирован: сначала в 1964 г. Русской православной церковью за границей, а в 1990 г. – Русской православной церковью Московского патриархата.

Иоанн Кронштадтский еще при жизни вызывал прямо противоположные отклики и мнения – от поклонения секты «иоаннитов» (его испуганных читателей) до уничижительных пасквильных обвинений, распространявшихся революционными и интеллигентскими кругами. Подобная предвзятость оценок перекочевала и в последующие исторические исследования, где фигурировал о. Иоанн. И в советской, и в зарубежной историографии личность пастыря преподносилась в одностороннем освещении как образец крайнего монархиста и черносотенца. Потребность в обстоятельном научном историко-биографическом исследовании, посвященном о. Иоанну, уже давно была очевидной.

Именно такой работой и стала рецензируемая монография. Н.Б. Киценко родилась в Америке. Ее родители оказались там в результате перипетий

Второй мировой войны, и отец стал священником Русской православной церкви за границей. Несомненно, семейная обстановка во многом предопределила обращение Киценко к истории Русской церкви. Она – автор исследований о церковных таинствах и гендерном аспекте их восприятия во второй половине XIX – начале XX в., о святой блаженной Ксении Петербургской, а также о конфессиональной составляющей презентаций самодержавной власти. Книга об Иоанне Кронштадтском стала результатом многолетних архивных поисков автора. Ею использованы хранящиеся в архивах Москвы и Петербурга источники личного происхождения и делопроизводственная документация государственных учреждений. Особый интерес представляют дневниковые записи о. Иоанна за 1856–1904 гг. В свое время В.О. Ключевский очень точно и образно выразил ту сложность, с которой неизменно сталкивается историк, пытающийся с научных позиций изучать канонизированных святых. По его словам, житие и биография отличаются друг от друга так же, как икона и портрет¹. Книга Киценко – это, безусловно, реалистический портрет, написанный не просто со знанием дела, но и с ясным представлением о том, что существуют еще икона и карикатура. Причем именно стремление понять мотивацию как «иконописцев», так и «карикатуристов» во многом и обусловило успех «портретиста».

Книга состоит из восьми глав. Первая посвящена начальному периоду пастырского служения о. Иоанна, а также анализу практически неизвестной прежде его частной и семейной жизни. Во второй главе рассматриваются осуществленные им литургические инновации: от отдельных привнесенных в практику богослужения обрядовых особенностей до буквально революционных и радикально менявших устоявшуюся церковную традицию частого причастия и массовой исповеди. Третья глава выявляет мировоззрение о. Иоанна, его социальные взгляды и отношение к интеллектуальным внецерковным ценно-

стям. В четвертой главе речь идет о восприятии образа пастыря современниками. Этот же сюжет развивается и в пятой главе, правда, под несколько иным углом зрения: автор исследует механизм формирования в общественном мнении представлений об о. Иоанне как о чудотворце. В шестой главе говорится о феномене «иоаннитов» и отношении к ним самого пастыря. В седьмой подводится итог идейной эволюции о. Иоанна, рассматриваются его оценки основных политических событий в России начала XX в., вскрываются истоки последующих негативных и тенденциозных характеристик пастыря, господствовавших на протяжении многих десятилетий. Наконец, в восьмой главе автор рассказывает об истории канонизации о. Иоанна.

Представляется целесообразным подробнее изложить здесь авторскую интерпретацию именно тех аспектов биографии кронштадтского пастыря, которые прежде более всего подвергались тенденциозному освещению, а именно эволюции его идейных представлений, взаимоотношений с властью и политических взглядов.

Удивительная цельность натуры, самодостаточность, исключавшая любые интересы, выходявшие за рамки, установленные православной верой, – вот те черты личности о. Иоанна, которые предопределили его социально-политическую позицию. Все, что не вписывалось в эти строгие рамки, неумолимо отвергалось им как «языческое». По словам автора, «оппозиция между христианским и языческим» стала фундаментом мировоззрения пастыря (с. 83). Отсюда вполне закономерным и естественным представляется абсолютное неприятие светской нецерковной культуры. Именно здесь и коренятся, по мнению Киценко, истоки крайне негативного отношения пастыря к людям образованным, не желавшим подчинять свою жизнь требованиям Церкви. Правда, и «нерелигиозная „народная“ или „низкая“ культура» также осуждалась им как греховная (с. 84). Однако вина интеллектуалов представлялась о. Иоанну неизмеримо более тяжкой, поскольку они «даже формально не желали признавать верховенство православия» (с. 86).

Столь жесткая и бескомпромиссная позиция, «подогреваемая» к тому же противоречиями пореформенной эпохи, разумеется, не могла ограничиваться лишь сферой пастырского служения. В книге детально описывается, как кронштадтский пастырь превращался в яркого и самобытного политического деятеля. В ходе этого процесса стойкое неприятие интеллигентской культуры стало принимать у о. Иоанна все более политический оттенок. В этом смысле представляется весьма показательной оценка им восстания декабристов как своеобразного поворотного момента: именно тогда, по его мнению, «образованная общественность и интеллигенция порвали с Церковью». Восстание явилось «первым шагом», сделанным этими людьми в направлении «от старого порядка», ассоциируемого с самодержавием

и Православием. Автор рассматривает данное утверждение пастыря как один из наиболее ранних примеров пока еще «непроизвольного», интуитивного «уравнивания православия и самодержавия». Силой этой позиция проявится уже позже, после убийства Александра II. Но уже в первые пореформенные годы идея о «пропасти», разделившей образованную общественность и Церковь, становится «постоянным лейтмотивом его сочинений» (с. 87).

1 марта 1881 г. стало знаковым событием в идейной эволюции о. Иоанна. Прежде, несмотря на все инвективы в адрес интеллигенции, он все-таки оставался в основе своей аполитичным, не склонным к какой-то особой, выходявшей за указанные Церковью рамки сакрализации верховной власти. Он до конца самореализовывался в священническом служении, которое в принципе находится вне политики. Весьма примечательной в этом смысле выглядит отмеченная Н.Б. Киценко деталь: о. Иоанн критически относился к славянофильской идее об особой роли России как православной державы. Именно в силу цельности своего христианского мировоззрения он отвергал саму идею об «избранности» какой бы то ни было страны (с. 234). Гибель Александра II, воспринятая именно как «мученическая смерть», изменила в его глазах сам «символический статус правителя». Если прежде царь являлся для пастыря «преимущественно абстракцией», то теперь начал постепенно становиться своеобразным воплощением «религиозных аспектов старого порядка и позитивных качеств традиции и стабильности», противопоставляемых революционным переменам (с. 237). Кульминацией столь значимой мировоззренческой эволюции явилось приглашение пастыря к смертному одру Александра III. Автор подробно останавливается на этом сюжете, подчеркивая его двоякую роль в жизни о. Иоанна. Во-первых, невероятно усилился и без того уже большой авторитет пастыря в глазах народа, воспринимавшего его как заступника за Россию перед Богом (с. 238). Во-вторых, «визит в Ливадию выкристаллизовал его отношение к монархии как к политическому идеалу» (с. 241).

Несмотря на приглашение к умирающему государю, подчеркивает автор, о. Иоанн не был близок ни ко двору, ни к самой царской семье. Ярким тому подтверждением служит приводимый Н.Б. Киценко любопытный разговор Александра III с графиней А.А. Толстой. Император попросил ее назвать наиболее выдающихся людей России. Графиня указала на Л. Толстого и о. Иоанна. Царь признался, что ожидал услышать фамилию писателя, а вот о пастыре он запмятовал. Тем не менее самодержец разделял мнение графини относительно кронштадтского священника (с. 238).

Проблема взаимоотношений о. Иоанна с престолом вообще заслуживает самого пристального внимания. Именно здесь коренятся истоки многих мифов, связанных с его именем. Действительно, в расхожих суждениях пастырь довольно часто пред-

ставляется чрезвычайно близкой к царскому дому персоной и даже чуть ли не тайным духовником последнего императора. Имеющиеся факты (например, письма от Николая II, Александры Федоровны и Марии Федоровны, а также участие о. Иоанна в обрядах венчания и коронации последнего самодержца и крещении его детей) дают основание для таких заключений. Однако книга Н.Б. Киценко позволяет взглянуть на эту проблему в несколько ином ракурсе. Автор обращает внимание на весьма странное обстоятельство, которое серьезно подрывает сложившийся стереотип о близости о. Иоанна к верховной власти. Пастыря, о чудодейственных молитвах которого знала вся Россия, ни разу не просили о представительстве за страдавшего от гемофилии наследника Алексея. Заступничеству «всероссийского батюшки» предпочитали целительство одиозного Распутина. Однако в работах целого ряда зарубежных исследователей утверждается обратное: что именно сам о. Иоанн нашел Распутина и ввел его в царскую семью. Киценко называет подобные версии безосновательными хотя бы уже потому, что пастырь не был настолько близок к Николаю II и Александре Федоровне, чтобы познакомить их с якобы «отысканным» им «старцем». Кроме того, дневник о. Иоанна не содержит сведений, позволяющих говорить о каких-то его особых отношениях с императорской четой (с. 114–115).

Отвергая версию о «протекции» о. Иоанна Распутину, автор вместе с тем задается вопросом о причине ее появления. По мнению Киценко, пастырь был «достаточно официальным и достаточно оригинальным, чтобы сыграть такую гипотетическую роль». Кроме того, его часто путают с царским духовником о. Иоанном Янышевым: из этого смешения двух разных священников также, возможно, проистекает убежденность в близости кронштадтского пастыря к престолу. А нежелание прибегнуть к его молитвенной помощи в болезни царевича Алексея вполне может быть объяснено как раз тем, что в 1894 г. в Ливадии молитвы о. Иоанна не помогли его деду (с. 116).

По мере усиления политической напряженности в стране все более непримиримым к своим идейным оппонентам становился и кронштадтский пастырь. Если прежде он еще допускал возможность примирения мирских ценностей с религиозными, то

с 1890-х гг. его отношение к мирской переросло в откровенно оппозиционное (с. 89). По-новому он стал воспринимать и свою пастырскую миссию, утверждая во мнении, что священник должен быть не только «исполнителем таинств или утешителем», но и «борцом, стремящимся к изменению мира вокруг себя». Подобная позиция роднила его гораздо больше «с такими радикальными социалистическими мыслителями, как Добролюбов и Чернышевский», нежели «с подавляющим большинством современных ему православных священнослужителей» (с. 90).

Однако непосредственного участия в политической деятельности о. Иоанн, в отличие от других священнослужителей, например о. Иоанна Восторгова, не принимал, хотя его имя активно эксплуатировалось консервативными политиками в собственных интересах. По свидетельству Киценко, Петербургское и Казанское отделения «Русского собрания», Харьковское отделение «Союза русских людей», Русский народный союз имени Михаила Архангела включили пастыря в число своих почетных членов. Его репутация воспринималась многими правыми политиками как надежное средство их собственной легитимации (с. 244).

Книга Н.Б. Киценко – очередной успех американской русистики. Вдвойне приятно, что ее автор – наша соотечественница. Хочется надеяться, что в скором времени исследование будет переведено на русский язык и станет доступным для широкой аудитории историков и просто интересующихся читателей.

Д.А. Андреев, кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова),
Ф.А. Ильяшенко
(Православный Свято-Тихоновский
богословский институт)

Примечания

* Kizenko N. A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. The Pennsylvania State University Press, 2000. 376 p.

¹ Цит. по: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 138.

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг. М., РОССПЭН. 2001. 416 с. Тип. 2 000

Второй том рецензируемого издания (отв. ред. академик Ю.А. Поляков, отв. ред. тома В.Б. Жиромская) рассматривает историю населения России в 1940–1959 гг., достойно продолжая интереснейшее в научном и общественном плане исследо-

вание, значение которого трудно переоценить. Книга написана на обширном и разнообразном архивном материале: статистике Генштаба, донесениях с фронтов, из армий, флотов, соединений, военных округов, отчетах военно-медицинских уч-

реждений, данных Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), Управления по проведению репатриации при СНК СССР, материалах Нюрнбергского процесса. Используются также документы ряда центральных государственных архивов и архивов Министерства обороны. Много дали исследователям и архивы ГУЛАГа. Опорным массивом данных являлись переписи населения 1939 и 1959 гг. с их опубликованными и неопубликованными итогами и перепиской органов статистики с правительством, материалы текущего учета населения, сведения санитарно-медицинской статистики, хранящиеся в архивах, и др. В книге использованы материалы периодической печати, учтены существующие в научной литературе точки зрения.

Серьезный анализ источников позволил авторам высказать взвешенные суждения по многим дискуссионным проблемам (людские потери в годы Великой Отечественной войны; численность и судьбы военнопленных и насильственно угнанных в Германию и союзные с ней страны граждан России; масштабы потерь гражданского населения на оккупированных гитлеровскими войсками территориях; проблемы эвакуации и реэвакуации; последствия ленинградской блокады; депортации населения; количество погибших в местах заключения и др.). При этом во многих случаях авторам пришлось иметь дело с совершенно неисследованными вопросами, на изучение которых длительное время существовал запрет (судьбы репатриантов, смертность среди заключенных и т.д.). В подсчеты количества населения присоединенных к СССР в 1939 г. территорий или численности населения страны после второй волны эмиграции на Запад и Восток по окончании Второй мировой войны в ходе работы над книгой пришлось внести существенные уточнения.

Необходимо было принимать во внимание и чрезвычайную интенсивность послевоенной миграции многих слоев населения, а также неоднократные за исследуемый период изменения территории СССР и России.

Том открывается главой, где рассматриваются население и территории СССР и РСФСР накануне Великой Отечественной войны (авторы – Л.С. Рогачевская и В.М. Кабузан). При этом Кабузану пришлось провести большую работу по определению количества и национального состава жителей вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. территорий, опираясь на предвоенные переписи населения Венгрии, Польши, Румынии и прибалтийских стран, а также учитывая миграцию с присоединенных земель на Запад (см. табл. 2, с. 10).

Демографические последствия Великой Отечественной войны освещаются в девяти главах. Один из авторов II главы Г.Ф. Кривошеев при исчислении потерь среди военнослужащих проана-

лизировал весь комплекс имеющихся источников, сопоставил их со списочной численностью Вооруженных сил СССР и балансом использования людских ресурсов, мобилизованных в годы войны, книгами военкоматов по учету извещений о погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих. Расчеты были сделаны по всем видам потерь (см. табл. 5, с. 27). В итоге безвозвратные потери Вооруженных сил СССР составили 9 168,4 тыс. человек. Они затронули все возрастные группы (от 18 лет до 51 года и старше), но наибольшими были для возрастов от 18 до 35 лет, причем около 2 млн погибших были людьми в возрасте 21–25 лет. Соавтор Кривошеева М.В. Филимошин определил число погибших военнослужащих – граждан России в 6 537,1 тыс. человек, или свыше 70% от общих потерь Вооруженных сил СССР (с. 39). В главе представлены также сведения о потерях вооруженных сил противника и союзных с ним государств.

Глава III (автор – В.М. Ковальчук) – о трагических последствиях блокады Ленинграда. В литературе встречаются самые разные данные о числе жертв ленинградской блокады. Ковальчук на основании самых разных источников убедительно, на мой взгляд, обосновывает цифру в 700 тыс. погибших. Но при этом он считает, что точку в изучении этого вопроса ставить преждевременно, поскольку неизвестно до сих пор, сколько жителей города погибло в ходе эвакуации.

В главе IV (авторы – А.А. Шевяков, С.Д. Морозов) анализируются потери мирного населения на оккупированных территориях. Шевяков установил по архивным документам места массовых захоронений жертв фашистских оккупантов в Смоленской, Ростовской, Орловской, Псковской, Московской обл., в Ставропольском, Краснодарском краях и других местах.

Автор главы V об эвакуации населения из угрожаемых районов СССР в 1941–1942 гг. Г.А. Куманев показал организацию эвакуации, ее направления, трудоустройство «беженцев войны», последствия эвакуации. Он оспаривает распространенные в отечественной и немецкой литературе данные о числе эвакуированных и на основании переписи эвакуантов (1 февраля 1942 г.), других источников приходит к выводу, что оно было равно примерно 17 млн человек.

Основательно исследованы в главе VI (автор – В.А. Исупов) рождаемость, смертность и брачность в тыловых районах России. Изучая смертность населения в тылу, Исупов выделяет два ее этапа. С июня 1941 по осень 1942 г. она резко увеличилась, в первую очередь от инфекционных болезней. Во втором же этапе (осень 1942 – весна 1945 г.) произошло столь же резкое ее снижение, особенно детской. Автор объясняет это явление не только успехами медицинского обслуживания, но и повышением у населения СССР так называемого «запаса прочности», мобилизации всех жиз-

ненных сил и ресурсов в связи с коренным переломом в войне (с. 87–98).

На обширнейшем статистическом материале написана глава VII (авторы – Н.А. Араловец и О.М. Вербицкая) о смертности населения и ее причинах в городах и сельской местности тыловых районов в годы войны, причем проанализирован и возраст умерших.

Целый коллектив работал над главой VIII «Людские потери в годы Великой Отечественной войны. Территория и население после войны» (авторы – В.Б. Жиромская, О.М. Вербицкая, В.А. Ионцев, В.Н. Земсков). Решая эту дискуссионную проблему, авторы применили уже известный и оправдавший себя метод демографического баланса (с. 130–192). Наиболее взвешенной оценкой количества погибших в войне они считают вывод государственной комиссии, состоявшей из ученых и специалистов Госкомстата, Министерства обороны, Академии наук и МГУ им. М.В. Ломоносова, согласно которому прямые потери СССР составили 27 млн человек. Однако при этом авторы главы подчеркивают, что необходимо учитывать и смертность в период, выходящий за хронологические рамки войны, что было связано с репатриацией военнопленных, угнанных в Германию и союзные с нею страны, проблемами беженцев и других категорий населения, оказавшихся в экстремальных условиях вплоть до начала 1950-х гг. Свой «вклад» в эти потери внесло и демографическое эхо войны (с. 132).

Раздел о переселенцах, ранее в литературе не изучавшихся, написан коллективно всеми авторами VIII главы. Речь идет здесь о заселении Калининградской обл., Южного Сахалина (Сахалинской обл.), степных районов Крымской обл., запустевших земель чеченцев, ингушей и других народов после их депортации, земель немцев Поволжья и др. Рассматривается массовый отъезд поляков из западных районов СССР и Польши; депортация украинцев в УССР из Западной Галиции, отошедшей к Польше; эмиграция части местного населения из Прибалтики в страны Западной Европы, а также встречная иммиграционная волна из Греции, Румынии, Сирии, Ливана и других стран.

В.Н. Земсков тщательно проанализировал отечественную и зарубежную статистику о советских военнопленных, перемещенных лицах и репатриантах. Всего за годы войны в немецком, финском и румынском плену, по его расчетам, оказались 6,3 млн военнопленных. Из них умерли и погибли 3,9 млн (в том числе более 3 млн солдат и офицеров). Управлению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации удалось вернуть на родину из оставшихся в живых более 1,5 млн военнопленных. Свыше 150 тыс. по тем или иным причинам не вернулись в СССР (с. 145). Автор подробно освещает судьбы репатриантов, процедуры их проверки и фильтрации (см. табл. 39, с. 154). По подсчетам Земскова, после всех мытарств, связанных с этими процедурами,

57,8% всех перемещенных лиц были направлены по месту жительства (из них 16,3% военнопленных), 19,8% призваны в армию, свыше 14,5% зачислены в рабочие батальоны НКВД, 6,6% переданы в распоряжение НКВД (спецконтингент), более 2% находились на сборно-пересыльных пунктах (с. 154). Земскову принадлежит также авторство IX и XV глав о депортациях населения, спецпоселенцах, ссыльных и заключенных. По его подсчетам, насильственному выселению с отправкой на спецпоселение или в ссылку были подвергнуты за этот период 3,5 млн человек, среди которых первое место принадлежало депортированным народам (с. 173). В главах рассматривается процесс постепенной ликвидации кулацкой ссылки, окончательно прекратившей свое существование в конце 1954 г.

В книге (глава X) уделено внимание особенностям урбанизации РСФСР в довоенный и послевоенный период (автор – С.Л. Сенявский) и изменению состава городского населения РСФСР в 1939–1959 гг. (глава XI, автор – И.П. Остапенко).

Глава XVI о грамотности и уровне образования населения России (автор – Л.С. Рогачевская) интересна тем, что эти проблемы рассматриваются здесь всесторонне: по стране в целом, по автономиям и регионам, различным социальным слоям, возрастным группам и полу, у разных народов, населявших Россию.

Несомненным достоинством издания является исследование демографических последствий войны. Эта проблема рассматривается в главах XII и XIII (авторы – Н.А. Араловец, О.М. Вербицкая), посвященных развитию семейно-брачных отношений в городе и на селе в военные и послевоенные годы. Показана дестабилизация брака, вызванная дефицитом мужчин, рост числа неполных семей, вдов, разводов, внебрачных связей и внебрачных детей, безотцовщина, полное сиротство. Анализируются и последствия Указа от 8 июля 1944 г., узаконившего лишь зарегистрированные в органах ЗАГСа браки, что поставило в сложное положение детей, рожденных в фактическом браке, особенно тех, чьи отцы погибли на фронте.

Демографическому эху войны посвящена XVII глава (авторы – Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская). Исследователи выявляют глубокую деформацию возрастного-половой структуры населения в связи с потерей большого количества людей наиболее трудоспособного и детородного возраста и показывают, что демографические «ямы», оставленные войной, осложнили процессы воспроизводства населения, сократив и ослабив компенсаторный период. Особый интерес представляет раздел о состоянии здоровья поколения, пережившего войну, и анализ причин смертности, названных в засекреченных ранее материалах санитарно-медицинской статистики.

В последней XVIII главе (автор – В.Б. Жиромская) подводится итог 20-летию в демографическом

развитии населения России. Тщательно анализируя материалы переписей 1930-х и 1959 гг., сопоставляя их показатели, автор прослеживает изменения, произошедшие в демографической характеристике населения, останавливается на изменениях в численности населения регионов России и, что особенно интересно, – в численности народов, ее населяющих, их территориальном размещении (последствия естественной и механической, в том числе насильственной, миграции).

Выход рецензируемой книги – значительное научное событие. Она окажет помощь не только исследователям, но и преподавателям вузов, техникумов, студентам и аспирантам, работникам

средств массовой информации в изучении и освещении самых сложных проблем отечественной истории. Остается только пожалеть, что это фундаментальное издание не снабжено географическими картами, хотя в нем постоянно прослеживаются изменения границ и административного деления РСФСР. Издание еще более выиграло бы, если бы в нем имелись иллюстрации.

**Г.М. Ипполитов, доктор исторических наук,
академик Академии военных наук
(Самарский юридический институт
Министерства юстиции РФ)**

РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА: СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с.; илл. Тир. 5 000

Рецензируемая книга подготовлена коллективом работников Генерального штаба в составе: генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев (руководитель), В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин, А.И. Круглов, Е.И. Родионов и М.В. Филимошин. Они провели тщательное исследование больших и малых войн XX в., в которых участвовали Вооруженные силы нашего Отечества, дали краткий анализ причин возникновения этих вооруженных конфликтов, их характера и хода боевых действий. Основательно проработали большой массив статистических данных о потерях русской императорской армии, частей и подразделений РККА и РККФ, Вооруженных сил СССР в сражениях первой половины XX в. Кроме того, используя материалы недоступных гражданским историкам ведомственных архивов, военные историки впервые привели цифры наших потерь в период «холодной войны» и локальных вооруженных конфликтов второй половины прошедшего столетия, когда с участием советских солдат и офицеров шла ожесточенная борьба в Китае, Корее, Вьетнаме, Афганистане и некоторых других странах.

В ходе этих боевых действий использовались части и подразделения Советской армии, КГБ и МВД СССР, а также многочисленные военные советники. Определенной новизной отличается и заключительная часть исследования, где анализируются потери Вооруженных сил России в борьбе с националистическими группировками в ходе этнических и межрегиональных конфликтов на территории бывшего СССР, а также в антитеррористических операциях 1990-х гг. на Северном Кавказе.

Авторы данной работы в известном смысле приняли эстафету фундаментальных статистических исследований от авторского коллектива книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных

сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М., 1993), Новые данные наглядно опровергают широко распространенные мнения о том, что «мы воевать не умели и всю Европу завалили трупами», что «на одного убитого фашистского солдата приходилось десять погибших красноармейцев» и т.д. Итоговые цифры о числе людских потерь наших Вооруженных сил в 5 войнах и 33 боевых операциях и военных конфликтах XX в., приведенные в таблице 229, опровергают эти и многие другие устоявшиеся стереотипы. Авторы впервые достоверно установили, что при защите Отечества погибли более 12 млн военнослужащих. Из них более 2 млн солдат и офицеров русской императорской армии отдали свои жизни в русско-японской и Первой мировой войнах. 1 млн красноармейцев погиб в Гражданской и около 9 млн – во Второй мировой войнах. Ни одно государство мира не понесло таких огромных потерь: в Германии они были в 2 раза, во Франции – в 6 раз, в Великобритании – в 12 раз, а в США – в 24 раза меньше, чем в России и СССР (с. 106, 508). Заметим, что в отечественной и зарубежной литературе имеются и другие, еще более впечатляющие цифры. Так, например, доктор филологических наук Б.В. Соколов считает, что только в годы Второй мировой войны погибли 43 448 тыс. граждан СССР, в том числе 26 548 тыс. военнослужащих и 16 900 тыс. гражданских лиц. В целом же, по его подсчетам, в прошедшем столетии в России и СССР было убито более 30 млн военнослужащих¹. Эти завышенные, на наш взгляд, данные основываются на экстраполяции не вполне достоверных демографических и статистических подсчетов, однако их, вероятно, все же следовало бы привести в рецензируемой книге, снабдив соответствующим научным комментарием.

Определенные поправки необходимо внести и в цифры потерь, приведенные в рецензируемом коллективном труде. Так, например, в нем не учитываются расстрелянные по приговорам военно-полевых судов в годы Первой мировой войны, убитые в результате революционных беспорядков, а также бывшие военнопленные, не вернувшиеся по разным причинам на родину. К сожалению, потери Красной армии за время Гражданской войны и иностранной интервенции даны не полностью. Не учтены данные по Красной гвардии, рабочей милиции, красным армиям Украины, Латвии, Литовско-Белорусской республике, Эстляндской трудовой коммуны, Азербайджана, Армении, Грузии и других советских республик. Нет сведений и о погибших среди интернационалистов, войск Наркома, ВЧК, НКВД, ВОХР, красных партизан и др. Поэтому общие безвозвратные потери советских вооруженных сил значительно превышают исчисленные исследователями 980 741 человек (с. 149).

Авторы уходят от прямого ответа на вопрос о количестве жертв несоветских воинских формирований. Они ограничиваются лишь констатацией некоторых сведений, содержащихся в исторической литературе. Их разброс весьма широк и зависит от территориальных и хронологических рамок. Известно, что в 1918–1922 г. на территории бывшей Российской империи существовало множество различных государственных образований, имеющих вооруженные силы, а также огромное число партизан, причем все они воевали друг с другом, а не только с частями Красной армии. Кроме того, в войсках интервентов имелось более 3 млн солдат, также активно участвовавших в боевых действиях². В итоге общее число погибших в боях в 1918–1922 гг. составило, по нашему мнению, около 3 млн человек.

Занижены в книге и данные по межвоенному периоду. Здесь отсутствуют, в частности, итоговые сведения о потерях Вооруженных сил СССР в результате массовых репрессий, хотя литература по этому вопросу весьма обширна и в ней приводятся данные о 40–100 тыс. погибших военнослужащих³, что значительно перекрывает все виды потерь РККА в борьбе с басмачами и японскими милитаристами. Хотелось бы установить какие-то реальные цифры на основе архивных данных Генштаба, тем более что в литературе приводятся самые противоречивые и различные оценки данного явления. Так, например, исследователь Г.И. Герасимов на основе анализа изменения образовательного уровня высшего командного состава РККА во второй половине 1930-х гг. пришел к парадоксальному и неоднозначному выводу, согласно которому репрессии значительно повысили этот важный качественный показатель и способствовали, таким образом, повышению боеспособности Красной армии, устранив из ее рядов старые и менее образованные кадры времен Гражданской войны⁴.

В рецензируемой книге отсутствуют итоговые данные о реальном движении численности Вооруженных сил СССР в 1941–1945 гг., а также о потерях воинских формирований из числа коллаборационистов. Поэтому подсчеты безвозвратных потерь в таблице 120 вызывают сомнения, как и общая цифра 8.7 млн погибших в 1941–1945 гг. красноармейцев. Так, по данным сотрудников ВНИИДАД М.В. Ларина и В.Д. Банасюкевича, на основе «Книг Памяти» был создан автоматизированный банк данных по безвозвратным потерям Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. В нем собраны сведения о 19.5 млн погибших советских солдат⁵. Они корреспондируются с данными таблицы 116 о 7.4 млн погибших мирных граждан СССР и данными таблицы 115 о 26.6 млн погибших на фронте и в тылу. К сожалению, и эти расчеты приведены без учета территориальных изменений СССР в годы войны. Косвенным и достаточно точным критерием боевых потерь является и половой дисбаланс населения страны. Симптоматично, что перевес женского населения над мужским на 1 января 1946 г. составил 23.8 млн человек⁶.

Данные о количестве призванных в Вооруженные силы в период Великой Отечественной войны, приведенные в таблице 132, также неполны, поскольку не включают сведений о численности воинских формирований силовых ведомств, а также о призванных повторно из числа «бронированных» и с освобожденных территорий. Не учтены бойцы партизанских отрядов, истребительных батальонов и дивизий народного ополчения. Известно, что только в составе действующей армии было 55 дивизий внутренних войск и милиции и 20 бригад войск НКВД⁷. На наш взгляд, неправомерно исключение из рядов Вооруженных сил солдат, направленных в войска НКВД, МПВО и ВОХР, общей численностью в 4 млн человек (с. 248). И уже совсем не ясно, почему из действующей армии «выпали» штрафники, которые и юридически, и фактически были в ее составе. Поэтому общее число демографических потерь (8.7 млн военнослужащих) должно относиться только к частям и подразделениям НКО, а не к Вооруженным силам СССР в целом. Столь узкий, ведомственный подход значительно снижает реальный масштаб потерь. С учетом этих обстоятельств вызывают сомнения и данные о 34.5 млн мобилизованных. К ним необходимо прибавить 2 млн военнослужащих из дивизий народного ополчения, 1 млн партизан и 636 тыс. бойцов истребительных батальонов. Это в сумме даст 38 млн человек. Численность солдат, доживших до конца войны, можно условно определить по количеству награжденных медалями за Победу над Германией и Японией – 16 731 тыс. человек⁸. Не получили этих наград 180 тыс. человек из числа бывших военнопленных, оставшихся за рубежом, а также 1 270 тыс. военно-

служащих, направленных в места заключения и в рабочие батальоны, и 212 тыс. не разысканных дезертиров. В сумме в живых осталось около 18,5 млн участников войны. Следовательно, более половины из 38 млн мобилизованных в Вооруженные силы погибли в боях за Родину. Эти расчетные показатели соответствуют вышеуказанным данным компьютерного учета «Книг Памяти».

Следует также отметить, что по периоду «холодной войны» отсутствуют данные о смерти военнослужащих от несчастных случаев, неуставных отношений, при проведении учений, при гибели линкора «Новороссийск», подводной лодки «Комсомолец» и т.д.

В целом можно сказать, что, несмотря на отмеченные недостатки книги, ее авторским коллективом проделана большая и полезная работа, которая вызовет дополнительный интерес к военной и гражданской истории XX в.

**А.И. Степанов, доктор исторических наук
(Российский заочный институт текстильной
и легкой промышленности),**

**А.И. Уткин, доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

Примечания

¹ Соколов Б.В. Тайны Второй мировой войны. М., 2000. С. 271, 307.

² Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 121.

³ См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 51; Раппопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. М., 1995. С. 289, 291, 407–417 и др.

⁴ Герасимов Г.И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 48–49.

⁵ Ларин М.В., Банасюкевич В.Д. Информационный потенциал автоматизированного банка данных о безвозвратных потерях в годы Великой Отечественной войны // Людские потери в Великой Отечественной войне. Сб. статей. СПб., 1995. С. 68.

⁶ Население Советского Союза: 1922–1991. С. 126.

⁷ Полиция и милиция России. М., 1995. С. 245.

⁸ Володин А., Мерлай А. Медали СССР. М., 1997. С. 98, 134.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

19 октября 2002 г. в Институте российской истории РАН состоялась шестая научная конференция «Экономические, политические и социокультурные аспекты нэпа». В ней приняли участие более 50 исследователей из Москвы и ряда российских регионов. Было заслушано 28 докладов, в том числе 5 на пленарном заседании, работало 3 секции. Большинство выступлений вызвало немалый интерес, многочисленные вопросы к докладчикам. И на пленарном заседании, и в секциях по ряду тем развернулась дискуссия. Конференция проводилась на базе центров ИРИ РАН: «Россия, СССР в истории XX века» и «Центра изучения новейшей истории России и политологии» и стала продолжением научных форумов по нэповской тематике, организатором и вдохновителем которых с 1971 г. был В.П. Дмитренко. Участники конференции почтили его память.

Несмотря на нынешнее ослабление внимания отечественных исследователей к эпохе нэпа, по числу докладчиков конференция превзошла предыдущую, состоявшуюся в 1998 г., продемонстрировав также некоторые новые важные тенденции в изучении этого времени. Одна из них, зафиксированная в самом названии конференции, – распространение исследовательского интереса с традиционных, политических и экономических проблем нэпа, на социокультурные и социально-демографические его аспекты.

Пленарное заседание, которое вели А.К. Соколов и А.С. Сенявский (ИРИ РАН), было посвящено теоретико-методологическим, источниковедческим и наиболее крупным социальным проблемам нэпа. Во вводном докладе «Нэп – содержание, возможности, реальные результаты» В.П. Данилов (ИРИ РАН) обозначил важнейшие дискуссионные аспекты изучения новой экономической политики. Докладчик подчеркнул, что в настоящее время весьма перспективны анализ возможностей и условий товарно-рыночной модернизации, и в этом контексте – использование теории кооперации (причем, не ленинской). Особенно важно обратиться к наименее изученному 1923 году, когда определялось станет нэп долговременной экономической системой или останется лишь средством восстановления экономики. В итоге, так и не проявив всего своего потенциала, он был сломан. Главной причиной этого стала, по мнению В.П. Данилова, сталинская политика, основанная на концентрации власти в руках одного человека. В этом смысле альтернативы слому нэпа не было, поскольку реальной силой обладал лишь Сталин. Соппротивление же этой политике началось слишком поздно – в 1928 г., закончившись в 1937. В итоге изъятие для нужд индустриализации не только товарных, но и страховых запасов хлеба и перерождение подлинной кооперации привели к регрессу сельского хозяйства. Один из «частных» вопросов – роль Троцкого. По мнению докладчика, его по традиции привыкли обвинять в ликвидации нэпа, тогда как он, напротив, был одним из инициаторов проведения такой политики.

Н.Л. Роголина (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила с докладом «Время публиковать источники – время их осмысливать (новая экономическая политика в свете современных документальных публикаций)». Благодаря появлению новых документальных сборников складывается новая оценка развития отечественной кооперации, колхозного движения, индустриализации в рамках нэпа, отметила она. По-иному, чем ранее, видится и настроение масс, в котором очевиден общий конфликтный фон. Люди были недовольны уровнем налогов, продовольственными трудностями, дороговизной, товарным дефицитом. Четче видны скромный фундамент, на котором произошло неполное и частичное восстановление экономики; стадии свертывания нэпа, место 1920-х гг. в модернизационных процессах и в строительстве государственного социализма, когда накапливались предпосылки для последовательного, а не импульсивного огосударствления всех сфер. Этому процессу способствовали уравнилительный эффект общинной революции, арханизация социальной структуры, натурализация и обеднение производственных отношений. Анализ «нормального» нэпа середины 1926 г. и «ущадающей» индустриализации 1927 г. в свете вновь открывшихся документов позволяет яснее представить отнюдь не радужные перспективы первой

пятилетки. С точки зрения дальнейших исследований, по мнению докладчика, по-прежнему актуальны два вопроса: 1) Об альтернативах «антинэпу», т.е. о возможности конструирования некого неонэпа (в рамках планируемой первой пятилетки); 2) О связи нэпа с последующей эпохой «великого перелома».

А.К. Соколов (ИРИ РАН) представил доклад «Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа». В нем говорилось, что годы «военного коммунизма» были отмечены усилением элементов принуждения, мобилизации труда, апелляцией к общественному энтузиазму. В докладе было обращено внимание на те изменения, которые происходили в трудовых отношениях в связи с переходом к нэпу и переводом крупной промышленности на коммерческую основу. По мнению автора, восстановление промышленности означало и восстановление свойственных дореволюционной России форм и способов труда, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями. При этом, с одной стороны, возвращение к рынку труда, внедрение хозрасчета, установление новых тарифных сеток и разрядов, стремление использовать новые научные методы труда стимулировали работу, а с другой – идеологические установки, политика профсоюзов, выдвигенчество, отсутствие стимулов для повышения квалификации сдерживали рост производительности труда. В докладе рассматривались также причины недовольства рабочих: простои, задержки в зарплате, сложности взаимоотношений в трудовых коллективах, безработица и т.д. В целом, подчеркнул А.К. Соколов, трудовые отношения в годы нэпа представляли собой сгусток противоречий, как унаследованных из прошлого, так и порожденных спецификой проводимой властью экономической и социальной политики. Большинство рабочих не было удовлетворено сложившимся положением, и многие из них связывали свои надежды со строительством социализма. Это позволяло объяснить поддержку, оказанную мероприятиям, проводившимся в стране под флагом «социалистического наступления».

И.Б. Орлов (Высшая школа экономики) в докладе «Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию» сосредоточил внимание на тенденциях к современной историографии нэпа. В частности, он отметил такую тенденцию, как перемещение центра изучения нэповской проблематики в провинцию. Этому способствовали изменение политической конъюнктуры («неоконсервативные веяния»), эффект «запаздывания», при котором явления, доминирующие «в центре», приходят на окраины через несколько лет, обращение к социальной истории (а основные источники по этой проблематике сконцентрированы именно в провинции). Не обошел докладчик и фактор материального стимулирования: зарубежные гранты теперь дают преимущественно провинциальным историкам. Сказывается в изучении нэпа и влияние постмодернизма: ученых все больше интересует не политика, не партийные дискуссии, а «история в подробностях».

В.Б. Жиромская (ИРИ РАН) в докладе «Основные проблемы демографической политики в 1920-е гг.» отметила, что в этот период была предпринята попытка разработать научные основы демографии, придать ей комплексный характер, составить прогноз демографического развития страны. При этом был учтен самый передовой зарубежный опыт и лучшие отечественные традиции, привлечены крупные научные силы. Главным направлением политики в этой сфере стала охрана детства и материнства. Полное юридическое равноправие женщин, льготы и пособия беременным, матерям, создание системы детских учреждений, активная борьба с детской смертностью (массовая вакцинация, противотуберкулезная профилактика и лечение и т.д.) – все это способствовало послевоенной демографической компенсации. Однако 1920-е гг. были и периодом экспериментов: предпринимались попытки полного огосударствления воспитания детей, признавались фактические браки и т.д. Другой специфической чертой демографической политики было ее осуществление только за счет государства, у которого не хватало средств, а потому многое оставалось на бумаге. Кроме того, она изначально имела ограниченный характер: в соответствии с классовым принципом, она была ориентирована на рабочих и распространялась почти исключительно на города. При этом ее реализация часто принимала характер формальных массовых кампаний. В конце 1920-х гг. демографическая политика приобрела откровенно прагматический характер и осуществлялась административными методами.

В прениях на пленарном заседании высказывались суждения как по конкретным, так и по более широким, методологическим проблемам. Ю.Н. Жуков (ИРИ РАН) отметил, что динамика нэпа, его судьба на разных этапах во многом зависели не только от идеологических установок вождей, но и от ситуативных факторов внутреннего и внешнего порядка (революционного движения за рубежом, голода внутри страны, мирового экономического кризиса и т.д.). Е.Г. Гимпельсон (ИРИ РАН) обратил внимание на ненаучные факторы, влияющие на анализ этой темы, в частности, на то, что некоторые исследователи, давно занимающиеся нэповской проблематикой, успели не единожды сменить свои позиции соответственно «текущему моменту».

А.К. Соколов, оценивая потенциал нэпа и альтернативы его слову, провел аналогию с современными реформами в КНР, в которых были, по его мнению, использованы некоторые нэповские идеи. А.С. Сенявский заметил, что историки только приближаются к системному взгляду на нэп, подразумевающему анализ этого явления в комплексе со всеми сферами общественной жизни, с позиций внутреннего и международного развития. При этом ключ к адекватной оценке – в признании объективно стоявшей перед страной задачи модернизации в контексте грядущей мировой войны и «исторического цейтнота». По сути, вопрос стоял не об идеологической окраске власти и даже общественной системы в целом, а о самом существовании страны и населяющих ее народов.

В ходе работы секции «Экономические аспекты нэпа» (руководители – Н.Л. Роголина, С.В. Журавлев, ИРИ РАН) были заслушаны 7 выступлений. Ю.А. Петров (ИРИ РАН) в сообщении «Налоги на предпринимательскую деятельность в до- и послереволюционной России» поставил проблему преемственности налоговой политики. Основной вывод автора заключался в том, что многие идеи в налоговой области, апробированные на российской почве в начале XX в., были использованы в ходе нэповских мероприятий начального периода. Однако в дореволюционный период налоговые источники не были существенным фактором индустриализации в противоположность бюджетному перераспределению национального дохода в 1920-е гг. В этом, по мнению докладчика, отличие идей С.Ю. Витте от советской модели индустриализации. В выступлении Ю.П. Бокарева (ИРИ РАН) «Чаянов и коллективизация» была охарактеризована «чаяновская альтернатива» сталинской коллективизации. Основное внимание докладчик уделил значению семейного трудового хозяйства в 1920-е гг. и в наши дни, полагая, что изучение чаяновских идей актуально с точки зрения не только эпохи коллективизации и ее уроков, но и современных дискуссий о перспективах развития отечественного сельского хозяйства.

М.Ю. Мухин (ИРИ РАН) в докладе «Авиапромышленность СССР в годы нэпа: “гадкий утенок” “оборонки”» рассмотрел основные проблемы функционирования советской авиапромышленности как важной части ВПК. Он пришел к выводу, что ее значение в 1920-е гг. недооценивалось руководством страны, представляя в этом плане разительный контраст с периодом 1930-х гг. Крайне ограниченный спрос на самолеты не позволял осуществить комплексную модернизацию отрасли без активного участия и государства в ее финансировании. Попытка решить эту проблему созданием немецкой концессии «Юнкерс» на заводе в Филях не увенчалась успехом. В целом для авиапрома годы нэпа стали периодом «собираания сил», накопления технических знаний, освоения передовых технологий. Выступление Л.В. Борисовой (ИРИ РАН) было посвящено теме «Социально-трудовые конфликты: причины и механизм разрешения». Докладчик подробно, на конкретных примерах проанализировал причины (голод, низкие заработки рабочих, зависимость от администрации и др.) и последствия трудовых конфликтов на госпредприятиях страны, раскрыл механизмы их разрешения, в том числе методы прямого и косвенного принуждения.

В центре внимания С.В. Журавлева (ИРИ РАН) оказалась деятельность германской фирмы «Сименс» на советском рынке в 1920-е гг. Имея здесь прочные позиции до революции, фирма была заинтересована в возвращении утраченного влияния, для чего нэп создавал хорошие возможности. «Сименс» претендовал на получение электротехнической монополии на советском рынке, а затем выступал с многочисленными концессионными предложениями, но ни одно из них так и не было принято. Вместе с тем известное высоким качеством оборудование «Сименса», а также консультационные услуги (с середины 1920-х гг. в Москве были открыты консультационные бюро) широко использовались в ходе осуществления плана ГОЭЛРО и индустриализации, включая строительство Каширской ГЭС, проектирование Днепростроя и московского метро.

А.С. Сенин (Российский государственный гуманитарный университет) затронул такой интересный и малоизученный сюжет, как разработанные и проведенные в 1922–1923 гг. под непосредственным руководством Ф.Э. Дзержинского реформы управления железнодорожным транспортом. По мнению автора, они оказались едва ли не самыми успешными и результативными в 1920-е гг., особенно с учетом того обстоятельства, что Гражданская война привела сами дороги и подвижной состав в критическое состояние. Реформы учитывали реалии времени, были выдержаны в рыночном ключе, направлены на самокупаемость перевозок, расширение прав местных железнодорожных структур, создание условий для конкуренции, но не разрушали единства управления сложной сетью железнодорожного сообщения. По мнению автора, документы позволяют раскрыть новый аспект деятельности «железного Феликса». Многие из того, что было предложено и апробировано в начале 1920-х гг., актуально в современных условиях реформирования российских железных дорог. Однако исторический опыт, к сожалению, в должной мере не учитывается.

В.С. П у ш к а р е в (Российский государственный архив экономики) в докладе «Психологические особенности формирования оптового рынка России начала 1920-х гг.» говорил о многоукладности советской экономики. Он обратил внимание на то, каким важным фактором в условиях нэпа был складывающийся теневой, «черный» рынок, который не только составлял реальную конкуренцию официальному, но и оказывал существенное психологическое воздействие. На основе рассекреченных документов РГЭА автор раскрыл «негласные правила» при заключении биржевых сделок, осветил роль червонца, показал существование механизма увода капиталов от налогообложения, постоянное изменение государством «правил игры» и др. По его мнению, элементы нэповского «черного» рынка после слома нэпа не исчезли, а лишь трансформировались. Они паразитировали на дефиците и сохранялись на протяжении всего времени существования советского строя.

Подводя итоги работы секции, ее руководители отметили, что наибольший интерес вызвали выступления, основанные на новых архивных документах. В докладах прослеживалась общая мысль о перспективности сравнения нэповских преобразований с дореволюционной теорией и практикой, а также об актуальности изучения опыта нэпа для нынешних реформ в России. Выступления участников показали, что дальнейшего исследования требуют такие проблемы, как многоукладность и ее конкретные проявления на нэповской почве, функционирование отраслей советской промышленности, фирм и концессий в 1920-е гг.

В секции «Политическая жизнь в годы нэпа» (руководители – А.С. Сенявский, Г.Б. Куликова) было заслушано 10 докладов. Суть выступления Е.Г. Г и м п е л ь с о н а состояла в тезисе, что «бухаринская альтернатива» 1928 г. была иллюзорной. Выдвигавшиеся Бухариным идеи, вопреки его утверждениям, могли привести не к социализму, а к капитализму. Это понял Сталин и, не без оснований, обвинил Бухарина в создании и распространении «теории» врастания социализма в капитализм. Безосновательны были и высказывавшиеся в 1980-е гг. мнения о возможности, опираясь на «бухаринскую альтернативу», без слома нэпа идти к социализму. Вывод докладчика: в условиях господства в стране коммунистической партии с ее идеологическими устремлениями реальной альтернативы слову нэпа не было. Она могла быть в обществе только до тех пор, пока в нем не было полной монополии партийно-государственной власти, подчиняющей своей идеологии политическую и экономическую сферы. А.В. Г у с е в (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Осуществил ли Сталин программу Троцкого? (К вопросу о ликвидации нэпа)». Он отметил преобладание в современной отечественной историографии концепции, согласно которой ликвидация нэпа сталинским партийно-государственным руководством на рубеже 1920–1930-х гг. означала фактическую реализацию экономической программы разбитой к тому времени левокоммунистической, или троцкистской оппозиции. С точки зрения докладчика, подобное представление страдает упрощенным подходом к проблеме. Действительно, на первом этапе сталинского «левого курса» (1928 – первая половина 1929 г.) социально-экономическая политика руководства ВКП(б) в целом соответствовала предложениям оппозиционеров и в основном поддерживалась ими, хотя и критиковалась за «бюрократические методы». Но уже с середины 1929 г. троцкисты выступили против демонтажа основ нэпа, резко осудив линию на «сплошную коллективизацию», ликвидацию кулачества, свертывание рыночных отношений и неоправданно высокие темпы промышленного роста. Докладчик подчеркнул, что защита нэпа Троцким и оппозиционерами в данном случае не носила конъюнктурного характера, а вытекала из стратегического видения ими перспектив развития страны. Троцкисты, в отличие от сталинцев, отвергали возможность реализации «полного социализма» на неразвитой материально-технической базе изолированного от остального мира СССР, а потому относились к попыткам Сталина произвольно ликвидировать классы, проводить тотальное огосударствление, отменить рынок и т.д. как к утопически-деструктивным действиям, насилию над законами исторического и экономического развития. Вместе с тем в тактическом плане социально-экономическая программа левой оппозиции 1926–1927 гг. действительно включала элементы, объективно имевшие антинэповскую направленность. Объяснение этого противоречия – в стремлении оппозиционеров найти способы укрепления позиций большевистской диктатуры, которую подтачивали процессы, вызванные к жизни нэпом. Таким образом, именно тактика была первоначально заимствована Сталиным из троцкистской программы, но стратегия, которая легла в основу ликвидации нэпа, в корне противоречила идейным принципам Троцкого и его единомышленников.

В выступлении О.С. Б е р е з к и н о й (МГУ им. М.В. Ломоносова) рассматривались основные факторы функционирования политической системы в 1920-е гг. В докладе отмечалось, что специфика этого времени определялась задачей поиска стабильного механизма принятия и реализации политических решений, адекватного задачам сохранения режима и реализации ставившихся им целей. «Переходный период» определил работу политической системы на десятиле-

тия вперед. Решающее значение имели при этом такие факторы, как четкое отмежевание политической элиты от партии в целом; формирование партийного аппарата как самостоятельного механизма принятия и реализации решений и образование жесткой структуры партийной исполнительной власти (секретарской иерархии); переход в конце 1920-х гг. к политике подключения непартийных масс к контролируемому участию в политической жизни; корпоративно-бюрократическое разделение политической элиты. К концу 1920-х гг. политический процесс стабилизировался, политическая система стала функционировать более эффективно. Автором отмечена необходимость пересмотра традиционной типологии политических режимов, в рамках которой коммунистический режим рассматривается как тоталитарный. В качестве более адекватного предложено рассмотреть понятие «тоталитарной демократии».

В докладе Е.П. Малышевой (РГГУ) «Попытки совершенствования госаппарата и законодотворчество в середине 1920-х гг.» была рассмотрена трансформация законодательного механизма в контексте политических процессов периода нэпа. Докладчиком были выделены два аспекта этой проблемы: с одной стороны, поступательное развитие законодательства, а с другой – приспособление его к политической системе, содействие установлению диктатуры партии. Рубежом в этом процессе, по мнению докладчика, являлись 1925–1926 гг., время работы специальной комиссии Политбюро по вопросам совершенствования законодотворчества. Несмотря на предложенный членами комиссии рациональный вариант сокращения количества дел, поступавших в СНК СССР, который предполагал значительное расширение прав наркоматов, восторжествовало другое мнение. Предварительная разработка законопроектов была еще более централизована в СНК СССР, что обеспечило полную подконтрольность партии механизма легитимации принятых ею концепций развития государства.

А.Ю. Бахтурина (РГГУ) выступила с докладом на тему «Национальная политика России в Средней Азии: советская историография 1920-х гг. и историческая память общества», отметив, что в изучении национальной политики России в Средней Азии отразилось становление марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Сопоставление мнения очевидцев с содержанием исторических работ о событиях в Средней Азии начала XX в. показывает, что историки активно следовали партийным установкам в оценках национальной политики России, данным на X и XII съездах РКП(б), а историческая память общества находилась в ряде случаев в полном противоречии с официальной версией происходившего. Параллельно создавались исследования, выводы которых были максимально приближены к объективной оценке событий. Противоречия в оценках национальной политики, возникшие в советской историографии 1920-х гг., не были выражением оппозиции к официальной концептуальной линии. Различия в понимании исторических событий были во многом обусловлены различным уровнем профессионализма. Одновременно в 1920-х гг. были опубликованы «универсальные» работы, где выводы существенно расходились с приводимыми фактами. А.Ю. Бахтурина считает, что такая распылчатая позиция сформировалась под влиянием неустоявшихся концептуальных положений историографии периода нэпа и оказалась наиболее безопасной, дающей относительную свободу маневра при необходимости быстро приспосабливаться к менявшемуся партийному курсу.

В докладе А.А. Иголкина (ИРИ РАН) «Национальные отношения в районах нефтедобычи в 1920-е гг.» говорилось о том, что в 1920-е гг. около 95% нефтедобычи страны давали всего два района – Бакинский и Грозненский, которые не были азербайджанским и чеченским по составу кадров. В Баку в начале и середине 1920-х гг. доля азербайджанцев составляла примерно 30%, а среди работников «Азнефти» – 10%. В Грозном доля чеченцев в первой половине 1920-х гг. не превышала 2%, в «Грознефти» же их почти не было. На XII съезде партии была сформулирована национальная политика, ориентированная на выравнивание уровней экономического развития окраин и центра, «коренизацию» кадров на местах. В соответствии с этой политикой в Баку и Грозном стали всемерно поддерживать национальные кадры. При этом намного более успешно шло вовлечение в нефтяную промышленность азербайджанцев в Баку, чем чеченцев в Грозном, который вплоть до 1929 г. даже не входил в Чеченскую автономную область. К концу 1920-х гг. доля рабочих-азербайджанцев в «Азнефти» приблизилась к 38%. В «Грознефти» доля чеченцев выросла до 4%, но и их удержать на производстве было очень трудно. Материалы по нефтяной промышленности показывают, как реализовывались установки XII съезда в области национальной политики, в частности, сформулированный тогда Н.И. Бухариным тезис о необходимости «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» через «искусственную постановку» русского населения в «положение более низкое по сравнению с другими».

Г.Б. Кулькова (ИРИ РАН) выступила с докладом «Россия периода нэпа глазами западной интеллигентной элиты (свидетельства очевидцев)». Среди новых источников, ставших в последние годы доступными исследователям, своеобразное и важное место занимают свидетельства

либерально настроенных иностранцев, побывавших в нашей стране в годы нэпа. Еще в 1920 г. Бертран Рассел обратил внимание на необходимость изменения продовольственной политики государства. Б. Рассел, Теодор Драйзер, Ромен Роллан и особенно немецкий литератор и философ Вальтер Бенямин не могли согласиться с методами большевиков – их узким сектантством, непримиримостью к оппозиции и культом насилия. В. Бенямин отметил временный характер нэпа, особенности торговли, напоминавшей не рыночные отношения, а скорее обычный базар, быструю «деприватизацию» политической сферы и отмирание частной жизни, «интеллектуальную продрозверстку», которая особенно сильно ударила по интеллигенции. Нэп, по мнению западных авторов, явился противоречивым и мобилизационным временем, периодом экспериментов, сменившимся переходом к тоталитаризму.

И.Н. Ильина (ИРИ РАН) представила доклад «Общественные организации на завершающем этапе нэпа», отметив, что в период нэпа в России сформировалась обширная и «многослойная» система общественных организаций. На завершающем этапе нэпа эта система была сильно урезана, общества и союзы лишились части своих собственно общественных функций и перешли к выполнению ряда несвойственных им задач государственных институтов. В итоге многообразие общественных объединений было сведено к ограниченному числу, главным образом, массовых организаций. В докладе Т.Ю. Кочepasовой (ИРИ РАН) «Социально-политические интересы жителей городской провинции в 1920-е гг.» политические интересы жителей городов Поволжья были рассмотрены как средство ориентации в общественно-политической действительности периода нэпа. Докладчик на основе материалов органов ОГПУ и губернских комитетов партии Самары, Саратова, Ульяновска, Пензы выявил объективные и субъективные мотивы политического поведения и психологические факторы, воздействовавшие на способы выражения политических представлений. Л.А. Тимофеева (ИРИ РАН) выступила на тему «Райком в системе городского управления в 1920-е гг.» Она отметила, что с окончанием Гражданской войны перед районными комитетами партии стояла задача по повышению авторитета РКП(б) среди рабочих, но для проведения этой работы в их распоряжении не было ни материальных, ни людских средств. Рабочих (как беспартийных, так и партийных) мало интересовали политические вопросы, их волновали прежде всего житейские проблемы. Докладчик проанализировала механизмы решения этих проблем райкомами и пришла к выводу о снижении их роли в партийно-государственной системе к концу 1920-х гг.

В секции «Социокультурные и социально-демографические аспекты нэпа» (руководители – А.К. Соколов, В.Б. Жиромская) было заслушано 6 докладов. О.М. Вербикая (ИРИ РАН) в докладе «Крестьянская семья в годы нэпа» остановилась, главным образом, на роли земельного законодательства и экономической политики в 1920-х гг. в изменении состава и численности крестьянской семьи. Была, в частности, рассмотрена взаимосвязь семейных разделов и обеспеченности крестьян земель. Эта проблема вызвала дискуссию, в ходе которой обсуждались причины дробления крестьянских наделов и распада патриархальных семей. Интересным моментом в сообщении Т.В. Смирновой (ИРИ РАН) «Демунципализация и особенности жилищной политики в годы нэпа» было рассмотрение распространившейся тогда практики восстановления жилого фонда за счет бывших домовладельцев. Показав непоследовательность политики властей, автор отметил нарушение ими прав граждан, пожелавших демунципализировать свою бывшую собственность, в частности, лишение бывших домовладельцев прав на отремонтированную за их счет собственность. В докладе Н.А. Араловца (ИРИ РАН) «Городская семья в России, 1920-е гг.: социально-демографический аспект» были выявлены новые и традиционные черты брачно-семейных отношений этого периода. Автор раскрыл социально-экономические, политические, национальные, религиозные факторы, воздействовавшие на демографические параметры семьи, показал демографические, социальные и нравственно-психологические последствия правовых изменений положения женщины в обществе и семье, отметив, что несмотря на некоторую трансформацию городская семья в 1920-е гг. сохраняла традиционный характер.

В.Е. Щетнев (Кубанский государственный университет) в сообщении «Роль беспартийной интеллигенции в условиях нэпа» обосновал свое мнение о том, что эта интеллигенция вынесла на своих плечах все тяготы восстановительного периода. Несмотря на пережитые разочарования, она осталась на Родине и своими знаниями и опытом активно помогала Советской власти ликвидировать тяжелые последствия военного времени. И.А. Гатауллина (Казанская государственная архитектурно-строительная академия) раскрыла психологию различных социальных слоев и демографических групп населения Поволжья и их адаптацию к условиям нэпа. Она пришла к выводу о «массовой маргинализации» как особом состоянии тогдашнего общества. Н.Н. Коршунова (Московский авиационный институт) остановилась на проблеме охраны здоровья населения России в 1920-е гг., сделав попытку проследить преемственность политики

по охране здоровья населения в период нэпа с дореволюционными российскими традициями в этой области.

В целом наряду с расширением связанной с нэпом тематики конференция выявила и другие тенденции: приток в эту область свежих научных сил, отказ от многих стереотипов советской историографии и в то же время появление новых идеологических установок и мифов. Вместе с тем не может не радовать тот факт, что для многих исследователей становится нормой стремление к внеидеологическому, объективному подходу к изучению нэпа.

**А.С. Сениявский, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

ЛЬВОВСКИЕ ДНИ В АЛЕКСИНЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

31 октября – 2 ноября 2001 г. в г. Алексине Тульской обл. состоялась региональная научно-практическая конференция «Местное самоуправление: традиции и современность (“Львовские дни в Алексине”))». Алексин не случайно стал местом ее проведения. Среди множества известных ученых, общественных и политических деятелей, родившихся на алексинской земле, несомненно, особо выделяется знаменитый земский деятель, министр-председатель Временного правительства России в 1917 г. кн. Георгий Евгеньевич Львов, со 140-летием со дня рождения которого и была связана конференция.

Когда-то не было человека в России, который бы не знал о Г.Е. Львове. Но после 1917 г. его имя преднамеренно замалчивалось и было забыто еще и потому, что социалистическая революция оттеснила в людском сознании революцию демократическую. Возрождению памяти о нем способствовал энтузиазм местных краеведов, патриотов своего родного края, удачно связавших историю с современностью. Первые шаги в этом направлении были сделаны сотрудником Алексинского краеведческого музея, учителем истории К.Ю. Гостюхиным, а также преподавателями Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (ТГПУ) и прежде всего – доцентом кафедры Отечественной истории Л.П. Фроловой. Они обратили внимание общественности на то, что расцвет деятельности губернского земства в конце XIX – начале XX в. приходился на то время, когда Тульскую земскую управу возглавлял Г.Е. Львов. «Переключке эпох» в организованной в Алексине научной конференции всячески способствовали местные власти и общественные организации – администрация и дума г. Алексина и Алексинского района, губернская администрация и дума Тульской обл., Российский союз исторических городов и регионов, а также находящийся во Франции Земгор, первым председателем которого был именно кн. Львов.

Повестка дня конференции содержала два блока научных проблем. Доклады, связанные с биографией Г.Е. Львова и историей его рода, а также с историей принадлежавшей Львовым усадьбы Поповка, базировались на неизвестном или малоизвестном фактическом материале. И.М. Пушкорева (Институт российской истории РАН) рассказала о борьбе Г.Е. Львова как председателя земской управы, а затем – главы Земгора за становление и развитие земских общественных организаций. Кн. Львов был умеренным либералом, сторонником эволюционного, органического развития гражданского общества при сильном главе государства – монархе. Политик нового поколения, он выступал за создание при царе совещательного органа, в котором выборные не зависели бы от бюрократии. Лишь накануне Февральской революции 1917 г. он окончательно порвал с царской бюрократией. Приняв пост главы Временного правительства, Львов имел твердое намерение реализовать те демократические идеи, за которые он боролся всю свою жизнь.

Л.П. Фролова (ТГПУ) подробно осветила тот период в жизни Г.Е. Львова (1892–1906), когда он возглавлял земское движение в Тульской губ. Являясь активно работающим земским гласным, большое внимание в своей работе он уделял народному образованию. В годы неурожая в губернии Львов представил четкую программу помощи голодающим, подчеркнув государственную значимость продовольственной проблемы. По его инициативе земская общественность

Тулъской губ. во время русско-японской войны в мае 1904 г. первой собрала и снарядила на фронт два «врачебно-питательных» отряда. Заслуженный князем огромный авторитет способствовал его избранию в I Государственную Думу.

На тульском окружении Г.Е. Львова остановился в своем выступлении научный сотрудник музея В.В. Вересаева В.И. Ботъ. Круг друзей и знакомых Львова был весьма разнообразен, отметил он. В их числе были Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, М.Р. Шидловский (впоследствии – товарищ министра внутренних дел), архиерей Русской православной церкви о. Никандр (в миру Н.И. Покровский), представители тульского дворянства – Арсеньевы, Тулубевы, Хрущевы, в том числе герой обороны Севастополя А.П. Хрущев. Проблему взаимоотношения земских общественных организаций и государственной власти затронул в своем докладе научный сотрудник Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Д.П. Шергин. Он осветил некоторые подробности общественно-политической деятельности Львова на посту председателя Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, который, объединившись с Союзом городов, составил Земгор. Съезды этих организаций превратились в политическую трибуну либеральной оппозиции. Царское же правительство, проигнорировав инициированный ими патриотический подъем, увидело в них только угрозу самодержавной власти и пошло по пути запрещения общественной деятельности Земгора, тем самым лишь усилив оппозиционные настроения в его среде. О том, как сам председатель союза понимал сложившуюся обстановку, красноречиво свидетельствует его письмо председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, которое, как и многие другие исторические источники, опубликовано в материалах конференции.

В докладе И.Ф. Плотинова был реконструирован малоизвестный период в жизни Львова после его отставки в июле 1917 г. и до отъезда из России в США. В основу доклада легли неизвестные ранее материалы из Центра документации общественных организаций Свердловской обл. о его пребывании в тюрьме в Тюмени, а затем в Екатеринбурге. К.Ю. Гостюхин ввел в научный оборот документы о происхождении и истории дворянской усадьбы Поповка, первое упоминание которой в писцовых книгах приходится на начало XVII в. Усадьба пережила расцвет в первой половине XIX в., когда вокруг дома в классическом стиле и величественного храма Смоленской Божией Матери Одигитрии, возведенного по проекту архитектора И.Д. Жилярди в начале XVIII в. (единственное, не считая школы, сохранившееся в Поповке строение), был разбит прекрасный ландшафтный парк с каскадом из трех террасных прудов. В 1917 г. усадьба была национализирована, барский дом отдан в распоряжение культурно-просветительского общества им. К. Маркса, имущество растащено, а вскоре «от небрежного обращения с печными отоплением» сгорел и дом.

О неизвестных широкой научной общественности документах и материалах о роде Львовых, хранящихся в Тульском государственном архиве, сообщил Н.К. Фомин (Государственный архив Тульской обл.) Среди них – дело о внесении рода Львовых в дворянскую родословную книгу и послужной список отца Г.Е. Львова Евгения Владимировича. Отсутствие в роду наследственных имений говорит о сравнительно небольшом для княжеского рода состоянии семьи. Кн. Е.В. Львов дослужился до титулярного советника, а в 1850-е гг. был избран в уездные предводители дворянства. Составленная им записка об освобождении крестьян обратила на себя внимание правительственных кругов, и ему была дана возможность на практике осуществить реформу в своем имении.

И.Ю. Соснер обратился в своем докладе к генеалогии кн. Львовых, попытавшись также уточнить некоторые детали в биографии Г.Е. Львова, в частности дату его рождения (по мнению докладчика, ею нужно считать не 21 октября, как указывает в воспоминаниях его секретарь Т.И. Полнер, а 18 ноября 1861 г.). И.Ю. Соснер также принял точку зрения И.В. Гессена и Н.В. Вырубова, усомнившись в принадлежности кн. Львова к масонству, но, к сожалению, достоверные источники отсутствуют и на этот счет. Приведя ряд цифр об имущественном состоянии рода Львовых, докладчик пришел к выводу, что Г.Е. Львов не был «крупным помещиком». Но ведь к их числу традиционно относились те, кто имел более 500 дес. земли, а в одной только Поповке Г.Е. Львову принадлежало более 612 дес., в имении Бобышино – более 1171 дес., не считая лесных угодий. Да и так ли важно, каким помещиком был Львов? Ведь и граф Л.Н. Толстой был крупным помещиком...

Доклад нынешнего председателя Земгора Ю.А. Трубина в своем выступлении был интересен информацией о прошлом и настоящем этой организации. Зарубежный Земгор, известный также как Комитет помощи русским беженцам за границей, был создан в 1921 г. оказавшимися в Париже земскими и городскими деятелями во главе с кн. Г.Е. Львовым. Тогда русские беженцы нуждались буквально во всем: хлебе насущном, жилье, работе, медицинском обслуживании. И Земгор ока-

зывает им помощь: по всей Европе были созданы сотни школ, от Балкан до Франции представители Земгора помогали беженцам найти работу... В настоящее время в доме для престарелых Земгора живут примерно 60 русских, большинство которых родилось до 1917 г. в России. При часовне на русском кладбище установлены недавно отлитые в России колокола.

Второй блок докладов был связан с современностью, становлением местного самоуправления в новых исторических условиях. Эту часть конференции предваряли два доклада, в которых говорилось об исторических традициях самоуправления. Профессор ТПГУ И.Ю. Ю р к и н привлек внимание собравшихся к формированию структур самоуправления в недоминантных сословных группах русского города XVIII в., проанализировав, кто именно занимал выборные должности по казенным и мирским службам и какова была техническая сторона выборной процедуры. Доцент ТПГУ С.П. К а л и т а рассказала о городской средневековой коммуне как типе самоуправления. В цеховых организациях в городах Западной Европы были заложены основы коммунального самоуправления, подчеркнула она.

Проблемы становления местного самоуправления на пороге нового тысячелетия рассматривались в 6 докладах. Сравнивая нынешнюю ситуацию в этой сфере с дореволюционным земским опытом, директор Института регионального законодательства профессор В.С. К о р о б е й н и к о в очень высоко оценил Положение о губернских и уездных учреждениях 1864 г. и Городовое положение 1870 г. Активные сторонники земского и городского самоуправления, в том числе Г.Е. Львов, мыслили масштабно и прагматично, самостоятельность земств гарантировалась собственной финансовой базой и относительной независимостью от государственной администрации. Председатель Тульской областной думы В.А. С а л х о в рассказал о деятельности областного законодательного органа власти по созданию нормативной правовой базы для местного самоуправления. О тех же проблемах говорилось в выступлении заместителя руководителя аппарата администрации Тульской обл. Г.И. Л о х б а у м, которая остановилась на одной из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления – территориальном общественном управлении (ТОС). В это понятие вкладывается в настоящее время «самоорганизация граждан по месту их жительства... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения».

Другие докладчики – представители различных районов области – рассказали о своем видении проблемы самоуправления на местном уровне, акцентируя внимание слушателей на проблеме сохранения и развития культурного наследия. Все, кто коснулся этой проблемы, признавали, что ее решение зависит от финансирования на местном и федеральном уровнях. Только при наличии прочной финансовой базы забота о существующем культурном достоянии окажется по плечу и местным органам самоуправления, где всегда найдутся инициативные люди, способные, подобно земским деятелям в дореволюционной России, решать стоящие перед обществом задачи.

Доклады завершились открытием экспозиции «Местное самоуправление: традиции и современность». По случаю 140-летия со дня рождения Г.Е. Львова в Поповке был также открыт мемориальный знак в честь этого события, проведена презентация переизданной книги Т.И. Полнера «Жизненный путь князя Г.Е. Львова» (М., 2001), прошел конкурс работ школьников по краеведению и историографии. В целом конференция в Алексине показала возможности использования исторического опыта при решении современных проблем. Конечно, между земством в России и нынешними органами местного самоуправления лежит целая эпоха. Однако использовать лучшее из прошлого опыта можно и необходимо.

**И.М. Пушкарева, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

ЗАСЕДАНИЕ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Проблема контактов России с другими странами была актуальна на всех этапах развития русской историографии. Работа по этой тематике в Институте российской истории РАН началась в 1992 г., когда по инициативе Центра по изучению отечественной культуры была создана группа по исследованию международных культурных связей России, объединившая историков, культурологов, литературоведов, представителей других специальностей из многих московских и региональных научных центров. В 1994 г. проведен первый «круглый стол» «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы восприятия иной культуры», который вызвал большой интерес ученых, и по предложению его участников было решено проводить подобный «круглый стол» ежегодно. В дальнейшем был расширен круг обсуждаемых тем и их хронологические рамки¹. На основе материалов «круглых столов» вышло три сборника: «Россия и Европа в XIX–XX вв. проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996), «Россия и внешний мир: диалог культур» (М., 1997), «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (М., 2000), а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в.» (М., 1998), получившие высокую оценку научной общественности².

7 февраля 2002 г. состоялось 9-е заседание «круглого стола». Его открыл заведующий Центром по изучению отечественной культуры ИРИ РАН А.В. Голубев, который кратко подвел итоги работы «круглого стола» за предыдущие годы. Выступления начались с доклада С.А. Мезина (Саратовский госуниверситет), который проанализировал взгляды французского историка А. Ропера на историю русской культуры, изложенные в книге «Нищета и слава». Ропер предпринял попытку целостного анализа культуры России за тысячу лет и использовал при этом концепцию двухуровневого развития культуры («высокой» и «низовой»). Русская культура выступает в книге как культура-сателлит, зависевшая сначала от Византии, а с XVIII в. – от Европы. Этим, по мнению Ропера, объясняется кризис идентичности, свойственный русской интеллигенции.

Следующие два доклада были посвящены изучению иностранцами русского языка в дореволюционное время. Л.Н. Пушкарёв (ИРИ РАН) осветил начальный этап этого процесса (вторая половина XVI–XVII в.), отметив большую заинтересованность иностранцев в изучении русского языка и трудности, которые им приходилось при этом преодолевать. С.К. Милославская (Институт мировой литературы РАН) в докладе «История русской торговли в зеркале учебников русского языка как иностранного в XVI–XVII вв.» подробно рассмотрела тему взаимосвязи между формированием областных рынков русской торговли и появлением рукописных учебников русского языка для иностранцев. Особенно детально она проанализировала русско-английский словарь филолога Ричарда Джеймса (1618–1619). Автор словаря сопоставил реалии русской и европейской жизни, что позволило ему органично вписать Русь в европейский мир, сделать ее более близкой и понятной.

В докладах С.М. Шаминина «Правительство царя Федора Алексеевича и европейская печать» и А.П. Богданова (оба – ИРИ РАН) «Европейская печать в руках канцлера В.В. Голицына» были проанализированы методы работы русского правительства с европейской прессой в последней четверти XVII в. и показано, что оно не только внимательно следило по европейским газетам за имиджем России на Западе, но и само прилагало усилия к его формированию. Особенно отчетливо это проявилось после начала активной политической деятельности В.В. Голицына. «Заказные» публикации в иностранных газетах использовались им как дополнительное средство давления при ведении дипломатических переговоров. Оперативно опровергалась ложная информация о политике русского государства, распространяемая из Польши и других стран. Публикации в газетах использовались и при решении некоторых проблем русской внешней торговли. Ряд хвалебных статей о реформах последних лет правления Федора Алексеевича был, вероятно, предназначен для «внутреннего потребления». Положительные, иногда даже восторженные отзывы о проводимых русским правительством реформах должны были помочь их дальнейшему осуществлению.

Большой интерес вызвало сообщение И.А. Дмитриевой (докторант ИРИ РАН) «Немецкая слобода глазами москвичей конца XVII в.» Автор, опираясь на доклады членов обще-

ства «Старая Москва», показала, что в указанный период слобода имела вполне «русский» вид. Среди других московских кварталов она выделялась такими не слишком значительными деталями, как черепичные крыши, цветники перед домами и т.п. Жилища иностранцев вряд ли могли кого-нибудь поразить. Стереотипное же представление, что москвичам того времени это место представлялось удивительным и сказочным, сложилось под влиянием романа А. Толстого «Петр I». Рядовые москвичи испытывали к иностранцам скорее отрицательные эмоции, при этом у простонародья и высших слоев общества отношение к иностранцам было очень разным.

В центре внимания О.Г. Агеевой (ИРИ РАН) в докладе «Западные образцы и реформа штата русского императорского двора в 20-е гг. XVIII в.» оказалась разработка петровской Табели о рангах 1722 г. и создание придворного штата при Екатерине I. Сравнение штатов датского, шведского и прусского дворов и Табели о рангах показало, что ориентации на какой-либо один иностранный вариант при ее составлении не было, вводился скорее набор общих для многих дворов чинов, некий «европейский стандарт». Анализ же проектов царствования Екатерины I, когда была прямо поставлена задача скопировать двор Священной Римской империи, позволил докладчику сделать вывод, что эта задача выполнена не была, так как она предполагала отказ от введенного Петром I принципа выслуги и кардинальное изменение места двора в государстве.

О.Е. Фролова (Институт русского языка РАН) в сообщении «Петербург на пересечении Европы и Азии на материалах “Петербургских повестей” Н.В. Гоголя» проанализировала социокультурные портреты представителей различных наций, подчеркнув, что в создании национальных портретов Гоголь разделял бытовой и культурный уровни восприятия. Так, образ англичанина соединяет у него романтическую составляющую и бытовой образ пьяницы, француз ассоциируется с роскошью и романтизмом. Культурное (романтизм) и бытовое (педантизм) восприятие немцев противопоставляются друг другу, Италия представлена только на культурном уровне, а Азия (Восток) показана как обобщенный образ, лишенный конкретной национальности и несущий в себе зло. Выступление А.И. Куприянова (ИРИ РАН) «“Немецкая” мода и идентичность в русском городе в конце XVIII – первой половине XIX в.» было посвящено проникновению европейской моды в среду русского провинциального города. Основное внимание автор уделит тому, как распространялось и адаптировалось «немецкое платье» в России, а также моде как средству обретения новой идентичности. Докладчик отметил, что первоначально «немецкий» облик был принадлежностью аристократии, и лишь в XIX в. такая одежда стала проникать в нижние слои общества. Здесь она могла использоваться одновременно с русской и приобрела иное, чем в высшем обществе, семантическое значение.

О.В. Павленко (Российский государственный гуманитарный университет) в докладе «Россия и русские в венских журналах первой половины XIX в.» предприняла попытку систематизировать сведения о жизни в России в австрийской прессе на примере 35 венских журналов культурно-развлекательного плана. Выявив наличие многочисленных материалов о России (около 130 отдельных тем), она пришла к выводу о неподдельном интересе к ней читателей, о сложившемся в австрийских журналах в целом положительном образе России как части Европы, а также об интенсивном диалоге культур двух стран на протяжении первой половины XIX в. Н.Н. Смоллин (Челябинский госуниверситет) в сообщении «Образ врага в сознании участников Крымской войны» проанализировал представления русского общества об уровне развития французов и англичан. Как показал автор, несмотря на в основном негативное отношение к противнику участников боевых действий, в сознании представителей правящих кругов России его образ был скорее положительным, что объяснялось материальным и организационным превосходством европейских держав. В выступлении С.Ю. Тороповой (Ярославский госуниверситет) «Британский парламентаризм глазами русских либералов» были рассмотрены особенности восприятия британской парламентской монархии (конституционализма, политических свобод, соотношения законодательной и исполнительной власти, расширения избирательных прав и др.) в произведениях Б.Н. Чичерина, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, М.Я. Острогорского. Оценивая возможности использования британского опыта, русские либералы учитывали специфику своей страны и вели речь о применимости лишь отдельных элементов британской демократии.

Л.В. Жукова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Понятие “желтая опасность” в общественной мысли и периодической печати России XIX – начала XX в.» выделила 6 этапов структурирования понятия «желтый Восток», которым были свойственны меняющиеся географический ареал и эмоциональная окраска восприятия, а также зависимость от колебаний внешнеполитического курса. В своем докладе «Национальная идея в представлениях россий-

ской военной элиты начала XX в.» Е.Ю. Сергеев (Институт всеобщей истории РАН) охарактеризовал 3 геополитических «сценария» русской идеи, сформировавшихся в сознании офицеров Генштаба. Согласно первому (который чаще всего отвергался как нереальный), Россия является авангардом «белой» цивилизации, выступающим против опасности из Азии; второй вариант, которому симпатизировал Николай II, предполагал обращение страны к образу православной Византии и подразумевал высадку десанта на Дарданеллах, помощь славянам и т.п. Сторонники Третьего варианта выступали за создание панславянской империи под скипетром Романовых. К 1914 г. в идеологии, формируемой царем и высшим политическим руководством, возник своеобразный синтез последних двух вариантов, хотя окончательного выбора сделано не было.

В выступлении «Уортон Баркер – “адвокат” России, или как сформировать общественное мнение США» В.И. Журавлева (РГГУ) на основе обнаруженной в библиотеке Конгресса в Вашингтоне переписки У. Баркера с Николаем II, В.Н. Ламздорфом, С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным и другими государственными деятелями осветила деятельность этого филаделфийского банкира и общественно-политического деятеля, предлагавшего российскому правительству свои услуги по организации в США пропагандистской кампании с целью предотвращения сближения с Японией и нейтрализации антирусских настроений. Планы Баркера, частично реализованные в области публицистики, позволили автору охарактеризовать представления той части американского общества, которая отстаивала необходимость сближения двух стран. Автор доклада «Европейская культура салонного танца в Советской России 1920–1930-х гг.» Е.В. Жбанкова (МГУ им. М.В. Ломоносова) дала краткую характеристику состояния салонной жизни перед 1917 г., показала официальную кардинальную смену нравственных и установочных ориентиров в этой области после 1917 г. в контексте формирования новой пролетарской культуры и пришла к выводу, что советский бальный танец продолжал находиться под влиянием американской и европейской моды. В выступлении А.Ю. Сарана (Орловский госуниверситет) на тему «Международные филателистические связи в 1920-х гг.» была проанализирована советская почтовая политика и особенности филателистического движения, начиная с отмены в 1921 г. бесплатной пересылки карточек и восстановления прерванной Первой мировой войной международной переписки. Докладчик рассмотрел циркуляры, касавшиеся новых правил регистрации филателистов, введение контроля над международными филателистическими отправлениями, практику их конфискации, введение марочной монополии.

Анализ массового сознания крестьянства 1930-х гг. с точки зрения ожиданий войны представила в своем докладе «“Каждый колхозный двор сделать неприступной крепостью...”: крестьянство и нарастание военной угрозы в 1930-е гг.» М.М. Кудяков (РГГУ). Она показала, что почерпнутые из газет сведения о международной обстановке видоизменялись в сознании крестьян и порождали самые невероятные слухи о военной опасности. В рассматриваемый период (в отличие от 1920-х гг.) жители деревни все меньше ждали «прихода освободителей» от колхозного строя и, судя по имеющимся документам, проявляли большую готовность защищать Советскую Россию в случае войны (что объяснялось как ужесточением политического режима, так и сменой поколений). «Государственный и политический контроль за иностранцами-визитерами в 1930-е гг.» стал темой доклада Г.Б. Куликова (ИРИ РАН). Автор рассказала о подлинном паломничестве в эти годы в Советский Союз иностранцев, о наблюдениях, сделанных здесь Р. Ролланом, А. Жидом, Л. Фейхтвангером и другими, о сложившейся к этому времени системе всеобъемлющего и жесткого контроля за их поездками, осуществлявшегося Политбюро и Секретариатом ЦК РКП(б), лично И.В. Сталиным, общественными организациями типа «огосударственного» ВОКСа и разветвленной сети секретного наблюдения НКВД. Выступление А.В. Голубева (ИРИ РАН) «Лев глазами “Крокодила”: образ Британии в советской политической карикатуре межвоенного периода» было посвящено особенностям политической карикатуры как исторического источника, ее роли в формировании внешнеполитических стереотипов в советском обществе межвоенного периода. В центре внимания докладчика – образ Британии в карикатурах, опубликованных в 1922–1939 гг. в журнале «Крокодил», и основные «маски», использовавшиеся для изображения этого государства, в частности, различные варианты «британского льва» и «Джона Буля», особенно часто встречавшиеся в карикатурах конца 1930-х гг. «Образ врага в художественной литературе о Великой Отечественной войне (по произведениям К. Симонова и В. Кондратьева)» стал темой доклада Е.С. Сенявской (ИРИ РАН), показавшей, что литературные произведения писателей-фронтовиков являются весьма полезным и информативным источником для изучения восприятия противника в экстремальных условиях войны. В произведениях К. Симонова и В. Кондра-

твея – лучших образцах советской военной прозы – докладчик выявил применение герменевтического подхода к изображению прошлого, использование подлинного «языка эпохи».

В докладе «Диссидентская Москва и инакомыслящий Ленинград 1960–1970-х гг. в прозе и мемуарах эмигрантов» Л.У. Звонарева (Институт педагогики социальных проблем) на основе анализа прозы писателя-эмигранта Ю. Дружникова и мемуаров художника М. Шемякина, показала два пути борьбы с Советской властью. Первый, характерный для московской диссидентской интеллигенции, заключался в разрушении советских идеологических мифов, а второй, свойственный инакомыслящим ленинградцам, – в создании иной, несоветской эстетической реальности, в частности, на основе традиций «Мира искусства» (группа художников «Санкт-Петербург»). Как полагает Л.У. Звонарева, объединяющим началом столь различных топов стал вытесненный коммунистами из официальной культуры в область домашнего бытования образ Православной России. Сообщение Т.А. Тарабановой (МГУ им. М.В. Ломоносова) было посвящено рассмотрению сложившихся на Западе стереотипных представлений о российской деловой культуре, которые отразились в кросскультурных исследованиях 1980–1990-х гг. В качестве определяющих факторов формирования русской деловой культуры западные исследователи выделяют необъятные просторы, суровость климата, тиски «тотальной» власти и крайнюю жесткость общества. Основные черты делового поведения россиян, по их мнению, включают чрезмерный коллективизм, мелкое жульничество, крайнюю подозрительность и неуважение к закону, так что дальнейшее развитие деловой культуры возможно лишь через усвоение западных ценностей.

В сообщении И.Ю. Дробязго (средняя школа № 96) на примере ситуации на Балканах в 1940–1950-х гг. было проанализировано, как освещаются международные кризисы в учебниках истории. И.Г. Яковенко (Институт социологии РАН) в своем выступлении «Россия в треугольнике “Россия–ислам–Запад”: проблемы отношений и самоидентичности» рассмотрел особенности массового сознания, склонного сводить все многообразие позиций и отношений между народами, государствами, цивилизациями к оппозициям типа «Восток–Запад», «Север–Юг» и т.д. Автор показал, что с момента возникновения Московского государства Россия осознала себя в соотношении и с западно-христианским, и исламским миром, что являлось необходимым моментом конструирования национальной идентичности.

Закрывая заседание, А.В. Голубев отметил рост интереса к обсуждаемой тематике, что нашло отражение в увеличении количества работ, затрагивающих проблему взаимовосприятия культур. Материалы «круглого стола», 10-е заседание которого намечено на 2003 г., предполагается опубликовать в очередном выпуске сборника «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия».

**О.Г. Агеева, кандидат исторических наук,
С.М. Шамина, аспирант
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ Отчеты о предыдущих заседаниях «круглого стола» см.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 6.

² Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

25 ноября 2002 г. в Институте переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук (ИППК) МГУ им. М.В. Ломоносова прошел «круглый стол» читателей журнала «Отечественная история». В нем приняли участие слушатели, преподаватели и сотрудники кафедры истории ИППК и ряда московских вузов.

Открыл «круглый стол» главный редактор журнала д.и.н. С.В. Тютюкин, рассказавший о задачах журнала, принципах отбора наиболее актуальных, проблемных, интересных для читателей публикаций, а также о трудностях в работе редакции, связанных с коммерциализацией науки. Доклад С.В. Тютюкина вызвал большой интерес у слушателей, что нашло отражение в последующих выступлениях читателей журнала.

Профессор кафедры истории ИППК, д.и.н. О.И. Митяева высоко оценила уровень статей, опубликованных в журнале за последние годы, отметила, что журнал «Отечественная история» своей многогранной деятельностью способствует развитию современной фундаментальной исторической науки в России, привлекая к сотрудничеству как крупных ученых, так и молодых исследователей. В публикациях журнала отстаивается и раскрывается понятие «российская цивилизация», ее значимость для нашей страны и для мирового сообщества. Материалы журнала полезны и интересны и университетской профессуре, и учителям сельской школы. Так, статью Н.В. Четверткова (Пенза) «Несколько штрихов к портрету А.Ф. Керенского» (2001. № 6) просто нельзя обойти при изучении и вузовского, и школьного курса отечественной истории, хотя автору следовало бы более четко сказать и о причинах политического фиаско этого деятеля. Во многих случаях материалы журнала восполняют пробелы учебников и пособий по отечественной истории, правильно ориентируют читателей в непростой обстановке современной России. Сообщение Я. Канцевича (Польша) о «политическом завещании» Г.В. Плеханова (2002. № 6) рассчитано на хорошо информированных по этому вопросу читателей. Очень полезной была бы специальная статья о последних документах Г.В. Плеханова, например об «Открытом письме к петроградским рабочим» от 28 октября 1917 г. Как этот великий сын России оценивал обстановку в стране после взятия власти большевиками? Какие факторы казались ему особенно тревожными? Обо всем этом современный читатель знает, к сожалению, очень мало.

Журнал чужд всякой конъюнктурности, освещает реальный исторический процесс, и это большое его достоинство. Хочется сказать о публикации двух статей под грифом «Пушкин – наше все», написанных А.Н. Бохановым и М.А. Рахматуллиным. Сам факт появления таких статей положителен, причем особенно следует отметить блестящую статью Рахматуллина. Великая русская литература – важный фактор в развитии России. Недаром Н.А. Бердяев подчеркивал ее пророческую роль. Жаль только, что в этих публикациях исчезло постоянное возмущение Пушкина «самовластьем», его мечты о падении крепостного права, которое он называл рабством.

Отражению на страницах журнала «Отечественная история» проблем начального периода Великой Отечественной войны было посвящено выступление доцента Московского государственного университета прикладной биотехнологии к.и.н. Н.Ю. Кулешовой. Она подчеркнула, что журнал является самым читаемым среди преподавателей и исследователей. Вряд ли найдется хоть один ученый, занимающийся проблемами истории нашей страны, который бы не следил за последними достижениями научной мысли по материалам «Отечественной истории». Журнал действительно представляет лицо отечественной науки и одновременно отражает специфику развития зарубежной историографии по российской тематике. Существовая в непростых условиях так называемой рыночной экономики, он остается верен двум самым важным принципам – историзму и объективности. Именно поэтому он является трибуной для выражения самых различных точек зрения. Приятно отметить, что журнал одним из первых откликнулся на острейшую дискуссию последнего времени по истории предвоенного периода, во многом объясняющую причины поражений Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. Статьи Й. Хоффмана, М.И. Мельтюхова, В.А. Невежина, А.А. Печенкина, П.Н. Бобылева, ставшие определенными вехами в разрешении вопроса о том, готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера, были своевременным откликом ученых на идеологически заданные версии В. Суворова. Демократичный и объективный подход редакции к публикуемым материалам позволил докладчику поделиться на страницах журнала своими наработками по данной теме, а также помог в отборе фактических данных при составлении спецкурса для студентов. Твор-

ческий поиск, характерный для коллектива журнала, привел к очень интересному тематическому номеру, посвященному «истории и литературе» (2002. № 1). Неожиданный подход – стремление через художественную литературу взглянуть на исторические проблемы – обернулось и неожиданными, порой ошеломляющими результатами, которые не могли не заметить даже самые закоренелые скептики. Хочется пожелать редакции и в дальнейшем сохранять верность своим принципам, продвигаясь вперед в освоении еще не разработанных тем, новых источников.

Слушатель кафедры истории Т.А. Ельчанинова обратилась к проблемам патриотического воспитания молодежи и призвала к дискуссии на страницах журнала о целесообразности и методиках преподавания церковных дисциплин. Опытный педагог, она рассказала о трудностях в преподавании истории в средних учебных заведениях и о том, как материалы журнала «Отечественная история» помогают их преодолевать. Обилие учебников по истории не говорит еще об их высоком качестве, и поэтому добросовестным учителям-патриотам приходится все чаще обращаться к журнальным статьям для восполнения пробелов рекомендованных учебно-методических материалов.

Профессор МАТИ-РГТУ им. К.Э. Циолковского д.и.н. В.А. Змеев в своем выступлении подчеркнул патристическую направленность и академический центризм главного российского исторического журнала. Оратор отметил, что редакция «Отечественной истории» уделяет должное внимание публикациям по истории народного образования в России. За период с 1992 по 2002 г. в журнале была напечатана 31 статья по данной проблематике. Среди авторов, опубликовавших материалы по истории российского образования, следует выделить А.Е. Иванова, Л.С. Леонову, О.И. Митяеву, Е.А. Вишленкову и М.Д. Карпачева. В связи с приближением 250-летнего юбилея МГУ целесообразно было бы открыть специальную рубрику, посвященную этой замечательной дате. Нельзя оставить без внимания и 70-летие деятельности исторических факультетов университетов, которое будет отмечаться в мае 2004 г.

К болезненным вопросам состояния исторической науки на постсоветском пространстве привлек внимание доцент Джезказганского университета (Республика Казахстан) к.и.н. Т.К. Алланиязов. Он отметил, что редакции журнала «Отечественная история» в условиях последнего десятилетия, характеризующегося широким плюрализмом мнений и подходов, удалось выдержать центристскую линию и не впасть в крайности. Публикации в журнале позволяют судить о высоком уровне российской исторической науки и служат своего рода ориентирами для историков из государств СНГ, где растет понимание необходимости восстановления тесных научных связей с Российской Федерацией. Такое сотрудничество следует налаживать через творческие контакты отдельных ученых, совместные научные мероприятия, публикации в исторических журналах. В этом благородном деле журнал может способствовать укреплению связей между учеными наших стран. В качестве пожелания Алланиязов предложил рассмотреть возможность создания и распространения среди заинтересованных лиц электронной версии журнала, а также публикации на его страницах историографических обзоров о состоянии исторической науки в странах СНГ, подключая к этому как академические институты, так и преподавателей вузов. Жаль, что в отличие от «Вопросов истории», журнал «Отечественная история» не поступает в розничную продажу. Пока же журнал доходит до Казахстана, цена на его подписку оказывается непомерно высокой.

Доцент Магнитогорского педагогического университета к.и.н. В.А. Токарев в поделился с аудиторией своим видением роли журнала «Отечественная история» в развитии современной исторической науки. Он поддержал общее мнение участников «круглого стола» о том, что сегодня журнал является лидером среди других исторических изданий РФ. Его отличают фундаментальность, академический центризм, твердая патристическая направленность, открытость для авторов различной идеологической ориентации. Вместе с тем среди авторов журнала нет экстремистов и людей, далеких от науки. Библиографический отдел журнала позволяет его постоянным читателям, особенно в регионах, следить за новинками исторической литературы. Токарев поддержал идею об актуальности создания электронной версии журнала и размещения ее в Интернете.

Преподаватель Снежинского государственного физико-технического института А.В. Поляков привлек внимание к новым темам, поднимаемым журналом «Отечественная история», вобравшими в себя, наряду с макросоциальными процессами, сюжеты, служившие прежде лишь иллюстрацией к изучению крупных социальных единиц (народов, классов, государств), т.е. проблемы «маленького человека», историю повседневности. Вместе с тем, заявил он, следовало бы преодолеть характерную для современной исторической науки тенденцию к отказу от традиционной в советское время проблематики (история рабочего движения, экономическая история и т.д.). Одной из серьезных проблем является низкий уровень знаний отечественной истории у

школьников. Свой вклад в решение этой задачи мог бы внести и журнал, публикуя больше рецензий на школьные учебники. Это помогло бы учительским коллективам в выборе учебников, по которым учатся современные школьники.

Большой интерес у участников «круглого стола» вызвало содержательное выступление профессора кафедры истории ИППК МГУ д.и.н. А.И. Уткина. Он отметил высокий теоретический уровень публикаций журнала, что способствует разработке и обсуждению идеологических основ развития современного российского общества. Сейчас очень важно знать, какие учебники и пособия по гуманитарным дисциплинам предлагаются нашей молодежи. Весьма актуальной задачей является создание информационного банка новейшей учебной литературы по отечественной истории с учетом ее строгой научной экспертизы на страницах различных периодических изданий. Это позволит привлечь внимание научно-педагогической общественности к учебникам по отечественной истории, созданные на высоком уровне. Мы должны помнить об огромной воспитательной роли исторической литературы, особенно учебников, в деле формирования молодого поколения России.

В своем заключительном слове С.В. Тютюкин выразил благодарность всем участникам «круглого стола», ответил на их вопросы и пригласил ученых вузов России и ближнего зарубежья к сотрудничеству в интересах дальнейшего развития отечественной исторической науки.

**З.С. Бочарова, кандидат исторических наук,
В.А. Змеев, доктор исторических наук
(Институт переподготовки и повышения квалификации
преподавателей гуманитарных наук Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова)**

Крупнейшие исторические музеи столицы: прошлое, настоящее, будущее

Музеи – это хранилища овековеченной исторической памяти человечества. Первые музейные учреждения возникли еще в Древней Греции, в России первый публичный музей был открыт в начале XVIII в. В настоящее время музеи занимаются собиранием, изучением, хранением и экспонированием памятников истории, а также просветительской и популяризаторской деятельностью. Они являются центрами культурной жизни, исследовательской работы, пропаганды научных знаний. Трудно переоценить и поистине выдающуюся роль музеев в формировании у людей современных научных представлений о природе и обществе.

Среди сотен музейных хранилищ Москвы различного профиля ведущее место по праву принадлежит историческим музеям. Редакция журнала «Отечественная история» представляет читателю крупнейшие музейные хранилища столицы: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный исторический музей, Государственный музей современной истории, Центральный музей Вооруженных сил, Музей истории города Москвы, Музей-панораму «Бородинская битва». Каждый из них решает свои специфические задачи, каждый располагает ценными музейными фондами, в каждом сложился коллектив высококвалифицированных и преданных своему делу сотрудников, многих из которых можно назвать настоящими энтузиастами и подвижниками.

Пережив на рубеже 1980–1990-х гг. кризис, связанный с кардинальными изменениями в жизни всего российского общества, исторические музеи находятся сейчас на подъеме. Растет число их посетителей, расширяется издательская деятельность, обновляется материально-техническая база. Освещение исторических событий становится более объективным, а их оценки – более взвешенными. Все больше внимания уделяется ныне истории повседневности, жизни простых людей труда.

Настоящая публикация подготовлена ответственным секретарем редакции журнала «Отечественная история» Ю.В. Мочаловой.

МУЗЕИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Московский Кремль – символ российской государственности, один из крупнейших архитектурных ансамблей мира, богатейшая сокровищница исторических реликвий, памятников культуры и искусства. Музеи Московского Кремля – уникальный музейный комплекс. Он включает Государственную Оружейную палату, Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, церковь Ризположения, Патриаршие палаты с церковью Двенадцати Апостолов, колокольню Иван Великий с Успенской звонницей и Филаретовой пристройкой, коллекцию артиллерийских орудий и колоколов. Каждый из этих музеев по-своему уникален.

Кремлевский музейный комплекс сложился в своей основе на протяжении первых десятилетий Советской власти. Однако на территории Кремля уже в 1806 г. появился один из первых российских музеев – Московская Оружейная палата, основанная на базе кремлевских хранилищ и мастерских по указу императора Александра I. На протяжении XIX и в начале XX в. Оружейной палате, находившейся в ведении придворного ведомства, трудились уникальные специалисты, а руководили ею царедворцы, писатели и историки (например, кн. Н.Б. Юсупов, М.Н. Загоскин, С.М. Соловьев и др.). Сложной была история Оружейной палаты и соборов в Кремле в начале XX в. Сразу же после Февральской революции 1917 г. кремлевские сокровища привлекли к себе интерес общественности. Известные историки и искусствоведы разрабатывали тогда планы превращения Кремля в город-музей. Однако события осени 1917 г., а затем переезд в Москву советского правительства внесли в эти планы серьезные коррективы. В период с февраля 1917 до осени 1918 г. Оружейная палата неоднократно переподчинялась различным ведомствам, пока не была передана Наркомпросу РСФСР. Нечеловеческими усилиями сотрудникам Оружейной палаты во время ноябрьских боев 1917 г. и особенно тяжелой зимы 1918/1919 гг. удалось сохранить сокровища в неприкосновенности. Несмотря на голод, холод, задержки зарплаты коллектив Оружейной палаты хранил, разбирал, описывал музейные предметы, работал над организацией экспозиции, публиковал свои научные труды и каталоги коллекций.

В 1921 г. была подготовлена и открыта первая после начала мировой войны выставка «Эмали в собрании Оружейной палаты». Тяжелые испытания пережил коллектив Оружейной палаты в связи с работой в музее с середины января 1922 г. комиссии, отбиравшей ценности, которые предназначались для продажи с целью закупки на вырученные средства хлеба для голодающих. За каждый экспонат коллективу музея и в первую очередь его руководителям М.С. Сергееву и сменившему его Д.Д. Иванову приходилось вести ожесточенную борьбу с сотрудниками Гохрана, стремившимися обратить в металл и камни как можно больше произведений искусства, не видя на их художественную ценность.

В 1922 г. произошло объединение Государственного музея декоративного искусства «Оружейная палата», соборов Кремля и дома боярина XVII в. (палаты бояр Романовых в Зарядье), который являлся филиалом Оружейной палаты с середины XIX в.

1930-е гг. – трагический период в истории кремлевских музеев. Увольняются почти все ведущие научные сотрудники, часть их подвергается репрессиям, научная работа в музее практически замирает. В начале 1938 г. после ряда переподчинений музей передается в ведение Управления комендатуры Московского Кремля. С первых дней Великой Отечественной войны под руководством директора музея Н.Н. Захарова и при активной помощи коменданта Кремля генерала Н.К. Спиридонова кремлевские ценности были спешно вывезены в Свердловск. Из эвакуации они вернулись 20 февраля 1945 г., и уже в апреле того же года в Кремле была открыта первая после войны экспозиция.

Однако коренные изменения в деятельности музеев произошли лишь в 1960 г. с созданием Государственных музеев Московского Кремля и передачей их в ведение Министерства культуры СССР. В 1990 г. Московский Кремль был включен в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, а располагавшиеся на его территории музеи преобразованы в Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». В 2001 г. он получил статус Федерального государственного учреждения, где трудятся 174 научных сотрудника, среди которых 1 доктор и 38 кандидатов наук. Руководят музеем-заповедником кандидат искусствоведения Е.Ю. Гагарина и кандидат исторических наук А.К. Левыкин.

Сегодня в состав музея-заповедника входят 7 музеев:

Оружейная палата – музей-сокровищница, где представлено около 4 тыс. памятников декоративно-прикладного искусства России, стран Европы и Востока IV – начала XX в. Их высочайший художественный уровень и особая историко-культурная ценность принесли музею мировую известность. Оружейная палата хранит древние государственные регалии, парадную царскую одежду и коронационное платье, облачения иерархов Русской православной церкви, крупнейшее собрание золотых и серебряных изделий работы русских мастеров, западноевропейское художественное серебро, памятники оружейного мастерства, собрание экипажей, предметы парадного конского убранства.

Успенский собор Московского Кремля был возведен в 1475–1479 гг. под руководством итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти. На протяжении столетий здесь проходили важнейшие государственные церемонии избрания на великое княжение, венчания на царство, поставления глав Русской православной церкви, коронации императоров и императриц. Служил собор и усыпальницей русских митрополитов и патриархов. В нем представлены шедевры древнерусской иконописи XII–XVII вв., фрагменты фресок рубежа XV–XVI вв. круга знаменитого художника Дионисия, ансамбль настенных росписей 1642–1643 гг. и иконостас собора 1653 г. Уникальным памятником отечественной истории и художественной резьбы по дереву является так называемый Мономахов трон – царское молельное место, выполненное для царя Ивана Грозного в 1551 г.

Архангельский собор построен в 1505–1508 гг. итальянским архитектором Алевизом Новым. Он служил родовой усыпальницей великих московских и удельных князей, а затем вплоть до начала XVIII столетия русских царей. Здесь покоятся великие московские князья Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван III, царь Иван Грозный, его сын царевич Дмитрий и первые цари династии Романовых. Особенностью росписи собора 1652–1666 гг. является его «портретная галерея», включающая более 60 изображений родоначальников московской правящей династии и их предков – князей киевских и владимирских. В местном ряду высокого иконостаса XVII в. находится храмовый образ – икона «Архангел Михаил с деяниями» – редкий памятник древнерусского искусства эпохи Куликовской битвы.

Благовещенский собор возведен в 1484–1489 гг. псковскими мастерами. Он являлся личным домовым храмом великих московских князей, а затем русских царей. Огромную ценность представляет иконостас собора. Иконы его деисусного и праздничного ряда, созданные на рубеже XIV–XV столетий, по мнению многих исследователей, принадлежат кисти Феофана Грека и ве-

личайшего художника русского средневековья Андрея Рублева. Хранит собор и редкий по полноте и сохранности ансамбль монументальной живописи середины XVI в. В древнем подклете храма XIV в. располагается выставка «Археология Московского Кремля».

Церковь Ризположения, построенная в 1484–1485 гг. псковскими мастерами, служила домовым храмом русских митрополитов, а затем патриархов. Иконостас и настенная живопись церкви составляют единый художественный ансамбль. Большинство икон написано в 1627 г. придворным изографом Назарием Истоминым Савиным, а в 1644 г. была выполнена роспись этого небольшого уютного храма. На галерее церкви Ризположения размещена редкая выставка русской деревянной скульптуры XV–XIX вв.

Патриарший дворец возведен в 1653–1655 гг. русскими мастерами для патриарха Никона. Сегодня в помещениях второго этажа – Большой крестовой палате, домовый церкви Двенадцати Апостолов с трапезной, парадных сенях и жилых покоях – расположена экспозиция, рассказывающая о характерных чертах русской культуры и быта XVII в. Здесь представлены личные вещи патриархов, редкие памятники лицевого шитья, драгоценная посуда, рукописные и старопечатные книги, коллекция карманных и настольных часов, собрание икон, выполненных прославленными царскими изографами.

Ансамбль **колокольни Ивана Великого** создавался на протяжении двух столетий. Колокольня была возведена в 1505–1508 гг. итальянским архитектором Боно Фрязиным. Через столетие она получила еще один ярус звона, и ее высота достигла 81 м. В 1532–1552 гг. рядом с колокольной построили церковь. В XVII в. ее преобразовали в Успенскую звонницу. В 1624 г. по указу патриарха Филарета вплотную к ней поставили еще одну звонницу с шатровым верхом. На колокольне Ивана Великого и звонницах хранится 24 колокола XVI–XIX вв. На первом этаже Успенской звонницы размещается выставочный зал музея-заповедника, где экспонируются произведения искусства как из кремлевского собрания, так и из других российских и зарубежных музеев.

Последние десятилетия XX в. внесли в деятельность кремлевских музеев серьезные изменения. Они превратились в крупный научно-исследовательский и просветительный центр. Интенсивная и плодотворная научная работа музея находит практический выход в ежегодных научных конференциях, высоко оцениваемых специалистами. С конца 1990-х гг. научный коллектив Музеев Кремля работает над созданием электронной описи коллекций. В повседневную работу хранителей внедрены системы электронного учета движения, поиска, фиксации состояния сохранности экспонатов КАМИС. Музеи активно публикуют научные каталоги, а с 1973 г. регулярно выходят в свет сборники научных статей «Материалы и исследования» (выпущено 14 сборников). В 2001 г. началась публикация серии научных каталогов монографического типа. Увидели свет издания, посвященные произведениям московской ювелирной фирмы Хлебникова и русским расписным эмальям. Готовятся к выпуску каталоги коллекций изделий из стекла, а также русского художественного серебра.

Осуществляется комплексная программа научной реставрации кремлевских соборов. Систематически ведется археологическое изучение культурного слоя Кремля. Особое внимание сосредоточено на комплексном изучении некрополя несохранившегося Вознесенского монастыря. Так, изучен и восстановлен уникальный текстиль и ритуальные сосуды ряда захоронений. На костных останках проводятся антропологические исследования, экспертизы на яды, пластические реконструкции портретов по черепам, изучение палеопатологии, проведение рентгенологии. К сотрудничеству с музеями привлечены Институт этнологии и антропологии РАН, Институт общей генетики РАН, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения г. Москвы. Предполагается издание всех материалов исследований в сводном томе и создание полной истории некрополя Вознесенского собора Кремля. Результаты исследования станут также основой новой стационарной экспозиции в подземной палате и южной пристройке Архангельского собора Московского Кремля.

Музей-заповедник «Московский Кремль» поддерживает связи более чем с 50 музеями России и стран СНГ, а также с крупнейшими зарубежными музеями. Выставки кремлевских сокровищ демонстрируются в различных странах мира (только за последние 5 лет они экспонировались в 18 государствах). Примечательным и отрядным явлением последнего времени стала возобновленная после некоторого перерыва традиция представления собраний Музеев Кремля в городах России.

Большим разнообразием отличается издаваемая музеем научно-популярная литература – буклеты, каталоги выставок, путеводители, богато иллюстрированные альбомы, а также красочно оформленные книги об отдельных коллекциях и памятниках. В Оружейной палате и музеях-соборах проводятся экскурсии (в том числе на иностранных языках). В музее работает лек-

торий. Музейные педагоги предлагают разнообразные варианты работы с детской аудиторией, тематика которой учитывает особенности детского восприятия и уровень подготовки учащихся. В залах Оружейной палаты и Патриаршем дворце регулярно проводятся концерты симфонической музыки, певческих коллективов и отдельных исполнителей. В различные направления музейной деятельности широко внедряются компьютерные технологии. На базе созданного в 1998 г. Интернет-центра проводятся занятия с детской и взрослой аудиториями.

Интенсификация работы Музеев, нехватка помещений для хранения коллекций, расширение выставочной тематики, все возрастающий интерес исследователей к архитектурным памятникам Кремля и коллекциям наших музеев, рост числа посетителей привели к необходимости освоения и музеефикации новых объектов. Была принята программа, в рамках которой в соответствии с апробированной во многих странах практикой музеи приступили к строительству многофункционального культурно-реставрационного центра за пределами территории Кремля. На территории Центра будут размещены выставочный комплекс с современной инфраструктурой, депозитарно-реставрационный центр, общедоступный информационно-справочный центр, создающий все условия для работы с научно-справочными материалами из различных фондов музеев Кремля.

**А.С. Николаева, кандидат исторических наук,
научный сотрудник Медиацентра музеев**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В XIX в. практически все европейские государства испытали настоящий бум музейного строительства, возводя помпезные и огромные по площади здания, предназначенные для хранения и демонстрации исторических раритетов. При этом в крупных колониальных державах в музеи свозились со всего света редкости, начиная с древнейших доисторических эпох и кончая этнографическими диковинками африканских и азиатских народов. Именно такие музеи возникли в Лондоне, Париже, Амстердаме, Берлине. Государства, не имевшие колониальных владений, например, Швеция, пошли по несколько иному пути, создавая музеи национальной истории, отражавшие жизнь и культуру конкретного региона. Именно такой принцип музейного строительства был избран и в России.

Непосредственным толчком к созданию такого музея послужила Политехническая выставка, проводившаяся в Москве в 1872 г. и приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра Великого. Среди различных технических достижений на ней были представлены древности из монастырских ризниц, а также материалы, связанные с Крымской войной и обороной Севастополя. Устроители Севастопольского павильона Политехнической выставки и явились инициаторами учреждения Российского исторического музея. Наиболее известными среди них были историки и археологи А.С. Уваров и И.Е. Забелин. Царское согласие на устройство в древней столице России Москве Исторического музея последовало в феврале 1872 г. На конкурсе проектов здания будущего музея победили архитектор В.О. Шервуд и конструктор А.А. Семенов. Московская городская дума выделила под застройку самое престижное место на Красной площади. Строительство закончилось лишь в 1883 г., причем отделка интерьеров была завершена только в 11 залах, тогда как в остальных еще продолжали работать художники.

Первыми посетителями музея в мае 1883 г. стали император Александр III с супругой. Председателем правления музея был назначен вел. кн. Сергей Александрович, а его заместителем гр. А.С. Уваров, который по сути дела и являлся исполнительным директором. После его смерти эту должность занял И.Е. Забелин, руководивший музеем до своей кончины в 1908 г. Именно при нем музей превратился в богатейшее хранилище памятников российской истории. При Забелине было утверждено и «Положение» о музее, где говорилось: «Императорский Российский исторический музей имеет целью: собирать и хранить разнородные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы наглядную и по возможности во всех частностях полную картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской империи». Таким образом, перед музеем ставились поистине грандиозные задачи, хотя штат его сотрудников состоял тогда всего из 9 человек.

К 1917 г. была завершена отделка всех залов первого этажа, в которых разместилась экспозиция от эпохи палеолита до конца XVII в. Интерьеры выставочных залов второго этажа закон-

чены не были и вначале использовались для размещения временных выставок, а впоследствии для экспозиции по истории России XVIII – начала XX в.

Коллекции Исторического музея складывались самыми разными путями, в том числе и пожертвованиями. Крупные дары поступали от знатных русских семейств – Голицыных, Бобринских, Кропоткиных, Оболенских, Мосальских, Щербатовых, Уваровых. Особо отмечали музей и меценаты из купеческих фамилий – Бахрушины, Бурлылины, Грачевы, Постниковы, Сапожниковы. Около 300 тыс. предметов – произведения ювелирного искусства, иконописи, лицевого шитья, древних манускриптов, русской живописи – подарил П. Щукин, а коллекцию оружия – предводитель нижегородского дворянства А. Катуар де Бионкур. Фонды музея пополнялись за счет археологических и историко-бытовых экспедиций. В 1920–1930-е гг. в музей поступили многочисленные собрания реорганизованных и исчезнувших после революции музеев, а также из закрытых монастырей и церквей.

Основу структуры музея составляют 14 фондовых отделов, где хранятся 4 425 800 предметов и 12 млн листов документов.

Отдел нумизматики хранит более 1 млн 600 тыс. предметов. В собрание входят русские, восточные, западноевропейские, античные монеты, русские и иностранные наградные знаки, памятные и художественные медали, печати и нагрудные должностные знаки, бумажные деньги и почтовые марки. Хронологические рамки собрания – V в. до н.э. – XX в.

Отдел археологических памятников насчитывает около 1,5 млн предметов, хронологически охватывающих период от эпохи палеолита до позднего средневековья. Основную часть собрания составляют предметы с территории Восточной Европы. Имеется обширная коллекция сибирских древностей и античных предметов. Здесь же находится коллекция каменных изваяний и наскальных изображений.

Отдел картографии насчитывает более 40 тыс. ед. хр. Коллекция состоит из карт, атласов и глобусов. Имеется значительное количество уникальных карт, выполненных от руки. Коллекция карт характеризует территорию России в целом, отдельные регионы и конкретных населенных пунктов. Имеются карты различных иностранных государств, а также атласы и глобусы иностранного изготовления. Хронологические рамки собрания – XVI–XX вв.

Отдел изобразительных материалов насчитывает более 500 тыс. ед. хр. Здесь собраны произведения живописи, миниатюра, силуэты, акварели, рисунки, эстампы, фотографии и скульптура. В основу собрания положен принцип комплектования портретной серии представителей всех социальных слоев населения России, а также исторических изображений населенных пунктов и усадеб и различных сцен из российской истории. Хронологически собрание охватывает период с XVII в. до сегодняшнего дня.

Отдел керамики и стекла насчитывает около 40 тыс. ед. хр. Фонд керамики и фаянса состоит из глиняных и глазурованных изделий русского и западноевропейского производства XVI–XX вв. Фонд фарфора включает образцы русских и западноевропейских изделий XVIII–XX вв. В фонде стекла собраны образцы изделий основных фабричных центров (русских, украинских, белорусских и западноевропейских). Крупнейшая коллекция изразцов состоит из рельефных, гладких, одноцветных и полихромных архитектурных и печных изделий.

Отдел металла и синтетических материалов насчитывает более 50 тыс. предметов. Кроме изделий из различных драгоценных металлов (орудия производства, домашняя утварь, музыкальные и медицинские инструменты, бытовая техника и т.п.) здесь хранятся бисер, эмаль, изделия из поделочных камней, колокола и колокольчики. Собрание охватывает период с XVII в. до современности.

Отдел рукописей и старопечатных книг (VI – начало XX в.) хранит около 30 тыс. памятников письменности и книжности на старославянском, древнерусском, греческом, болгарском, сербском, украинском, белорусском и некоторых западноевропейских и восточных языках. Особый фонд составляют новгородские грамоты на бересте.

Отдел дерева и мебели хранит 32 тыс. предметов материальной культуры и декоративно-прикладного искусства, характеризующих быт всех социальных слоев населения России в период от XVI в. до современности. В основе коллекций – русская и западноевропейская мебель, а также предметы народного быта. Здесь же находятся сельскохозяйственные орудия, кареты, бани, шкатулки, табакерки, трости, игрушки, игральные карты, изделия из папье-маше.

Отдел оружия насчитывает более 20 тыс. предметов, относящихся к XVI–XX вв. В коллекцию входит русское, западноевропейское и восточное холодное оружие и оборонительный доспех (шпаги, палаши, сабли, кортики, копья, кольчуги, кирасы), а также ручное огнестрельное оружие различных типов, пушки, минометы, инженерное имущество.

Отдел тканей и костюма насчитывает около 400 тыс. предметов, относящихся к периоду с XVI в. до современности. В фонде представлены русские и иностранные изделия из шелка, льна, шерсти, костюмы и их детали, военная униформа, художественная вышивка, кружева, резная кость, обувь, ковры, гобелены, знамена.

Отдел письменных источников хранит документальные материалы по истории России, СССР и зарубежных стран, относящиеся в основном к XVII–XX вв. Среди них собрание жалованных грамот российских царей и императоров, коллекция восточных рукописей, автографы известных российских деятелей культуры, науки и политики.

Отдел драгоценных металлов насчитывает более 30 тыс. предметов, относящихся к XI–XX вв. Обширную часть коллекции составляют предметы церковного ювелирного искусства (оклады икон, мелкая пластика, книги в драгоценных окладах, митры, дарохранительницы). Светское ювелирное искусство XVI–XX вв. представлено разнообразными украшениями и бытовыми предметами (посуда, часы, портсигары, украшения). Наряду с предметами русской работы в фондах отдела собраны образцы ювелирного искусства стран Западной Европы и Востока.

Отдел книжного фонда насчитывает около 50 тыс. книг XVIII–XX вв. Многие из них представляют собой уникальные издания российских и зарубежных типографий с ценными иллюстрациями. Часть книг носит мемориальный характер с автографами известных деятелей культуры и государства.

Отдел древнерусской живописи насчитывает около 9 тыс. икон XV–XX вв. Иконописные лики представляют фактически все школы иконописи России, причем многие из досок принадлежат кисти знаменитых мастеров.

Сохранность и экспозиционный вид предметов гарантирует **отдел реставрации**, состоящий из нескольких секторов (по отдельным видам материалов). Кроме того, в ГИМе существует три экспозиционных отдела, занимающиеся подготовкой выставок и экспозиций – древней и средневековой истории, истории XIX в. и истории XX в.

Помимо основного здания на Красной площади, ГИМ имеет 7 филиалов: **Покровский собор** (храм Василия Блаженного), **Новодевичий монастырь**, **палаты бояр Романовых**, **церковь Троицы в Никитниках**, **Крутицкое подворье**, **Измайлово**, **музей В.И. Ленина**. В 1996 г. были восстановлены **Воскресенские ворота** (разобранные в 1930 г.), в залах которых устраиваются выставки из фондов музея. В музее имеется также редакционно-издательский отдел и типография, печатающая малотиражные издания, буклеты и пригласительные билеты. С 1926 г. издаются «Труды Государственного исторического музея» (к настоящему времени выпущено 130 т.). Ежегодно проводятся Забелинские чтения, материалы которых также публикуются. Придает музею авторитет и премия им. И.Е. Забелина, которой ежегодно отмечаются лучшие научные труды сотрудников музеев Российской Федерации.

Полнокровная жизнь ГИМа замерла в 1986 г., когда стало ясно, что его здание требует серьезной реставрации, а все технические компоненты не могут больше функционировать без капитального ремонта. По финансовым и внутриполитическим причинам реконструкция музея растянулась на долгие 16 лет. Лишь в декабре 2002 г. строители и реставраторы покинули наконец стены ГИМа, но процесс возрождения постоянной экспозиции музея еще далек от завершения (напомним, что речь идет о 40 залах общей площадью более 5 тыс. кв. м). И дело здесь не только и не столько в финансировании. Главное заключается в том, что сменилась эпоха, канули в прошлое идеалы, казавшиеся незыблемыми, и потребовался если не новый, то по крайней мере сбалансированный с мировой историей взгляд на прошлое России. Несомненно, хронология и событийная канва ее истории остались прежними, но оценка различных периодов тысячелетней истории страны, ее устремлений, движущих сил и конкретных личностей определенно нуждается в корректировке.

Разрабатывая новую схему экспозиции, сотрудники музея не стремились ниспровергнуть все и всех исключительно ради создания собственной оригинальной точки зрения на историю России. В самом тесном взаимодействии с академической и университетской наукой мы решаем сегодня как общие, так и частные проблемы построения новой постоянной экспозиции. Перекрытие трех внутренних дворов позволило создать новые экспозиционные залы, а также увеличить подсобные помещения. Особо нужно упомянуть о воссоздании интерьеров первого этажа музея. В советское время росписи потолков и стен были скрыты под стандартно-безликой побелкой и штукатуркой. Реставрация вернула здание первозданную красоту со всеми ее декоративно-стилистическими особенностями, характеризующими русский стиль в культуре конца XIX – начала XX в. Восстановлен также величественный читальный зал библиотеки музея, оснащенный по последнему слову техники. Хранящиеся здесь уникальные издания стали доступны ныне специалистам-историкам.

Что же касается постоянной экспозиции музея, то она создается отдельными блоками, охватывающими законченные историко-хронологические периоды. В 1997 г. была открыта первая очередь экспозиции (8 залов) от палеолита до возникновения Древнерусского государства. В настоящее время идет монтаж экспозиции еще в 8 залах, где будет представлена история России XVI–XVII вв. до царствования Петра Великого. В 2003 г. предполагается развернуть экспозицию, раскрывающую историю Древней Руси XI–XV вв., и таким образом полностью открыть для посетителей весь первый этаж музея. В стадии завершения находится тематико-экспозиционный план залов второго этажа, посвященных истории Российской империи XVIII – начала XX в.

В техническом и стилевом отношении экспозиция первого этажа музея носит эпически-повествовательный характер, позволяя посетителям как бы последовательно перелистать все страницы нашей древней и средневековой национальной истории. Этому способствует не только интерьер залов, но и сам стиль музейного оборудования, подчеркнутое отсутствие техногенной аппаратуры и построение экспозиции исключительно на подлинных памятниках прошлого без применения макетов и муляжей. В целом же экспозиция первого этажа по своей сути воплощает замыслы отцов-основателей музея А.С. Уварова и И.Е. Забелина. Что же касается построения экспозиции второго этажа, то здесь могут быть применены совершенно иные методические приемы, а также художественные и технические принципы.

Серьезной проблемой для ГИМа как хранилища и интерпретатора всей истории страны является отсутствие площадей для отражения истории такого огромного и сложного периода, как XX век. Идеальным решением этой проблемы могла бы стать передача ГИМу находящегося рядом бывшего музея Ленина. Подобная идея уже возникала в начале XX в., но ее воплощению помешала Первая мировая война, а затем революция. В настоящее время это здание принадлежит московской мэрии, и она предполагает реконструировать его под Дом приемов и торжественных актов. Нет у музея и специального фондохранилища с современным оборудованием, способного вместить и сберечь для грядущих поколений осязаемые памятники нашей истории и культуры. Участок для его строительства выделен, проект создан, однако средств для его реализации, как и во времена И.Е. Забелина, не находится.

В настоящее время в ГИМе трудятся 940 сотрудников (среди них 271 научные работники), 7 докторов и 72 кандидата исторических наук, 30 заслуженных работников культуры РФ. Возглавляет коллектив кандидат исторических наук, археолог А.И. Шкурко.

В период реконструкции и реставрации музей развил бурную выставочную деятельность. Неисчерпаемые фонды ГИМа позволяют создать любую выставку на темы отечественной истории от доисторических времен до XX в. Только в период с 1997 по 2002 г. ГИМ провел 168 выставок, из которых 39 прошли в различных регионах России и 16 за рубежом. Тематика этих выставок чрезвычайно разнообразна и охватывает все периоды отечественной истории. Среди них можно назвать: «Реликвии истории государства Российского», «Россия. Православие, культура» (к 2000-летию Рождества Христова), «Россия Пушкина», «Канцлер А.М. Горчаков», «Десять веков российских денег», «Из варяг в греки», «Русский стиль», «Москва посольская», «Наполеон и Александр», «Из подполья соцреализма», «Парад Победы 24 июня 1945 г.» и др.

Особо нужно отметить, что в своих отреставрированных залах и филиалах ГИМ принимает выставки из других регионов России и зарубежья, что не только способствует росту международного авторитета музея, но и позволяет россиянам познакомиться с историческими реликвиями различных народов мира.

**В.Л. Егоров, доктор исторических наук,
заместитель директора Государственного исторического музея**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Государственный центральный музей современной истории России (до сентября 1998 г. – Музей революции) является национальным музеем федерального значения, крупнейшим центром изучения российской цивилизации со второй половины XIX в. по сегодняшний день. Здесь хранится около 2 млн памятников истории и культуры. Музей расположен в центре Москвы, на Тверской улице, в здании, где с 1831 по 1917 г. размещался московский Английский

клуб. В 1920-е гг. здание было передано музею. Кроме того, в структуру музея входят 4 филиала: историко-мемориальный музей «Пресня», мемориальный музей «Подпольная типография 1905–1906 гг.», мемориальный музей-квартира Г.М. Кржижановского, музей «Обретая свободу».

Первые шаги в организации музея были сделаны сразу после свержения монархии в феврале 1917 г. Тогда, на волне общественного подъема, среди либерально настроенной интеллигенции Москвы возникла идея создания музея революции при исполнении московских общественных организаций, поддержанная его председателем, комиссаром Временного правительства в Москве, заместителем председателя Всероссийского союза городов и одним из лидеров партии кадетов Н.М. Кишкиным. 22 марта состоялось совещание с участием представителей московских музеев, ряда общественных организаций, штаба Московского военного округа и городской управы, на котором был решен вопрос о создании музея революции и заложены основы концепции будущей экспозиции¹.

Сама идея создания музея революции, за которой стояло стремление запечатлеть образ революционной эпохи, к тому времени уже не была чем-то новым. Она нашла свое воплощение еще в начале XX в., когда в 1902–1903 гг. в Женеве возник Комитет по устройству центрального революционного музея с участием Г.В. Плеханова, В.Д. Бонч-Бруевича и др. русских эмигрантов. Сразу после Первой русской революции в леворадикальных интеллигентских кругах родилась мысль об организации музея революции непосредственно в России. В частности, она активно пропагандировалась одним из редакторов журнала «Былое» В.Л. Бурцевым.

Число членов созданного в марте 1917 г. Общества музея революции доходило до 60 человек. Среди них были такие выдающиеся деятели культуры, как писатели И.А. Бунин и В.В. Вересаев, поэт В.Я. Брюсов, крупные историки Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, В.И. Пичета, Н.А. Рожков, А.Е. Пресняков, политические и общественные деятели Н.М. Кишкин, Е.Д. Кускова, С.Н. Проккопович, А.Н. Потресов, городской голова Н.И. Астров и др. В состав оргбюро вошли известный историк, публицист, политик, один из лидеров партии народных социалистов С.П. Мельгунов, директор Исторического музея кн. Н.С. Щербатов, сотрудник музея Всероссийского союза городов, впоследствии профессор Московского университета А.К. Дживелегов, крупный историк и археограф В.Н. Сторожев. Возглавлял и фактически финансировал работу оргбюро и Общества музея революции журналист народнического толка, заведующий музеем Всероссийского союза городов В.П. Кранихфельд. После его смерти в 1918 г. Общество прекратило свое существование.

СобираТЕЛЬСкая деятельность Общества развивалась в нескольких направлениях. Первоначально Общество ориентировалось на имеющиеся уже коллекции своих членов, а затем стало собирать документы и материалы на местах, в том числе с выездом в соседние с Москвой губернии. Кроме того, оно обращалось к владельцам историко-революционных материалов, рассылая письма по конкретным адресам или публикуя соответствующие воззвания в прессе. В июне–июле 1917 г. такие обращения с просьбой о передаче материалов в музей были разосланы в 79 учреждений Москвы и в 249 городов 23 губерний России². Однако процесс создания музея проходил с большими трудностями. В итоге к октябрю 1917 г. музей революции так и не был создан. У Временного правительства не хватало средств, не было подходящего помещения (собранные материалы хранились в Историческом музее) и т.д.

Не дало результата и обращение Кранихфельда к СНК в лице Бонч-Бруевича³, поскольку советскому правительству нужен был не либерально-демократический, а свой марксистский музей революции.

Начало его созданию положила выставка материалов по истории РКП(б), организованная в марте 1921 г. в Доме союзов Центрархивом совместно с Истпартом к открытию X съезда РКП(б). Руководил подготовкой выставки организатор архивного дела в России В.В. Макасов. После съезда материалы выставки были перемещены в Большой Кремлевский дворец, дополнены и расширены. Теперь ее тематика охватывала историю революционного движения в России от образования «Северного союза русских рабочих» в 1878 г. до событий 1917 г.⁴ В том же 1921 г. при Историческом музее начала работу комиссия по созданию историко-революционного музея Красной Москвы. Музейный отдел Наркомпроса РСФСР предоставил новому музею помещение бывшего Английского клуба на Тверской улице, а Моссовет выделил необходимые ему средства. 12 ноября 1922 г. в ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции здесь открылась выставка «Красная Москва», а уже 12 декабря 1922 г. Моссовет принял решение о преобразовании выставки в Историко-революционный музей Москвы⁵. Летом 1923 г. по постановлению ЦК РКП(б) произошло слияние выставки Истпарта и Историко-революционного музея Москвы, положившее начало объединенной Всероссийской выставке революции Истпарто-

дела ЦК РКП(б). Она получила название Историко-революционного музея, открытого 8 ноября 1923 г. в здании на Тверской. Директором музея стал сотрудник Истпарта С.И. Черномордик⁶.

В марте 1924 г. Историко-революционный музей был переименован в Музей революции при Истпарте ЦК РКП(б). 9 мая было принято решение: «Ввиду общественного значения Музея революции при Истпарте означенный музей принять в ведение Президиума ЦИК Союза ССР, наименовав его Музеем революции Союза ССР». Музей возглавил старый большевик, профессор МГУ С.И. Мицкевич. Он привлек к работе многих деятелей партии и правительства, науки и культуры, в том числе Н.К. Крупскую, А.И. Ульянову-Елизарову, Е.М. Ярославского, В.П. Ногина, В.И. Невского, Н.И. Подвойского, З.Я. Литвина-Седого, Е.Д. Стасову и др. С Музеем революции СССР сотрудничали члены Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общества старых большевиков, центральный и московский Истпарты, Институт В.И. Ленина, Центрархив, Главполитпросвет⁷. 19 октября 1924 г. состоялось торжественное открытие музея. Тематика экспозиции охватывала «домарксистский период (начиная с крестьянской войны под руководством Степана Разина), марксистский период (1883–1905 гг.), революцию 1905–1906 гг., эпоху реакции (1907–1917 гг.), Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.» В 1925 г. были подготовлены разделы «Гражданская война и советское строительство», «Тюрьма, каторга и ссылка в царской России», «Подпольная техника».

Последующее развитие музея проходило под знаком превращения его в идеологическое учреждение, в орудие воспитания широких слоев населения в духе преданности власти. Уже в «Положении о Музее революции СССР» (1926) указывалось, что «Музей революции СССР... является научным учреждением агитационно-просветительского характера, имеющим основной своей задачей наглядное изображение истории революционного движения на территории бывшей России, последовательного развития ВКП(б) и международного коммунистического движения»⁸. Музей получил право устраивать историко-революционные выставки не только в Москве, но и в других местах, издавать альбомы и открытки с изображением своих экспонатов и т.д. Он стал методическим центром для всех историко-революционных музеев, создаваемых на местах и фактически возглавил работу по появлению и учету памятников революционного движения в стране.

Начиная с 1925 г. музей подготовил колоссальное (по тем временам) количество выставок, приурочивая их открытие к различным юбилейным датам – 150-летию казни Е. Пугачева, 100-летию восстания декабристов, 50-летию со дня смерти М.А. Бакунина, 20-летию Первой русской революции 1905–1907 гг. и др. Заметными событиями в жизни музея в 1926 г. стали открытие отдела Коминтерна и выставки «Русская революция в произведениях изобразительного искусства». Юбилейный 1927 год Музей революции посвятил коренному обновлению экспозиции. Для разработки методических вопросов, систематизации и популяризации накопленного опыта при музее был создан кабинет методики экскурсий и экспозиции. Тогда же начали выходить «Труды» музея, где нашли отражение результаты научных исследований сотрудников, публиковались статьи по методике использования различных видов и типов предметов в экспозиции историко-революционного музея.

Однако деятельность Музея революции с конца 1920-х гг., в период зарождения авторитарного режима власти и изменения общественно-политической ситуации в стране стала определяться уже откровенно конъюнктурными факторами. В 1929 г. музей обследовала комиссия Института В.И. Ленина, отметившая недостатки «в сфере идеологических установок и агитационно-пропагандистской направленности» экспозиции. Идеологический контроль над работой музея осуществляло и образованное в 1930 г. Всесоюзное общество друзей музеев революции под руководством старейшего члена партии Л. Сталя. Письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931) «О некоторых вопросах истории большевизма» вызвало пересмотр главных концептуальных положений всей экспозиции. Решающее влияние на все направления работы музея оказали замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР (1934), письмо Сталина составителям учебника по истории ВКП(б) (1937) и особенно выход в свет Краткого курса истории ВКП(б) (1938).

В период Великой Отечественной войны выставки стали главной формой работы музея. Уже в июне 1941 г. он принял участие в объединенной выставке шести музеев Москвы по истории борьбы русского народа и народов СССР с иностранными захватчиками (1242–1941 гг.) и подготовил выставку-передвижку «Великая Отечественная война советского народа». В феврале 1942 г. была открыта выставка «Героический путь Красной армии», в октябре «Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков». В ноябре 1942 г. на суд посетителей была представлена выставка «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции», на базе которой в 1943–1944 гг. была развернута экспози-

ция «От революции 1905 г. до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.» 12 февраля 1947 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР своим решением определил новый профиль работы Музея революции как музея Великой Октябрьской социалистической революции и послеоктябрьского периода истории СССР⁹.

В конце 1970-х гг. музей был закрыт на капитальный ремонт, продолжавшийся до середины 1980-х гг. В период перестройки и демократизации российского общества музей активно включился в процесс деидеологизации общественной жизни. Он сумел преодолеть односторонность экспозиции, переориентировав ее на воссоздание всего спектра политической жизни России. Выставки музея конца 1980 – начала 1990-х гг. предлагали новые подходы к освещению истории революционного движения и советского общества, представляли неизвестные ранее документы, открывали для посетителей новые имена. Тогда были подготовлены выставки «Николай Бухарин. Жизнь и деятельность. К 100-летию со дня рождения», «СССР в период 1945–1985 гг. Страницы истории», «Красное и белое. Противостояние», где впервые были продемонстрированы плакаты белого движения 1918–1920 гг. В 1989 г. открылась выставка «Политическое завещание В.И. Ленина. Жизнь и судьба», а в начале 1990-х гг. прошли выставки «Путь к политическому плюрализму», отразившие рост националистических настроений в СССР и процесс зарождения новой многопартийной политической системы. Сразу после августовского путча 1991 г. в музее открылась выставка «Август 1991 г.». На выставке «Россия накануне эры войн и революций. С 1861 г. до Первой русской революции» был представлен богатый и разнообразный материал о причинах российских революций и путях исторического развития России. Как воспоминание о лучших умах, бившихся над решением вопроса о судьбах Отечества, воспринимается открытая в мемориальных залах бывшего Английского клуба выставка, посвященная лучшим достижениям дворянской культуры первой половины XIX в.

Сегодня музей пытается взглянуть на отечественный исторический процесс сквозь призму общественной и частной жизни россиян, живших в конкретную историческую эпоху и владеющих ее особым языком. С большим успехом прошли выставки, посвященные двум выдающимся женщинам современности – Г.В. Старовойтовой и Р.М. Горбачевой. Экспозиция выставки «21 судьба на фоне эпохи», продемонстрировавшая целую галерею характеров и судеб людей разных поколений XX в., вновь и вновь подчеркивает уникальность и самоценность каждого человека, будь то известный политик, ученый, артист или простой рабочий и сельский труженик.

Наконец, в 2002 г. музей впервые в своей истории обратился к монографическому показу темы взаимоотношения Русской православной церкви с государством и обществом на протяжении XX в.

Осмыслению итогов XX века и воплощению его духовной опыта в музейных экспозициях посвящен разработанный в нашем музее общероссийский проект «История XX века в отечественных музеях». Не случайно также Государственный центральный музей современной истории России выступил инициатором проведения региональными музеями страны серии выставок по проблемам современной истории, обсуждение которых будет способствовать формированию музейного образа отечественной истории XX в.

В 2002 г. Ученый совет музея одобрил концепцию развития ГЦМСИР на ближайшие 10 лет, согласно которой он рассматривается как центр хранения и изучения памятников современной истории и как общественный историко-культурный центр. В качестве такового музей собирает научную информацию по проблемам развития России в мировом сообществе цивилизаций с учетом всех глобальных процессов истории XX в. и предоставляет пользователям эту информацию всеми доступными средствами, включая возможности современных информационных технологий. Новая экспозиция музея должна наглядно представлять современную историю России как одного из крупнейших субъектов мирового культурно-цивилизационного процесса, помогая выявлять логику исторического пути, пройденного народами России за последние полтора века, пути, из которого не может быть выброшен как позорный и «ненужный» ни один, даже самый трагический период. Она должна служить формированию у посетителей рационального взгляда на исторический процесс, правильного представления о социальной и культурной обусловленности тех трансформаций, которые пережила страна в XX в.

Большое место в деятельности музея занимает сейчас организация и проведение научно-практических конференций и семинаров по актуальным проблемам музейного дела и стажирование музейных работников в масштабах всей страны. В музее проводятся исторические, источниковедческие и музееведческие исследования, осуществляются публикации научных трудов. ГЦМСИР выпускает сборники трудов «Музейное дело», «Голоса истории», материалы научно-практических конференций и научных чтений, научно-методические рекомендации, каталоги

отдельных коллекций и выставок. Музей сотрудничает с Институтом российской истории и Институтом всеобщей истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ и другими научно-исследовательскими и учебными учреждениями Москвы, а также с российскими и зарубежными музеями, является членом Международного совета музеев (ИКОМ) и многих его комитетов, а также Международных ассоциаций музеев истории. Сегодняшний созидательный труд Музея современной истории России совершается подвижничеством его сотрудников. Сплоченный работоспособный высококвалифицированный коллектив музея возглавляет кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ Т.Г. Шумная. Коллектив насчитывает 60 кадровых музейных сотрудников, среди которых 8 кандидатов исторических наук, 8 заслуженных работников культуры РФ. Большой вклад в развитие музея вносят Т.Н. Еремеева, Т.И. Казакова, Н.Ф. Карлюченко, М.Е. Кучеренко, М.Н. Лопатина, Ю.Ф. Мосев, Г.К. Ольшевская, В.П. Панфилова, Г.Б. Урвачева и др. Сегодня у ГЦМСИР есть все основания с оптимизмом смотреть в будущее, ибо его коллектив нашел свое место в сложной, но очень интересной и насыщенной общественно-политической и культурной жизни демократической России.

**Е.Н. Вакулина, кандидат исторических наук,
ученый секретарь ГЦМСИР**

Примечания

¹ ОПИ ГИМ, ф. 84, ед. хр. 115, л. 30, 31, 41, 53–57, 62. См. также: В а к у л и н а Е.Н. Проблема создания историко-революционного музея в отечественной музеологической мысли // Музейное дело. Вып. 25. Проблемы теории, истории и методики музейной работы. М., 2000. С. 281–282.

² ОПИ ГИМ, ф. 84, ед. хр. 115, л. 89–104, 143–143 об.

³ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 1077, л. 31–32 об.

⁴ Правда. 1921. 15 марта; Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 139; ГЦМСИР. Научный архив, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁵ ГЦМСИР. Научный архив, оп. 1, д. 7, л. 2, 4; Правда. 1922. 12 ноября.

⁶ РГАСПИ, ф. 70, оп. 1, д. 82, л. 50–50 об.; Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 310.

⁷ ГА РФ, ф. 1235, оп. 133, д. 209, л. 1; Известия ВЦИК. 1924. 10 мая; Ми ц к е в и ч Е. Тетрадь революционера. М., 1970. С. 6, 29, 30.

⁸ ГЦМСИР. Научный архив, оп. 1, д. 32, л. 39.

⁹ Там же, д. 613, л. 2–2 об.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Разительные перемены во всех сферах жизни страны и ее Вооруженных Сил, вызванные крутым поворотом в социально-экономическом развитии России в начале 90-х гг. XX в., положили начало новому этапу в деятельности музейных учреждений, в том числе и Центрального музея Вооруженных Сил (ЦМВС). Он оказался востребованным и в постсоветской России, поскольку проводимая его сотрудниками работа по формированию исторического сознания людей и их патриотическому воспитанию соответствует национальным интересам общества, политике государства по обеспечению безопасности и укреплению обороны страны.

Учрежденный 23 декабря 1919 г. приказом Реввоенсовета Республики как постоянная выставка-музей «Жизнь Красной армии и флота», наш музей прошел в своем становлении и развитии нескольких этапов. В сентябре 1924 г. он получил наименование Центральный музей Красной армии, а в 1964 г. – Центральный музей Вооруженных Сил СССР. В 1965 г. ЦМВС СССР, 4 раза менявший свое местонахождение, переехал наконец в специально для него построенное здание (ул. Советской армии, 2), что позволило увеличить его экспозиционную площадь в 5 раз. В 1978 г. решением Совета министров СССР музей был отнесен к числу научных учреждений. ЦМВС – член Международного совета музеев (ИКОМ) и Ассоциации музеев вооружения и военной истории.

Сегодня в нашем коллективе работают около 60 научных сотрудников, в том числе один доктор и 8 кандидатов наук, 12 заслуженных работников культуры РФ. Возглавляет ЦМВС полковник А.К. Никонов.

Руководство музея большое внимание уделяет повышению профессиональной подготовки сотрудников, постоянному обогащению и обновлению их знаний, совершенствованию методиче-

ского мастерства. Профессиональная подготовка включает рассмотрение теоретических и методологических проблем на конференциях, семинарах, ежемесячных днях научной информации, а также изучение опыта других музеев, в том числе зарубежных. Перед сотрудниками ЦМВС выступали военные специалисты, музейеведы и историки, известные военачальники, герои боев, дипломаты и писатели.

За многие годы ЦМВС накопил самый крупный в мире фонд музейных предметов, связанных с историей Великой Отечественной войны, – более 400 тыс. ед. хранения (всего же в музее около 800 тыс. военно-исторических памятников). В наших фондах имеются награды, фотографии, документы, военная форма и другие предметы, принадлежавшие в свое время И.В. Сталину, М.В. Фрунзе, Г.К. Жукову, А.М. Василевскому, К.К. Рокоссовскому, Р.Я. Малиновскому, И.С. Коневу, другим военачальникам, а также рядовым воинам, отличившимся в боях за Родину. В фонде вооружения широко представлены оружие и военная техника всех основных стран мира начиная с XVIII в. и до наших дней, в том числе уникальная коллекция личного, наградного и подарочного оружия выдающихся государственных и военных деятелей. На открытой площадке экспонируется более 160 образцов артиллерийских орудий и минометов, танков и САУ, самолетов и вертолетов, межконтинентальных баллистических ракет и зенитно-ракетных комплексов, морских мин и торпед. Более 28 тыс. боевых знамен составляют знаменный фонд музея – самый крупный в стране. В нем почетное место занимают священные реликвии: Знамя Победы, водруженное в 1945 г. над рейхстагом в Берлине, боевые знамена и военно-морские флаги частей, соединений и кораблей, прославившихся в годы Великой Отечественной, а также Первой мировой и русско-японской войн. Музей располагает богатым фондом фото- и киноматериалов, крупным собранием произведений скульптуры, живописи и графики, включая работы М.Б. Грекова, П.А. Кривоногова, С.Н. Присекина, А.А. Дейнеки, К.С. Петрова-Водкина, К.Ф. Юона и др., имеется большая коллекция плакатов периода Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Фонды музея постоянно пополняются новыми ценными военно-историческими памятниками. Крупным событием стало возвращение из США в Россию музейного собрания культурно-просветительного и благотворительного общества русских эмигрантов «Родина». В него вошли фонды военных музеев Николаевского кавалерийского училища (из Парижа), Лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Павловского полков, Русской конницы и Морского общества (из Нью-Йорка). В 1996 г. по решению совета старшин общества ЦМВС была передана ценная коллекция военно-исторических памятников России XVIII – начала XX в., насчитывающая около 40 тыс. ед. хранения. Были получены боевые знамена, флаги и штандарты частей и кораблей, холодное и стрелковое оружие, ордена и медали, документы и военная форма генералов М.Д. Скобелева, М.В. Алексеева, А.И. Деникина, Н.Н. Юденича, редкие книги, в том числе «Устав морской», изданный по повелению Петра I в 1720 г., и др. Все это вошло во вновь созданную постоянную экспозицию ЦМВС.

Музейные предметы, собранные сотрудниками музея в районах боевых действий в Чечне, в «горячих точках» в Таджикистане, Приднестровье, в местах дислокации миротворческих сил России в Югославии, обогатили фонд современного периода истории Вооруженных сил Российской Федерации.

В 1996 г. был создан филиал ЦМВС – мемориальный кабинет-музей Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Большое значение для расширения рамок международной деятельности ЦМВС имеет организация совместного Российско-германского музея Берлин – Карлсхорст в здании, где раньше работал Музей безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Необходимо отметить, что немецкая сторона много сделала для объективного освещения в этом музее событий Второй мировой войны и восстановления исторической правды о событиях 1945 г.

За последние годы ЦМВС заметно активизировал работу в войсках, особенно в отдаленных гарнизонах, широко используя для этого выездные выставки. В 2001 г. выездные выставки «Агрессия», «Трофеи Великой Отечественной войны», «Наградное и подарочное оружие» работали в Петербурге, Новокузнецке, Норильске, Томске, Ставрополе, Черкесске, Краснодаре, Анапе. Их посетили около 1 млн. человек. В 2001 и 2002 гг. мы выезжали в Петербург и дважды в Тамбов для торжественного представления боевых знамен в воинских частях и на кораблях, а также на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях. В апреле–мае 2000 г. состоялась международная военно-патриотическая акция «Нас объединяет Знамя Победы». Впервые священная реликвия нашего народа вывозилась в Минск и Киев. Состоялись праздничные мероприятия с участием президентов А.Г. Лукашенко и Л.Д. Кучмы, руководителей правительств Республики Беларусь и Украины, министерств обороны, общественных организаций, многих тысяч ветеранов войны, воинов, студентов и школьников. Военно-патриотическая акция

широко освещалась в СМИ, вызвала многочисленные восторженные отклики, способствовала развитию дружественных связей трех братских народов, утверждению правды о Победе в Великой Отечественной войне.

Коллектив ЦМВС организовал также зарубежную выставку «Вторая мировая война глазами русских». Созданная на основе уникальных экспонатов, выставка успешно работала летом и осенью 1998 г. в США (в Вашингтоне, Мемфисе и Сан-Диего) и вызвала огромный интерес посетителей, число которых иногда достигало 7 тыс. человек в день. Примечательно, что для многих американцев участие СССР в войне против Германии явилось полной неожиданностью. Об этом свидетельствуют их многочисленные устные и письменные отклики. «Мы думали, что Вторую мировую войну выиграли американцы и англичане. Теперь мы видим, какой огромный вклад в разгром фашистов внес Советский Союз. Спасибо вам, что привезли все это сюда. Это очень важно для Америки, для всего мира», – говорили они. Выставки ЦМВС экспонировались также во Франции, ФРГ, Великобритании, Австрии, Бельгии, Греции, КНДР, в странах ближнего зарубежья.

Являясь головным среди других музеев армии и флота, ЦМВС успешно выполняет роль методического центра, проводит стажировки начальников и сотрудников военных музеев, обобщает и распространяет их опыт, участвует в создании новых и совершенствовании работы действующих музеев и комнат воинской славы. Это значительно расширяет масштабы деятельности нашего музея, его возможности по формированию исторического сознания воинов, молодежи, других групп населения.

В сложной обстановке начала 1990-х гг. многие сотрудники музеев считали своим долгом выполнение требований Кодекса профессиональной этики, принятого ИКОМ в 1986 г. Кодекс осуждает конъюнктурный подход: «Информация, находящаяся в экспозиции и на выставках, должна быть четкой, объективной и не служить увековечению мифов и стереотипов»¹. Чтобы избежать разного рода «перекосов», нужно иметь, говоря словами А.С. Пушкина, «чувство соразмерности». Такая соразмерность положительного и отрицательного в отражении военной истории – это не столько методологический, сколько этический принцип, требующий честного, непредвзятого отношения к анализу исторических событий. Каждому не раз приходилось слышать, как зачастую несправедливо, без учета масштабов и значения боевых действий сравнивают потери воюющих сторон, постоянно упрекая СССР в том, что его руководители не щадили жизни своих солдат. Но почему-то никто не сопоставлял потери наших войск и вермахта при выполнении равноценных задач, например в боях за овладение столицами обоих государств. Вспомним, что, стремясь овладеть Москвой, немецкие войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 500 тыс. человек, но нашу столицу так и не взяли. Красная же армия в боях за Берлин потеряла 352 тыс. человек, овладела столицей Германии и вынудила ее капитулировать. Представляется, что такое сопоставление было бы более справедливым, и в своей работе мы стремимся строго следовать принципам объективности и историзма.

Сотрудники музея с большим интересом изучают современные исследования по истории, написанные с применением новых подходов и использованием ранее недоступных архивных материалов. Из большого числа опубликованных трудов наше внимание привлекли, например, «Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки» в 4-х кн. (1998–1999 гг.), вышедшие за последнее десятилетие 27 томов (50 книг) «Русского архива», посвященные Великой Отечественной войне; «Курс советской истории» в 2-х т. А.К. Соколова и В.С. Тяжельникова; «Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы» А.А. Данилова и А.В. Пыжикова; «Война 1941–1945. Факты и документы» Е.Н. Кулькова, М.Ю. Мягкова, О.А. Ржешевского и др. Немало полезной для музеев научной информации было опубликовано на страницах журналов «Отечественная история», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», а также «Военно-исторического журнала» и других периодических изданий.

Большое значение для обеспечения высокой степени достоверности в отражении боевого пути нашей армии и флота имела разработка научной концепции развития ЦМВС. Она рождалась в спорах, неоднократно обсуждалась на заседаниях научно-методического совета и была утверждена в 1998 г. В этом документе указывалось на недостатки прежней экспозиции, в которой «не нашли должного отражения некоторые существенные по своей познавательной и исторической значимости материалы о людских потерях противоборствующих сторон, о военнопленных, о роли Церкви, о противнике, о формированиях, воевавших на стороне врага». Эти установки были реализованы как в постоянной экспозиции, так и в ряде выставок. Особенно большая работа была проведена по реэкспозиции зала Победы при участии значительного числа работников музея (руководители и непосредственные исполнители – начальник научно-экспозиционного отдела В.И. Семченко и ст. научный сотрудник А.Н. Дементьев).

Сотрудники ЦМВС ведут и исследовательскую работу, публикуют ее результаты. Так, было найдено и введено в музейную практику научное определение понятия «победа в войне», что позволило показать достижение не только военно-стратегических, но и политических целей в Великой Отечественной войне. Музей изготовил и экспонирует карту изменения государственных границ в результате Второй мировой войны. Сокрушив врагов, Советский Союз утвердил себя в новом геостратегическом положении, стал второй сверхдержавой мира². Исследуются и другие проблемы. Так, старший научный сотрудник Н.Д. Карпов уже опубликовал 6 глав из своей книги «Крым – Галлиполи – Балканы», где рассказывается о нелегкой жизни Русской армии, эвакуированной из Крыма в ноябре 1920 г. Десятки статей, написанных научными сотрудниками музея на основе самостоятельных исследований, были опубликованы в Информационно-методическом сборнике, который издается с 1997 г.

В современной сложной обстановке ЦМВС сохранил доверие посетителей, многие из которых перестали верить тенденциозным передачам СМИ, а также некоторым публицистам, фальсифицирующим историю. Это подтверждается данными социологического исследования, проведенного в Москве и в Рязани. Оказалось, что 23% опрошенных поставили музеи на первое место по их роли в патриотическом воспитании. В этом рейтинге музеи опережают школы (15%), вузы (11%), библиотеки (5%), театры (5%), клубы и дома культуры (4%)³. Очевидно, это высокая оценка роли музеев распространяется на музейные учреждения армии и флота, которые уже начали подготовку к 60-летию нашей Великой Победы.

**Ф.В. Овсяк, старший научный сотрудник ЦМВС,
заслуженный работник культуры РСФСР**

Примечания

¹ Кодекс профессиональной этики. М., 1989. С. 6.

² См.: К р у г л о в В.В. Победа в войне // Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 413.

³ Патриотическое воспитание молодежи Москвы. М., 2001. С. 46.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА МОСКВЫ

Музей истории города Москвы за 100 с лишним лет своего существования прошел путь от небольшого узкопрофильного музея городского хозяйства до современного государственного учреждения культуры. Он был основан Московской городской Думой в 1896 г., причем основу его первоначальной экспозиции составили экспонаты павильона «Москва» на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде, где демонстрировались достижения городского самоуправления в области благоустройства, санитарии и просвещения. Музей был размещен на окраине Москвы, у Крестовской заставы в одной из двух водонапорных башен, находившихся в ведении водопроводного отдела Московской управы.

После Октябрьской революции музей был фактически закрыт, но его фонды удалось сохранить. В 1920 г. по решению Моссовета был создан Музей московского коммунального хозяйства. Его открыли для публики в 1922 г. в одном из зданий Моссовета в Театральном проезде. В 1925 г. музей переехал в здание Сухарева башни – памятник архитектуры петровского времени. Основным содержанием деятельности музея оставалось городское хозяйство, но наряду с этим его специалисты обращались и к теме истории города. Этим мы обязаны П.В. Сытину (1885–1968) – директору музея с 1913 по 1929 г., историку, москвоведу, автору более 20 книг и 300 статей по различным вопросам истории Москвы, многие из которых не утратили своего значения до настоящего времени.

1930-е гг. отмечены в истории города и его музея событиями, связанными с реализацией принятого в 1935 г. плана реконструкции Москвы, по которому были уничтожены сотни памятников истории и архитектуры столицы. Сухарева башня была разрушена еще в 1934 г., и за 3 дня музей был перемещен в разные не приспособленные для него помещения. В 1935 г. ему предоставили здание бывшей церкви Иоанна Богослова на Новой площади, где он размещается и по сей день. 7 февраля 1940 г. Московский коммунальный музей был переименован в Музей истории и реконструкции Москвы, что надолго определило основное направление его собиратель-

ской и экспозиционной деятельности. В послевоенные десятилетия наряду с пропагандой социалистического переустройства города продолжалась и работа по изучению истории Москвы. Большую роль в этом процессе сыграли начавшиеся в 1946 г. работы по археологическому изучению столицы. Фонды музея пополнились ценнейшими коллекциями по истории древнейшего и средневекового периодов в истории города, собранными в связи с раскопками на месте строительства гостиницы «Россия».

В начале перестройки, в середине 1980-х гг. несоответствие между титульным названием и содержанием деятельности Музея истории и реконструкции Москвы стало очевидным не только его научному коллективу, но и посетителям, и городским властям. Поэтому в 1987 г. решением исполкома Моссовета он был переименован в Музей истории города Москвы. Он обладает ныне уникальным собранием материалов, документирующих развитие города с древнейших времен до наших дней. Общее количество музейных предметов превышает 1 млн. единиц хранения. Они систематизированы по видам источников в соответствующие фонды: археологии, документальных материалов, фотографий и негативов, изобразительных материалов, редкой книги, вещественных материалов.

Фонд археологических материалов содержит десятки тысяч предметов, отражающих историю освоения московского края в древности (эпохи камня, бронзы, железа), а также уникальные коллекции памятников материальной культуры средневековой Москвы, включающие фрагмент укреплений крепостного вала XII в., бытовую и церковную утварь, оружие, монетные клады, изразцы, фрагменты одежды и обуви.

Фонд изобразительных материалов представляет облик Москвы XII–XX вв. в произведениях И.К. Айвазовского, В.И. Сурикова, Э. Гертнера, В.М. и А.М. Васнецовых и др., а также в многочисленных графических сериях по рисункам Ж. Делабарта, М. Махаева, О. Кадоля. Портретная галерея содержит экспонаты и графические произведения А. Колосова, Л. Пастернака, В. Далилеева, В. Бакшеева и др. Особую историческую и музейную ценность представляет прижизненный портрет Петра I, выполненный в 1717 г. голландским живописцем Николасом Верколье. Фонд изобразительных материалов содержит также коллекции планов и карт Москвы XVI–XX вв. и видовых, иллюстративных и репродукционных открыток XIX–XX вв.

Фонд негативов и фотографий – это многотысячная коллекция, с документальной точностью иллюстрирующая облик Москвы с середины XIX в. до наших дней. Групповые и портретные фотографии, изготовленные в известных московских ателье Е. Овчаренко, Шерера, Наболец и К°, Ю. Мебуса и др., донесли до нас образы москвичей, историю московских семей.

Фонд документальных материалов XVIII–XX вв. – один из самых значительных в собрании музея. Особый его раздел составляют материалы дореволюционного периода: купчие, документы о строительстве первого московского водопровода в 1779–1814 гг., имущественные описи московских домов, торговые счета, документы страховых обществ, реклама, деловые бумаги московских предприятий, фирм, банков, благотворительных обществ. Трудно переоценить научное значение личных архивов известных москвоведов Н.П. Чулкова, И.П. Машкова, Б.С. Земенкова, П.В. Сытина. Семейные и родовые архивы содержат документы известных купеческих фамилий: Бахрушиных, Сырейщиковых и др. В музее хранятся также документальные фонды московских архитекторов, строителей, ученых, государственных деятелей советского периода. Специальный раздел коллекции посвящен документам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в том числе дивизиям народного ополчения, в рядах которых сражались добровольцы-москвичи.

Фонд вещественных материалов включает в себя коллекции нумизматики, фалеристики и бонистики, стекла и керамики, тканей и городского костюма, предметов быта, мебели. Среди них уникальные произведения декоративно-прикладного искусства и рядовые вещи, которые в целом позволяют представить жизнь города XIX–XX вв. во всем многообразии его социальных и культурных градаций.

Новый этап развития Музея истории города Москвы начался в 1995 г., когда была принята стратегия его максимальной интеграции в социокультурную жизнь современного города. В 1995–2000 гг. в структуре музея были созданы 6 филиалов на правах отделов. В этот период ежегодно проводились 8–10 тематических и коллекционных выставок, значительно расширился диапазон научно-просветительной работы. Помимо традиционных музейных экскурсий и лекций, музей проводит театрализованные, костюмированные, игровые экскурсии, а также комплексные экскурсии, которые начинаются в музее и продолжаются в историческом центре Москвы. Устраиваются конкурсы и викторины по москвоведению, музыкальные вечера, профессиональные театральные спектакли в исторических интерьерах, пешеходные и автобусные экскурсии по городу, теплоходные экскурсии по Москве-реке.

Вместе с тем экспозиционные площади основного музея за этот период сократились: в 1998 г. в связи с аварийным положением фондохранилищ было принято решение занять один из экспозиционных залов (150 кв. м) под хранение фондов мебели и керамики. Таким образом, экспозиционная площадь основного здания музея на сегодняшний день составляет 1 000 кв. м. Катастрофическая нехватка экспозиционных площадей – основная причина, по которой музей не может создать полноценной систематической экспозиции по истории Москвы и продолжает работать в режиме стационарных выставок. В настоящее время у нас функционируют 2 стационарные выставки: «От поселения до столицы. XII–XVII вв.» и «Москва Гиляровского. Город на рубеже XIX–XX вв.».

Выставка «От поселения до столицы» создана в 1996 г. В ее основе – предметы археологического происхождения, добытые сотрудниками музея в 1940–1990-е гг. Среди них материалы о предыстории Москвы: инвентарь древнейших кочевых племен и комплексы материальной культуры дьяковских городищ, ценнейшие находки, относящиеся к средневековому периоду истории Москвы (фрагмент укрепления земляного вала крепости XII в., комплексы украшений и бытовых предметов, предметов торговли домонгольского времени); уникальные по разнообразию и полноте коллекции предметов, характеризующие культуру, быт, ремесло, торговлю, особенности строительной техники XIV–XVII вв. В экспозиции представлены также изобразительные материалы: исторические реконструкции А.М. Васнецова (живопись, графика), планы Москвы XVI в., макет Кремля XVI в., а также пластические реконструкции древних москвичей – фигуры гончара и оружейника в костюмах XV–XVII вв. Наряду с традиционными витринами в экспозиции присутствуют образно-сюжетные комплексы: мастерская гончара, лавка оружейника, сени московского дома, дающих возможность эффективно работать с детской аудиторией. Выставка позволяет проводить экскурсии на темы: «Городская археология и ее вклад в изучение истории Москвы», «Жили-были москвичи», «Москва – город мастеров», «История Московского Кремля в произведениях А.М. Васнецова» и др. Экспозиция ориентирована в первую очередь на школьную аудиторию и служит базой для углубленного изучения курса «Московедение».

Выставка «Москва Гиляровского», приуроченная к 150-летию писателя, создана в 2002 г. Она посвящена Москве рубежа XIX–XX вв., описанной в произведениях В. Гиляровского. Многочисленные и разнообразные подлинные предметы того времени из фондов музея отражают внешний облик города, одежду и быт ее обитателей, духовную культуру москвичей, транспорт, учреждения связи, торговлю Москвы. Экспозиция дополнена изобразительными материалами: живопись, увеличенные фоторепродукции, пластические реконструкции «Московские типы».

Экспозиционная деятельность Музея истории города Москвы включает в себя и работу его филиалов, которые привлекают все большее внимание посетителей.

Старый Английский двор (ул. Варварка, д. 4а) – уникальный памятник гражданской архитектуры XV–XVII вв. Музеефицирован на период XVI–XVII вв., когда здесь размещалась английская торговая «Московская компания». В этом помещении размещены стационарные выставки «Русско-английские торговые отношения в XVI–XVIII вв.» и «Из истории русско-английских дипломатических отношений в XVI–XVIII вв.» В экспозиции представлены портреты исторических деятелей, правителей России и Англии, реконструкции предметов обихода бывших обитателей дома, а также документы по истории Английского подворья, археологические находки в районе Зарядья, уникальные фотографии и графические работы.

Музей археологии Москвы (Манежная пл., д. 9а) был открыт в сентябре 1997 г. к 850-летию Москвы после широкомасштабных археологических раскопок, проводившихся Центром археологических исследований г. Москвы в восточной части Манежной площади. Уникальный подземный музей создан на месте обнаруженных археологами устоев Воскресенского моста через реку Неглинную, построенного в 1740 г. по проекту архитектора Питера Гейдена. В постоянной экспозиции здесь представлены материалы по истории строительства этого моста, предметы материальной культуры XV–XVII вв., найденные при раскопках в историческом центре столицы, а также уникальные монетные клады. В малом зале музея проводятся тематические выставки по истории Москвы, а также демонстрируются наиболее ценные находки из археологических коллекций музеев Московской обл.

Музей Храма Христа Спасителя (ул. Волхонка, д. 15) – первый подобный музей при действующем храме, созданный с целью сохранения и постоянного экспонирования реликвий Храма и открытый весной 1998 г. Здесь развернута постоянная экспозиция «История Храма Христа Спасителя. Создание. Гибель. Возрождение. Нач. XIX – кон. XX вв.» Как известно, Храм стал памятником подвигу русского народа в Отечественной войне 1812 г. В экспозиции представлены уникальная закладная доска Храма, построенного по проекту архитектора К.А. Тона; макет Храма конца XIX в., работы мастеров Российской императорской Академии художеств, украшавших

Храм, памятные медали в честь его закладки в 1839 г. и освящения в 1883 г. Среди материалов о трагической гибели Храма представлены архивные документы о закрытии Храма и подготовке взрыва, проекты Дворца советов 1933–1935 гг. О возрождении Храма в 1994–2000 гг. рассказывают документы, фотографии строительства, архитектурные проекты, эскизы росписей и модели скульптурных композиций мастеров, воссоздавших художественное убранство Храма Христа Спасителя. В выставочных залах проводятся также исторические и художественные выставки.

Музей «Лефортово» (ул. Крюковская, д. 23) был открыт в 1999 г. к 300-летию района Лефортово, берущего начало от Немецкой слободы на Яузе. История района связана с именем Петра I и носит имя его ближайшего друга и сподвижника швейцарца Франца Лефорта. В экспозиции представлена история района Лефортово XVIII–XX вв. Среди экспонатов – план Москвы Матюса Мериана середины XVII в., материалы военного деятеля и ученого петровского времени Якова Брюса, живопись и графика, отражающие историю Лефортово. В выставочных залах демонстрируются тематические и коллекционные выставки.

Музей русской усадебной культуры «Кузьминки» (Тополевая аллея, д. 6) был открыт в феврале 2000 г. Стационарная музейная экспозиция об истории усадьбы и ее владельцев рассказывает об усадебном быте конца XVIII – первой половины XIX в. Экспозиция включает кабинет владельца усадьбы, бальный зал, столовую, гостиную, раздел о парковой архитектуре и скульптуре и макет усадьбы Кузьминки (в масштабе 1 : 800). В зале первого этажа демонстрируются репродукции гравюр австрийского художника И.Н. Рауха, запечатлевшего виды усадьбы первой половины XIX в.

В Музее русской гармоники А. Мирека (ул. 2-я Тверская-Ямская, д. 18) представлены материалы, образно раскрывающие историю одного из самых популярных музыкальных инструментов России – гармоника – с 70-х гг. XVIII в. до наших дней. Особый раздел экспозиции – история гармоника за рубежом.

В будущем наши экспозиции по истории городских поселений предполагается создавать на полидисциплинарной основе: путем сотрудничества историков, биологов, зоологов, гидрологов, так как взаимодействие социума с окружающей средой (включая ландшафт, климат и акватории), безусловно, является важнейшей составляющей в общем историческом процессе развития городов.

Очевидна необходимость в более эффективной интерпретации музейных материалов. В этом случае важнейшее значение приобретают новые формы организации материала, т.е. модели и технологии. Например, Музей истории города Москвы, как и любой иной, имеет определенные пробелы в коллекциях исторических материалов. Создавая музейный видеофильм «Открытие Москвы», мы использовали в качестве источниковой базы художественные произведения иностранных мастеров XVII–XVIII вв. – художников, граверов, картографов. Этот фильм дает отчетливое представление о ландшафте и застройке города, социальной жизни горожан и об эпохе в целом. Конечно, потребовалось уточнить и подтвердить изобразительные материалы научной информацией. Такой фильм можно считать одним из современных способов введения исторического наследия в социальную среду. В настоящее время выпущены уже 10 полнометражных музейных видеофильмов.

Музей как образовательный центр не ограничивается только экспозициями и выставками. Полноценными продуктами деятельности музея являются и его научные издания, каталоги, видеофильмы, CD-диски. Их реализация – одно из важных условий востребованности музея в социальной жизни нового поколения. Одним из важнейших и эффективных способов интерпретации исторического материала является использование электронных и мультимедийных технологий. В 2000 г. музей начал работать над созданием базы данных по проекту «XX век. Хроника московской жизни». Предусматривается создание полномасштабного центра новейших музейных технологий. Руководит музеем кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Ведерникова Г.И., главный хранитель музея – Кольникова В.М., главный художник – заслуженный работник культуры Ханин В.М.

**Т.П. Горбачева, заместитель директора по научной работе,
Н.Б. Ефимова, заведующая отделом исторического
и культурного наследия Москвы**

МУЗЕЙ-ПАНОРАМА «БОРОДИНСКАЯ БИТВА»

История современного Музея-панорамы «Бородинская битва» началась 90 лет назад, когда в Москве стала демонстрироваться картина, давшая имя Музею и остающаяся сегодня его основным экспонатом.

В преддверии векового юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. на заседании Императорского русского военно-исторического общества (ИРВОО) возникла идея об увековечении средствами изобразительного искусства подвига народов России в Отечественной войне 1812 года. Члены ИРВОО В.А. Афанасьев и Б.М. Коллюбакин в ноябре 1909 г. предложили написать панораму «Бородино» известному баталисту Ф.А. Рубо.

Франц Алексеевич Рубо (Roubaud) (03/15.06.1856, Одесса – 13.03.1928, Мюнхен) был французом по национальности, являлся подданным Франции. Учился в рисовальной школе и гимназии (Одесса), а также в Баварской королевской Академии художеств (Мюнхен) по классу батальной живописи (1878–1883). Считая себя русским художником, Рубо все свое творчество посвятил военной истории России. В общей сложности мастер создал около 200 батальных станковых картин, не считая множества этюдов, эскизов, рисунков. Европейскую известность приобрели выполненные им панорамы¹. Написанию полотна предшествовали поездки художника в Бородино, знакомство с местностью, изучение специальной литературы, консультации с военными историками. На небольшой высоте правого берега Семеновского ручья для Рубо соорудили смотровую площадку и на ней укрепили полукругом картон, чтобы баталист, обозревая поле битвы, смог запечатлеть характерные черты бородинского пейзажа. Непосредственная работа над панорамой площадью 1 725 кв. м проходила в Мюнхене и заняла 11 месяцев, причем Рубо помогали 5 других художников. Затем летом 1912 г. живописное полотно было отправлено по железной дороге в Москву вместе с деталями предметного плана – 3 деревянными пушками, касками, ружьями, бочками и т.д. Лишь в марте 1912 г. в Москве было окончательно выбрано место для строительства здания панорамы во Внутреннем проезде Чистопрудного бульвара. Был реализован проект военного инженера П.А. Воронцова-Вельяминова, которому серьезно помог советами сам Рубо. К 1 августа 1912 г. здание было закончено, и 29 августа состоялось торжественное открытие панорамы в присутствии Николая II. Для публики же панораму открыли 31 августа, причем уже тогда существовали «льготные категории» посетителей.

Москвичи проявили к музею необычайный интерес: до декабря 1917 г. его посетило 143 тыс. человек. В музее продавались открытки и альбомы произведений Ф.А. Рубо; краткое описание Бородинского сражения. Можно было купить и специально составленное описание самой картины (авт. В.А. Афанасьев). Весной 1914 г. для осмотра картины посетителям стали предлагать в прокат бинокли. В апреле 1916 г. художник В.С. Селецкий дважды ходатайствовал о разрешении устраивать в здании панорамы демонстрации картин о шедшей тогда Первой мировой войне, но прошения его удовлетворены не были. В начале 1918 г. картина была перевезена в Нескучный сад, где хранилась в сарае, а оттуда – в Миусский собор. При демонтаже панорамы предметный план исчез бесследно, а живописное полотно было накатано на 16-метровый деревянный вал. «Рулон» картины в течение 30 лет хранился вопиюще небрежно, что привело к серьезнейшим повреждениям как самого холста, так и красочного слоя.

Лишь 29 сентября 1948 г. Совет министров СССР принял решение о восстановлении панорамы. Специальную группу реставраторов возглавили П.Д. Корин и Е.В. Кудрявцев. Панораму восстанавливали С.Я. Бабкин, И.В. Евстигнеев, М.Ф. Иванов-Чурунов, Н.Ф. Есаулов, М.Н. Малахов, К.А. Федоров, С.С. Чураков, Б.М. Шахов. Созданием предметного плана руководил Б.Н. Беляев. Работы проходили в два этапа (техническая и художественная реставрация) с перерывом и завершились только осенью 1962 г., когда отмечалось 150-летие Отечественной войны 1812 г. Днем рождения музея на Кутузовском проспекте стало 18 октября.

Здание для Музея построено на месте подмосковной деревни Фили. Рядом находилась Поклонная гора, откуда издавна путники, завидев башни Кремля и купола соборов, отдавали поклон древней русской столице. Современный Кутузовский проспект и продолжающее его Можайское шоссе – это дорога русской воинской славы. В 1812 г. здесь должно было развернуться предполагавшееся после Бородинской битвы сражение у стен Москвы, но 1 сентября на Военном совете в Филях М.И. Кутузов объявил свое решение об оставлении города неприятелю без боя.

Дом, где проходил Военный совет («Кутузовская изба»), дал начало историческому комплексу в память событий Отечественной войны 1812 г. и занимает в нем ведущее место².

Проектирование здания Музея-панорамы началось в феврале 1961 г. Работы велись в мастерской № 4 Моспроекта (руководитель В.Г. Гельфрейх). И вот уже 40 лет дом № 38 по Кутузов-

скому проспекту является архитектурным украшением столицы. Со стороны главного фасада размещены мозаичные панно (художник Б.А. Тальберг) на сюжеты из истории войны 1812 г. На опорной плите центрального объема здания высечены 50 имен ее героев. Прямо на улице посетителей встречают первые экспонаты: на стилобате размещены 68 трофейных стволов, захваченных у неприятеля в 1812 г.; в стены вестибюля вмонтированы чугунные детали оформления Триумфальной арки (архитектор О.И. Бове, скульптор И.Т. Витали, 1834 г.).

Сегодняшняя экспозиция позволяет достаточно полно раскрыть основные события Отечественной войны 1812 г. Представлены произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, предметы снаряжения и вооружения, документальные материалы, а также специально заказанные муляжи. Но главное – это, конечно, само полотно Рубо³.

Бородинская панорама поражает своей живописностью. Голубое небо, солнечные блики, краски золотой осени, разноцветье военных мундиров – все вместе создают настроение праздника. Ожидание победы, ощущение торжества объединяют многие произведения искусства, посвященные Бородинскому сражению. Но, наверное, лучше всего «ложится» на картину стихотворение М.Ю. Лермонтова. Первое, что возникает в памяти: «И вот нашли большое поле: / Есть разгуляться где на воле!» Действительно, удивительный «воздух», пространственная глубина создают у зрителя ощущение реальности происходящего. Тут «Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий / Слились в протяжный вой...» Гениально постигнув смысл «битвы гигантов», поэт будто предугадал то, как представит ее замечательный художник.

В ряду великих посвящений Дню Бородина – торжественная увертюра П.И. Чайковского «1812 год». Ее фрагменты гармонично звучат в панорамном зале, сопровождая осмотр картины, помогая «торжественно вспомнить о великих событиях Двенадцатого года».

Неизменно привлекает также внимание посетителей «Русский Сцевола» (В. Демут-Малиновский, 1813 г. Авторский слепок, гипс) – скульптура, ставшая символом мужества и самопожертвования народа России в дни тяжелых испытаний. Об общенациональном характере войны напоминают портреты героев-партизан, руководителей крестьянских отрядов. Живое реагируют посетители на орудия народной войны – «ошарашник», «окачурник», «охряпник», «пырляло с зубом».

В финальной части экспозиции музея можно видеть авторские модели памятников М.Б. Барклаю де Толли и М.И. Кутузову перед Казанским собором в Петербурге, юбилейные бокалы начала XX в. с портретами участников войны и т.д.

Целью деятельности Музея-панорамы является «собрание, хранение и изучение музейных предметов и музейных коллекций, относящихся к теме Отечественной войны 1812 г., творческого наследия автора панорамы Ф.А. Рубо, жизни и полководческой деятельности М.И. Кутузова...»⁴ Усилиями нескольких поколений наших сотрудников создано обширное музейное собрание (фонды графики, декоративно-прикладного искусства, живописи, нумизматики, письменных источников, редкой книги). Богатые коллекции формировались и продолжают пополняться традиционными для музеев способами (покупка, получение в дар, межмузейный обмен и т.д.). Среди тех, кто дарил нашему музею бесценные исторические и художественные реликвии, назовем Л.Е. Вишневого, С.В. Герасимова, Г.Д. Душина, И.М. Эзраха. Собирательской работе во многом содействовали такие коллекционеры, как Ф.Е. Вишневецкий, Г.Г. Гедройц, Е.Г. Дулова, Я.Г. Зак, Д.В. Зеркалова, И.А. Иванов, Н.Н. Крашенинников, Б.М. Малетин, Н.М. Хитрово, Ю.Б. Шмаров. Нельзя не сказать особо о М.И. Агине. Несколько десятилетий он собирал материалы, посвященные жизни и творчеству Ф.А. Рубо. Вдова коллекционера передала нам собранные им материалы. Музею подарена нумизматическая коллекция С.Г. Плотичера, состоящая из 900 орденов, медалей, других наградных знаков, монет, жетонов середины XVIII – начала XX в. Мы гордимся самым большим в России собранием работ Ф.А. Рубо, позволившим во многом расширить представления о художественном диапазоне этого живописца. По книжным раритетам из нашего собрания специалисты могут изучать эволюцию общественного восприятия Наполеона в начале XIX в. Русский поход Великой армии запечатлен в гравюрах по рисункам А. Адама и Х.-В. Фабер дю Фор, включенных в фондовое собрание музея.

Кроме того, музей в соответствии со своим Уставом занимается «публикацией музейных предметов и музейных коллекций, предполагающей все виды представления их обществу путем публичного показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей (создание экспозиций, временных выставок, участие в отечественных и международных выставках, издание каталогов, путеводителей, научных статей, буклетов и т.д.)». Мы устраивали выставки живописных работ Кукрыниксов, Н.Н. Жукова, М.И. Самсонова, художников из Студии им. Грекова, выставки фронтового рисунка. Выставки последнего времени были особенно разнообразны: к 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова; «Москва в начале XIX века» (к 850-летию Москвы), «Мы – дети Родины» (к 145-летию со дня рождения Ф.А. Рубо), «Живот-

ные на войне» (совместно с Государственным Дарвиновским музеем) и др. В 2002 г. к Международному Дню музеев (18 мая) была приурочена выставка детских рисунков. К 190-летию Бородинского сражения наш музей в Центральном выставочном зале (Манеж) организовал выставку «Великих жертв великий час...», на которой можно было увидеть более 400 экспонатов. В октябре 2002 г. была открыта выставка к 90-летию со дня основания Музея-панорамы.

В Ученый совет музея входят директор ГА РФ С.В. Мироненко, директор Института российской истории РАН член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров и многие другие специалисты. У нас ведется большая научно-исследовательская работа, в том числе на базе собственного музейного собрания. Ежегодные научные конференции «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи» привлекают все больше специалистов.

Музей-панорама «Бородинская битва» входит во Всемирную ассоциацию музеев-панорам, созданную при нашем активном участии. В нашем музее получали и получают консультации по истории и технике панорамного искусства создатели современных панорам в разных странах мира.

Но, конечно, главное для нас – это прием посетителей. До недавнего времени с панорамой можно было познакомиться только в составе экскурсионной группы. Теперь предусмотрен также самостоятельный осмотр музея. За 40 лет панораму увидели более 31 млн. человек. Мы начинаем работать с детьми дошкольного возраста по специально разработанной программе. При музее действует университет культуры для школьников, программа работы которого предусматривает лекции, практические занятия, посещение других музеев и памятных мест. Еще одной формой работы являются музыкально-поэтические вечера. 7 января, в день православного Рождества и годовщины опубликования Манифеста Александра I об изгнании неприятеля у стен музея стали проходить представления с участием членов военно-исторических клубов.

Давно началось наше активное сотрудничество с Советами ветеранов 5-й Краснознаменной армии и 32-й стрелковой дивизии (сражавшихся на Бородинском поле в 1941 г.). При музее действует общественный Совет потомков участников Отечественной войны 1812 г.

В музее-панораме долгие годы трудились И.И. Аверьянов, П.М. Володин, Б.Ф. Засухин, И.Я. Крайванова и многие другие. Генерал-майор в отставке Н.А. Колосов более 20 лет возглавлял наш коллектив. Более 35 лет служат музейному делу Г.П. Воронцова, И.А. Езерская, Л.И. Желаднова, Г.П. Ивашкина, И.Г. Полонская, Т.А. Привезенцева, Н.Ю. Шведова. С момента открытия музея в 1962 г. здесь работает его нынешний директор, заслуженный работник культуры РФ И.А. Николаева. 18 октября 2002 г. в музее прошло собрание, посвященное его юбилею – 90-летию со дня открытия панорамы в 1912 г. и 40-летию работы панорамы в здании на Кутузовском проспекте.

**Г.И. Герасимова, главный специалист
отдела научно-методической работы
Музея-панорамы «Бородинская битва»**

Примечания

¹ Первая – «Покорение Кавказа» (другое название «Штурм аула Ахульго») (1891) – полностью не сохранилась. Вторая – «Оборона Севастополя» (1905) – была серьезно повреждена в 1942 г. (См.: Федорова И.А. Франц Рубо. М., 1982).

² Подлинная изба крестьянина Михаила Фролова сгорела в 1868 г. (восстановленная после пожара изба освящена 3 августа 1887 г.). В комплекс входят также памятный обелиск, «каретный сарай» (помещение для походного экипажа М.И. Кутузова), музей-часовня М.И. Кутузова, бюст М.И. Кутузова (Н.В. Томский, 1958). Уже после открытия Музея-панорамы мемориальный комплекс дополнили памятник М.И. Кутузову и славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 г., а также Триумфальная арка.

³ Летом 1967 г. пожар уничтожил значительную часть картины. Тому, что панорама возвращена к жизни, мы обязаны мастерам Студии военных художников им. М.Б. Грекова.

⁴ Устав Государственного учреждения культуры города Москвы Музея-панорамы «Бородинская битва». Утвержден 20 ноября 2000 г. (Архив музея-панорамы. С. 2–3).

ЮБИЛЕЙ ЮЛИИ ВЛАДИМИРОВНЫ МОЧАЛОВОЙ

В мае 2003 года редколлегия и коллектив сотрудников журнала «Отечественная история» отметил юбилей ответственного секретаря редакции Юлии Владимировны Мочаловой. В 1958 году после окончания истфака МГУ она пришла в издательство «Соцэкгиз» (позже «Мысль»).

За двадцать лет работы Ю.В. Мочалова прошла путь от младшего до старшего научного редактора, подготовив к печати 80 исторических трудов. Среди авторов, с которыми работала Юлия Владимировна, были Н.М. Дружинин, Н.Н. Болховитинов, П.В. Волобуев, Н.Я. Эйдельман, Г.З. Иоффе, В.З. Дробижев, Н.А. Троицкий и др.

С 1981 года Ю.В. Мочалова работает ответственным секретарем редакции журнала «История СССР» – «Отечественная история». На ее плечах лежит множество обязанностей: знакомство с поступающими материалами, составление и контроль за выполнением планов работы редакции, постоянная связь с издательством «Наука», выпускающим наш журнал, работа с корректурой каждого номера, контакт с авторами и т.д. Можно без всякого преувеличения сказать, что Юлия Владимировна – душа всего редакционного коллектива, наш «главный диспетчер» и надежный, заботливый товарищ.

Ее отличают высокий профессионализм, организованность, доброжелательное и тактичное отношение к людям. Она является живым олицетворением лучших традиций журнала, а накопленный Юлией Владимировной за двадцать с лишним лет редакционно-издательской работы опыт поистине бесценен.

Редакция журнала от души поздравляет Юлию Владимировну с юбилеем и желает ей здоровья, успехов в работе и человеческого счастья.

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НОЯБРЕ–ДЕКАБРЕ 2002 г. (специальность 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования).

1. *Ярецкий Юрий Львович*. «Российское общество и развитие цивилизации: социальные составляющие исторического процесса». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете Министерства труда и социального развития РФ. Соискатель работает в филиале Московского государственного социального университета в г. Воронеже.

2. *Троев Петр Семенович*. «Ссылные народники в Якутии: влияние на культурную жизнь края (60–90-е годы XIX века)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Якутском государственном университете им. М.К. Аммосова, где работает соискатель. Защищена в Институте гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия).

3. *Шубин Сергей Иванович*. «Региональная политика советского государства в 1920–1930-е годы и реализация ее в Северном крае». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Поморском государственном университете им. М.В. Ломоносова, где работает соискатель.

4. *Чуканов Иван Альбертович*. «Финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917 – 1929 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. Соискатель работает в Ульяновском филиале Санкт-Петербургской военной академии тыла и транспорта Министерства обороны РФ.

5. *Реент Юрий Арсенович*. «Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Академии права и управления Министерства юстиции РФ, где работает соискатель. Защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

6. *Степанов Александр Игоревич*. «Россия в Первой мировой войне: проблемы статуса и власти». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском городском педагогическом университете. Соискатель работает в Российском заочном институте текстильной и легкой промышленности.

7. *Судацов Николай Дмитриевич*. «Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Ставропольском государственном университете, где работает соискатель. Защищена в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

8. *Самородов Дмитрий Петрович*. «Капиталистическое развитие торговли в дореволюционной Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX вв.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Стерлитамакском государственном педагогическом институте, где работает соискатель. Защищена в Оренбургском государственном университете.

9. *Плаксин Виктор Николаевич*. «История становления и развития сельскохозяйственного образования и научной агрономии в Черноземном Центре России (XVIII – начало XX в.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Воронежском государственном аграрном университете им. К.Д. Глинки Министерства сельского хозяйства РФ, где работает соискатель. Защищена в Воронежском государственном университете.

10. *Хачатурян Михаил Владимирович*. «Деятельность государственных органов по правовому воспитанию военнослужащих России (1918–2000 гг.): историографическое исследование». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Московской академии МВД России, где работает соискатель. Защищена в Военном университете Министерства обороны РФ.

11. *Иллерицкая Наталия Владимировна*. «Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета. Защищена в Российском государственном гуманитарном университете, где работает соискательница.

12. *Корзун Валентина Павловна*. «Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Омском государственном университете, где работает соискательница. Защищена в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН.

13. *Иванов Юрий Анатольевич*. «Религиозно-политическая жизнь российской провинции 1860–1910-х гг.: уездный уровень». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Шуйском государственном педагогическом университете, где работает соискатель. Защищена в Ивановском государственном университете.

14. *Давлетишин Гамирзан Миргазиевич*. «Духовная культура предков татарского народа (истоки, становление и развитие)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. Соискатель работает в Татарском государственном гуманитарном институте.

15. *Хабутдинов Айдар Юрьевич*. «Татарское общественное движение в российском сообществе (конец XVIII – начало XX веков)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. Соискатель работает в Казанском юридическом институте МВД России.

16. *Лувсанцэрэнгийн Дугаржав*. «Становление советско-монгольских отношений и их развитие накануне Второй мировой войны (1921–1939 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. Соискатель – гражданин Монголии работает в Улан-Баторском филиале Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова.

17. *Кадыров Басир Гангельбариевич*. «Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика». Специальность 23.00.01 – теория политики, история и методология политической науки (по историческим наукам).

Диссертация выполнена и защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. Соискатель работает в Казанском филиале Военного артиллерийского университета.

18. *Шабельникова Наталья Алексеевна*. «Милиция Дальнего Востока России (1922–1930 гг.): исторический опыт организации и деятельности». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Дальневосточном государственном университете. Соискатель работает во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России.

19. *Андреев Чингис Георгиевич*. «Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е годы XIX в. – октябрь 1917 г.): историческое исследование». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. проф. В.Р. Филиппова Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ, где работает соискатель. Защищена в Иркутском государственном университете.

20. *Коришнуова Ольга Николаевна*. «Социокультурное взаимодействие этнических общностей Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX веках как проблема историко-политического изучения». Специальность 23.00.01 – теория политики, история и методология политической науки (по историческим наукам).

Диссертация выполнена в Казанском государственном технологическом университете, где работает соискательница. Защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина.

21. *Ковалев Борис Николаевич*. «Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Республиканском гуманитарном институте Санкт-Петербургского государственного университета, защищена в Санкт-Петербургском государственном университете. Соискатель работает в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого.

22. *Сенюткин Сергей Борисович*. «Основные тенденции развития татарских общин Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX века». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, где работает соискатель.

23. *Артамонова Людмила Михайловна*. «Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Самарском государственном университете. Соискательница работает в Самарской государственной академии культуры и искусств.

24. *Боронова Маргарита Максимовна*. «Социально-экономическое развитие Республики Бурятия в 1960–1990 гг.: исторический опыт и проблемы». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Бурятском государственном университете, где работает соискательница. Защищена в Иркутском государственном университете.

25. *Леонтьева Татьяна Геннадьевна*. «Православное сельское духовенство в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX века)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Тверском государственном университете, где работает соискательница. Защищена в Московском педагогическом университете.

26. *Лизунов Павел Владимирович*. «Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Поморском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

27. *Мазуров Алексей Борисович*. «Эволюция великокняжеской вотчины в процессе создания единого Русского государства (Коломна в XIV – первой трети XVI вв.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Коломенском государственном педагогическом институте, где работает соискатель. Защищена в Московском педагогическом университете.

28. *Мосин Алексей Геннадьевич*. «Исторические корни уральских фамилий: опыт историко-антропологического исследования». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. Соискатель работает в Уральском институте бизнеса.

29. *Агафонов Анатолий Иванович*. «История Донского края XVI – первой половины XIX в. (Теоретические и историко-источниковедческие аспекты)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ростовском государственном университете, где работает соискатель.

30. *Хитрина Нина Евгеньевна*. «Аграрная политика Временного правительства России в 1917 году». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН. Соискательница работает в Государственном общественно-политическом архиве Комитета по делам архивов Нижегородской обл.

**Составлено по протоколам Президиума
ВАК Министерства образования РФ**

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(по материалам «Книжного обозрения» за ноябрь–декабрь 2002 г.)

- Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 544 с. (Анатомия Холокоста).
- Ари О.А. Мир без России: Прогнозы, перспективы, предсказания. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. 480 с. (История XXI в.).
- ✓ Архив новейшей истории России: Т. 8: Журналы заседаний Временного правительства: Март–окт. 1917 года: В 4 т. Т. 2: Май–Июнь 1917 года / Сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская; Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М.: РОССПЭН, 2002. 512 с. (Публикации).
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: III тысячелетие, 2002. 303 с.
- Башарин Г.П. В составе свободной России: Науч.-публ. сб. М.: Арт-Флекс, 2002. 400 с. (Духовное наследие. Наука и культура Якутии).
- Безелянский Ю., Безелянская А. Московский календарь: Девять веков жизни столицы. М.: Радуга, 2002: 656 с.
- Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Айрис Пресс, 2002. 368 с. (Б-ка истории и культуры).
- Воробьев А.В., Воробьев В.П. Ступинские ступени: Годы, события, люди. М.: ЭСТ-М, 2002. 576 с.
- Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Подг. Е.Б. Французовой. М.: Древлехранилище, 2002. С. XLI, 470.
- Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст., коммент. Н.В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 608 с. (Тр. Ист. фак. МГУ: Вып. 23; Сер. I. Ист. источники: 4).
- Государство Российское и его история: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. В.В. Рыбникова. Саратов: Изд. центр Сарат. гос. соц.-экон. ун-та, Летопись, 2002. 432 с.
- ✓ Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Ю.И. Кораблева / Сост. Е.Ю. Кораблева и др. М.: Раритет, 2002. 696 с.
- ✓ Грекова Т. Тибетский лекарь кремлевских вождей. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 384 с. (Досье).
- Гумилев Л. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис Пресс, 2002. 576 с. (Б-ка истории и культуры).
- Гурий И. Чернушка. Пермь: Кн. изд-во, 2002. 158 с. (Перм. край).
- Долуцкий И.И., Журавлева В.И. Всемирная история XX века: Ч. 1: Конец XIX в. – 1945 г.: Кн. для чтения. М.: РГГУ, 2002. 526 с.
- ✓ Дэвис Д.Э., Трэнн Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-амер. отношениях / Пер. с англ. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 479 с. (Архив).
- Егер О. Всемирная история: В 4 т. Т. 4: Новейшая история. Изд. 3, испр., доп. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2002. 624 с. (Б-ка мировой истории).
- ✓ Ермолаев И.П. Рюриковичи. Прошлое в лицах. IX–XVI вв.: Биограф. словарь. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 192 с.
- Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв полит. репрессий Омск. обл.: Т. 5: Л – М/Гл. ред. А.И. Казанник. Омск: Кн. изд-во, 2002. 432 с.
- ✓ Зайончковский А.М. Восточная война. 1853–1856: В 2 т.: Т. 2: В 2 ч. СПб.: Полигон, 2002. (Великие противостояния). Ч. 1: 574 с. Ч. 2: 716 с.
- Звезда коломненских столетий: К 825-летию со дня основания Коломны: Альманах. М.: Соврем. тетради, 2002. 352 с. (Б-ка «Созвездие Моск. Меридиана»).
- Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVIII веков: Хрестоматия. Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 512 с. (Студ. б-ка).
- Исторические очерки о финансистах России и Саратовской губернии: 200-летию юбилею образования М-ва финансов России / Отв. за вып. В.И. Куркин. Саратов: Летопись, 2002. 207 с.
- ✓ Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции / Под общ. ред. В.Ф. Старкова; Ред.-сост. П.Ю. Черносивтов. М.: Науч. мир, 2002. 216 с.
- История комсомола Бурятии. Документы, факты, имена. 1920–1991: Кн. 1: 1920–1945 гг. / Сост. С.Г. Аюшеева и др.; Гл. ред. В.М. Пыкин. Улан-Удэ: Респ. тип., 2002. 272 с.
- История Отечества: Учеб. для вузов / Под ред. Г.Б. Поляка. Изд. 2, перераб., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 655 с.
- Карельское землячество в Москве. М.: Ин-т предпринимательства и инвестиций, 2002. 352 с.
- Ключевский В.О. Русская история: Полный Курс лекций: В 2 кн. Кн. 2: Лекции XLIV–LXXXVI. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 798 с.
- ✓ Коленкур А., де Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Пер. с фр. М., Жуковский: Кучково поле, ГАЛА ПРЕСС, 2002. 592 с. (Воен. мемуары).
- Колымчане: О себе, товарищах, друзьях... / Авт.-сост. Л.Л. Кокоулин. М.: Либерия, Пороги, 2002. 472 с.
- Котов С. Детские дома блокадного Ленинграда. СПб.: Политехника, 2002. 207 с. Посвящ. 300-летию Санкт-Петербурга.
- Кузнецов А. Энциклопедия русских наград. Изд. 3, испр., доп. М.: Голос-Пресс, 2002. 533 с.
- Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы: Ист.-этногр. исследование. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. 159 с.

- ✓ Курлов П.Г. Гибель императорской России: Воспоминания. М.: Издатель Захаров, 2002. 301 с.
- Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. (Архив). Кн. 1. 448 с. Кн. 2: Документы, приложения. 480 с.
- Лукомские В.К. и Г.К. Кострома: Ист. очерк и описание памятников худож. старины: Репринт. изд. / Послед., примеч. Л.И. Сизинцевой. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. 512 с. (Б-ка моих детей: Рус. города).
- Люди нашего города: Рассказы о почетных гражданах города Ступино... / Рук. авт. кол., сост., ред. В.П. Воробьев. М.: ЭСТ-М, 2002. 272 с.
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924: Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; Отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 2002. 622 с. (Полит. партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Докум. наследие).
- Мировые войны XX века: В 4 кн. М.: Наука, 2002. Кн. 2. Первая мировая война: Документы и материалы / Науч. рук. Б.М. Туполев; Сост. А.П. Жилин. 581 с. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк / Науч. рук. Л.В. Поздеева; Отв. ред. Е.Н. Кульков. 597 с.
- ✓ Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы / Н.В. Бессонов и др. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 872 с.
- ✓ Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Ист. очерки / Отв. ред. Н.В. Синицына. М.: Наука, 2002. 346 с.
- Морозова Л.Е. Затворницы. Миф о великих княгинях. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 352 с. (Ист. расследование).
- Мы – русские! С нами Бог!: Жизнь и подвиги великого рус. полководца А.В. Суворова и сост. им. Покаянный канон. М.: Изд. Совет Рус. правосл. церкви, 2002. 256 с.
- Ничиперович А. Соликамск. Пермь: Кн. изд-во, 2002. 157 с. (Перм. край).
- Оболеньский А.В. Человек и власть: Перекрестки российской истории. М.: Академкнига, 2002. 416 с.
- ✓ Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху... М.: Наука, 2002. 222 с.
- Отечественная история / Отв. ред. Ш.М. Мунчаев. М.: Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 2002. 455 с.
- Отечественная история: 1917–2001: Учеб. для вузов / Отв. ред. И.М. Узнардов. М.: Гардарики, 2002. 557 с. (Discipline).
- Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2002. 440 с. (Московская монография).
- ✓ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты... 27 февр. – 25 окт. 1917 г. В 5 т. Т. 3: 6 мая – 2 июля 1917 года. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
- Профсоюзы Норильска: Страницы истории: 1932–2001 / Авт.-сост. М.Я. Важнов. М.: ПолиМЕдиа, 2002. 672 с.
- Путин А. Род Путиных. Сыктывкар: Информ. агентство «Север», 2002. 224 с.
- Романова А.Н. Я, Анастасия Романова... М.: Воскресенье, Евразия+, 2002. 232 с.
- Россия и Европа: Дипломатия и культура: Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Намазова. М.: Наука, 2002. 238 с.
- Румянцев М.Ф. Теория истории: Для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с.
- Рыбас Е. Российские вожди в борьбе, любви и смерти. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 351 с.
- Седов В.В. Славяне: Ист.-археолог. исслед. М.: Языки славян. культуры, 2002. 624 с. (Studia historica).
- Серяков М.Л. Любовь и власть в русской истории. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс. Образование, 2002. 320 с. (Досье).
- Смирнов А.А. Казачьи атаманы. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 544 с. (Архив).
- ✓ Собственность на землю в России: история и современность / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН, 2002. 592 с.
- Соколов В.Р. Тайна Москвы: Размышления по истории. Изд. 2, доп. М.: Компания Спутник+, 2002. 220 с.
- Толстой И.И. Мемуары / Подгот. текста Л.И. Толстой. М.: Индрик, 2002. 464 с.
- Уткин А.И. Мировая война. М.: Алгоритм, 2002. 864 с.
- Федоров Б.Г. Петр Столыпин «Я верю в Россию»: Биография П.А. Столыпина. Т. 2. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 272 с.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. 1900–1919: Кн. 1. М.: Academia, 2002. 328 с.
- Ферапонтовский сборник. VI / Сост. М.Н. Шаромазов; Под общ. ред. Г.И. Вздорнова. М.: Индрик, 2002. 400 с.
- Филькин А.Г. (Загумённый). Страницы истории кубанского казачества: станица Гиагинская: К 140-летию основания. 1862–2002. М.: ИИКЦ «Эльф-3», 2002. 136 с.
- ✓ Флоря Б. Иван Грозный. Изд. 2. М.: Молодая гвардия, 2002. 403 с. (ЖЗЛ. Сер. биогр.).
- Формозов А.А. Древнейшие этапы истории Европейской России. М.: Наука, 2002. 154 с. (Науч.-попул. литература).
- ✓ Фроянов И. Октябрь семнадцатого: Взгляд из настоящего. М.: Эксмо, 2002. 256 с. (Новейшая история).
- Фроянов И. Погружение в бездну. М.: ЭКСМО-Пресс, Алгоритм, 2002. 608 с. (История России. Современ. взгляд).
- Хохлов В. Земляки: Слово о людях земли Костромской. М.: Рус. слово – РС, 2002. 400 с.
- Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам. Конец 1850 – сер. 1870-х гг. М.: Рус. слово, 2002. 432 с.
- Центр документации новейшей истории Тамбовской области: Путеводитель / Гл. ред. А.Л. Аврех; Отв. сост. Т.М. Нашекина. М.: Звенья, 2002. 439 с. (Архивы России: Путеводители).

- ✓ **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга: Путеводитель.** В 2 т. / Сост. Н.И. Деринг и др. М.: Звенья, 2002. (Архивы России: Путеводители). Т. 1. 855 с. Т. 2. 871 с.
- ✓ **Чумаченко Э.Г.** История России: 12 веков. IX–XX: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2002. 511 с.
- ✓ **Шамбаров В.** Государство и революция. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 608 с. (История России. Современ. взгляд).
- ✓ **Шенкман Г.** Императрица Екатерина II и ее охотничий домик. СПб.: Алетея, 2002. 256 с. (Петербург. сер.).
- ✓ **Шишкин В.А.** Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму»: Очерк истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 360 с.
- ✓ **Энциклопедия российской монархии.** М.: Эксмо-Пресс, 2002. 512 с.
- ✓ **Якутия – Россия: 370 лет вместе /** Авт.-сост. В.И. Пестеров, Е.С. Шишигин. Якутск: Бичик, 2002. 152 с.
- ✓ **Ярмиш С.** Временщики: Размышления россиянина. М.: Новая Элита, 2002. 366 с.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- The Anti-Soviet resistance in the Baltic states.** Vilnius: Du Ka, 1999. 271 с.
- Autio S.** Suunnitelmattomat Neuvosto-Karjalassa, 1928–1941: Paikallistasson rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki: Suomal. Kirjallisuuden seura, 2002. 398 с.
- Bartoszewicz H.** Polityka: Związku Sowieckiego wobec państw Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1944–1948. Warszawa: Książka i wiedza, 1999. 407 с. (6).
- Brandes D., Dönninghaus V.** Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 2: Von 1917 bis 1998. München: Oldenbourg, 1999. XXIV, 988 s.
- Dönninghaus V.** Die Deutschen in der Moskauer Gesellschaft: Symbiose und Konflikte (1494–1941). München: Oldenbourg, 2002. 576 с.
- Dönninghaus V.** Revolution, Reform und Krieg: Die Dt. an der Wolga im ausgehenden Zarenreich. Essen: Klartext-Verl., 2002. 315 s.
- Fein E.** Geschichtspolitik in Russland: Chancen und Schwierigkeiten einer demokratisierenden Aufarbeitung der sowjetischen Vergangenheit am Beispiel der Tätigkeit der Gesellschaft Memorial. Münster: LIT, 2000. 271, (7).
- Grimsted P.** Trophies of War and Empire: The archival Heritage of Ukraine, World War II and the intern. Politics of Restitution. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2001. XLVII. 749 p.
- Hexelschneider E.** Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland, 1790–1849. Köln etc.: Bohlau, 2000. 617 s.
- Paxton J.** Imperial Russia: A reference Handbook. N.Y.: Palgrave, 2001. XIV, 257 p.
- Rusko v ceske historiografii: Sbornik Prazske skupiny historiku ruských dějin v příležitosti jubilei Z. Sladka (75 let), V. Moulise (70 let) a V. Vebera (70 let) /** Nar. knihovna Ceske republiky. Praha: Slovan. knih. pri Nar. knih. Ceske rep., 2002. 526 с.
- Thaden E.C.** The Rise of Historicism in Russia. N.Y.: Lang, 1999. IX, 374 p.
- Wade R.A.** The Russian Revolution, 1917. Cambridge etc.: Cambridge UP, 2000. XVII, 337 p.

**Составлено по материалам
Государственной публичной
исторической библиотеки России**

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА

5 декабря 2001 г. на 72-м году жизни скончался доктор исторических наук, профессор Вячеслав Владимирович Лебедев.

В.В. Лебедев окончил в 1951 г. (экстерном) МГУ и в 1952 г. – МГИМО. С 1956 по 1973 г. он работал в Институте истории АН СССР (с 1968 г. – Институте истории СССР АН СССР), затем на протяжении более четверти века преподавал в Московском государственном педагогическом институте (университете), в Международном колледже иностранных языков, менеджмента и интербизнеса, а также в МГИМО МИД РФ. Несколько лет В.В. Лебедев работал в Южном Йемене и Афганистане.

Потомственный историк, Вячеслав Владимирович занимался теорией и историей международных отношений, экономической историей, историей отечественной внешней политики. За полвека своей научной деятельности В.В. Лебедев издал множество научных работ, среди которых выделяются монографии «Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.)», «Советско-американские экономические отношения», «Международное положение России накануне Октябрьской революции». Интересны также его работы «О привлечении американского капитала в горную промышленность России», «Финансово-экономические отношения России со странами Антанты», «Россия и Запад на рубеже 1917/18 годов», «Российско-американские экономические отношения: прошлое, настоящее, продиагностика». Изучению участия России в Первой мировой войне посвящены его исследования «Воздействие провала июньского наступления на международное положение России» и «Проблема выхода из войны и кризис самодержавия». В них автор убедительно доказал, что царизм был неспособен решить стоящие перед ним задачи, в том числе и обеспечить выход страны из войны, а Февральская революция, положив конец «официальной» и «тайной» дипломатии последнего самодержца, способствовала приближению фактического перемирия на фронте.

До последнего дня своей жизни Вячеслав Владимирович трудился на поприще исторической науки: руководил аспирантами, вел научно-практический семинар об участии малого предпринимательства в деловом сотрудничестве с США в Российско-американской академии, работал над новой монографией по истории Первой мировой войны и очерками о российско-американских экономических отношениях. Большую плодотворную общественную работу вел В.В. Лебедев в исторической секции московского Дома ученых, а также в обществе «Знание».

Следует отметить чрезвычайную скромность Вячеслава Владимировича. Чувство меры, полное неприятие любой конъюнктуры – главные черты его исследовательского почерка. Всех, кто знал Вячеслава Владимировича, поражало его трудолюбие. Не жалея себя, он отдавал главному делу своей жизни – науке – не только рабочее, но и почти все свободное время.

О кончине Вячеслава Владимировича Лебедева скорбят все коллеги, товарищи и ученики этого крупного ученого, яркой, талантливой и цельной личности.

СОДЕРЖАНИЕ

К 300-летию Санкт-Петербурга

Агеева О.Г. – Петровский Петербург глазами иностранцев.....	3
Легкий Д.М. (Республика Казахстан) – Либерально-демократическая общественность Петербурга в 1860–1870-е годы (по материалам семейного архива Стасовых).....	14
Нардова В.А. (Санкт-Петербург) – Городские головы Санкт-Петербурга. 1873–1903 годы	20
Данилов П.П. – Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.)	40

Вспоминая Великую Отечественную...

Интервью с В.С. Емельяновым и И.Т. Пересыпкинским.....	49
--	----

Статьи и сообщения

Кучкин В.А. – Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках	71
Горский А.А. – О происхождении «холопства» московской знати	80
Лисовой Н.Н. – Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие. <i>Окончание</i>	84
Туманова А.С. (Тамбов) – Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муратов	103
Мухин М.Ю. – Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны	113
Попов А.Ю. – Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны	123

Историческая публицистика

Сымонович Ч.Э. (Санкт-Петербург) – Ровесники Великой Отечественной (опыт характеристики возрастной группы).....	128
---	-----

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Миронов Б.Н. (Санкт-Петербург) – Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика»	135
Тихонов Ю.А. – Договор (контракт) 1740 года М.Г. Головкина с выборными крестьянами об управлении ими имением в селе Кимры с деревнями.....	146
Печенкин А.А. (г. Киров) – Прежде всего – точность. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина	152
Антонов В.С. – Три эпизода из мемуаров знаменитого полководца (к характеристике воспоминаний Г.К. Жукова как исторического источника).....	157

Критика и библиография

Книги о Второй мировой войне

Гаврилов Б.И. – Москва прифронтовая. 1941–1942 гг. Архивные документы и материалы.....	164
Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. (Вологда) – С.С. Букин. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг.	166
Исупов П.П. – В.Б. Конасов, А.Л. Кузьминых. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат	167
Муравьев В.А. – Россия XVII века и мир: юбилейный сборник.....	168
Андреев Д.А., Ильяшенко Ф.А. – Н. Киценко. Милостивый святой: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ	170
Ипполитов Г.М. (Самара) – Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг.	172
Степанов А.И., Уткин А.И. – Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование	175

Научная жизнь

Семяевский А.С. – Конференция по истории новой экономической политики	178
Пушкарёва И.М. – Львовские дни в Алексине. Научно-практическая конференция.....	184
Агеева О.Г., Шамин С.М. – Россия и внешний мир: из истории взаимовосприятия. Заседание «круглого стола».....	187
Бочарова З.С., Змеев В.А. – «Круглый стол» читателей журнала «Отечественная история» в Москов- ском государственном университете им. М.В. Ломоносова	191
Крупнейшие исторические музеи столицы: прошлое, настоящее, будущее. Публикация подготовлена Ю.В. Мочаловой.....	194
Юбилей Ю.В. Мочаловой.....	214
Докторские диссертации по отечественной истории	215
Новые книги по отечественной истории	218
Новые поступления зарубежной литературы по отечественной истории	220
Памяти В.В. Лебедева	221

CONTENTS

Toward the 300th Anniversary of St. Petersburg

Ageyeva O. G. – Peter the Great's Petersburg As Seen by Foreigners	3
Legky D. M. (The Republic of Kazakhstan) – The Liberal-Democratic Public of Petersburg in 1860–70s (According to the Stasovs' Family Archives).....	14
Nardova V. A. (St. Petersburg) – The St. Petersburg Town Governors, 1873 to 1903.....	20
Danilov P. P. – The Leningrad Industries During the Blockade Years (September 1941 to December 1943) .	40

Remembering the Great Patriotic War

Interviews with V.S. Yemelyanov and I.T. Peresyphkin	49
--	----

Articles and Communications

Kuchkin V. A. – The Shaping and Development of the State Territory of Eastern Slavs in the IXth to the XIIIth Centuries	71
Gorsky A. A. – Concerning the Origins of the «Villeinage» of the Moskva Nobility	80
Lissovoy N. N. – The Russian Presence in the Holy Land: Institutions, People, Heritage. (<i>The Ending</i>)	84
Tumanova A. S. (Tambov) – A Conservative In Power: Governor N.P. Muratov.....	103
Mukhin M. Yu. – The Soviet Aircraft Industry on the Eve of the Great Patriotic War	113
Popov A. Yu. – The Partisans and Counterintelligence During the Great Patriotic War	123

Historic Socio-Political Journalism

Symonovich Ch. E. (St. Petersburg) – Those Who Were Born in the Years of the Great Patriotic War (Attempt at Characterising the Age Group).....	128
--	-----

Historiography, Historic Sources, Methods of Historic Research

Mironov B. N. (St. Petersburg) – Is There a Postmodernism De-Facto in Russia? Concerning the Anthology «The Russian Philology in America»	135
Tikhonov Yu. A. – A Contract of 1740 between M.G. Golovkin and Peasant Representatives on Their Manage- ment of the Village of Kimry and Other Neighbouring Villages.....	146
Pechenkin A. A. (Town of Kirov) – Accuracy Above All. Visitors to the I.V. Stalin Kremlin Office.....	152
Antonov V. S. – Three Episodes from the Memoirs of the Famous War Leader (Concerning G.K. Zhukov's Recollections As a Historic Source).....	157